

С.С. ЛАЗАРЯН

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-
ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ М.С. ВОРОНЦОВА
В КАВКАЗСКОМ КРАЕ. 1845-1854 гг.**

**ПЯТИГОРСК
2012**

УДК
ББК

Л 17

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВПО ПГЛУ

Научный редактор:

профессор кафедры Истории государства и права России и
зарубежных стран ФГБОУ ВПО ПГЛУ
доктор исторических наук Ю.Ю. Клычников

Рецензент:

Кандидат исторических наук, старший преподаватель
А.А. Остахов

В монографии рассматриваются различные стороны многогранной деятельности Кавказского наместника князя М.С. Воронцова по преобразованию Кавказского края в составную часть Российского государства. Автор особое внимание уделяет военно-политическим и административно-правовым вопросам, которые находились в поле зрения российской администрации на протяжении периода с 1845 по 1854 гг. Заслуга М.С. Воронцова состоит в том, что ему удалось заложить крепкие основания для дальнейших преобразований, инициировавшихся Россией на Кавказе.

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КАВКАЗЕ В 40-50-Е ГОДЫ XIX ВЕКА.....	6
1.1. Положение в Кавказском крае к середине 40-х гг. XIX века.....	6
1.2. Даргинская экспедиция лета 1845 г. и её последствия.....	34
1.3. Наместник и развитие военных действий во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XIX века	69
1.4. Дипломатия и разведка в арсенале средств Кавказского наместника.....	149
ГЛАВА 2. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 40-50-Е ГОДЫ XIX ВЕКА.....	191
2.1. Развитие российской административно-правовой системы в условиях кавказских реалий первой половины XIX века.....	191
2.2. Формирование и принципы деятельности административного аппарата Кавказского наместничества...	248
2.3. Борьба со злоупотреблениями в гражданском и военном управлении как средство оздоровления административной системы.....	289
2.4. Князь М.С. Воронцов и проблема кавказского разбойничества.....	317
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	344
БИБЛИОГРАФИЯ.....	349

ВВЕДЕНИЕ

Изучение политики Российской империи в Кавказском крае требует глубокого осмысления с исторической точки зрения, т.е. исходя из присущих историческому моменту обстоятельств, избегая пристрастий и искажений современного видения.

Данный подход не позволяет сводить всю сложность исторической реальности к заранее прописанным аспектам политических парадигм и не обедняет исторической палитры редукцией сложности и яркости красок исторического бытия. Кроме того, данный подход способствует объективной оценке как позитивных, так и негативных моментов освоения Российским государством кавказского социально-культурного мира и географического пространства.

Существует яркое и образное сравнение истории, в котором она выступает не просто процессом, протекающим во времени, но мостом, который связывает прошлое с настоящим. В связи с этим, хотелось бы, чтобы наши современники помнили и приняли достаточно простую, но не теряющую от этого своего значения мысль, что прошлое всегда с нами и в нас, повсюду и часто проявляется в многоголосии современной социально-политической или социально-культурной жизни.

Предметом данного исследования является комплекс проблем, связанных с особенностями развития политической истории Кавказского края. Автор на примере краткого исторического фрагмента, уместившегося в рамки одного десятилетия (1844-1854 гг.), стремился представить картину неоднозначных и сложных явлений, в центре которых осуществлялась деятельность Кавказского наместника М.С. Воронцова, призванного переформатировать кавказский социокультурный мир таким образом, чтобы он хотел быть с Россией и увидел себя частью России.

Важным моментом является то обстоятельство, что М.С. Воронцов принадлежал к наиболее образованной группе российского истеблишмента, обладавшей широким политическим кругозором, неиссякаемой энергией и большим административным опытом в деле инкорпорации порубежной

периферии и насыщении её имперскими смыслами и ценностями.

Кавказское поприще князя М.С. Воронцова, ставшее вершиной его политико-административной практики, представляет в целом положительный пример долговременного служения делу и долгу. Автор старался показать разнородные перипетии деятельности князя-наместника во всем её разнообразии, избегая мемориальной бронзы и панегириков.

ГЛАВА 1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КАВКАЗЕ В 40-50-Е ГГ. XIX ВЕКА

1.1. Положение в Кавказском крае к середине 40-х гг. XIX века

К середине 40-х гг. XIX века в северной части Кавказа Россия вдруг утратила свое стратегическое преимущество, которого с большим напряжением сил удалось достичь за многие предшествующие годы. Влияние и авторитет имама Шамиля достигли в горах своего апогея не только на территориях непосредственно ему подчиненных, но и за их пределами. Сороковые годы даровали Шамилю крупные успехи, в результате которых он получил большое подкрепление и новые силы, объединив под своей властью вольные общества Дагестана и Чечни.

Полковник генерального штаба Д.И. Романовский, отмечая усиление солидарности среди горцев, в которой он видел одну из причин неудач российской стороны, писал, что «...опасность, грозившая независимости для всех обществ, сделалась очевидной, племенные раздоры должны были смолкнуть перед новым, общим чувством вражды к тем, кто покушался на вековую свободу кавказских племен. <...> А относительно к нам географическое положение кавказских горцев, которых в первое же время войны мы окружили со всех сторон, ускоряло распространение между ними убеждения в необходимости соединиться для совокупного отпора»¹.

Отдавая дань справедливости, бывший до 1843 г. командующим Отдельного Кавказского корпуса генерал Е.В. Головин писал в Петербург: «Можно сказать утвердительно, что мы ещё не имели на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер духовно-военной, той самой, которою в

¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Публ. Лекции, прочит. В зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. – М.: Изд-во ГПИБ, 2004. С.174.

начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части вселенной»².

«Искрой, брошенной в порох»³ сделалось учение мюридизма, которое, благодаря энергии и способностям людей, возглавлявших его, «в короткое время успело соединить разнородные кавказские племена в один народ»⁴.

Верно оценив главные свойства горцев, «их врожденную страсть к войне и высокоразвитое в них чувство справедливости»⁵, Шамиль на этих принципах и свойствах основал и всю систему своего управления в горах.

К этому примешивается растущая популярность «горного льва», как верного и бескомпромиссного воина ислама, в соседнем с южными российскими пределами исламском мире.

Несмотря на большие и быстрые успехи Шамиля, со стороны главного тифлиского начальства не только «не было принято никаких энергических мер, а напротив, исходящие оттуда распоряжения были крайне нерешительны»⁶. Следствием стала необходимость бросить Аварию, а общая ситуация была такова, что «едва не потеряли всего Прикаспийского края»⁷.

Представители российской военно-бюрократической элиты были обескуражены неожиданным поворотом событий и считали неудачи начала 40-х гг. XIX века на Северном Кавказе большей частью стечением неблагоприятных обстоятельств, чем просчетами или недосмотром со стороны российских властей.

Они также видели в упорстве горцев «глупость неразумных туземцев». В частности военный министр А.И. Чернышев в докладе на имя императора в 1844 г. писал: «Не

² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1884. Т.IX. С.346.

³ Романовский Д.И. Указ. соч. С.174.

⁴ Там же. С.180.

⁵ Там же. С.191.

⁶ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С.35.

⁷ Там же.

имея понятия ни о пространстве, ни о могуществе России, эти дикари полагают, что войсками Кавказского корпуса ограничиваются все военные способы наши. Ободряясь временными успехами, они охотно внимают некоторым властолюбцам, которые поощряют их к упорному сопротивлению уверением, что по недостатку средств мы вскоре откажемся от всяких притязаний на утверждение владычества нашего в горах»⁸. Военный министр считал, что отрезвляющим фактором для жителей гор станет появление в Чечне и Дагестане новых контингентов российских войск. Это окажет «глубокое влияние на умы горцев, которые поймут невозможность противиться России»⁹.

Император Николай Павлович стал проявлять нетерпение. Он не понимал и не принимал объяснений кавказских и петербургских начальствующих лиц, искавших оправданий неблагоприятного для русских поворота событий в кавказских делах.

Ко всему он опасался осложнений, связанных с происками англичан, которые после известных событий со шхунной «Виксен»¹⁰ искали повода для вмешательства в кавказские дела, чтобы поквитаться с Россией, а заодно и турки могли бы посчитать сложившуюся ситуацию подходящей для открытия интервенции в пределы Кавказа.

К этой мысли его подталкивала русофобская истерия, которая сделалась повседневным явлением в британской прессе, британском парламенте и британском обществе. Николай I считал, что такая истерия «может быть прелюдией к более воинственным шагам»¹¹.

⁸ Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. С.189.

⁹ Там же.

¹⁰ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2009. С.104 -108; Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии: В 2 т. Т.2. / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2007. С.193-213; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.123. 1837 г. Л.179.

¹¹ Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. – М.: Плюс-Минус, 2008. С.76.

В Петербурге в продолжение нескольких лет, с конца 30-х гг. царило недоумение, постепенно перерастающее в негодование, сопровождаемое чехардой назначений и смещений главноуправляющих Кавказским краем, которым, казалось, не видно будет конца.

Император Николай I лишился терпения настолько, что «двор пытается самостоятельно руководить военными операциями. Николай I по-прежнему уверен, что все дело в правильном применении сильной власти, и даст все новые неосуществимые поручения»¹².

По всему Кавказу, прежде всего в его северо-восточной части, стычки русских войск с горскими отрядами следуют одна за другой, и далеко не всегда российская сторона выходит из них победителем, во всяком случае, победы достаются более дорогой, чем прежде, ценой. Вся Чечня охвачена восстанием.

Людские потери приобрели чрезвычайный характер. Если в XVIII – начале XIX вв. ежегодные боевые потери регулярных частей и казаков исчислялись десятками, то в 1830-1840-е гг. счет пошел на сотни, а затем и на тысячи человек¹³.

Существовавшая тогда практика дробить силы на малые отряды при наличии «инициативного противника» в 1840-е гг. в Дагестане обернулась катастрофой. Отряды имама напали на российские гарнизоны, зажатые со всех сторон в крепостях и отрезанные от основных сил армии. Несмотря на героизм и отчаянное сопротивление, многие из них не выдержали многодневной блокады и штурмов и прекратили свое существование, потеряв всех своих защитников, павших в борьбе с горцами. Стратегическая инициатива перешла в руки Шамиля, который к концу 1843 г. фактически овладел всем Дагестаном.

Мюриды захватили большинство горных перевалов и проходов, связывавших между собой Дагестан и Чечню, что позволяло им оперативно реагировать на передвижение

¹² Там же. С.180.

¹³ Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С.9.

русских войск и эффективно противоборствовать в их попытках проводить наступательные операции в горах.

В конце июля 1842 г. потерпела неудачу экспедиция генерала П.Х. Граббе в Ичкерии. Это событие в ряду других неудач сильно обеспокоило Николая I, так как всякая неудача российской стороны увеличивала силы ее противников, придавала новой славы имаму, увеличивала его влияние среди единомышленников и отодвигала окончательную победу в область неопределенности.

Под сильным впечатлением от произошедших неудач император выказал военному министру свое неудовольствие. Военное министерство, в свою очередь, уведомило командование Отдельного Кавказского корпуса о том, что «Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил наизустрожайше предписать всем частным начальникам на Кавказе, дабы они отнюдь не предпринимали никаких экспедиций или поисков для наказания горцев, но, оставаясь в полной готовности, отразить всякие их против нас враждебные покушения, усугубили свои старания ко внутреннему устройству покорившихся племен и к склонению прочих следовать их примеру»¹⁴.

На восточном побережье Черного моря, в лесах, покрывающих горы, свою войну против Российской империи развернули многочисленные черкесские племена. До 1837 г., примерно, в горах Северо-Западного Кавказа проходили народные собрания, на которых черкесы пытались определиться с тем, как реагировать на приближение границ Российской империи к их племенным территориям. Турецкие и британские эмиссары уже давно их склоняли к разворачиванию тотальной войны против русских, но среди черкесов не было согласия. Многие с недоверием относились к турецким посулам, подозревая их в корыстном интересе, стремлении навязать им тяготы османского покровительства. Что касалось русских, то пока те оставались в открытом море, пытаясь ограничивать их контакты и торговлю с османской стороной

¹⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов (ДГСВК). – Махачкала, 1959. С.360.

или представителями других государств, недружественных России, то российские действия не казались черкесам угрожающими.

Все изменилось после того, как российская сторона начала строительство вдоль побережья крепостей Черноморской кордонной линии. К этому российскую сторону подтолкнули не только нужды внутреннего характера, вызывавшиеся ходом взаимодействия с горцами, но и нужды внешнеполитические. «В это время из-за махинаций печально известного Давида Уркуарта и его эмиссаров Белла и Лонгсуорта англичане стали раздражать русских, подстрекая <...> племена черноморского побережья. Они вселяли в них ложные надежды на британскую интервенцию и снабжали оружием и снаряжением»¹⁵.

Необходимо было показать европейским державам и, прежде всего, Британской короне, не признававшей установлений России в Восточно-черноморском побережье, что Западный Кавказ есть часть Российской империи. Тем самым, прекратить настойчивые спекуляции британцев поднимать вопрос о существовании некоей «Свободной Черкесии», которой необходима помощь цивилизованных стран, только и способных защитить её от притязаний «русского тирана»¹⁶.

Вожди основных черкесских племен приняли решение о мобилизации своих сил для повсеместного противодействия русским. С февраля 1840 г. черкесы начинают скоординированное наступление на крепости Черноморской береговой линии. В этих событиях с черкесской стороны проявляет себя своей дерзостью и непримиримостью Хаджи Берзек. «Его удаль равна только его жестокости: когда он, наконец, захватывает форт Лазаревский, он обезглавливает всех его защитников»¹⁷.

¹⁵ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С.252.

¹⁶ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2009. С.109; РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.521. Л.44.

¹⁷ Осли Э. Указ. соч. С.185.

По этому поводу был рапорт генерала Н.Н. Раевского к генерал-адъютанту П.Х. Граббе, в котором он сообщал, что в укреплении Лазаревском находилось всего 30 человек под ружьём. Контр-адмирал Л.М. Серебряков, узнав об этом, немедленно отправил «все, чем мог располагать, т.е. 30 человек из Геленджикского гарнизона. <...> Сие подразделение погибло с Тенгинскою ротою, составлявшею гарнизон форта Лазарева»¹⁸.

Вскорости были захвачены черкесами форты Головинский, Вельяминовский, Николаевский и покрывший себя героической славой рядового Архипа Осипова форт Михайловский¹⁹.

Несмотря на эти их успехи, черкесы действовали не так слаженно и единодушно, как чеченцы или дагестанцы, «потому что у них не было властителя, подобного Шамилю»²⁰. В то же время от них сильно доставалось казачьим поселениям, расположенным по Кубани. После неудачной экспедиции между Сочей и Адлером, которую произвела российская сторона и которая стоила ей больших напрасных потерь, закубанцы сделались «как будто еще предприимчивее»²¹.

Перманентные волнения в кавказских горах кажутся Петербургу особенно опасными и необъяснимыми, «если учесть, что эта территория, как и вся восточная часть кавказского массива, уже прочно вошла в состав империи»²².

Новые владения далеко простираются на юг, а горные области, занятые чеченцами, разнообразными народностями Дагестана оказались далеко за спинами русской армии в виде неподконтрольных анклавов, угрожающих спокойствию и безопасности мирных обывателей, не позволяя имперским властям наладить правильное гражданское управление и развивать нормальную хозяйственную жизнь.

¹⁸ АКАК. Т.IX. С.465.

¹⁹ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А.А. Каспари. СПб., 1904. – М.: Надыршин, 2010. С.390-393.

²⁰ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.27.

²¹ Там же. С.30.

²² Осли Э. Указ. соч. С.32.

Все применявшиеся ранее средства приручения горцев и установления контроля над долинами и горными районами, и, прежде всего, широко практикуемая покупка лояльности местной знати посредством титулов и пожизненной ренты или возведение в воинские чины русской армии с соответствующим денежным содержанием в обмен на согласие перейти в подданство русского царя, девальвировались после укрепления в горах позиций мюридизма.

Система покупки лояльности почти не работала среди так называемых «вольных обществ», поскольку там не было ни феодальных структур, ни знати и которые жили в условиях родоплеменного эгалитаризма, в основании которого лежала система родовых кланов.

Сделалась мало эффективной из-за привыкания к ней со стороны горцев и система, которую неумолимо проводили сначала князь П.Д. Цицианов, а затем прославленный своей суровостью к горцам его последователь - генерал А.П. Ермолов, который не искал больше союзников для империи, а только мерами жесткого принуждения требовал безусловного подданства российскому государю²³.

Кроме того, сами карательные устрашительные акции, как отмечает современный исследователь В.В. Лапин, в большинстве случаев были безадресными, поскольку командование не имело средств для выявления действительных виновников нападений на русские крепости и селения, а потому «для острастки» разорялся подозрительный и часто действительно непричастный к делу аул²⁴.

Найти лиц, причастных к разбоям в эгалитарных горских обществах, связанных круговой порукой, в реальности для российской стороны не представлялось возможным, поскольку никто никогда не выдавал свои соплеменников.

Способ коллективной ответственности, который практиковали в качестве ответных мер, в большинстве случаев, если и приносил результаты, то временные, провоцируя новые эксцессы законами кровомщения, бытовавшими среди горцев.

²³ Там же. С.36.

²⁴ Лапин В.В. Указ. соч. С.13.

По этой причине, вопрос о действенности ответных экспедиций в горы в отместку набегов в русские пределы, оставался незакрытой темой.

В бытность свою командующим Кавказской линии генерал А.А. Вельяминов по этому поводу подчеркивал: «Опыт показывает, что чем более оказывается снисхождение, чем меньше видят они возмездия за свои грабежи, тем становятся предприимчивее. <...> Никогда снисходительность не почитают они следствием великодушия, но приписывают оную бессилию», а потому ответные экспедиции надо проводить быстро и в строжайшем секрете²⁵.

Кроме того, по мнению генерала, если лишить горцев возможности иметь множество лошадей, «если мы поставим их в такое положение, что с большим трудом будут они доставать лошадей, годных для хищнических своих предприятий, то отнимем у них одно из главнейших средств делать нападения с успехом»²⁶.

Малая эффективность карательных экспедиций в горы также обуславливалась тем, что «натуральное или полунатуральное хозяйство горцев, пастбищное скотоводство, земледелие с доминированием однолетних культур, отсутствие каких-либо капитальных сооружений (мельницы, ирригационной системы и т. п.) делали его малоуязвимым и способным к быстрой регенерации»²⁷.

С другой стороны карательные и превентивные экспедиции русских войск в горы были «неизбежным злом», поскольку являлись не только понятным языком для горцев, но и потому, что ни кордоны, ни массированные рейды, ни «генеральные сражения», ни сеть укреплений, формировавших «пространство войны», не приносили ожидаемых результатов²⁸.

²⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Д.6266. Л.6-7.

²⁶ Мемория генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова. Способ ускорить покорение горцев, 1828 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С.41.

²⁷ Лапин В.В. Указ. соч.С.14.

²⁸ РГВИА. Ф.846. Д.6166. Ч.1. Л.182.

На кавказскую почву и в специфические условия Кавказа российскими военными был перенесен опыт многовекового противостояния со степными народами – кордонные линии с засеками и крепостями, которыми с незапамятных времен россияне оборонялись от набегов агрессивных кочевников. В кавказских условиях данная оборонительная система не смогла проявить своих лучших качеств в силу ряда причин: во-1-х, здесь не было, как на обширных равнинах, большой нейтральной полосы, позволявшей вести разведку и иметь достаточно времени для обнаружения противника, приготовившегося к вторжению в русские пределы. С другой стороны сам равнинный рельеф местности позволял преследовать обнаруженного противника; во-2-х, кочевники действовали большими конными группами, направление движения которых можно было заблаговременно предсказать, поскольку движение этих конных войск всегда соотносывались с конфигурацией речной системы в равнинном регионе. В связи с этим обороняющиеся устраивали ловушки, западни и засады на направлениях, по которым противник миновать не мог.

В кавказских условиях ничего подобного быть не могло. Из-за горно-лесного ландшафта противник всегда появлялся внезапно, мог действовать одновременно несколькими малыми группами, а его преследование прекращалось, как только он бросался в воды Терека или Кубани. Совершенно нельзя было предугадать направление его движения, если только лазутчики не предупреждали об этом заранее, но уже отступление противника снова делало его маршрут непредсказуемым.

Неожиданностью для российской стороны стало и то обстоятельство, что сами крепости, которые возводились на стратегически важных направлениях и пунктах, вместо сдерживающего действия, сделались сильнейшим раздражителем для горских племен, «источником военной добычи, местом приложения сил воинственной молодежи»²⁹.

²⁹ Лапин В.В. Указ. соч. С.10.

Следует согласиться с мнением все того же В.В. Лапина, который отмечает по этому поводу следующее: «Карательные акции правительственных войск оказывали на горцев действие, подобное действию ветра на огонь»³⁰.

К этому присовокуплялось еще одно обстоятельство, которое военными не афишировалось – гарнизоны крепостей часто оказывался в фактическом заточении, поскольку в продолжение суток ожидали нападения со стороны горцев, а для доставки продовольственных припасов или пополнения приходилось проводить настоящие военные операции, что мало походило на контроль над занимаемой территорией.

Нельзя сказать, что военное командование не понимало пороки кордонной системы, но было вынуждено обстоятельствами идти по этому пути. Во-1-х, потому что существующие кордоны в какой-то степени сковывали свободу действий отрядов горцев, пытавшихся проникать на территории, подконтрольные российским властям или при возвращении их из набега; во-2-х, кордонная линия хоть как-то маркировала границу ответственности военных властей и определяла российские пределы; в-3-х, российское кавказское начальство могло отчитаться перед Петербургом и продемонстрировать свой контроль над определенной территорией, «показать, что русский флаг развевается еще в одном районе Кавказа»³¹; в-4-х, крепости позволяли военным наверняка знать места их будущего столкновения с горскими отрядами.

Основным же пороком кордонной системы в условиях горной войны была её неподвижность. Проворным горским отрядам могли эффективно противодействовать только такие же подвижные подразделения. Горная война – это война маневренная, в которой всегда имели успех те, кто превосходил своего противника в проворстве и движении. Любая статичная система заведомо была обречена на проигрыш. Необыкновенная маневренность горских отрядов позволяла им небольшими по численности силами противостать

³⁰ Там же. С.10.

³¹ Там же. С.11.

превосходящим числом, но мало подвижным российским регулярным войскам, державшимся за кордонную систему и оборонительную в целом тактику.

Сами горцы, за прошедшие годы противостояния российским войскам, многому научились, и, «осознав все преимущества регулярной пехоты в открытом бою, чеченцы и дагестанцы стали уклоняться от лобового столкновения с ней, предпочитая гораздо более эффективные партизанские действия»³².

Так же стали действовать и черкесы, которые быстро учились и усваивали уроки, которые им давали российские войска.

Чтобы каким-либо образом оправдаться перед Петербургом за не приносящие перелома экспедиции, кавказское военное командование настаивало на том, что походы в горы не являются единственно средством достижения победы, но, прежде всего, они суть средства «убеждения горцев в тщетности их надежд на неприступность гор»³³.

Сложилась ситуация, при которой трудно было понять, удавалось ли назначенным генералам и администраторам, убедить Петербург в том, что укрепление позиций российского государства на Кавказе, потребует разнородных способов реализации обозначенных им задач для различных по своей экзистенциональной сущности этнических и конфессиональных групп, населяющих Кавказский край. Не было ясно, насколько Петербург и российское общество были подготовлены к тому, что российские усилия могут столкнуться с самоотверженной непримиримостью враждебного России этнического и социального пространства.

Российским военным приходилось сражаться в таких условиях, которые определялись военной теорией как серьезное препятствие даже для простого передвижения войск. В то же время в самой российской политической элите, причастной к принятию решений по военно-стратегическим вопросам, не существовало цельности и единства воли в

³² Там же. С.15.

³³ РГВИА. Ф.846. Д.6363. Л.24.

отношении к участию империи в «умиротворении» непокорных горцев.

Многие умы российского дворянского общества были очарованы образами Кавказа, который пришел в российскую действительность со страниц книг А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского, В.И. Немировича-Данченко, Л.Н. Толстого.

Им помогали волновать и смущать Россию неясными, но поэтическими картинками восточных сказок многие другие, менее известные писатели и мемуаристы, наполнявшие страницы российских журналов и светские салоны своими свидетельствами, поражавшими публику романтикой и экзотическими персонажами далекой страны.

По свидетельству современников 40-х гг. «Для офицеров гвардии и других молодых людей стало обычаем принимать участие в войне против кавказских народностей и добывать себе лавры, вплоть до Георгиевского креста. Все дамы <...> были от них в восторге и считали их героями»³⁴.

Кавказ был в то время своеобразной Меккой (более виртуальной, чем реальной) для экзальтированных молодых людей из дворян, жаждавших бурных страстей, подвигов и необычайных переживаний и одобрявших начавшееся движение России на Восток. В то же время, мало кто понимал или осознавал саму необходимость и всю ответственность и последствия этого шага.

Лишь немногие из тех, кого не впечатляла романтика Востока, и кто подходил к делу прагматически, видя, в первую очередь, во всем политические и государственные выгоды и смыслы, были «люди двенадцатого года», среди которых первую скрипку играл П.И. Пестель. Принадлежа к кругам российской элиты, имевшей определенные виды на пути развития российского общества, и будучи офицером Российской армии, он не просто знал, но и высказывал общее для этих людей мнение по «кавказскому вопросу»³⁵.

³⁴ Цит. по: Выскочков Л.В. Николай I. – М., 2003. С.309.

³⁵ Выскочков Л.В. Указ. соч. С.294.

Позиция П.И. Пестеля парадоксальным образом для политического оппозиционера совпадала с мнением императора в том, что горные районы Кавказа по стратегическим соображениям должны находиться в составе России. Народы, населяющие Кавказ, он подразделял на «мирные» и «буйные» племена, предлагая радикальное решение трудностей колонизации и умиротворения края. Все «буйные» и несговорчивые племена «силою переселить внутрь России, разбив их малыми количествами по всем русским волостям»³⁶.

Генералы Кавказ «завоёвывали», «усмиряли» или «водворяли в состав империи». Из этого была ясна задача, но не было начертано плана, чертежа всех действий.

Сложившемуся положению вещей не способствовало и то обстоятельство, что в России присутствовала традиция публичной артикуляции монаршей воли, которая подавалась в виде высочайшего обязательства ежечасно действовать в «произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества служить может»³⁷, как то было, например, у Елизаветы Петровны, или как то прозвучало в Манифесте императора Николая Павловича в день его коронации: «<...> Мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть Отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидением ему предопределенной»³⁸.

Такая обобщенно-обязательственная форма смысла монаршего правления и монарших целей мало, однако, могла прояснить конкретных путей их реализации в конкретных условиях Кавказского края. Потому в умах военных начальников поселялась неясность, усугублявшаяся разногласиями в определении целей в борьбе за Кавказ, доносившейся в разное время из Петербурга.

Так М.Н. Катков говорил, что завоевание Кавказа «выпрямляет» историческую судьбу России, а не просто

³⁶ Пестель П.И. Русская Правда, или Заповедная Государственная грамота Великого народа Российского...// Восстание декабристов. – М., 1957. Т.7. С.144.

³⁷ ПСЗРИ – I. Т.14. №10346.

³⁸ ПСЗРИ – II. Т.1. № 465.

решает некие военно-стратегические и религиозные благотворительные задачи. Оно дает России вернуться к своим корням, восстановить органическое существование страны и народа, искаженное Петром I³⁹.

Известный военный деятель и непосредственный участник Кавказской войны Р.А. Фадеев считал, что «Кавказ, независимый от нас, создал бы для России нескончаемый ряд утрат и опасностей. Кавказская армия держит в своих руках ключ от Востока; это до того известно нашим недоброжелателям, что <...> нельзя было открыть английской брошюры, чтобы не найти в ней толков о средстве очистить Закавказье от русских. Но если отношения к востоку составляют вопрос первой важности для других, то для России они осуществляют историческую необходимость, уклониться от которой не в ее власти»⁴⁰.

Углубляя свою мысль и указывая на обширность и важность российского присутствия в Кавказском крае, Р.А. Фадеев подчеркивал: «Во всяком случае, Россия не может допустить, чтобы без ее участия устроилась судьба целой части света, с которой она слита почти безраздельно, с которой она живет, можно сказать под одной кровлей. <...> Но действительная связь России с Азией, узел их – на Кавказе. <...> Для России кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною необходимостью»⁴¹.

О цели правящего императорского дома в кавказском вопросе можно было только предполагать, анализируя те задачи, которые императоры ставили перед главнокомандующими Отдельным Кавказским корпусом, хотя и это не всегда позволяло успевать за переменами монарших настроений.

³⁹ Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. С.17.

⁴⁰ Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С.38.

⁴¹ Там же. С.40.

Например, император Николай I в письме к И.Ф. Паскевичу, написанном вскоре после Адрианопольского мира говорил: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее, - усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения <...>»⁴². Но уже вступавшему в 1842 г. в должность главнокомандующего на Кавказе генералу А.И. Нейгардту император сообщал: «Не хочу никаких завоеваний, и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным»⁴³.

Вопрос оставался за малым - найти способ, как осуществить высказанное императором повеление? Над этим размышляли не только в Отдельном Кавказском корпусе, но и Военное министерство пересылало на Кавказ разнообразные планы, которые исходили от разных известных и знатных особ, близких императорскому двору.

Некоторые горячие головы предлагали рвать горы порохом, а против «хищников» растягивать проволоочные сети по берегам Терека и Кубани.

Что касалось до мирных способов усмирения непокорных горцев, то предлагали усмирять их торговлею, «водворением между ними роскоши, пьянства – и, наконец, музыкой, посредством заведения у горцев музыкальных школ»⁴⁴.

Не оставался в стороне и сам император, которому кто-то подсказал меру, якобы обещавшую принести много пользы. Предлагалось черкешенок, отбиваемых у турок российскими военными судами, «вместо обычного размена на русских пленных выдавать замуж за солдат, и этим путем породнить и сблизить черкесов с русскими. Мусульманский закон ведь строго запрещает проливать кровь родного человека: значит,

⁴² ДГСВК. С.58.

⁴³ ГАРФ. Ф.672. Оп.1. Д.84. Л.18-26; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – XX вв. – СПб., 2005. С.380.

⁴⁴ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: АИРО-XX, 2002. С.191.

кровапролитие прекратится, и черкесская вражда перейдет в родственное расположение к русскому человеку»⁴⁵.

Кроме таких экстравагантностей выдвигались проекты, не лишённые реальной пользы. Так генерал А.А. Вельяминов «склонялся к сбережению сил», предлагал продвигаться в горы медленно, от деревни к деревне. «Нужно убедиться в верности покоренных, прежде чем углубляться в неизвестность»⁴⁶. Он полагал единственным средством «достигнуть прочного спокойствия и совершенной безопасности покорить и обезоружить горцев. Постоянное занятие неприятельских земель укреплениями и казачьим населением будет мало-помалу утеснять горцев в средствах к набегам и со временем может довести до совершенного покорения сих народов. Но для достижения сей цели означенным способом потребно около 30-ти лет времени, даже при средствах значительных»⁴⁷.

О задачах покорения непосредственно восточного побережья Черного моря А.А. Вельяминов писал: «Опыт показал, что военные суда наши, крейсирующие около восточных берегов Черного моря, не могут с желаемым успехом ловить турецкие купеческие лодки, приходящие для торга с горцами, коим доставляют жизненные потребности и другого рода товары, а от них берут пленных, которых потом продают в разных местах Турецкой империи с большою выгодною»⁴⁸.

И далее продолжал: «Лодки сии ходят большей частью около берегов и имеют верное пристанище в устьях рек, впадающих в Черное море. Наши суда по величине не могут так близко держаться берега, а вход в устья рек совершенно для них невозможен. Единственное средство решительно возбранять доступ сим лодкам к черкесам состоит в том, чтобы построить укрепления при устьях рек, впадающих в Черное море, между Кубанью и Рионом»⁴⁹.

⁴⁵ Там же. С.310.

⁴⁶ Осли Э. Указ. соч. С.179.

⁴⁷ Короленко П.П. Закубанский край. Проекты и планы о покорении горцев на Западном Кавказе // Кавказ и Российская империя ... С.112.

⁴⁸ Там же. С.113.

⁴⁹ Там же. С.113.

Князь Бекович-Черкасский, имевший этнические корни в адыгской среде, считал, что наилучшим выходом было бы только применение оружия, которое может заставить кавказские народы сдаться, в частности тех, кто живет за Кубанью и известны своей дерзостью и антипатией к России.

Однако одних «блистательных» побед будет недостаточно. Он призывал организовать для закубанцев жесткую экономическую блокаду, так как «занятие войсками всех тех пунктов, кои заключают в себе главные способы существования закубанских народов» подтолкнут последних к покорности⁵⁰.

Император склонился к последней рекомендации. Военный министр граф А.И. Чернышев, разъясняя тогдашнюю позицию императора, заявлял: «Предначертанный Г.И. план общего усмирения Кавказских племен основанный на той главной мысли, что оно возможно только посредством постепенного овладения всеми, или большею частью способов, какие теперь имеют горцы к своему существованию, дабы, стеснить их чрез то в общественном и частном их быте до возможной степени, вынудить их к безусловной покорности воле правительства. Единственным средством к достижению этой двоякой цели признана, как то иначе и быть не могло, сила оружия»⁵¹.

При этом подчеркивалось, что «всякая мысль об экспедициях и частных воинских поисках» неприемлемы, так как «опыты предшествовавших лет положительно доказали, что подобные действия, бесполезно раздражая горцев, не могут иметь ни малейшего влияния на их усмирение, по маловажности и ничтожности наносимого им вреда, который в полудиком состоянии горских племен слишком удобно и легко вознаграждается»⁵².

Но уже в упомянутой записке генералу А.И. Нейдгарту император собственноручно писал, что необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа, «но это покорение

⁵⁰ Цит. по: Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. С.640.

⁵¹ АКАК. – Тифлис, 1884. Т.IX. С.244.

⁵² Там же.

следует исполнить не одним оружием, напротив того, действовать осторожно, неторопливо и так, чтоб куда достигнем, оттоль не возвращаться, не став твердой ногой»⁵³.

Прежние усилия и план страдали оперативной бесплодностью, проявлявшейся в том, что достигавшиеся ценой серьезных жертв и издержек тактические успехи «не приводили к коренным изменениям общей обстановки на театре войны, не обеспечивали стратегического выигрыша. Война, не знавшая крупных сражений и состоявшая из длинной серии расчлененных во времени и пространстве действий мелких подвижных отрядов <...> такая война не обещала скорой победы. Она принимала форму упорной и затяжной борьбы на истощение»⁵⁴.

Само наличие большого количества проектов и записок, наводнивших имперскую канцелярию и другие, причастные к кавказским делам государственные ведомства, было следствием отсутствия у властей ясной и выверенной программы действий, направленной на обеспечение желаемого результата. Правительство шло за событиями, а не направляло их. Решение той или иной задачи изменяло ситуацию и определяло поле деятельности, на котором часто прибегали к экспромту.

С другой стороны, нельзя было априори создать выверенный чертеж действий, поскольку все столкнулись с тем, чего никогда точно не знали – условиями и особенностями Кавказа. По этой причине Кавказ сделался для всех учителем. Он давал уроки тем, кто воевал, тем, кто управлял, тем, кто там поселялся и жил, а также и в том числе – императору. Углубление понимания и опыт в продолжение многих лет постепенно могли определить необходимые задачи и средства их решения, а вместе с ними и общие очертания целей.

После пережитых российской стороной цепи военных неудач 1842-1843 гг. все большее число, и в первую очередь

⁵³ ГАРФ. Ф.672. Оп.1. Д.84. Л.18-26; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – XX вв. – СПб., 2005. С.380.

⁵⁴ Фадеев Ф.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М.: Изд-во Академии СССР, 1956. С.348-349.

военных начальников, стало участвовать в поисках более конструктивной политики на Кавказе.

К середине 40-х гг. XIX в. императору Николаю I стала очевидной правота барона Ф.Ф. Торнау, который еще в 1839 г. во время их встречи в Аничковом дворце, отвечая на его настоятельную просьбу оценить перспективы победного завершения кавказских дел для России, заметил, что ни «в три года, да и в тридцать лет с горцами не совладают»⁵⁵.

Несмотря на тогдашнее несогласие со своим офицером разведки, император уже через три года был вынужден признать, что в столкновении двух военных тактик, двух разных армий - российской, действующей по европейским военным правилам, и горской, непредсказуемой и ведущей партизанскую войну, Россия имела мало шансов на скорую военную победу и надо было изыскивать новые приёмы военных действий⁵⁶.

Император Николай постепенно стал осознавать особенный характер Кавказской войны, «то необыкновенное соединение всякого рода материальных и нравственных препятствий, о которое в продолжение полувека сокрушались усилия могущественной империи. Упорство сопротивления превзошло все ожидания»⁵⁷.

Кроме того, «русские встретили на Кавказе соединение всех препятствий в людях и в природе, какие только можно представить, точно Кавказ был нарочно устроен на северном рубеже Азии, чтобы навеки оградить эту часть света <...> Покорение кавказских гор, как восточных, так и западных, требовало великого таланта, необычайной энергии со стороны руководителей, и не только мужества и опытности, но еще безграничного самопожертвования со стороны войск»⁵⁸.

Николай I колебался. Он не желал отменять уже принятые к исполнению свои решения, что неминуемо отразилось бы как на авторитете его самого, так и вообще

⁵⁵ Осли Э. Указ. соч. С.183.

⁵⁶ Чернуха В.Г. Поиски равновесия // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – XX вв. – СПб., 2005. С.237.

⁵⁷ Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Эксмо, 2003. С.127.

⁵⁸ Там же. С.129.

имперской власти как таковой, чего допустить при здравом уме было невозможно. В этой связи император считал, что «необходимы только постоянство и твердая решимость в их исполнении, и тогда почти безошибочно можно определить годами время, когда Черкесия будет покорена»⁵⁹.

Но поиск велся, как и прежде, в сфере организации управления войсками и территорией, а также в сфере кадровой политики. Надо же было искать в сущности философии проблемы, чтобы потом создавать новые способы на новых основаниях. Не меняя общей философии проникновения на Кавказ, но, постоянно меняя людей, шли по кругу к прежним неудовлетворительным результатам.

Не была сформулирована в высших сферах имперского руководства и та цена, которую там готовы были заплатить за Кавказ. Не продумали еще и всех способов и средств - ближайших и отдаленных, - которые будут необходимы для всеобщей успешной колонизации вновь приобретаемого края.

В этой связи потому и существовали и конкурировали между собой множество проектов и предложений, как дельных, так и фантазмагорических, активно призывавших петербургские власти стать на свою сторону⁶⁰.

Между Петербургом (Кавказским Комитетом) и главнокомандующими Отдельным Кавказским корпусом, одновременно бывшими представителями высшей российской власти в Грузии, часто возникали противоречия из-за выбора мер и способов к «покорению Кавказа», что также может служить подтверждением наличия импровизации и спонтанности в разработке стратегии и тактики «русского дела»⁶¹.

Кавказская цитадель оказалась намного прочнее, нежели это виделось из Петербурга: не удалось скорым приступом разбить ни её духа, ни её традиционной социальной структуры.

⁵⁹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: «Росет», 1994. С.451.

⁶⁰ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – XX вв. – СПб., 2005.

⁶¹ Лисицына Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...»; Чернуха В.Г. Поиски равновесия // Указ. соч. С.203-236; 237-251.

Там же, где Кавказ оставался вне русского элемента или этот элемент был малочисленным, там русское влияние было минимальным или вообще трудно было заметить его присутствие. Условия Кавказа оказались непоколебимы, а значит, сохраняли свои сущность и веру, препятствуя российским успехам, и потребовали переменить стратегию: от штурма перейти к осаде.

От способности разработчиков политической стратегии, от их политического воображения и способности к всесторонней оценке обстоятельств и рисков, с которыми столкнется или может столкнуться работа по достижению основных целей, в немалой степени зависела полнота и последовательность осуществляемой стратегии, и её конечный успех.

По тому, как российские власти структурировали пространство Кавказа, как вплетали его в состав империи, как вводили и отменяли те или иные формы управления отдельными административными единицами и регионом в целом, как расширяли или урезали объём автономии в их деятельности - можно было видеть подтверждение недостаточной подготовленности имперских институтов и властей к взятой на себя миссии.

Такие метания вели к неудаче того или иного подхода, вынуждая все время создавать и пробовать эффективность очередного проекта в процессе военного противостояния и колонизации, обрекая все предыдущие проекты на столкновения с новыми, способствуя появлению в исполнителях государственной воли неуверенности, а в делах – хаоса.

Положение усугубляли многочисленные ошибки российских военных властей, по указаниям которых войска, как свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, «беспрестанно занимали места без всякой необходимости, строили укрепления, непригодные ни к местности, ни к роду войны, помещали в них гарнизоны слишком слабые, для того чтобы держать в страхе жителей, раздробляли таким образом свои силы, войска подвергали без всякой пользы болезням и всевозможным лишениям, а горцам доставляли этими

фальшивыми мерами только случай обкрадывать и убивать русских солдат»⁶².

В то же время, объективности ради стоит отметить, что в конечном счете Петербург преодолел сопротивление среды, и будущее доказало его способность находить решения сложным задачам.

Военные действия постоянно производились только на северной стороне Кавказа, а в южной, где непосредственным начальником был корпусной командир, они возникали только случайно и не имели особенной важности. «Там была задача более мирная, но не менее трудная: сплотить разные народности Закавказского края, слить их в одну массу под управлением, которое бы не противоречило ни общему строю империи, ни вековым обычаям и историческим преданиям каждого племени. Сверх того, нужно было охранять границу от полудиких, но коварных и изменчивых соседей, персиян и турок»⁶³.

Кроме того, после победоносных для России войн с персами и османами ситуация имела характер напряженного ожидания при относительной стабильности существовавших границ.

Южный Кавказ виделся из Петербурга в качестве важного геополитического региона, форпоста российского влияния на Ближний и Средний Восток, но с позиций внутриимперских он не выдвигался не далее, как аграрно-сырьевой окраины российской промышленности и торговли.

Выражавший проправительственную точку зрения, проводивший ревизию в Закавказье в 1837 г. сенатор П.В. Ган, как и ранее фельдмаршал И.Ф. Паскевич, считал, что Закавказье – должно поставлять для российских фабрик шелк, хлопчатую бумагу и другие грубые материалы, получая взамен фабричные изделия из российских фабрик. Заведение же

⁶² Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. – Нальчик, 1999. С.59.

⁶³ Выскочков Л.В. Указ. соч. – С.287.

фабрик и мануфактур не окажет выгоды для данного края, и только будет вредить промышленности и торговле России⁶⁴.

В то же время большие проблемы российской короне в Закавказье приносили сепаратистские выступления бывших правителей азербайджанских ханств и представителей бывшей грузинской правящей династии, инспирировавших выступление ряда княжеских фамилий, стремившихся вернуть престол в Грузии Багратидам.

Был раскрыт целый ряд заговоров, в которых участвовали представители именно тех слоев, на которых делалась ставка в деле содействия укреплению российской власти в регионе.

Раздосадованный этим император писал в Польшу И.Ф. Паскевичу: «В Тифлисе у нас пошли большие пакости, но, благодаря Богу, вовремя все открылось. Был заговор фамилии Арбелианов и Эристовых и некоторых других из дворян – перерезать господина Розена и всех русских и Грузию сделать независимую. <...> Все почти схвачены, и делается следствие. <...> Зачинщик всего дела царевич Окропир, живущий в Москве, женившийся на графине Кутайсовой и которому полтора года назад позволил съездить в Грузию; и он этим воспользовался для начатия заговора»⁶⁵.

Фундаментальную причину, питавшую грузинский сепаратизм, который никогда так и не был преодолен окончательно, а только ослаблен, следовало искать в составлявшей существо философии отношений грузинской элиты к России. О своеобразном характере этой элиты ярко высказался современный исследователь А.А. Епифанцев⁶⁶.

Грузинская элита долгие годы добивалась российского покровительства не из какого-то особенного мистического благорасположения к единой стране. Надо сказать, что и

⁶⁴ Филипсон Г. Кавказская война // Стрижамент. Историческое наследие. Приложение к газете «Кавказский край». Выпуск 1. – Ставрополь: Кавказский край, 1991. С.453-454.

⁶⁵ Император Николай Павлович в его письмах к Паскевичу. 1832-1847 // Русский архив. 1897. Кн.1. №1. С.9.

⁶⁶ Епифанцев А.А. Будет ли новая русско-грузинская война? – М.: Яуза, 2010. С.10-28.

православной страной Грузия была своеобразной. По свидетельству З.Д. Авалова, грузины «сами они, при всем их православии, были пропитаны насквозь той самой культурой, с которой желали порвать, т.е. персидской»⁶⁷.

Грузия выбрала Россию в покровители не из любви или особенной симпатии, а потому, что «от держав Запада Грузию отделял сплошной барьер мусульманства»⁶⁸.

Грузинская элита, просившая о покровительстве, одновременно желала сохранить право свободы действий и самостоятельности, что само по себе настораживало и поселяло среди российских администраторов подозрительность.

Попав под протекторат Российской империи, «грузины – народ, состоявший из дворян, духовенства и крестьян – всех одинаково поработанных всяческой рутинной – так привык к формам и явлениям жизни, не изменявшимся веками, этот консервативный народ не мог предвидеть какая коренная и всесторонняя ломка его ожидает. Поэтому не удивительно, что грузины почувствовали себя на первых порах очень жутко, когда очутились лицом к лицу с государственностью иного масштаба и иного пошиба, чем привычные для них. Народ во всех отношениях иррегулярный, они не могли сразу сжиться со строгостями такого полицейского государства, каким была Россия»⁶⁹.

В то же время, «впервые за несколько столетий все грузинские княжества оказываются в составе одного государства. Но территориальный вопрос на этом не останавливается: начинает сбываться многовековая грузинская мечта – собирание земель. Российское государство понемногу собирает старые грузинские земли, утерянные картвелами за несколько столетий до того, – Месхетию, Саингило, Джавахетию, Аджарию и др. и вводит их в состав грузинских губерний. <...> Во чреве России начинает вызревать то, чего

⁶⁷ Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2009. С.35.

⁶⁸ Там же. С.71.

⁶⁹ Там же. С.143.

раньше в истории никогда не существовало, - единая грузинская нация»⁷⁰.

Картину социально-политической нестабильности дополняли выступления крестьянских масс, недовольных усилением крепостничества в регионе Южного Кавказа и потерей части свобод, которыми они пользовались до установления российской власти. В 1837 г. произошли аграрные беспорядки в Кубинском уезде, в 1837-1838 гг. восставали армяне-переселенцы из Османской империи, которых разместили вокруг озера Севан.

С весны и до осени 1841 г. волновались крестьяне Гурии из-за введения денежной формы налогообложения, злоупотреблений местных помещиков и лихоимствующих чиновников, не только из русских, но и грузин на русской службе (известный образчик тому – дело князя Дадияни).

Не меньше проблем возникало из-за неудовлетворительной системы административного управления в Закавказье. Злоупотребления в российской кавказской администрации только усугубляли дело. После посещения Грузии в 1837 г. император жаловался своему доверенному другу А.Х. Бенкендорфу на то, что «в администрации разные закоренелые беспорядки, превосходящие всякое вероятие»⁷¹.

В поисках выхода к середине 40-х гг. в правление Николая I в Закавказье были проведены две административные реформы. Начиная с 1840 г. главные и наиболее важные вопросы управления в Закавказском крае рассматривались в межведомственном Кавказском комитете, сначала во главе с военным министром графом А.И. Чернышевым, а потом с генералом А.Ф. Орловым.

В конце концов, было принято решение распространить общеимперское законодательство и имперские порядки на подконтрольные России территории Южного Кавказа. Это вызвало острое недовольство местного населения, причем как крестьян, так и дворян. Но уже к 1842 г. реформа была

⁷⁰ Епифанцев А.А. Указ. соч. С.29-30.

⁷¹ Рассказ Николая Павловича о поездке на Кавказ // Николай I: Муж. Отец. Император. – М. 2000. С.488.

признана неудовлетворительной. Император все более убеждался в необходимости искать кризис-менеджера, способного, в относительно короткое время, выправить ситуацию в Кавказском крае.

После не приносивших успеха рокировок среди руководства кавказской администрации, после пережитых неудовольствий и досады от неумения всеобъемлюще понять и сносно исполнить высшую волю по скорейшему водворению Кавказа в состав империи, Николай I решил вернуться к проверенной опытом форме руководства проблемными территориями – наместничеству (генерал-губернаторству). В структуре наместничества «опытный военачальник и администратор, имея в своих руках военную и гражданскую власть, обеспечил бы победоносное завершение войны и спокойствие на всех присоединенных и завоеванных территориях Кавказа»⁷².

Сложность управления и обременительность руководства Кавказом вынудили императора вспомнить опыт его предшественников, использовавших эту особенную административную форму, показавшую свою эффективность. 29 ноября 1844 года на Кавказ с чрезвычайными полномочиями наместника было предложено стать графу М.С. Воронцову, который получил личное послание императора⁷³.

Подводя итоги выше сказанному, необходимо остановиться на нескольких моментах, проясняющих общее состояние дел на Кавказе к середине 40-х гг. Следует констатировать, что российское военное командование вместе с главным военным ведомством упустили стратегическую инициативу имамату. Влияние и авторитет имама Шамиля в горах достиг своего апогея. Период с 1842 по 1845 гг. ознаменовался крупными успехами мюридов, каких у них не было ни до, ни после указанного времени. Имам Шамиль перешел в наступление, в результате которого российская сторона утратила контроль почти над всем Дагестаном, а также

⁷² Лисицына Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. С.222.

⁷³ АКАК. Введение. – Тифлис, 1885. Т. X. С. II.

вынуждена была перейти к обороне в районе Северо-Западного Кавказа, после того, как черкесские общества решили открыть свою войну против русских.

Основным условием, обеспечившим успех Шамилю, явилась способность имама укрепить солидарность среди многих горских обществ, призвав их под знамена мюридизма и газавата.

Европейские державы, прежде всего Британия, вместе с Османской Портой расширяли проблемное поле для России, провоцировали черкесов вести против неё войну. Британская политическая элита поднимала вопрос о существовании некоей «свободной Черкесии», которой необходима была помощь цивилизованной Европы, способной защитить черкесов от притязаний «русского тирана».

Император Николай проявлял обеспокоенность. В Петербурге царило неудовольствие из-за того, что перманентные в горах волнения и поражения русских войск не получали должного и вразумительного объяснения.

Все прежние меры силового и все средства иного воздействия на горские общества вдруг потеряли свою действенность. Появилась настоятельная потребность обобщить опыт всей военно-гражданской деятельности, внести коррективы в средства, чтобы найти верные способы и стратегию борьбы с наступающим мюридизмом и его воинствующими приверженцами.

Кризисная ситуация вдруг выявила, что высшие политические круги и высшее военное командование, не имели единых подходов в отношении реализации «русского дела» в Кавказском крае. Показателем данного положения были многочисленные проекты и записки, исходившие от частных лиц или уполномоченных чинов, которые направлялись в военные штабы и высшие государственные канцелярии Петербурга.

Немало тревог принес Петербургу и Южный Кавказ, сохранявший в означенный период относительную видимость стабильности. Подспудная политическая борьба там не прекращалась. Из-за того, что политические элиты, просившие ранее Петербург о покровительстве, выказали желание

сохранить не только свой социально-политический статус неизменным, но под протекторатом России желали восстановить свой политический суверенитет, российские власти не могли быть вполне уверенными в их лояльности и вынуждены были предпринимать предупредительные меры по закреплению своих позиций в регионе.

В то же время, Кавказ давал уроки всем, в том числе императору Николаю, который умел учиться вместе со всеми причастными к кавказским делам ответственными персонами. В конечном итоге обратились к проверенной временем системе руководства проблемными территориями – наместничеству.

1.2. Даргинская экспедиция лета 1845 г. и её последствия

Назначение наместником графа М.С. Воронцова совсем не означало, что император потерял решимость лично руководить из столицы ходом событий в Кавказском крае. Николай I по-прежнему считал, что война против горцев слишком затянулась. Император, хотя и был разочарован результатами 1844 г., «не видел причины менять свое мнение относительно того, что должно быть сделано с теми средствами, которые он отдал в распоряжение своих генералов на Кавказе»⁷⁴.

Он решительно был настроен покончить с этой проблемой в самые короткие сроки, а потому в приказе, адресованном графу М.С. Воронцову, потребовал: «Разбить буде можно, скопища Шамиля. Проникнуть в центр его владычества. В нем утвердиться»⁷⁵.

По мнению А.М. Дондукова-Корсакова, в Петербурге ошибались и «Государь, при всей своей прозорливости и высоких дарованиях, имел тоже слабость думать, что раз окинув своим орлиным взором страну или какое-либо дело, он

⁷⁴ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С.276.

⁷⁵ Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. – М.: Плюс-Минус, 2008. С.80; Записка императора Николая I о военных действиях на Кавказе // Русская старина. – 1885. №10. С.209.

проникал во все подробности одного и лучшим был судьей при решении обсуждаемых вопросов: при характере Николая Павловича трудна была борьба с его убеждениями»⁷⁶.

Надежды разрешить кавказский вопрос одним ударом не оставляли Николая I с самого начала его вступления на престол⁷⁷.

И хотя армия уже прежде не раз рассеивала горские «скопища», брала штурмом, казалось бы, неприступные твердыни, желанного умиротворения в крае не наступало. Как свидетельствовал очевидец: «Центры восстания менялись, войска наши, исполнив с огромными потерями предписанные программы, возвращались обратно с большим уроном, преследуемые неприятелем. Бежавшие, при наступлении наших войск, жители вновь возвращались на прежние места под власть того же Шамиля, которую он умел поддерживать возбуждением религиозного фанатизма и строгими наказаниями, а наши кратковременные движения вовнутрь страны никак не могли поколебать впечатления подобного действия имама»⁷⁸.

Между тем мюриды все более усиливали свою мощь, и каждая победа над ними давалась труднее предыдущей. Приходилось вести планомерную осаду их позиций в соответствии со всеми требованиями военной науки⁷⁹. Тем не менее, отказаться от заманчивой идеи - быстро и решительно преломить ситуацию в свою пользу - официальный Петербург не хотел.

К решительным действиям подталкивали чувствительные и дорогостоящие неудачи 1840-го, 1841-го и 1842-го годов,

⁷⁶ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.412.

⁷⁷ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). – Пятигорск, 2002. С.310.

⁷⁸ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.413.

⁷⁹ Ливенцов М.А. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов (Извлечения из дневника) // Русское обозрение. – М., 1894. Июнь. С.599-600.

которые «разразились катастрофой 1843 года в Дагестане»⁸⁰. Все эти события, как и «нелепая военная прогулка 1844 года <...> в глазах туземцев <...> являлись победами Шамиля»⁸¹, что достаточно болезненно переживалось в кавказских войсках, ожидавших исправления сложившихся последствий⁸².

Отвечая в какой-то мере таким ожиданиям, в 1845 г. император решил предпринять сильную экспедицию, которая бы устранила и потрясла горы.

План экспедиции в сердце родины горцев - Дарго, бывшем резиденцией имама Шамиля, был составлен в Петербурге в начале 1844 г. и в готовом виде вручен М.С. Воронцову для исполнения.

С этой точки зрения начало деятельности нового корпусного командира и наместника ничем не отличалось от того, как начинали свою деятельность на Кавказе ближайшие его предшественники – генералы Е.А. Головин и А.И. Нейдгардт. По мнению М.М. Блиева, «как и раньше, сценарий действий против Шамиля был предложен самим императором»⁸³. М.С. Воронцову оставили право только уточнить детали и сроки начала похода в горы.

Императорский план предусматривал «...произвести наступательные движения в горы, для чего войска, собранные у Воздвиженской крепости, т.е. Чеченский отряд, двинуть к Майортупу и в соединении у этого аула с войсками, имеющими прибыть с Кумыкской плоскости через Куринское укрепление, оба отряда сии направить в Дарго (столицу Шамиля), которое разорив, следовать в Андию; войскам же Дагестанского отряда в то же время произвести наступательное движение от Чиркея, через Салатау и Гумбет в Андию же. Сосредоточенные таким

⁸⁰ Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // «Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.49.

⁸¹ Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // «Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.228.

⁸² Там же.

⁸³ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. С.516.

образом в Андии Чеченский, Кумыкский и Дагестанский отряды должны оставаться там такое время, какое нужно будет по соображению обстоятельств на месте, причем для вящего обеспечения Андии построить временное укрепление для 6-ти батальонного гарнизона»⁸⁴.

Чуть позже, после совещания в Петербурге по планируемому военным действиям на Кавказе в 1845 г., куда для этого вызывался начальник штаба Кавказских войск генерал-лейтенант В.О. Гурко, сделано было изменение, согласно которому «войска Чеченского отряда, расположенные у Воздвиженского, у Кумыкского укрепления Амир-Аджи-Юрта, сосредоточить в Майортупе; оттуда двинуть их во Внезапную и Салатау, где на Бортунайских высотах соединяясь с Дагестанским отрядом, через Гумбет, занять Андию. В Андии устроить укрепление для 6-ти батальонов пехоты и, снабдив гарнизон провиантом на всю зиму, Чеченскому отряду следовать в Ичкерию, взять и разорить Дарго – жилище Шамиля, и выйти через укрепление Герзель-аул на линию; остальное затем время года употребить войска Чеченского отряда для окончательных построек по Воздвиженскому укреплению»⁸⁵.

Наместник (при незнании настоящего положения дел) хотел бы отложить экспедицию до его личного и подробного ознакомления и проникновения в существо предписанной ему задачи, но желание императора Николая I унять Шамиля и присутствие большого количества войск на Кавказе в 1845 году решили вопрос в пользу начала немедленных действий.

В Петербурге никак не хотели понять того, что время многочисленных экспедиций прошло, и опыт прошлого доказал их несостоятельность и пагубность. Подобные экспедиции делались и прежде, но не приносили никакой существенной выгоды, а «отступление (сопряженное обыкновенно со значительными потерями нашими) возвышало дух горцев и значение самого Шамиля»⁸⁶.

⁸⁴ Кавказская экспедиция в 1845 году...С.59.

⁸⁵ Там же. С.60.

⁸⁶ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.414.

Большинство кавказских военных начальников было против плана экспедиции вообще, или в том виде, в котором он был предписан. Опытные кавказские вояки (среди них были наиболее авторитетные генералы – Р.К. Фрейтаг и М.З. Аргутинский-Долгоруков, И.М. Лабынцев) предрекали экспедиции полную неудачу⁸⁷.

Н.И. Дельвиг считал, что «экспедиции такого рода имели даже вредное влияние на край, возвышая нравственный дух горцев, видевших, что большие массы войск, испытанной храбрости, хорошо вооруженных, отлично снабженных всем необходимым, одерживавшие так часто славные победы в Европе, почти ничего не могут сделать против их беспорядочных скопищ»⁸⁸.

Князь М.З. Аргутинский-Долгоруков, командир Самурского отряда, еще в августе 1844 г. подавал записку вышестоящему начальству, в которой высказывал свои опасения относительно хода и результатов планируемой экспедиции. Он писал: «Войска, двинувшись вперед, будут иметь более или менее жаркие дела с неприятелем, что, однако ж, не помешает им <...> идти вперед. Неприятель, по мере движения нашего вперед, будет отступать в глубь страны, <...> терпя урон в бою, но, не расстраиваясь совершенно. Дальность отступления неприятеля будет зависеть от дальности движения наших войск, и неприятель, без сомнения, пользуясь местностью и большею подвижностью, всегда имеет возможность предохранить себя от наших решительных ударов <...> Движение наше в глубь страны будет зависеть от запасов продовольствия, которые будем иметь с собою, но во всяком случае должно будет прекращено <...> в виду более или менее сильного неприятеля, который при возвращении нашем, не упустит случая преследовать войска наши, чему также будет много способствовать большая его подвижность. <...> Таким образом, край, в который мы сделаем вторжение, будет опять

⁸⁷ Колубакин Б. Комментарий к воспоминаниям графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.221.

⁸⁸ Дельвиг Н.И. Воспоминание об экспедиции в Дарго // Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.409.

оставлен нами. Кроме некоторого разорения, которому подвергнуться жители, средства неприятеля, заключающиеся в его вооруженных силах, останутся без большого изменения. <...> Наступательное движение наше в Аварию, Гумбет и Андию и возвращение оттуда без всяких, по вероятности решительных результатов, не может произвести выгодного для нас впечатления, как в жителях занятого ныне неприятелем края, так и во всех жителях Дагестана, ныне нам покорных»⁸⁹.

Писал к графу Воронцову в период его подготовки к Даргинской экспедиции и генерал Р.К. Фрейтаг: «На марше Вы столкнетесь в лесу с такими трудностями и таким сопротивлением, какого, вероятно, не ожидаете. Я не буду пытаться доказать, что эта операция практически невыполнима. Напротив, я уверен, что Вы прорветесь на равнину, но потери будут огромны. Вы увидите, что чеченцы умеют драться, когда это необходимо. <...> Какими бы успешными ни были Ваши маневры, они не окажут серьезного влияния на покорение Чечни <...>»⁹⁰.

При главкоме А.И. Нейдгардте, и, как то было всегда, никто не решался перечить воле императора. Не произошло этого и при наместнике графе М.С. Воронцове, который не мог начинать своего поприща на Кавказе ссорой с императором, тем более этого не было в его правилах. Кроме того, опыт показал, что «редко когда возражения их возражения против того или другого неправильного действия были принимаемы в уважение»⁹¹.

После приезда в Тифлис наместник оставался там только месяц, так как Петербург торопил. Для Петербурга в

⁸⁹ Цит. по: Лисицина Г.Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников // «Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.5.

⁹⁰ Баддели Д. Указ. соч. С.289.

⁹¹ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.413.

кавказском вопросе «военные действия представляли главный интерес»⁹².

Приготовления к экспедиции поражали воображение старожилов, бывших тогда на Кавказской линии. Никогда в сборах не принимало участия такого числа отдельных отрядов, назначенных для одновременных и согласованных действий на противоположных пунктах и направлениях театра войны с горцами. Как свидетельствовал К.К. Бенкендорф: «Никогда еще отряды эти не имели такой численности, особенно же главный отряд, при котором должен был находиться сам главнокомандующий – это целая армия»⁹³.

Главная квартира войск и местопребывания М.С. Воронцова располагалась в станице Червленной, где «не было ни одного почти дома, который не был занят приезжим постояльцем; все кипело жизнью, все вполне наслаждалось новизною впечатлений и ощущений.

Громадные средства приезжих тратились в станице, все обзаводились лошадьми, оружием, азиатскими костюмами и с беспечностью молодости тратили свои силы и деньги в ожидании скорого выступления...»⁹⁴.

Граф Воронцов объехал Линию, попутно обсуждая запланированную экспедицию с линейными командирами разных рангов, соображаясь с предстоящими ему действиями. Но после встречи с генералом Р.К. Фрейтагом и князем М.З. Аргутинским он начал терять уверенность в успехе похода в горы.

Своими сомнениями он поделился с военным министром А.И. Чернышевым, которому писал в мае 1845 г.: «Если бы даже полученное мною приказание действовать в этом году наступательно, прежде, чем вновь приняться за устройство передовой Чеченской линии, было противно моему мнению, как не согласны с ним здешние генералы, то я все же исполнил бы его с тем же рвением, но я откровенно говорю здесь всем,

⁹² Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // «Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.231.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.435.

что это также и мое мнение, что неблагоприятно избегать встречи с Шамилем и возможности нанести ему вред, что устроит наши дела лучше всего. Если Богу неужгодно будет благословить нас успехом, мы все-таки сделаем наш долг, не будем виноваты и обратимся к методической системе»⁹⁵.

М.С. Воронцов, не желая открыто противоречить высочайшей воле, старался мягко предупредить Петербург о том, что столичные идеи и упования не находят отклика в кавказской армии. Несмотря на это, он, верный слову и долгу, выполнит все предначертанное ему, в этом не должно сомневаться, даже вопреки царящему вокруг несогласию: он с государем. Но, если все же не будет успеха, который в воле Бога, то после исполнения высочайшей воли он перейдет к иным действиям, сообразным местным кавказским условиям.

Сомнения, однако, не проходили и продолжали угнетать Воронцова по мере приближения сроков выступления в горы. Тяжесть ответственности перед императором и теми безмерными ожиданиями, которые были связаны так же с ним, Воронцовым лично, с его репутацией и прежней славой, тяжелым грузом давили ему на плечи.

Незадолго до начала экспедиции наместник снова обращается с посланием к военному министру, а через него, естественно, к Николаю I: «Повергните меня к стопам Его Величества, я не смею надеяться на большой успех нашего предприятия, но, сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность»⁹⁶.

Граф Воронцов приступил к реализации назначенной ему задачи с внесения сомнения в стан противника. По его указанию уполномоченные им военные чины вступили в отношения с крымским муфтием Эскер Сеид Халил эфенди и его помощниками для того, чтобы убедить их действовать в пользу российской стороны и склонять горцев и стоящих над ними мюридов «расположиться к России»⁹⁷.

⁹⁵ Цит. по: Кавказская экспедиция в 1845 году...С.221.

⁹⁶ Цит. по: Кавказская экспедиция в 1845 году...С.51.

⁹⁷ ДГСКВК. С.484.

Одновременно, по указанию наместника, стали предприниматься усилия по привлечению на российскую сторону наиболее видных наибов Шамиля. Как отмечает М.М. Блиев, «Петербургу, судя по всему, была известна «несклеенность» имамата по его наибской «линии», и потому возможность усугубить разрыв между главой государства и его «автономными» образованиями представлялась очень привлекательной»⁹⁸.

М.С. Воронцову стало известно, что «среди наибов самой значимой для Шамиля и в то же время наиболее неустойчивой личностью является Даниель-бек»⁹⁹. Важность этой фигуры для российского командования определялась не только его влиянием в горах, сколько авантюристостью его характера и непомерно развитым честолюбием. Это позволяло надеяться, что при определенных предложениях, способных стать выше существовавших обстоятельств, этот человек мог бы резко поменять основания своей судьбы.

По мнению наместника, переход Даниель-бека на сторону российского командования был бы весьма важной для Шамиля и мюридизма потерей¹⁰⁰. Как свидетельствуют документы, представители графа М.С. Воронцова искали путей к установлению связей и с другими наибам — Хаджи-Муратом, Кибит-Магомой, Джемалом Чиркеевским¹⁰¹.

Тайные сношения российской стороны с наибам Шамиля, однако, не удалось сохранить в секрете, и имам узнал о них. Его реакция была быстрой: чтобы перевесить силу предложений, которые могли сделать русские, имам выложил свои самые важные козыри — он предоставил права чеченским наибам Дубе, Саадуле и Атабаю делать в своих вилайетах «все то, что целесообразно и полезно для веры, не воздерживаясь и не ожидая»¹⁰². Пойдя на такой шаг, имам пытался пресечь намечавшийся в имамате сепаратизм и пророссийские настроения, появившиеся в отдельных горских обществах.

⁹⁸ Блиев М.М. Указ. соч. С.516.

⁹⁹ Там же. С.517.

¹⁰⁰ ДГСВК. С.484-488.

¹⁰¹ Там же. С.488.

¹⁰² Там же. С.484.

Наместник также обращался с воззваниями к жителям Дагестана, которые представляли для имама не меньшую опасность, чем сношения представителей наместника с наибами. За долгие годы противостояния люди устали от напряжения и нестабильности и могли поверить предложениям русских.

Лазутчики приносили в горные селения воззвания графа М.С. Воронцова, в которых было немало привлекательного для горцев. Наместник писал: «Е.И.В., удостоив меня Высочайшим доверием, соизволил облечь меня полною властью и повелеть мне водворить мир в стране вашей, восстановить порядок и спокойствие, возвратить всем племенам Кавказским тишину и безопасность, которые одне могут обеспечить счастье и благоденствие края.

Многолетний опыт показал вам, что не с оружием в руках и не беспрестанными враждебными действиями вы можете снискать сии благоденствия. Напротив того, упорствуя в дерзком сопротивлении, вы подвергаете опасностям ваши семейства, вы нарушаете благосостояние вашей страны, которую вовлекаете в неизбежные бедствия войны; вы принуждаете правительство употреблять против вас меры строгости, кои будут для вас гибельны.

Жители Дагестана! Подумайте о затруднительном положении, до коего довели вас честолубие и коварные наущения некоторых людей, употребляющих во зло ваше доверие и вводящих вас в заблуждения. <...> Для меня было бы гораздо утешительнее, чтобы вы вняв гласу рассудка, доставили мне случай привести в точное исполнение благодетельные предначертания Г.И. Единственная цель их состоит в том, чтобы прекратить претерпеваемые вами бедствия и даровать вам блага, коих вы можете желать. Имейте полное ко мне доверие и знайте, что все, что бы ни обещал я вам от имени Г.И., будет свято соблюдено и исполнено»¹⁰³.

Только жесткими репрессивными мерами имаму удалось не допустить гибельного для него воздействия воззваний наместника. Шамиль предписал своим доверенным людям

¹⁰³ АКАК. – Тифлис, 1885. Т. X. С.361.

выселить из сел Хунзаха сто пятьдесят дворов сторонников нечестивых <...> в местах, где есть наибы¹⁰⁴.

Наместник также обращался и к русским перебежчикам, поселившимся на территориях имамата. Им обещано было прощение в случае добровольного возвращения из «бегов»¹⁰⁵. Зная, насколько Шамиль дорожил этой группой населявших имамат людей, часть которых служила среди личной охраны имама, а также участвовала в производстве орудий, холодного и огнестрельного оружия для войск имама, граф Воронцов надеялся посеять несогласие в данной среде и ослабить общие силы Шамиля.

С точки зрения М.М. Блиева, наместник «верно угадывал наиболее уязвимые стороны политической жизни имамата и пытался ими воспользоваться. Сказывался его опыт политической и административной деятельности. Продолжи он «политическую борьбу» с Шамилем, но без военных акций, сыграй он в оборону, но не так, как это приказал император в 1843 г., и время, так же как и наибы имама, сработало бы на наместника»¹⁰⁶.

Шамиль быстро распознал в графе Воронцове опаснейшего противника и действовал безжалостно по отношению колеблющимся в своем стане. По свидетельству К.К. Бенкендорфа, «палачи его не переставали отсекал головы <...> и к этим отсеченным головам привязывались надписи: «Такая же судьба ожидает всякого мусульманина, который заговорит о мире с русскими» <...> Меры эти достигали своей цели: перед мечом и секирой исчезла всякая оппозиция, и мы не только что лишились всех своих партизан, но уже не находили и лазутчиков»¹⁰⁷.

В то же время Шамиль знал, что он не сможет даже серьезно напугать русских, и у него нет реального шанса разбить столь крупные силы русской армии, направляющейся в горы. Но он так же знал и то, на что указывал князь

¹⁰⁴ ДГСВК. С.483.

¹⁰⁵ Там же. С.486.

¹⁰⁶ Блиев М.М. Указ. соч. С.518.

¹⁰⁷ Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.378.

Аргутинский: русские смогут пройти в горы, но не смогут там закрепиться. Шамиль надеялся на своего главного союзника - кавказскую природу. Природно-климатические условия и тяжелейшие условия ландшафта, как и ожидалось, во все продолжение экспедиции русских испытывали на прочность их человеческие качества.

Отдельный Кавказский корпус уже при генерале А.И. Нейдгардте стал усиливаться новыми войсками. Общая численность кавказских войск к 1844 году достигла 107914 человек (по списочному составу), при 900 орудиях (из них на Северном Кавказе – 359) и 36378 казаков¹⁰⁸.

По указанию из Петербурга туда был направлен еще и 5-й пехотный корпус генерала А.Н. Лидерса и стрелковый батальон, но ни войска этого корпуса, ни сам генерал, ни его штаб не были знакомы с условиями ведения войны на Кавказе. Таким же было большое число генералов, присланных в тот отряд, составивших большею частью лишь бремя для войск¹⁰⁹.

В связи с этим наместник был обязан подчиниться и не назначать в экспедицию наиболее опытных, внушавших доверие кавказским войскам командиров. Кроме того, желая сделать приятное многим влиятельным особам при дворе, граф М.С. Воронцов не хотел противиться приезду из Петербурга для участия в экспедиции значительного числа именитой молодежи, привлеченной его громким именем, которому благоволил император.

Среди искателей воинской славы было много аристократов, и людей влиятельных, их родственников - князь Ф.И. Паскевич, сын фельдмаршала, граф А.С. Строганов, князь А. Голицын, князь Эмилий Витгенштейн, барон Николаи, князь А.И. Гагарин, князь М.А. Дондуков-Корсаков, князь С.И. Васильчиков, князь Яшвиль, граф Чапский, барон Врангель, князь М. Лобанов-Ростовский, князь Трубецкой, С.М. Воронцов, сын главнокомандующего и многие другие.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф.846. Д.6464. Лл.98-105; Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. С.184.

¹⁰⁹ Удовик В.А., Кацки В.О. Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. – СПб., 2000.

Аристократ М.С. Воронцов не упускал случая проявить сословную солидарность и оказать услугу представителям аристократических фамилий, помочь им сделать карьеру, и тем самым расположить к себе мнение света и придворных кругов, косвенным образом укрепляя свои позиции в обществе, а в отдаленном намерении, на всякий случай, получая себе защитников перед императором. Наконец он следовал традиции и предпринимал то, чему сам был участник в молодости при князе П.Д. Цицианове.

Будучи свидетелем и участником происходящего, Н.П. Беклемишев писал: «Громкая слава и высокое положение графа М.С., заманчивость блестящих подвигов и самый характер Кавказской войны всех увлекали. К числу многих представителей самого цвета русского дворянства, собравшихся под знамена графа М.С., присоединился принц Александр Гессен-Дармштатский»¹¹⁰.

Им всем казалось, что прежняя европейская слава графа Воронцова, победителя Наполеона в битве при Краоне, превратит их поход в горы, если не в занимательное приключение, то, во всяком случае, обеспечит наградами и славой, укрепит их положение, по возвращении, при дворе они предстанут героями.

Желание нравиться Петербургу и недостаточное знание истинной сути Кавказа привели М.С. Воронцова к непростительным ошибкам при организации сборов к походу в горы. Так при нем была составлена многочисленная свита из разного рода людей, военных и гражданских, привлеченными разными видами своему будущему. К ним присовокуплен был штаб самого главнокомандующего с походной канцелярией. Одновременно М.С. Воронцов сохранил свиту и штаб своего предшественника генерала А.И. Нейдгардта, вероятно рассчитывая получать от этих людей дельные советы при определенных обстоятельствах, буде в них потребность. Еще ему хотелось своим вниманием к ним загладить негативное впечатление, произведенное отставкой их начальника и свою косвенную к ней причастность.

¹¹⁰ Цит. по: Лисицына Г.Г. Указ. соч. С.7.

Все это скопление людей в соединении еще со штабом, адъютантами и ординарцами генерала А.Н. Лидерса, «составляло весьма значительную, небывалую на Кавказе по размерам группу лиц штабов и свиты, требовавшую значительное число вьючных лошадей, что увеличивало обоз, затрудняло его продовольствие и усложняло его прикрытие, в ущерб подвижности, проходимости и боеспособности отряда»¹¹¹.

Непростительным было соединение кавказских батальонов с полками 5-го пехотного корпуса, частями различных казачьих полков и кавказскими милициями, что, нарушая постоянную организацию частей, повело к полной разнородности состава отряда. Все это не только свидетельствовало о явном просчете главного командования, но и «подало повод острословам к шутливому наименованию отряда – «армией Ксеркса»»¹¹². В этой шутке, запущенной в ход острыми на язык кавказскими старожилками, заключался и саркастический намек на исход ксерксова воинства в войне с греками.

М.С. Воронцов полагал, как то мыслилось и в Петербурге, что многочисленность отряда также должна была внушить горцам мысль о всемогуществе российского императора, воочию продемонстрировать его силу, который, если того потребуют обстоятельства, может заполнить горы и леса Кавказа своим воинством, не оставляя шансов непокорным.

В Петербурге до самозабвения увлеклись идеей захвата резиденции имама, чтобы окончательно сломить Кавказ и заставить его покориться. В основе такого расчета лежала мысль, может быть, правильная по отношению к Европе, но, совершенно ложная, для Кавказа – захватом столицы противника разом решить исход противостояния¹¹³.

Не понимая условий и нравов Кавказа, в Петербурге преувеличивали значение роли резиденции Шамиля. Как

¹¹¹ Кавказская экспедиция в 1845 году...С.50.

¹¹² Там же.

¹¹³ Огарков В.В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. – СПб., 1892.

свидетельствовал опытный кавказец К.К. Бенкендорф: «В этой стране не существует такого центрального пункта, занятие которого решило бы ее завоевание. Кавказские племена лишь в весьма ничтожной степени находятся в зависимости друг от друга и в политическом, и в материальном отношении. В настоящее время их связывает только власть Шамиля, и его авторитет господствует только там, где он находится лично, не привязываясь, однако, к одному месту более чем к другому»¹¹⁴.

Однако, приняв на себя обязательства перед императором выполнить его наказ и предпринять все запланированные меры повредить Шамилю, М.С. Воронцов, даже поняв к концу мая 1845 г. всю неподъемность возложенной на себя ноши, не разрешил себе открыто об этом сказать Николаю I, поскольку ожидания победы и славы, прежде всего для государя, продолжали витать при дворе и в светских салонах. М.С. Воронцов решил довериться Божьей воле и непременно исполнить свой долг: вдруг вывезет!

Вся экспедиция в горы была составлена из нескольких последовательных или одновременных операций и этапов, охватывая территории Чечни и Дагестана. По мнению М.М. Блиева: «Даргинская экспедиция предполагала не только наступление на резиденцию имама, но и имела более широкий фронт действий, направленных на ликвидацию имамата как государственности Шамиля»¹¹⁵.

Для отвлечения внимания горцев от действий главных сил, часть войск была выдвинута по следующим направлениям: Самурский отряд под командованием генерал-майора князя М.З Аргутинского проводил операцию против неприятельских сил Южного и Центрального Дагестана, прикрывая южный фланг главного отряда; Лезгинский отряд, под командою генерал-лейтенанта Г.Е. Шварца, наблюдал за лезгинскими обществами, находясь в постоянном контакте с Самурским отрядом. Владикавказский комендант генерал-майор Нестеров наблюдал за горскими обществами на северо-западе от главных

¹¹⁴ Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года... С.303.

¹¹⁵ Блиев М.М. Указ. соч. С.521.

сил. Наконец, начальник Левого фланга Кавказской линии генерал-майор Р.К. Фрейтаг, «соображаясь с обстоятельствами», должен был отвлекать чеченцев от района действия войск главного отряда¹¹⁶.

В походе на Дарго было определено участвовать Чеченскому отряду под командованием генерал-майора А.Н. Лидерса и Дагестанскому отряду под командованием генерал-лейтенанта князя В.О. Бебутова. Официальной датой начала похода на Дарго считается 31 мая, а завершающей – 20 июля 1845 г.

Перед началом выступления в горы, после общего молебна, граф М.С. Воронцов здоровался со всеми войсками, и все отвечали радостными кликами. Поход в горы начался легко и весело и почти без столкновений с горами. Петербургская молодежь предавалась веселости и самым блистательным надеждам. По свидетельству Э.С. Андреевского, бывшего среди них: «Князь Барятинский, князь Паскевич, флигель-адъютант Бенкендорф, князь Витгенштейн и многие другие вели жизнь беззаботную, собирались часто и веселились, как в столице. <...> Щербинин и Николай были весьма веселы; <...> Веселость характера первого из них разливалась на и других. После обеда он всегда находил средства забавить гостей какою-нибудь фарсою и между прочим танцевал несколько раз лезгинку с графом Гейденом и бароном Минквицем, которая надолго остается в памяти каждого. Нельзя себе представить что-нибудь более комическое»¹¹⁷.

Однако на марше все шли в большом порядке и продвигались быстро. Торопливость была такой, «к которой здесь не привыкли и которая при прежних движениях, особливо в последние годы, считалась невозможною»¹¹⁸. М.С. Воронцов по образцам европейской войны старался поскорее выйти на оперативный простор и опередить противника, заняв выгодные позиции. Но Кавказ не допускал торопливости, и понятия оперативного простора здесь не существовало. В

¹¹⁶ Кавказская экспедиция в 1845 году... С.61.

¹¹⁷ Андреевский Э.С. Даргинский поход 1845 г. // Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.486.

¹¹⁸ Там же. С.487.

конечном счете, торопливость, которой был привержен тогда М.С. Воронцов, невольно усугубила и без того неудачный проект экспедиции.

Первый лагерь разбили у разоренного аула Чир-Юрт. Авангард переправился в брод через Сулак и, заняв противоположный берег, служил прикрытием для саперов, которые устроили мост для переправы орудий и других тяжестей.

В первой половине 1 июня прибыли в Мятлинскую долину. Разбив лагерь и устроившись по обыкновению походной жизни, члены свиты графа Воронцова провели остальную часть дня, как и прежде, «довольно весело, навещали знакомых и обошли все почти сады вдоль по течению реки. До тех пор мы еще не слышали неприятельских выстрелов. <...> Наш поход был не что иное, как прелестная прогулка, оживленная толпою веселых и радушных лиц, из которых мало кто подумывал о предстоящей опасности. Несколько выстрелов в арьергард переранили четырех человек, но почти никто на это не обращал внимания»¹¹⁹.

После соединения 3 июня Чеченского и Дагестанского отрядов граф Воронцов начал лично распоряжаться в качестве главнокомандующего, а до тех пор все распоряжения делались через генерала А.Н. Лидерса, хотя и от имени графа.

Войска по обыкновению, вышедшему из кавказского опыта ведения горной войны, а так же из разумной предусмотрительности генерала А.А. Вельяминова, выстраивались длинным четырехугольником, фасы которого составляли авангард и арьергард и два боковых прикрытия.

«Такою живою крепостью отряд и двигался: авангард и арьергард по ущелью или долине, а боковые прикрытия – по горам, и на таком расстоянии, чтобы пули горцев не могли бить в колонну, где были остальные войска и обоз» со штабами, адъютантами и многочисленной свитой главных командиров, а, чтобы удерживать боковые прикрытия на своих местах и чтобы

¹¹⁹ Там же. С.488.

цепи стрелков не разрывались в закрытой или пересеченной местности, их часто окликали сигнальными рожками¹²⁰.

При таком построении движение отряда не могло быть слишком быстрым или маневренным (хотя Воронцов постоянно поторапливал войска), что давало подвижному неприятелю полную возможность сосредоточивать свои силы в местах, наиболее удобных для обороны. При совершенном знании местности горцы всегда могли предполагать цель и направления российских войск. Однако все их преимущества ослаблялись важным обстоятельством, о котором знала русская сторона – противники её были обыкновенно слабо обеспечены продовольствием, а потому тяготились медлительностью движения войск. Если же получали повсюду хороший отпор, то скоро падали духом.

Самая трудная роль доставалась арьергарду, а относительно легкая – авангарду. В боковых прикрытиях все зависело от свойств местности. Войска в боковых прикрытиях сильно утомлялись от беспрестанных спусков и подъемов, при которых надо было выбивать неприятеля из засад и завалов, которые горцы делали наперед, зная из условий местности, что прикрытия не минуют этого места. Если случалось, что отряд слишком растягивался, тогда боковые прикрытия усиливались войсками из главной колонны.

Батальоны и роты прикрывали главный отряд с обеих сторон боевыми линиями, которые, в свою очередь, прикрывались боевыми цепями с взводами. Первоначально в звеньях цепей использовалось по 2 человека стрелков, обязанных взаимной поддержкой, но опыт скоро показал, что в кавказских условиях этой численности звеньев было недостаточно – они были очень уязвимы. Поэтому по указанию генерала Р.К. Фрейтага, «лучшего знатока этого дела»¹²¹, было установлено иметь звенья в составе взвода численностью в 20-30 человек, под командой офицера или унтер-офицера с

¹²⁰ Филиппсон Г.И. Кавказская война // Стрижамент. Историческое наследие. Приложение к газете «Кавказский край». Выпуск 1. – Ставрополь: Кавказский край, 1991. С.469-470.

¹²¹ Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года... С.247.

придачей ему горниста-сигнальщика. Звено такой численности обладало уже достаточной силой сопротивления. Эти взводы не должны были только терять друг друга из вида, внимательно выбирать при расположении на предназначенной им местности пункты, имевшие тактическое значение и согласовывать свои действия при передвижении. В движении батальоны и роты, составлявшие боковые цепи прикрытия, как раз и были разделены на группы – взводы, продвигавшиеся или в шахматном порядке или в затылок друг дружке.

Шамиль, понимая, что для открытого противостояния он не имеет сил, уступал весь атакованный русским отрядом край, разоряя и выжигая селения в надежде вредить русским во время их возвращения в свои крепости. Такой системы ведения войны со стороны горцев в штабе главных сил экспедиционного корпуса не предусмотрели, и она сделалась для главнокомандующего досадной неприятностью, которая стала путать карты военному начальству.

В отряде графа М.С. Воронцова действовали правила, характерные для всей имперской системы: мнения нижестоящих командиров с большим трудом доводились до главного начальства или не доводились вовсе из опасения перечить мнению главнокомандующего.

С другой стороны, возможно граф Воронцов был бы не против того, чтобы выслушать доводы опытных людей, но не делал этого, поскольку был связан обязательствами перед императором.

Представляется, что именно эта строгая приверженность графа Воронцова букве императорского плана действий не позволяла маневрировать и избирать ход действий, наиболее приемлемый в реалиях образующихся обстоятельств. Тем паче, невозможно было подвергнуть критическим замечаниям действия главнокомандующего на глазах его свиты, состоявшей из 40 человек, и без которой его трудно было видеть.

По этой причине опытные кавказские командиры не сумели предупредить графа Воронцова о причудах и превратностях природно-климатических условий горной

страны. Потому с 6 по 13 июня русские столкнулись с неприятелем, гораздо опаснее многих Шамилей вместе взятых.

Потоки дождя, которые продолжались по несколько часов или даже целые сутки проникали не только под одежду, но и в палатки, которые стояли в лужах. Многих участников похода неприятное ощущение холода и нервное содрогание лишало сна, что усиливало общую усталость.

Ужасная стужа, мороз и снег в летние месяцы атаковали русский отряд. Лошади и рогатый скот бродили с места на место и старались кое-как из-под снега добыть себе несколько щепоток корма. Многие из них, особенно черводарские лошади (черводары – нанятые для экспедиции проводники из туземцев с месячной оплатой с лошадью и вьюком), бродившие без всякого присмотра, обрывались с круч и разбивались насмерть¹²².

Особенно пострадал от холодов и снега отряд генерала Д.В. Пассека, сначала удачно атаковавший горцев и выбивший их с горы Анчигеер, которую защищало около 3000 мюридов, а затем своевольным изменением операционного плана поспешно занявший гору Зунумеер. Там он оказался практически в изоляции.

Несмотря на «блистательное Анчигеерское дело и на удачные после него перестрелки»¹²³, окончательный результат оказался неожиданным. После занятия исполинской горы, покрытой снегами, на которой лошади пропадали с голоду, а люди стояли без дров и без воды, несколько сот человек оказалось с обмороженными ногами, а более половины лошадей, на которых возили провиант, пропали¹²⁴.

Среди представителей кавказской армии не было согласия по поводу данных действий генерала Д.В. Пассека. Его обвиняли в чрезмерном честолюбии и безрассудстве, которые привели к тому, что он не только поморозил людей, но оторвал авангард от главных сил, подвергая его опасности быть

¹²² Андреевский Э.С. Указ. соч. С.499.

¹²³ Там же. – С.497.

¹²⁴ Там же. С.507.

разбитым до подхода главных сил, хотя предпринимавшиеся горцами против него атаки и были отбиты штыками.

Его однокурсник по Военной академии Н.И. Дельвиг извинял своего друга, так как «отличительной чертой Д.В. Пассека было то, что он не мог идти наравне с другими, а непременно хотел быть впереди»¹²⁵.

В европейской войне, по мнению К.К. Бенкендорфа, Д.В. Пассек обратил бы на себя внимание и прославил бы русскую армию, но на Кавказе он был именно тем военачальником, каким там не следовало быть. На Кавказе ничем нельзя рисковать и никогда нельзя было рассчитывать «на авось». Здесь, при всяком предприятии, надо было быть уверенным в силе удара: всякое действие должно было быть спокойно и осторожно взвешено, так как в этом крае десять успехов не могли окупить последствий одной ничтожной неудачи¹²⁶.

Наконец в действиях Д.В. Пассека не было целесообразности, поскольку прежде занятая позиция на горе Анчимеер уже обеспечивала защиту от горцев, занимавших Мичикал и прямую дорогу в Андию. Потому действия Д.В. Пассека оценивались как тактический просчет и следствие неумеренных амбиций быть первым в войсках¹²⁷.

В силу того, что о прошлом приходится узнавать у живших в нем современников-мемуаристов, следует подчеркнуть, что оценка событий прошлого во многом находится в зависимости от глаз мемуариста, а его пристрастия и антипатии уводят далеко от бывших реалий. Но остается неоспоримым то, что русским дорого обошлась победа Д.В. Пассека.

Как бы то ни было, но первая неделя экспедиции вдохновляла. Захват горы Анчимеер и поспешное отступление противника укреплял надежды на дальнейшие победы. Начало действий графа Воронцова, «к которому и без того войска имели неограниченную доверенность, было увенчано самым блистательным успехом. <...> Граф поехал по лагерю,

¹²⁵ Там же. С.499-500.

¹²⁶ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. – 1883. Кн. 1. С.167.

¹²⁷ Дельвиг Н.И. Указ. соч. С.411.

здоровался с солдатами и с видимым удовольствием принимал их поздравления»¹²⁸.

В свою очередь, взятие Анчимеера произвело в горах потрясающее впечатление. Следствием стало оставление горскими отрядами Мичикальского ущелья. Горцы собрались в значительных силах только уже в Андии.

7 июня снова выпал снег. В лагере все терпели холода, но все были всё ещё веселы: «весьма часто виднелись меж туманов карикатурные движения плясунов, покрытых грязью с ног до головы. Офицеры нагревали палатки спиртом, пили жженку, бушевали и играли в карты, а потом шли в секреты, на караул, в цепи, на работу. <...> Более всех страдала молодая знать, привыкшая к столичной неге и роскоши, но никто не умел так шумно и казарменно проводить свою лагерную жизнь. Бесконечные рассказы и отрывистый хохот, песни и жженка, завтраки, обеды и ужины, карты и даже одна дуэль, которая, впрочем, к счастью, кончилась после первого выстрела»¹²⁹.

13 июня приступили ко второй фазе похода – готовились атаковать неприятельские завалы, устроенные им перед входом в ущелье, и занятие Андии. Шамиль продолжал тактику выжженной земли. Он обманом заставил жителей андийских селений покинуть свои жилища, а потом мюриды все их подожгли. Перед позициями русского отряда появились горские всадники. Они то скакали вперед по направлению к русскому отряду, то вдруг бросались обратно. Скоро стало ясно: они не имели намерения противоборствовать русским, они только хотели отвлечь их внимание от бегства жителей андийских аулов, которые с женами и детьми и со всем имуществом уходили, чтобы скрыться в ущельях и лесистых оврагах.

Это сильно подорвало расчеты графа Воронцова, который надеялся что с взятием Андийских ворот, андийцы придут с покорностью, а потом их примеру последуют соседние племена. Таким надеждам сильно способствовали

¹²⁸ Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. С.252.

¹²⁹ Лисицына Г.Г. Указ. соч. С.11.

несколько знатных андийцев, которые находились в азиатской свите графа Воронцова. Все они заверяли русских «в ненависти их соотечественников к Шамилю и в преданности к России»¹³⁰.

Сражение с горцами произошло 14 июня. Двумя колоннами войска главного отряда русских двинулись по направлению к селениям Гогатль и Анди. У Шамиля было под рукой около 6000 горских бойцов и выгодная позиция для обстрела с высот всего низменного пространства. Сражение длилось в течение всего дня. Горцы отступили. Войска к вечеру расположились лагерем между селениями Анди и Гогатль, вынужденные приостановить дальнейшее свое движение, так как продовольствие было на исходе.

В Петербурге ликовали: задача захвата Андии была решена. Император, вне себя от радости писал графу Воронцову: «Господь даровал вам и вашим войскам заслуженный успех и еще раз показал, что ничто не может остановить русских, - когда твердой рукой в его помощь они идут туда, куда посылает их царь <...> я не могу сказать с уверенностью, каковы будут последствия этого успеха, но не сомневаюсь, что он будет долговременным и разрушит доселе незыблемую веру во власть Шамиля»¹³¹.

До сих пор экспедиция проходила успешно, хотя Шамиль не был разбит, но он не давал такой возможности. В ожидании прибытия транспортов войска оставались в течение четырех суток без хлеба, получая только немного водки и мяса, и разделяли один сухарь на десятерых¹³². По мнению К.К. Бенкендорфа, «снабжение было совершенно расстроено быстротой марша и продолжительным ненастьем», которого не предусмотрели¹³³.

Не было возможности пополнения запасов за счет местных ресурсов, так как Шамиль разграбил или уничтожил

¹³⁰ Андреевский Э.С. Указ. соч. С.495.

¹³¹ Цит. по: Баддели Д. Указ. соч. С.280.

¹³² А.-Д. Г. Поход 1845 года в Дарго // Военный сборник. – Тифлис, 1859. №5. С.33.

¹³³ Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.353.

все местные припасы. Даже трава была выжжена, и лошадям было еще хуже, чем людям.

Снабжение войск продовольствием есть одно из важных условий их успешных действий в походе. Главнокомандующий только среди гор, понял: чем дальше войска будут углубляться в горные пределы противника, тем сложнее будет обходиться доставка им провианта и следовало бы предусмотреть несколько вариантов такой доставки.

Горная война была грозным учителем. М.С. Воронцов отметил этот урок: «Если мы когда-нибудь пожелаем прочно утвердиться в Андии, то не со стороны Чиркея и Внезапной можем мы получать наше продовольствие; это почти невозможно летом и совершенно невозможно с осени до весны. Если обстоятельства заставят нас снова быть обладателями этой страны, то надо начать занятием и укреплением Майортупа, как левой оконечности передовой Чеченской линии, потом прорубить в два ружейных выстрела просеку по дороге от Майортупа к Дарго, устроить хороший форт для 4 или 5 батальонов в Дарго, а оттуда до Анди прогулка»¹³⁴.

В сложившихся условиях дело снабжения войск уже нельзя было оставлять за черводарами, которых к тому же, по причине плохой одежды и обуви, около дюжины умерло¹³⁵. По приказу М.С. Воронцова организацию бесперебойной доставки продовольствия, фуража и военных припасов к местам дислокации действующих отрядов было поручено опытным людям – генералу В.О. Бебутову и шамхалу Тарковскому, который выделил для соответствующего транспорта 500 подвод¹³⁶.

В ожидании транспортов с припасами 20 и 21 июня специальный отряд от главного войска под командою самого главнокомандующего делал вылазку против Шамиля выдвижением на перевал Речел, отделявший Андию от Ичкерии.

¹³⁴ А.-Д. Г. Указ. соч. С.34.

¹³⁵ Бенкендорф К.К. Указ. соч. С.272.

¹³⁶ А.-Д. Г. Указ. соч. С.33.

Эта операция должна была решить несколько задач: 1) дать понять противнику, что перевес сил остается на стороне русских войск, т. е. продемонстрировать свою мощь; 2) отвлечь внимание противника от транспортов с продовольствием, которые направлялись к андийскому лагерю; 3) привлечь на свою сторону тех местных жителей, которые бы захотели получить покровительство от русских; 4) внести исправления в топографические карты, которые, как обнаружилось, были далеки от точности¹³⁷.

Хорошо проявила себя в делах грузинская милиция под командою испытанного храбреца князя Л.И. Меликова. Как свидетельствовал К.К. Бенкендорф: «Грузинские милиционеры резко от нас отличались: превосходные пешеходы, почти все поголовно горные жители, они превосходили наших солдат в умении лазить по горам. <...> Грузины вообще отличались поразительной храбростью, переходящей зачастую пределы благоразумия»¹³⁸. В дальнейшем отдельные подразделения от главного отряда участвовали в локальных стычках с горцами, которые совершали вылазки и обстреливали лагерь.

Дождавшись подхода большого обоза с припасами, главный отряд, преодолев все трудности пути, 6 июля достиг конечной цели похода – Дарго. После упорного боя авангард под командою генерала К.Я. Белявского, спустился к пылающему аулу и занял его. Вместе с авангардом расположился у Дарго биваком главнокомандующий, прибывший вместе с кавалерией. Остальные войска, продолжали спуск в течение всей ночи. Таким образом, М.С. Воронцов в точности исполнил начертания императорского плана. Столица Шамиля была взята, и пока все шло хорошо.

Отступая, Шамиль умышленно поджег Дарго, чтобы не отдавать его в руки русских, а затем всю ночь и утро следующего дня обстреливал с гор позиции своего противника. Больше всего ядер долетало в лагерь русских войск от селения Белгатов.

¹³⁷ Лисицына Г.Г. Указ. соч. С.14.

¹³⁸ Бенкендорф К.К. Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.258.

Чтобы прекратить обстрел главнокомандующий сформировал отдельный отряд под командою генерала И.М. Лабынцева, который сделал вылазку и выгнал горцев из Белгатоя и Цонтери, но как только он начал обратное движение, горцы бросились на солдат в шашки, но были остановлены картечным огнем и штыками.

Скоро снова ухудшилась погода: лил дождь со снегом, и опять начались проблемы с продовольствием. Чтобы не замерзнуть, «солдаты рыли ямы, в которых теснились по три человека: одна шинель служила матрацем, две другие - одеялом»¹³⁹.

Оставаться в Дарго не было смысла, но и уйти до прихода транспортов с продовольствием и другими припасами было нельзя. В тоже время стало известно, что часть обозов по дороге к Дарго были отбиты неприятелем или потеряны в ущельях. Бывшая резиденция имама превращалась в ловушку для войск. Среди солдат начались болезни от холода, недоедания, умирали от голода лошади, заканчивались боеприпасы. Стало так же ясно, что ожидавшийся транспорт с продовольствием не сможет пройти через лес, без окончательной его потери. Главнокомандующим было принято решение разделить главные силы на два отряда. Один под командованием генерала Клюки фон Клюгенау отправить навстречу транспорту с припасами, чтобы ускорить доставку продовольствия в лагерь. 10 – 11 июля случилась так называемая «сухарная экспедиция», которая ознаменовалась большими потерями среди солдат и гибелью генералов Д.В. Пассека и В.М. Викторова и доставкой малого количества продовольствия.

Генерал Д.В. Пассек возглавлял авангард отряда Клюгенау. Это стало большой ошибкой, так как привело, в конечном счете, к катастрофе. Д.В. Пассек, всегда следовавший известной заповеди А.В. Суворова «голова никогда не ждет хвост», оторвался от центра колонны, и враги не замедлили

¹³⁹ Воспоминания гр. К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Русская старина. – 1910. №10. С.282.

этим воспользоваться и вклинились в образовавшуюся пустоту, расстреливая войска со всех сторон¹⁴⁰.

Бой продолжался весь день, и только на закате остатки колонны при помощи арьергарда вырвались на свободное пространство. Катастрофа случилась на следующий день, когда войскам надо было проделать тот же путь в обратном направлении. Генерал Клюки фон Клюгенау чудом остался в живых. Под ним было убито несколько лошадей, «он растерял всю свою свиту, а вместе с ней и свою репутацию. <...> За два дня потери составили: убитыми – кроме двух генералов, 554 человека, ранеными – 770 человек»¹⁴¹. «Сухарная экспедиция» произвела тяжелое впечатление на войска.

Не получившему продовольствия и подкрепления отряду во главе с графом Воронцовым ничего не оставалось, как начать приготовление к переходу в Герзель – аул. Возвращение отряда через дремучие Ичкерийские леса сопровождалось необычайными трудностями, связанными с беспрестанными атаками шамилевских бойцов, отсутствием провианта у русских, отягощенных большим обозом с ранеными. Непримиимые горцы всячески осложняли жизнь отряду Воронцова: «Шамиль портил воду в родниках, отступая, завалив родник трупами лошадей»¹⁴².

Войска вынуждены были пройти 5 верст самого трудного леса и с таким географическим местоположением, что «цепи ни справа, ни слева иметь было невозможно почти на всем протяжении»¹⁴³.

Русским пришлось штурмовать 23 завала, устроенными горцами на единственной дороге. Завалы были взяты один за другим, но боковые выстрелы горцев на многих пунктах следования сильно вредили войскам. Личным мужеством и, разделяя труды и лишения войск, М.С. Воронцов сумел сохранить в них порядок и бодрость духа. Адьютантам приходилось, чуть ли не силой, выводить командующего из-под огня неприятеля. Только Воронцов смог справиться с

¹⁴⁰ Баддели Д. Указ. соч. С.286.

¹⁴¹ Лисицына Г.Г. Указ. соч. С.19.

¹⁴² Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа... С.357.

¹⁴³ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову... С. 167.

задачей командования в столь критические минуты. Он проявил удивительную выдержку, что много способствовало спасению отряда¹⁴⁴.

Русские совершили 8-ми дневный переход из Дарго к Герзель-аулу в беспрестанных столкновениях с горцами. Арьергардом, составленным из солдат Кабардинского полка, командовал генерал И.М. Лабынцев, и его твердость и хладнокровие определили относительно малый урон этой части русского отряда. По мнению англичанина Дж. Баддели: «Лучшие армии мира вряд ли могли пройти через все эти испытания и сохранить мужество»¹⁴⁵.

Генерал Р.К. Фрейтаг, предвидя возможность такого исхода экспедиции, разместил войска между крепостью Грозной и Герзель-аулом. Он выступил без промедления навстречу отряду Воронцова, как только посланцы графа принесли ему просьбу о помощи, прорвал окружение шамилевских войск и, встретившись, оба русских отряда, вышли на безопасную территорию. Заслуга в этом случае генерала Р.К. Фрейтага была велика. Запоздай он хотя бы на сутки, может быть, последовало совершенное истребление отряда, изнуренного голодом и отягощенного большим количеством раненых¹⁴⁶. Шамиль, померявшись силами с генералом Р.К. Фрейтагом, отошел, злясь на своих наивов за то, что они позволили русским уйти.

Оценивая исход экспедиции, М.С. Воронцов писал А.П. Ермолову: «Конечно, результатов больших нет и без какого-либо особого случая быть не могло, но мы повиновались воле Государя и общему мнению в России, и не показаться сего года в горах было бы стыдно»¹⁴⁷.

А.П. Ермолов в ответ передавал М.С. Воронцову мнения бывших кавказских генералов, живших после отставки в

¹⁴⁴ Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. С.206.

¹⁴⁵ Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С.291.

¹⁴⁶ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.

¹⁴⁷ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову. С.171.

Москве, на Даргинский поход. В Москве считали, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуемому и окруженному. Неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и даст ему большую власть.

Если требовалось неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, чтобы оставался бы страх перед приходом самого главного начальника, который поправит, «буде бы что не хорошо было сделано»¹⁴⁸.

Многие считали, что Воронцов проявил недопустимое безрассудство, если пять адъютантов вокруг него были подвержены опасности, а ему самому пришлось вынимать саблю в собственную защиту¹⁴⁹.

Сам А.П. Ермолов, оценивал результаты Даргинской экспедиции, хотя и сдержанно, но в пользу М.С. Воронцова. Он писал своему другу: «Твоё значение, твоя известность служат тебе ограждением и недосыгаемостью. Между тем слишком ощутительно, что ты исполнителем был предначертанной цели. <...> Для тебя хуже, если, по недостатку доверенности, скрыл от меня, что взятие Дарго требовалось настоятельно и безусловно»¹⁵⁰.

М.С. Воронцов в ответ на критику о недопустимой для главнокомандующего неосторожности писал А.П. Ермолову: «Я не искал лично лишений опасности; это бы было не свойственно ни летам моим, ни месту мною занимаемому, хотя я не мог не чувствовать, что офицеру и солдату приятно и ободрительно, когда главный начальник не слишком далеко от них находится. Братское, так сказать, отношение во время огня между начальником и войском, особливо таким, как полки Кавказские, не может не иметь хорошего действия. В Ичкерийском лесу, и именно оттого более, что неприятель был не сзади, а впереди и по бокам, это само от себя сделалось, и я могу это приписать своему счастью»¹⁵¹.

¹⁴⁸ Там же. С.173.

¹⁴⁹ Там же. С.174.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. С.180.

Обвинения М.С. Воронцову со стороны его явных или тайных недоброжелателей не подтверждаются уже тем, что его популярность в войсках на Кавказе никогда не умалялась до конца его службы в крае. Никто не мог умалить его личной храбрости. Очевидцы похода сообщали, например, что «когда неприятель несколько раз окружал русских, и все командование вместе с Воронцовым и едва не попало в плен, потеряв много людей, пробыв целый день под градом пуль, русские возвращались в главную квартиру. По дороге ежеминутно свистали пули рассыпавшегося в кустарнике неприятеля. Все насторожившись, переглядывались и осматривались, один только Воронцов спокойно ехал на своей измученной лошади. А ему в то время минуло за 70 лет, в тот день он, как и все, ничего не ел, не слезал с лошади и все время находился в самом опасном месте»¹⁵².

Даргинская экспедиция вышла за рамки обычных событий, а слухи о ней всколыхнули российскую общественность. Всплеск общественного внимания был вызван огромными потерями в войсках: из 12-тысячного отряда около трети было убито и ранено.

Несмотря на то, что Даргинская экспедиция не достигла всех предписываемых ей целей и стоила больших потерь, император Николай I был благодарен М.С. Воронцову за то, что тот старался его план реализовать, а затем, после неудачи, не запятнал его имени при этом. Отсюда высокая оценка действий Воронцова – княжеский титул за Даргинскую экспедицию.

В то же время официальный Петербург должен был выйти из положения, не роняя престижа. В результате российское общество получило официальное объяснение: несмотря на тяжелые условия и опасности, перенесенные войсками, наконец дано понять горцам, что русские войска способны проникнуть на территорию, считавшуюся до сих пор недоступной¹⁵³.

¹⁵² Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. – Л.: Художественная литература, 1988. С.508.

¹⁵³ Лисицына Г.Г. Указ. соч. С. 24-25.

Эти выводы, по мнению официального Петербурга, должны были положить конец нежелательным толкам и пересудам, однако, они не удовлетворили общество, и интерес к Даргинской экспедиции сохранялся на протяжении ещё многих последующих лет.

Почему так много шума было поднято вокруг Даргинской экспедиции в российском обществе и, прежде всего, в Москве и Петербурге? Почему столь острой была реакция на неудачу? Разве не было неудач прежде? Разве неудачи прежних лет, например, 1842-1843 гг., были менее чувствительными, а потери в людях или материальной части лишь немногим уступали тем, что были в 1845 г.?

Дело, как кажется, заключалось в том, что к 1845 г. совпало несколько составляющих одновременно. Во-1-х, поход в горы был связан с назначением на Кавказ известного своими успехами на прежних поприщах графа М.С. Воронцова, призванного кардинально улучшить положение дел на Кавказе. К 1844 г. многие чувствовали, что «наше дело было проиграно, и мы стыдились своего бессилия. Все желали, надеялись и с нетерпением ожидали события, которое изменило бы это печальное настроение умов»¹⁵⁴.

Этим событием, сначала, стал приезд на Кавказ наместником М.С. Воронцова, который в данном случае выступал в роли «спасителя», что уже само по себе рождает пристрастное внимание как доброжелательной, так и злорадной публики;

во-2-х, широкомасштабные приготовления и большие материальные затраты порождали завышенные ожидания неперемогенного успеха и перелома ситуации однозначно в пользу имперских целей в регионе;

в-3-х, что являлось самым главным, потому что экспедицию инициировал, вдохновлял и курировал император, чья заинтересованность проявлялась настолько ярко, как того никогда не было ранее.

¹⁵⁴ Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Указ. соч. С.228.

Вокруг итогов экспедиции так же развернулась борьба мнений и эмоций, что, в частности, вылилось в споры по численности войск, участвовавших в походе, или понесенных сторонами потерях; о степени успеха или предрешенности негативного финала¹⁵⁵.

Даргинскую экспедицию рассматривали как трагедию, предрешенную обстоятельствами, или как фиаско Петербурга и графа Воронцова лично. Многие видели в ней катастрофу. За всем этим стояла досада и разочарование одних и злорадное торжество других.

Следует признать, что Даргинская экспедиция 1845 г. явилась серьезной военной неудачей российских войск. Веселой прогулки в горы не получилось. Но видеть в ней катастрофу или только негативные результаты было бы чрезмерным преувеличением. Не удался конкретный план действий, далекий от реальностей кавказских условий, и тот только в последней фазе его реализации, но последствий позитивных приобретено было так же предостаточно. Станным кажется данное отношение к важному событию Кавказской войны, ставшему её поворотным моментом, своеобразной точкой отсчета новой эры в кавказских делах.

Она привела к коренному пересмотру стратегии и тактики командования Кавказской армии в борьбе с «немирными» горцами, сделавшись суровой школой, в которой получали свои уроки все.

Разбирая эти уроки даргинского похода, Р.А. Фадеев указывал: «Частная цель экспедиции была достигнута, но вместе с тем оказалось, что подобный успех не ведет ни к чему. Нравственного потрясения подобное занятие не производило, потому что неприятель знал, что чем дальше мы зайдем, тем скорее должны будем воротиться. Материальных результатов тоже не могло быть, потому что нашему отряду принадлежало только место, на котором он стоял. Пройденное пространство

¹⁵⁵ Блиев М.М. Указ. соч. С.521; Баддели Д. Указ. соч. С.278; Лисицына Г.Г. Поход гр. М.С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год). Приложение // Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.347.

смыкалось за нами враждебным поясом. <...> Углубившись в горы, мы не могли оставаться в занятых пунктах, так как неприятель стоял на наших сообщениях; самая страна не представляла никаких средств для продовольствия войск, а посылать за провиантом отдельные колонны, в виду горцев, стороживших каждый наш шаг, значило по большей части посылать их на гибель <...> Вторжения в горы, даже с многочисленным войском, постоянно оказывались бесплодною военною прогулкой, стоившею каждый раз нескольких тысяч жертв»¹⁵⁶.

М.С. Воронцов в ходе экспедиции убедился, что «не горы Дагестана, а обладание плоскостью Чечни служит ключом к водворению спокойствия и нашей власти в восточной части Кавказа; что до совершенного занятия Чечни всякое движение в Нагорный Дагестан будет существенно вредно и опасно для нас, как влекущее за собой убыль в людях, нерешительность действий экспедиционного корпуса и увеличение нравственных сил неприятеля»¹⁵⁷.

Чечню же можно покорить, только прорубив широкие просеки в ичкерийских лесах, чтобы иметь возможность открытого пути во все её части.

Каждая из различных местностей Кавказа имеет свою, только ей присущую природу, свойства, тип, которые требуют и особых способов ведения войны. «На Кавказе, прежде чем действовать, надо изучать ту или иную местность - местодействия»¹⁵⁸.

Неразбериха со снабжением войск – это вина штабов, следствие поверхностной мысли и игнорирования реалий горной войны. К штабной работе нельзя допускать тех, кто не проходил школы Кавказа.

Не допускала горная война и нервной торопливости, неосмотрительности, отсутствие маневра и обусловленной обстоятельствами и природой края подвижности.

¹⁵⁶ Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Эксмо, 2003. С.130.

¹⁵⁷ А.-Д. Г. Указ. соч. С.34.

¹⁵⁸ Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа... С.334.

На Кавказе все специализируется: как свойства и качества войск, так и офицеров, что является необходимым по причине различия природы и свойств разных местностей края и условий войны. Не понимая этого, граф Воронцов понапрасну изнурял войска, посылая апшеронцев и навагинцев драться в лесах, тогда как они были мастерами горного маневра, а специалистов по лесным маневрам – солдат Куринского и Кабардинского полков изнурял в горах. Попадая в непривычные условия, солдаты, несмотря на свои старания и храбрость, быстро уставали, а их действия теряли необходимую эффективность¹⁵⁹.

Немалую выгоду получила российская сторона от тех процессов, которые были рождены Даргинской экспедицией в имамате. Несмотря на успех, которого добился Шамиль на болеврани, его так же постигли как немалые людские и материальные потери, так ещё большие потери политического характера.

Гибель нескольких особо доверенных имаму наибов, таких как Суаиб – наиб Большой Чечни, Мухаммад-мулла – наиб Мичиковский, Мааш – наиб Шубутовский, Саад-Уллу – наиб Малой Чечни привела к политической нестабильности в управлении имаматом и ослабляла позиции самого имама в чеченских обществах. В боях погибли также и дагестанские наибы – Лабазан Андийский, Шахмандар Технуцальский, Хаджи-бек Салатовский¹⁶⁰. Можно констатировать, что имам лишился большей части наиболее мотивированных идей мюридизма пассионариев, носителей и реализаторов этой самой идеи.

Каждое такое сражение сокращало абсолютную численность наиболее активных и знаковых фигур имамата, критически истощало силы и возможности мюридизма.

Кроме того, произошло общее ослабление централизации, к которой так стремился имам. Шамиль своими руками отнимал у себя власть, предоставляя наibaм неограниченные полномочия в своих вилайетах. Усиление

¹⁵⁹ Бенкендорф К.К. Указ. соч. С.253.

¹⁶⁰ АКАК. – Тифлис, 1885. Т. X. С.397.

жестокости и репрессий по отношению горского населения накануне начала Даргинского похода русских, увеличило число несогласных и личных кровников имама, ждавших своего часа и случая, чтобы совершить долг мщения.

По существу Даргинский поход по своим последствиям в горах был сродни с социально-политическим переворотом, поколебав социально-политические основания горской государственности.

Этот поход и для русских явился завершающим аккордом в затянувшемся поиске приемлемого политического курса, который предпринимало правительство на протяжении последних десятилетий в регионе. Цена этого опыта была велика, но иных рецептов решения проблемы тогда не нашли.

Император с воодушевлением благодарил Воронцова за его усилия и преданность и высоко оценил действия войск и наместника, несмотря на все известные результаты Даргинской экспедиции. Следует думать, Николай I считал себя обязанным перед наместником, потому что М.С. Воронцов взял на себя всю ответственность и отвел от имени императора все порицания. Это во многом объясняет ту степень доверия и благодарности, которую М.С. Воронцов получил от монарха, уверившегося окончательно в правильности своего выбора. Без всех этих факторов еще долго не наступило бы перемен в кавказских делах.

После Даргинской экспедиции было принято решение отказаться от масштабных наступательных действий в северной части Кавказа. Ставка была сделана на медленное и поступательное преобразующее продвижение в горы, сооружение постоянных укреплений, постройку дорог, мостов и другой инфраструктуры, а также вырубку лесов.

Таким образом, Даргинская экспедиция сыграла важную роль в определении приоритетов и стратегии по умиротворению Кавказа.

В Петербурге, где до самозабвения увлекались идеей захвата резиденции Шамиля, что должно было повести к прекращению горского сопротивления и гибели мюридизма, увидели всю ошибочность её, поскольку данная трактовка выросла из недостаточного знания условий Кавказа и нравов

его обитателей. Петербург был озадачен тем обстоятельством, при котором, несмотря на то, что цели экспедиции были достигнуты, не было получено ожидавшихся результатов.

Наконец, М.С. Воронцов своим хладнокровием и распорядительностью в сложных условиях отступления обескровленных войск сумел сохранить в них порядок, и даже бодрость духа, что способствовало спасению остатков отряда.

1.3. Наместник и развитие военных действий во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XIX века

Поняв ошибочность прежней стратегии, и доверяя гораздо больше князю М.С. Воронцову, Николай I избавил его от мелочной опеки и дополнительных обязывающих инструкций, предоставив ему полную свободу действий и обещая отказаться от практики руководства военными операциями из центра, но за ситуацией на Кавказе продолжал внимательно следить.

После встречи в Севастополе летом 1845 г. император согласился с М.С. Воронцовым, что необходимо не просто отказаться от обанкротившейся стратегии «штурма» в покорении Кавказа, но перейти к более эффективному варианту, ростки и пробы которого уже прежде были в арсенале прошлых лет, но по разным причинам не приобрели приоритетного значения. Князь имел в виду использовать «осадную» стратегию методического и постепенного завоевания. «Отказавшись от каких-либо иных обещаний, кроме как посвятить всего себя предстоящей долгой и тяжелой работе, Воронцов оставил царю единственный выбор – запастись терпением»¹⁶¹.

И, хотя в ближайшие годы после Даргинского похода, заметного перелома в ходе Кавказской войны не произошло, однако, наместник строго придерживался избранной им линии.

¹⁶¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2001. С.179.

Сначала без больших трудов перевел войну в «позиционное» русло¹⁶² и, не отвлекаясь на организацию больших экспедиций, принялся методически осаждать имамат с трех сторон, отделив Северо-Восточный Кавказ от Северо-Западных территориями, прочно контролируемые российскими властями.

В глубины Дагестана русские стали проникать без особенной торопливости, но зато это было движение безвозвратное. На правом фланге Кавказской линии наместник возводил новые кордонные линии и расширял их районы. Помня уроки прошлого, М.С. Воронцов повел наступление на имамат с территории Чечни.

Российская сторона очищала местность, рубила просеки, разбрасывала дороги по стратегически важным направлениям, одним словом, стремилась «раскрывать неприятельскую страну так, чтобы впоследствии можно было проходить ее без больших усилий»¹⁶³. Горцы, лишавшиеся таким образом своих естественных прикрытий, должны были либо покоряться, либо уходить все дальше в горы, что они и делали.

Наместник довольно скоро, однако, понял, что даже при достижении отдельных и частных целей нельзя было коренным образом переломить ситуацию в свою пользу, так как нельзя было «расчистить все ущелья, занять все аулы такой обширной страны – это превосходило средства самой многочисленной армии и требовало веков для своего исполнения»¹⁶⁴.

В данном случае следует согласиться с мнением М.М. Блиева, что для российской стороны имело значение не только определение принципов ведения войны с Шамилем, но и установление главного направления силового давления на имамат¹⁶⁵. Вопрос был чисто стратегический и состоял в том, «чтобы, не раздробляя сил и не рассыпаясь в достижении частных целей, <...> уметь отыскать самые чувствительные для неприятеля места и бить в них массой»¹⁶⁶.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Фадеев Р.А. Указ. соч. С.131.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Блиев М.М. Указ. соч. – С.526.

¹⁶⁶ Фадеев Р.А. Указ. соч. – С.132.

Для того чтобы приступить к покорению гор, надо было заранее продумать и взвесить все свои шаги в их строгой последовательности. М.С. Воронцов это также хорошо помнил со времени все в той же злополучной экспедиции в Дарго. В горах и лесах дороги прокладывались медленно и с громадными усилиями и затратами (материальными и людскими), потому «ошибочный выбор направления одного только отряда стоил бы года потерянного времени и многих напрасных жертв»¹⁶⁷. Чтобы не ошибаться, надо было предвидеть ход событий на несколько лет вперед. Именно в этой связи верное стратегическое направление было не только главным, но «исключительным условием успеха»¹⁶⁸ для русских.

Таким направлением стала Чечня, так как для М.С. Воронцова (это приходится повторять от раза к разу) уже во время Даргинской экспедиции слишком очевидной стала большая зависимость имамата от Чечни. Школа и уроки Дарго прочно отпечатались в памяти наместника.

В соединении с той внутренней и нравственной ответственностью перед императором и российским обществом, которую он приобрел, добившись беспрецедентной свободы действий, осуществление данной стратегии требовало не только большого таланта и сосредоточенности, но неиссякаемой энергии, предпочтения эффективным, но мало полезным тактическим победам, проведения длительной и каждодневной работы, по созданию предпосылок для полного покорения Кавказа в будущем.

По приказу наместника стали возводиться на всех территориях, граничивших с немирными горцами, крепости, прокладываться дороги и рубиться просеки в дремучих лесах, чтобы иметь возможность свободного доступа в районы военной активности горцев и их блокады.

Разъясняя действия М.С. Воронцова, Р.А. Фадеев впоследствии писал: «Имея дело с неприятелем, силы которого состояли не в армии, а в самом населении <...> мы должны

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

были заставить его постоянно быть под оружием, чтоб отнять у страны работников, а стало быть, и средства к довольствию и возможность постоянно содержать сильные сборы пред нашими аванпостами. <...> Постоянно оттесняемые нашим наступлением, не имея времени работать в поле, теряя, каждый месяц часть своих пашен и пастбищ, выгоняемые зимой на мороз с семействами, горцы стали видеть в войне уже не удалую потеху, а бедствие»¹⁶⁹.

Добиваясь своими действиями понимания среди горцев, что их положение день ото дня будет становиться только хуже, русские надеялись, в конце концов, сломить их сопротивление.

Вместо разовых экспедиций предшествовавшего периода времени с конца 1845 г. началось общее, непрерывное наступление на позиции горцев, «отчего вдруг явно выказалось преимущество постоянной армии» перед военной организацией горцев, которые не могли выдерживать слишком продолжительных походов, потому что должны были «сами содержать себя полевой работою»¹⁷⁰.

При этом покорение кавказских гор, как восточных, так и западных, по мнению Р.А. Фадеева, требовали не только «необычайной энергии со стороны руководителей, и не только мужества и опытности, но еще безграничного самопожертвования со стороны войск»¹⁷¹.

Горские общества, воинственные, сильные именно отсутствием всякой централизации, которых «потому невозможно было сокрушить одним ударом, а приходилось покорять человека за человеком». Люди эти «мужеством равнялись европейцам, а превосходство регулярной армии оказывалось часто бесплодным в дикой местности, где нельзя было действовать сомкнутым строем. <...> Кавказ <...> был в военном отношении открытием особого рода», а сложные местные природные условия «сбивали с толку самых опытных военных людей»¹⁷².

¹⁶⁹ Там же. – С.132-133.

¹⁷⁰ Там же. – С.135.

¹⁷¹ Там же. – С.129.

¹⁷² Там же. – С.128.

Природные и климатические условия Кавказа были одним из главных «противников» русской армии в Кавказском крае, а также одной из существенных причин поддержания продолжительности войны в регионе. Природа Кавказа была «противником» русских, всецело стояла на стороне горцев. То, что «русским приходилось преодолевать и разрушать, для горца служило защитой и прикрытием»¹⁷³.

Природные условия Кавказа ставили перед русской армией новые и неожиданные задачи, которых прежде почти не возникало вовсе. Русское командование столкнулось с необходимостью раздробления сил из-за невозможности или чрезвычайных трудностей использования больших воинских контингентов в условиях горно-лесной местности.

Армия в лесу становилась «слепой» из-за незнания местности и отсутствия надежных карт, а также неумения ориентироваться и действовать в лесных чащобах. Горцы вынуждали каждого солдата на единоборство, к которому тот был плохо подготовлен и технически, и психологически. В горно-лесной местности регулярная армия теряла свое преимущество над иррегулярными неприятельскими отрядами¹⁷⁴.

В гористой и покрытой лесами местности война усложнялась и требовала большого искусства от каждого солдата и офицера. В лесу мало пользы было и от пушек. Бой там раздроблялся на массу индивидуальных стычек, в которых горцы, виртуозно владевшие холодным оружием, получали заметное преимущество.

Движение войск по горно-лесной местности на Северном Кавказе изматывало войска, потому что во многих случаях солдатам приходилось все необходимое нести на себе. Дорог, пригодных для колесного транспорта почти не было, а там, где они существовали, из-за неровности рельефа на каждом подъеме или спуске солдатам приходилось втаскивать или удерживать на руках обозную фуру или пушку, чтобы они,

¹⁷³ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. С.109.

¹⁷⁴ Лапин В.В. Указ. соч. С.111.

раскатившись, не покалечили лошадей и не свалились в пропасть¹⁷⁵.

В Кавказской войне леса, таким образом, становились одним из неудобнейших и опаснейших препятствий для русских войск. Неприятель, хорошо знавший свои леса, выросший в них, умел стойко обороняться и наносить ощутимый урон войскам, вынужденным действовать в горных лесах обстоятельствами войны.

Из всех горских народов, по словам М.О. Ольшевского, участника тех событий, «чеченцы были наиболее искусненными защитниками своих лесов»¹⁷⁶.

Много солдат пало во время знаменитого сражения на речке Валерик в 1840 года в прибрежных зарослях, «куда по излишней горячности влезли атакующие полки»¹⁷⁷.

В дебрях, у селения Шали чеченцы устроили кровавую баню отряду генерала Галафеева в 1841 г. Огромные потери понес и отряд генерала П.Х. Граббе в Ичкерийском лесу в 1842 г. В истории завоевания Кавказа лесные бои с чеченцами по важности уступали лишь горным боям с дагестанскими племенами. Они даже обошлись России дороже и привели к значительно более тяжелым последствиям¹⁷⁸.

Перечисленные события и трудности ведения военных действий в условиях горно-лесистой местности только подчеркивали и подтверждали то мнение, что лесной бой принадлежал к числу труднейших и опаснейших операций на войне, а картина боя в вековом чеченском лесу представлялась просто ужасающей.

По мнению А. Юрова, «здесь управление войсками невозможно, и начальству оставалась одна надежда на беззаветную доблесть и боевую смётку солдата. Неприятель был невидим, а между тем, каждое дерево, каждый куст грозили смертью. Едва разорвется цепь или часть ослабеет от убыли, как точно из земли вырастали сотни шашек и кинжалов, и чеченцы, с потрясающим даже привычные натуры гиком,

¹⁷⁵ Лапин В.В. Указ. соч. С.114.

¹⁷⁶ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.184

¹⁷⁷ Лапин В.В. Указ. соч. С.112.

¹⁷⁸ Баддели Д. Указ. соч. С.37.

бросались вперед. Хороший отпор - и все снова исчезает, только пули градом сыпятся в наши ряды, но горе, если солдаты терялись или падали духом: ни один из них не выносил своих костей из лесной трущобы»¹⁷⁹.

Подобного рода события помогли М.С. Воронцову выработать более целесообразный план войны, при котором уже не могло быть таких страшных жертв, как прежде, а также найти действенное противоядие упорству горцев, стремившихся превратить свои леса в неприступные крепости. Краткая формула этой новой борьбы была такова: Кавказ нужно покорять не одним штыком, но и топором¹⁸⁰.

М.С. Воронцов был уверен, что непроходимость путей сообщения составляла одну из главных преград для покорения края. Кроме того, горцы, чтобы снизить негативный эффект от уничтожения русскими их хлебных полей, стали располагать свои поля на небольших участках, расчищенных в глубине лесов, перейдя от культивирования пшеницы или проса к возделыванию кукурузы. Кукуруза давала с небольших участков очень высокие урожаи и обеспечивала людей необходимым продуктом, а скот – прокормом. В результате сводилась на нет возможность принуждения чеченцев к покорности с помощью голода¹⁸¹.

Ещё одним неприятным результатом для русских властей стал уход горского населения с открытых пространств в леса в ответ на опустошительные экспедиции войск. В глубине лесов или за их трудно проходимой стеной обустроивались новые чеченские хутора, становившиеся базами для всех непокорных и непримиримых противников русских. Этого не предусмотрели, несмотря на опыт прежних сношений с горцами, или не сумели предотвратить такой ход событий из-за нераспорядительности. Хотя для самих горцев данное положение вещей не стало панацеей и имело скорее отложенный эффект, затягивая, но, не предотвращая негативную для них развязку.

¹⁷⁹ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1886. Т.10. С.305-306.

¹⁸⁰ Огарков В.В. Воронцовы. Указ.соч. С.88.

¹⁸¹ Лапин В.В. Указ. соч. С.90.

Для того чтобы отнять у горцев «все их способы к спасению и сопротивлению, необходимо было открыть их лесные твердыни», а потому, «признавая, что вернейшее средство к постепенному покорению всей Чечни, есть проложение путей, дабы доставить возможность отрядам нашим двигаться во всякое время и по всем направлениям, после военных действий 1845 г. приступлено было зимою с 1845 на 1846 г. к рубке лесов и расширению просек»¹⁸². Экспедиции предпринимались в Чечню осенью и зимою, «когда лист спадет с дерева», а в Дагестан, «где рано падает снег и движение становится невозможным - летом»¹⁸³.

Реализация этой системы позволяла наместнику медленно, но верно «отрывать от имамата части Чечни»¹⁸⁴. В данное время борьба шла еще за чеченскую плоскость, и дело ограничивалось отдельными участками.

Войска начали планомерную рубку просек, которые позволяли проникать вглубь неприятельской территории. Просеки прорубали для прохода войск шириной в 400 – 600 метров, достаточной для того, чтобы неприятель не мог причинить им вреда своим ружейным огнем. Войска передвигались посередине такой просеки, что уберегало их от внезапных нападений со стороны горцев, могли эффективно использовать артиллерию и действовать сомкнутым строем, т.е. пользоваться преимуществами открытой местности, которых они лишались в лесах.

Князь М.С. Воронцов поставил это средство борьбы с непокорными горцами на систематическую основу с 1846 г., сначала в Малой, а потом в Большой Чечне. Каждая масштабная операция в лесных районах сопровождалась устройством просек, как в Европе штурм крепости предварялся рытьем осадных траншей¹⁸⁵. Наиболее важные просеки

¹⁸² Щербинин М.П. Биография генерал – фельдмаршала князя Михаила Семёновича Воронцова. – СПб., 1858. С.278.

¹⁸³ АКАК. Введение - Тифлис, 1885. Т.Х. С. IX.

¹⁸⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОСПЭН, 2009. С.474.

¹⁸⁵ Лапин В.В. Указ. соч. С.113.

приходилось регулярно прочищать, поскольку за 5-6 лет они снова зарастали густым кустарником.

В декабре 1845 г. назначены были рубить просеки два отряда. Первый – под командою генерала Р.К. Фрейтага, состоявший из 10 батальонов и 14 орудий, имевший назначение рубить просеку в Гойтинском лесу; второй – под командою генерала П.П. Нестерова, состоявший из 8 батальонов, 1 рабочей роты, 10 сотен кавалерии, 8 орудий и осетинской и назрановской милиции¹⁸⁶.

Таким образом, рубка просек была не простой работой, а разновидностью войсковой операции. Российская сторона такими действиями имела целью «лишить Шамиля опоры в чеченских обществах»¹⁸⁷.

Российские войска с помощью просек «систематически оказывали вооруженное давление на местное население, вынуждая его переселяться к Тереку и Сунже»¹⁸⁸. За сравнительно короткое время удалось «покорить» «до 3 тысяч семейств», многие из которых были поселены рядом с российскими укреплениями - Воздвиженским, Грозной, Назрановским, Нестеровским¹⁸⁹.

Неприятель не оставался спокойным зрителем вреда, наносимого ему русскими. Большой отряд во главе с Яхъя – Хаджи, одним из лучших наивов Шамиля, окружил лагерь, в котором располагались русские войска. Командиру Навагинского пехотного полка барону И.А. Вревскому на возвратном пути с Фартранги пришлось выдержать отчаянное нападение неприятеля, но все его натиски были войсками удачно отражены. Не меньше пришлось потрудиться и барону П.П. Меллеру – Закомельскому, стоявшему во главе колонны, возвращавшейся с подъёмными лошадьми в отряд из крепости Воздвиженской. Однако и тут все усилия Яхъя – Хаджи были тщетны, и даже отчаянная храбрость чеченцев не смогла поколебать стойкости солдат¹⁹⁰.

¹⁸⁶ АКАК. - Тифлис, 1885. Т.Х. С.472.

¹⁸⁷ Блиев М.М. Указ. соч. С.526.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ АКАК. - Тифлис, 1885. Т.Х. С.474.

¹⁹⁰ Там же. С.473.

И, хотя, по мнению Н.И. Покровского, чеченские столкновения, по сравнению с дагестанскими, кажутся мелкими и имеющими второстепенный характер, «на самом деле именно здесь решаются судьбы имамата»¹⁹¹. Шамиль не мог не понимать опасности, происходившей от действий русских. Князь Воронцов постепенными мерами стремился «разрушить его влияние и оторвать от него чеченцев, без которых он ничего не будет значить»¹⁹².

М.С. Воронцов не был первопроходцем в деле рубки просек, но кровавый опыт его предшественников и общий опыт горной войны указал необходимость такого рода действий. При войне в горной местности никогда нельзя заходить в ущелья, предварительно не овладев господствующими высотами. Это помогало избежать засад, на которые были горазды чеченцы, угрожая истребить войска, опрометчиво вошедшие в горно-лесные чащобы.

Печальным примером для князя Воронцова служила уже поминавшаяся экспедиция генерала П.Х. Граббе 1842 г. и его же Даргинская экспедиция 1845 г., когда русские войска понесли весьма чувствительные потери, а горцы воодушевились результативностью своих действий в лесах.

Безжалостный противник преподавал уроки, которые князь Воронцов хорошо усвоил. Чтобы проходить через леса с меньшими потерями и иметь возможность проникать в их глубины, необходимость указала средство – прорубать просеки в лесных чащобах.

Ранее князя Воронцова так поступали генералы А.П. Ермолов и А.А. Вельяминов при первоначальном покорении Чечни. Однако прежде, при Ермолове и Вельяминове, рубка лесов производилась только в тех местах, где встречалось со стороны неприятеля особенное сопротивление. Так рубили лес в Ханкале, возле Герменчука, Гельдигена и Майортупа, «потому что в тех местах встречались с неприятелем, собиравшимся в большом числе, и что, по густоте леса, нельзя было пройти через него. Притом вырубался орешник и

¹⁹¹ Покровский Н.И. Указ. соч. С.474.

¹⁹² Там же. С.475.

кустарник на расстоянии ружейного выстрела. Рубки такого рода были непродолжительны и производились, по мере движения наших войск, летом и зимою»¹⁹³.

Совсем иначе производилась рубка лесов при князе Воронцове. Просеки прокладывались не для прохода только войск в определенный момент, или для известного случая, а служили постоянным и надежным сообщением. По этой причине уже нельзя было прокладывать просеку как-нибудь, а нужно было срубить деревья до основания. Ширина просеки также была иной - в две-три версты, чтобы обеспечить безопасность проходящим по ней колоннам не только от ружейного, но и от артиллерийского огня со стороны неприятеля¹⁹⁴.

Опытность кавказских офицеров подсказала князю Воронцову, что рубка посек должна производиться не иначе, как зимой. Неприятель зимой «по своей ветхой одежде и обуви», при отсутствии подножного корма и при недостатке продовольствия не мог оставаться долгое время в сборе и препятствовать силой рубщикам леса.

Зимой безлиственный лес не позволял неприятелю неожиданно и скрытно подбираться к войскам, быстро обнаруживался и был менее опасен «нам нечаянными нападениями». Наконец, «лес скорее рубился и уничтожался рубщиками именно зимой, необходимый для костров, особенно при больших морозах»¹⁹⁵.

Войска обычно приступали к рубке просек после предварительной рекогносцировки. Войска выступали за два часа до рассвета с тем, чтобы в темноте не только дойти до места намечаемой просеки, но и беспрепятственно занять ту часть леса, которую, в продолжения дня, можно было вырубить. Для ускорения работ отряд рубщиков располагали при начале вырубки внутри леса. Рубщики прорубали просеку в избранном направлении от центра к окраинам лесного массива, работая под прикрытием вооруженных команд,

¹⁹³ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.184.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.185.

которые отражали неприятеля, стремившегося не допустить порубки леса.

На таких основаниях производились рубки просек в Гойтинском и Гехинском лесах, а также в Шалинском лесу. Просеки прорубались в стратегически важных направлениях, соединялись в систему коммуникаций, позволявших войскам быстро достигать тех мест, присутствие войск в которых было необходимо.

Таким образом, рубка просек была опасным и тяжелым делом, сопровождавшимся жаркими перестрелками и атаками конных отрядов неприятеля на российские войска, располагавшиеся в лесах. Обе стороны несли большие потери в людях. Особенно опасным был момент выхода войск и команд рубщиков из леса. При выходе колонны из леса неприятель преследовал её с особенным ожесточением и даже «покушался броситься в шашки», но картечь русских пушек останавливала его¹⁹⁶.

Опыт противодействия русским отрядам привел к тому, для эффективности отражения покушений на рубку просек горцы стали стараться занимать леса ранее подхода к ним рубщиков и открывать огонь по русским командам, находившимся на открытых местах, скрываясь за деревьями. Сделав залп из ружей, они бросались со своими длинными кинжалами и шашками на «урусов», но отбрасывались назад штыками. Эти атаки после ружейных залпов повторялись несколько раз, и только стойкость и не меньшая решимость русских войск, приносивших большую потерю нападавшим горцам, заставляла, в конечном счёте, их отступать.

Потому, как уже отмечалось ранее, новая стратегия наместника представляла гораздо больше опасности имамату, чем все прежние ширококомасштабные экспедиции. Она как нельзя лучше была понята Шамилем и «вызвала его на самые энергические против нас действия»¹⁹⁷.

В 1846 г. Шамиль начал тайную подготовку большой операции против русских. Во второй половине апреля в Шали и

¹⁹⁶ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.188.

¹⁹⁷ АКАК. Введение - Тифлис, 1885. Т.Х. С. IX.

Шубуте по его приказу собирались большие силы горцев¹⁹⁸. В то же время российское командование, хотя и получило сведения об этом сборе, не имело точного представления о направлении, по которому намеревался нанести удар Шамиль. М. Гаммер, считал, что имаму удалось ввести в заблуждение князя М.С. Воронцова и М.З. Аргутинского, которые были убеждены, что «главной целью Шамиля станет Акуша в Центральном Дагестане»¹⁹⁹. В результате, почти неожиданно для русских, Шамилю удалось продвинуться далеко на запад.

В 1846 г. имам, пройдя Осетию, вторгся в Кабарду с целью поднять ее против русских. И, хотя такой поход представлял для имама немалый риск, он решился на него, так как раззадоренные «феноменальными успехами Шамиля, некоторые из вождей феодальной Кабарды выразили желание принять его на своей территории»²⁰⁰.

Гаджи-Али указывал, что к имаму приезжали с письмами из Кабарды около 10 человек, «прося, чтобы он пришел туда с войском»²⁰¹.

Риск для имама состоял в том, что «покидая привычную горную местность, где мюриды диктовали неприятелю свои условия, имам лишался многих преимуществ и становился крайне уязвимым»²⁰². При складывании неблагоприятных обстоятельств он мог рассчитывать только на «проворство лошадей и, разумеется, на Аллаха»²⁰³.

Пускаясь в данное предприятие, имам поставил на карту не только свою судьбу, но также судьбу имамата и мюридизма. Шамиль хорошо понимал, что «попади он в руки к русским, итогом экспедиции мог бы стать крах всего, что создавалось им в течение многих лет и являлось смыслом его

¹⁹⁸ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С.230.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Баддели Д. Указ. соч. С.296.

²⁰¹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1873. – Выпуск 7. С.35.

²⁰² Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: Русская панорама, 2001. С.207.

²⁰³ Там же.

жизни»²⁰⁴. Такое рискованное предприятие могло диктоваться только крайней политической необходимостью.

Имам собрал громадные силы – 20 тысяч хорошо вооруженных конных воинов, составивших армию вторжения, и стремительно ворвался на неприятельские территории, бросив вызов року и русским. Шамиль предпринял это «по-своему грандиозное военно-политическое предприятие»²⁰⁵, побуждаемый неблагоприятными со стороны действий русских войск обстоятельствами и стремлением отодвинуть границы имамата далеко на запад, «чтобы в перспективе присоединить и Черкессию, где активно действовали его эмиссары»²⁰⁶.

По мнению некоторых исследователей, аппетиты Шамиля выросли настолько, что «со своего горного трона он надеялся властвовать над всеми народами Кавказа, как пророк и независимый государь»²⁰⁷. Это хорошо понимали и современники имама. После неудачи русских в 1845 г. его притязания выросли до «панкавказских» масштабов²⁰⁸.

В подтверждение данной идеи В.В. Дегоев приводит слова одного из наибов Шамиля, который, давая характеристику действий своего патрона, писал: «Цель его состоит в том, чтобы поработить все разноязычные племена, населяющие пространство от владений Шамхала до Анапы, над которыми он хочет сделаться султаном и эмиром»²⁰⁹.

Однако скоро выяснилось, что «глобальные» планы Шамиля не имели под собой больших оснований из-за несоответствия целям военного потенциала, которым на то время обладал имамат. Кроме того, «как раз в Кабарде данных для восстания против царизма в этот момент было очень мало.

²⁰⁴ Там же. С.207-208; Покровский Н.И. Указ. соч.С.475.

²⁰⁵ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Росет, 1994. С.459.

²⁰⁶ Там же; Гаммер М. Указ. соч. С.231-232; Бобровский П.О. История 13-го Лейб-Гвардии Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642-1892 гг. - СПб., 1904. С.6.

²⁰⁷ Дегоев В.В. Указ. соч. С.136.

²⁰⁸ Дегоев В.В. Указ. соч. С.207; Казамбек М.А. О значении имама, его власти и достоинство // Русское слово. - 1859. Кн.3. С.306; Шамиль - ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. С.281.

²⁰⁹ Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. – С.207.

<...> Кабардинские князья договорились с самодержавием, получили от него, что могли выторговать, и больше всего теперь боялись «народных волнений»²¹⁰.

Шамиль обратился к кабардинским владельцам, приглашая их принять участие в «истреблении кяфиров и прочих им помогающих лиц переменчивых»²¹¹. Переправившись через Терек вблизи от Минаретского брода, имам приобрел позицию, «с которой он мог наблюдать за всей Кабардинской равниной»²¹².

Эта позиция была его целью, потому что, используя ее как «стратегическую базу своей операции», Шамиль «мог командовать в Кабарде, в соседней Осетии и воздействовать на сообщение между Северным Кавказом и Грузией»²¹³.

Скоро, по приказу имама, из Малой Кабарды мюриды стали выселять в имамат местное население. Одновременно мюриды ограбили и сожгли богатый аул князя Бековича и все остальные аулы, располагавшиеся вдоль реки Курпы²¹⁴.

Этого нападения никто не ожидал, напротив, от Шамиля ждали «освобождения от повинностей и российского административного режима»²¹⁵ но, «когда увидели, что их грабят и жгут и что пятьсот арб, нагруженных их имуществом и семьями, под прикрытием тысячи человек при двух орудиях, под начальством Саибдулы, направлены в Чечню <...> они убедились, что ошибались в своих ожиданиях»²¹⁶.

На сторону имама перешла небольшая группа кабардинских князей – М.-М. Анзоров, М. Кожохов, М. Тахтарев, М. Куденетов и эфенди Гаджи Берцов, которые не могли обеспечить имаму широкую поддержку в Малой Кабарде²¹⁷.

²¹⁰ Покровский Н.И. Указ. соч. – С.476.

²¹¹ ДГСВК. С.504.

²¹² Гаммер М. Указ. соч. С.232.

²¹³ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. – Тифлис, 1895. Т.XVI. С.336-337.

²¹⁴ Горчаков Н. Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. Т.IV. С.21.

²¹⁵ Блиев М.М. Указ. соч. С.530.

²¹⁶ Горчаков Н. Указ. соч. С.21.

²¹⁷ Покровский Н.И. Указ. соч. С.478.

То же самое произошло и в Большой Кабарде, где «за исключением нескольких князей и немногих неблагонамеренных лиц все народонаселение <...> скрылось в горы и леса»²¹⁸.

Князь Воронцов был весьма обрадован таким поворотом событий, чем не замедлил поделиться в своем письме к А.П. Ермолову. Князь писал: «Войска его (Шамиля – С.Л.), собранные из всех частей Дагестана (между пленными есть аварцы и унцукульцы), в последние дни совершенно голодали. Кабардинцы не могли или не хотели давать ему хлеба и с большим принуждением только делились рогатым скотом...»²¹⁹.

М.М. Блиев полагает, что «холодное» отношение к имаму большинства кабардинских владельцев можно объяснить упреждающими действиями князя Воронцова²²⁰, который, как и прежде в таких случаях, обратился с воззванием к кабардинским князьям, предлагая им выбор: «Ваша собственная польза, все ваши выгоды должны быть указателями, что вам теперь делать. Выбирайте <...> с одной стороны, богатые земли, покойная жизнь и торговые отношения под защитой и управлением русских, с другой – беспрепятственная война и разорение, потеря земель и способов богатства для вас и детей ваших. Войска наши со всех сторон стекаются, я сам прибыл на место действия, для защиты невинных и наказания забывших долг присяги и совести. Шамиль постарается уйти, а вы останетесь несчастными жертвами безрассудного его покушения»²²¹. Данное воззвание, по меньшей мере, многих заставило задуматься и не торопиться примыкать к имаму, не испытывая в то же время теплых чувств к российской стороне.

Можно так же согласиться с М.М. Блиевым, что немаловажным в отношениях между кабардинскими владельцами и Шамилем было то обстоятельство, о котором не

²¹⁸ АКАК. Т. X. С.584.

²¹⁹ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. – 1890. Кн.1. №2. С.183.

²²⁰ Блиев М.М. Указ. соч. С.531.

²²¹ АКАК. Т. X. С.579.

говорилось, но которое подразумевалось – «под знаменем борьбы с русскими Шамиль фактически предлагал кабардинской знати свое собственное верховенство»²²², что для них было неприемлемо.

Шамиль, оказавшись вдобавок в непривычной для себя ландшафтной обстановке и испытывая трудности со снабжением войск, «он пожалел о своем приходе»²²³.

Преследуемый русскими войсками, не имея успеха в Кабарде, поскольку кабардинцы отказались ему подчиняться, имам должен был бежать в горы, пограбив мирные аулы. При отступлении мюридами всего было разграблено не менее 60 кабардинских аулов и 20 казачьих станиц²²⁴. Все это показало российскому командованию, что Шамиль способен на действия гораздо опаснее, чем те, которые ими предполагались с его стороны.

В экстренном порядке генералы Р.К. Фрейтаг и П.П. Нестеров с одобрения своих действий наместником, весьма обеспокоенным предприятием Шамиля, блокировали своими войсками Сунженскую линию и особенно те участки, по которым, как предполагалось, горцы будут прорываться обратно. Однако Шамиль сумел избежать встречи с войсками и быстро ушел в горы.

Думается, что, несмотря на то, что этот набег на Кабарду и не привел к тем целям, которые ставил Шамиль, успешное его возвращение в горы, можно расценить все же, как чувствительный удар по репутации наместника и его новой стратегии, но скоро только сказка сказывается, но не скоро дело делается. Успехи русских нарастали постепенно, а пока в горах имама встречали как триумфатора, который завершил к тому же свою кампанию 1846 г. еще и взятием и разграблением Цудахара²²⁵.

М. Гаммер, давая оценку рейду Шамиля в Кабарду, считал, что «кампания Шамиля была хорошо спланирована, и,

²²² Блиев М.М. Указ. соч. С.531.

²²³ Хроника Мухаммед - Тахира Ал-Карахи...С.198.

²²⁴ Дегоев В.В. Указ. соч. С.208.

²²⁵ ДГСВК. С.530; Хроника Мухаммед-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. С.200.

не будь Фрейтага, он бы крепко насолил русским. Как и в предыдущих кампаниях, он настолько успешно использовал обманные движения и ложные слухи, что даже когда вступил в Кабарду, русские военачальники, включая Воронцова, посчитали это его отвлекающим маневром»²²⁶.

Всеми силами Шамиль пытался противодействовать российским властям и в Дагестане. Он отнял в 1846 г. у русских важный в стратегическом плане аул Куташи, но по приказу наместника генерал В.О. Бебутов «успел вернуть эту позицию из рук горцев»²²⁷.

Генерал, хорошо зная расположение и планы Шамиля, атаковал и наголову разбил горцев, «захватив при этом их единственную пушку и даже личное снаряжение Шамиля – его кинжал и бурку»²²⁸.

Эта неудача, как и неудавшаяся попытка расширить границы имамата на запад, не отняла энергии имама бороться за выживание. Он предпринял атаку на акушинские аулы, стремясь овладеть ими, что открывало возможность имамату выхода к Каспийскому морю.

Характеризуя ситуацию в регионе, князь В.О. Бебутов доносил в рапорте наместнику: «С разорением сел. Цудахар и Хаджалмахи открыт мюридам свободный вход в Акушу. Жители этого общества, как опытом доказано, не могут или, вернее, не хотят сопротивляться Шамилю»²²⁹.

Используя это обстоятельство в октябре 1846 г. наиб Мусса Балаканский занял селение Аймяки, а Шамиль выдвинулся к селению Лаваши, чтобы отвлечь российские войска и дать возможность наibu «занять верхние деревни Мехтулинского ханства и по прибытии к нему на подкрепление свежих партий воспользоваться отсутствием русских для возмущения Шамхальского владения»²³⁰.

²²⁶ Гаммер М. Указ. соч. С.237.

²²⁷ Покоренный Кавказ... С.401.

²²⁸ Гаммер М. Указ. соч. – С.241; АКАК. – Тифлис, 1885. Т. X. С.432.

²²⁹ АКАК. Введение. Т.Х. С.Х.

²³⁰ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. – 1890. Кн.1. №3. С.92.

Дальнейшие успехи имама были прерваны действиями князя В.О. Бебутова, который 13 октября выбил наиба Муссу Балаканского из Аймяков, а затем атаковал Акушу, где находился имам, нанес ему поражение и вынудил к отступлению из Акуши. Мюриды вынуждены были искать убежища по разным направлениям. Это для них представляло нелегкую задачу, так как местное население стало оказывать им сопротивление.

По словам князя Бебутова, когда «одна партия следовала к дер. Куппы, жители этой деревни, извещенные о победе русских, не только не решились принять к себе беглецов-мюридов, но стали преследовать их и отбили всех пленных цудахарских и ходжалмахинских жителей, равно как и скот, уводимый мюридами»²³¹.

Российская сторона предприняла все усилия по уменьшению последствий дерзких рейдов Шамиля. В 1846 г. генерал В.М. Козловский разбил наиба Гайтемира на реке Ярык-су, а князь М.С. Воронцов выдвигался к Фортанге, «где имел перестрелку с чеченцами»²³². Несмотря на большую активность Шамиля в Дагестане наместник продолжал настойчиво укреплять российские позиции в Чечне, продвигаясь в ее глубины.

Кроме военного давления, князь Воронцов ни на один день не прекращал попыток воздействовать на горцев «политическими» мерами, заигрывая и обольщая аульскую верхушку. Уже в 1846 г. стали появляться отдельные факты перехода на российскую сторону некоторых влиятельных людей среди горцев. В очередном письме-отчете к А.П. Ермолову князь писал: «Недавно еще приходил к нам, к цепи около Фортанги, один известный эфенди, часто употребляемый Шамилем, говоря, что он и некоторые другие из самых почетных лиц в горах и из числа духовных намереваются, если в этом году Шамиль не будет иметь успехов против нас, не

²³¹ АКАК. Т. X. С.425.

²³² Там же. С. 433.

только не отклониться, но провозгласить везде, что недостойн владеть народом»²³³.

В начале следующего года стало продолжением борьбы за инициативу. Чечня занимала важное стратегическое положение. Российское командование считало Чечню одновременно бастионом и ахиллесовой пятой имамата. Она прикрывала, по мнению М. Гаммера, «мягкое подбрюшье» Дагестана, поэтому лишить имама такой опоры, означало бы больше чем наполовину обеспечить победу над ним²³⁴.

Зимой 1847 г. были назначены два отряда, во главе одного из них стоял генерал Р.К. Фрейтаг, которому поручалось разорить Алдинские хутора, располагавшиеся между реками Гойтою и Рошнею. Там поселилась в лесах большая часть чеченских семейств, живших прежде под владичеством русских на Сунже и Тереке. Место, избранное ими, давало им возможность делать неожиданно и большими силами набеги на Сунжу и нападать на колонны войск, шедших из крепости Грозной в крепость Воздвиженскую.

В Алдинских хуторах насчитывалось до 3000 дворов. Чтобы не претерпеть больших потерь, генерал Р.К. Фрейтаг напал на алдинцев неожиданно и в 9 дней все хутора совершенно разорил, захватив много пленных и добычи. Одновременно с этим была прорублена просека вниз по Урус - Мартану до Сунжи²³⁵.

Несмотря на сопротивление «Шамилевых полчищ, простиравшихся, по сведениям лазутчиков, до 10 тысяч пеших и конных, и всю изобретательность Шамиля и его наибова вредить нам, несмотря на большие наши потери и огромный труд, - просека продвигалась вперёд»²³⁶.

Со второй половины ноября 1847 г. систематическая рубка леса в Чечне производилась под начальством князя А.И. Барятинского, при котором «каждый раз убыль в колонне

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. С.473.

²³⁵ Гаммер М. Указ. соч. С.246.

²³⁶ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.189.

доходила до 60-100 человек, потому что чеченцы дрались с остервенением и дорого уступали каждую пядь земли»²³⁷.

По свидетельству В.А. Полторацкого, когда чеченцы атаквали в лесу русские батальоны, это случалось всегда неожиданно. Передвижение в лесу требовало непрерывно-напряженного внимания, что очень утомляло солдат. Минутная рассеянность солдат помогала неприятелю, и «всегда коварные чеченцы мастерски пользовались выгодными для них обстоятельствами, чтобы нанести нам существенный вред. Чеченцы подползали незаметно к нашим цепям и, увидев оплошность солдат, бросались на свои жертвы и беспощадно рубили и кололи несчастных зевак»²³⁸.

Самая серьезная стычка, по воспоминаниям того же В.А. Полторацкого, произошла 24 ноября, «когда барон Вревский с колонною, ему порученною, вздумал открытою силою, среди белого дня, бросив рубку леса, направиться прямо в лоб на батареи, сооруженные неприятелем для бомбардирования нашего лагеря. <...> В полчаса времени, не завладев ни одним неприятельским банником, Вревский вынес на носилках убитыми и ранеными более 300 человек, нисколько, при этом, не деморализовав неприятеля. <...> Не дешево досталась нам так же новая позиция в неприступном ауле Голен-Гойта»²³⁹.

После этого дела барон Вревский с двумя батальонами Навагинского, двумя батальонами Тенгинского и одним батальоном Грузинского Гренадерского полков «приступил к истреблению» аула Саиб-дулы, расположенного в верховьях реки Урус-Мартан. Колонна приступом взяла аул, «все в нем истребила и сожгла до основания»²⁴⁰.

Но отважный джигит, наиб Саиб-дула, не так легко продал гяурам свою резиденцию. Ускользнув сам из рук победителей, он заставил «на руках вынести много убитых и раненых, а в довершение, при отступлении, ударив в шашки на

²³⁷ Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. – 1893. №2. С.369.

²³⁸ Там же. №1. С.70.

²³⁹ Там же. №2. С.369.

²⁴⁰ Там же. С.370.

арьергардные навагинские роты, принудил их в страшной панике дрогнуть. <...> В этот день всей убыли было до 400 человек, одних офицеров 16. Причину этой крупной потери объясняют необычайной и неуместной медлительностью барона Ипполита Александровича Вревского»²⁴¹.

У князя Барятинского «тоже была слабость понапрасну маневрировать под выстрелами, что <...> было, по меньшей мере, непростительно, но князь несколько раз <...> высказывал мнение, что если в деле мало убитых и раненых, то в высших сферах в Петербурге подобного дела не признают за действительно существовавшее»²⁴².

К сожалению, это было традиционным взглядом петербургских офицеров-аристократов, который совпадал с существовавшими тогда подходами к кавказским делам при дворе.

В то же время, новая стратегия наместника с одной стороны, была рассчитана на то, чтобы «дать возможность всем, кто того пожелает, спокойно переселяться с гор на нашу территорию»²⁴³, но лишить пашен и пастбищ на равнине непокорных, «принуждая их покориться»²⁴⁴.

Иначе говоря, тактику «выжженной земли», столь успешно применявшуюся Шамилем в 1845 г., русские повернули против него самого.

Театр войны постепенно суживался, но до победы над Шамилем было еще далеко, тем более что не все и не всегда наступательные действия с российской стороны приносили желаемый ею результат. Трехлетие 1847-1849 гг. для Дагестана «явилось периодом ярко выраженной борьбы за укрепленные пункты, <...> в которой наступающей стороной являлись преимущественно русские войска»²⁴⁵.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Юров А. 1843 год на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1882. Т. VI. С. 49.; Ржевусский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1883. Т. VII. С. 442-443.

²⁴⁴ Гаммер М. Указ. соч. С. 247.

²⁴⁵ Покровский Н. И. Указ. соч. С. 483.

Наместник планировал овладеть андаланскими аулами, что позволило бы выйти к непосредственному соприкосновению с Аварией, прорваться в горы. Российским командованием на 1847 г. было запланировано взятие трех укрепленных пунктов Шамиля – Гергебиля, Ириба и Салты. Но попытка овладеть аулом Гергебиль окончилась неудачей. Князь Воронцов «пустил на этот аул, бывший «бельмом в глазу» у русских»²⁴⁶ два сильных отряда – князя Бебутова и князя Аргутинского-Долгорукого.

Несмотря на чудеса храбрости русских солдат, аул не был взят, так как оказался укрепленным по всем правилам европейской фортификации. Горцы так же умели извлекать опыт из противостояния с русскими. Потому отряды вынуждены были отойти, потеряв при штурме до 600 человек убитыми и ранеными. Кроме отчаянной стойкости защитников аула успеху русских препятствовало появление холеры, «напугавшей наместника более чем все скопища Шимиля»²⁴⁷.

Шамиль же предпринял энергичные ответные меры и начал укреплять аулы Зубут, Ирганай, Гергебиль, которые являлись опорными пунктами не только для обороны подконтрольной ему территории, но и для организации атак на Акушу, Мехтулинское ханство или Тарковское шамхальство²⁴⁸. Важную роль в создании всех этих укреплений сыграл египетский военный инженер Хаджи-Юсуф, участвовавший и в организации постоянной армии Шамиля²⁴⁹.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в имамате к началу 1847 г., можно отметить, что Шамиль, предполагая скорое наступление со стороны российских властей, объявил народу, «лично и через посредство наибова», «что в текущем году он не намерен предпринять собственно в Дагестане

²⁴⁶ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А.А. Каспари. – СПб., 1904. – М.: Изд-во Надыршин, 2010. С.401.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.486; Военная энциклопедия. – СПб., 1913. Т.11. С.237.

²⁴⁹ Покровский Н.И. Указ. соч. С.485.

никаких наступательных действий, но что будет вести войну оборонительную и защищаться до последних сил»²⁵⁰.

По мнению М.М. Блиева, такое политическое заявление имама было рассчитано на то, чтобы «взвалить вину за будущие военные невзгоды на российские власти»²⁵¹. Данные действия имама определялись его беспокойством, поскольку население имамата устало от бесконечной войны и выражало свое недовольство. Это неизбежно могло привести к деморализации части общества, понесшей наибольшие потери за годы противостояния. Объявляя же об обороне, он надеялся найти всеместную поддержку в народе.

Что касалось до его истинных намерений, то его планы не были оборонительными. Он стремился сохранить прочные позиции в Чечне и расширять территорию имамата в Дагестане. Путем занятия Акуши и продвижения в сторону Мехтулинского ханства, а также укрепления своих позиций в стратегически важных селениях Гергебиль и Салты, Шамиль стремился овладеть Южным Дагестаном, а затем выйти к Каспийскому морю. Имам реально оценивал положение, постепенно складывавшееся в имамате. «Он угадывал наступающий политический кризис и пытался преодолеть его за счет милитаризации и военных успехов»²⁵².

Князь Воронцов, как опытный политик, тоже догадывался о ситуации в имамате, которую стремился побороть всеми силами Шамиль. Вопрос ставился о продолжительности существования имамата и всего движения сопротивления российским действиям в Северо-Восточном Кавказе. Потому наместник предпринимал активное наступление на позиции Шамиля.

Удачным для российской стороны был поход на Салты – один из ключевых аулов на юге Дагестана в стратегиях обоих политиков. Салты находились на реке Кара-койсу и сторожили выход из горных теснин в долину реки Самура. Шамиль, прекрасно понимая важное значение аула, послал туда отряды

²⁵⁰ Покоренный Кавказ. . . С.402.

²⁵¹ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847 г. // Кавказский сборник. – Тифлис, 1882. Т.VI. С.499.

²⁵² Блиев М.М. Указ. соч. С.537.

горцев, собранные из разных обществ Дагестана, и самых преданных и стойких мюридов во главе с наибом Кибит-Магомой, которому было поручено руководить обороной аула.

В свою очередь, проведя необходимые сборы, в которых учитывался недавний опыт неудачной осады Гергебиля, князь Воронцов сам стал во главе Самурского отряда, и выступил в горы 25 июля 1847 года. Силы русских насчитывали 8 батальонов пехоты, 2 роты стрелков, роты саперов, 1500 конной и пешей милиции при 16 полевых и осадных орудиях и особых ракетных командах²⁵³.

26 июля князь 1847 г. Воронцов приступил к осаде Салтов. Военно-инженерные работы производились под руководством инженер - полковника Кесслера. Блокада и осада Салтов продолжалась 50 дней. Аул удалось взять только после кровопролитного сражения 14 сентября.

Само сражение за Салты описывать нет необходимости, поскольку о нем существует достаточно обширная историография²⁵⁴, но остановиться на некоторых моментах следует.

В письме к военному министру М.С. Воронцов, радуясь победе, отмечал, в то же время, действия противостоявшего русским гарнизона Салтов. Князь указал на его храбрость и упорство, с которым тот, кто защищал Салты, не только отчаянно дрался, но и «с искусством, достойным европейского гарнизона исправлял немедленно все повреждения, причиненные артиллерией, устраивал внутренние укрепленные линии и воспрепятствовал даже минным работам нашим через смелые свои контр-мины»²⁵⁵.

Упорству обороняющихся способствовало и то, что некоторые из первых наибов Шамиля: Хаджи-Мурат, Дебир Каратагский, Мусса Балаканский – вышли из Салтов, чтобы действовать против осаждавших их войск снаружи²⁵⁶.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Покоренный Кавказ... С.402.

²⁵⁵ Там же. С.402-406; АКАК. Т. X. С. 466-467; Покровский Н.И. Указ. соч. С.487-488.

²⁵⁶ АКАК. Т.Х. С.466.

В.И. Немирович-Данченко так же отмечал боевые качества лезгин, находившихся среди защитников аула Салты. Он писал: «Лезгины талантливы и стойки. Они мастера укрепляться. Завалы их всегда так рассчитаны, что с какой бы стороны не подойти к ним, они встретят вас перекрестным огнем. <...> Чеченец нарубит деревья и спрячется за ними. Лезгин пересыплет их землей и камнями и создаст истинную твердыню. <...> Лезгины били из ружей на выбор и метко. Даром пуль они терять не любили. <...> Против артиллерии они роют канавы с покатыми навесами, засыпанными землей, где они в полной безопасности от ядер и гранат. Крытые сводами подземные канавы их идут в несколько ярусов»²⁵⁷.

Мелкие пули, которыми стреляли горцы с близких дистанций, поражали солдат, причиняя им сильные увечья, раздробляя кости. Поэтому у военных врачей было много работы. Как свидетельствовал выдающийся русский врач Н.И. Пирогов, присутствовавший при взятии Салтов, а затем Гергебиля: «Врачи в действующих отрядах всегда готовы под неприятельскими выстрелами подавать пособие раненым; <...> были случаи, что один врач должен был перевязать при ночном нападении до 200 раненых»²⁵⁸.

Далее известный врач подчеркивал: «Пули, которые они (лезгины – С.Л.) употребляют, обыкновенно вылиты из меди <...> и всегда, по крайней мере, вдвое меньше наших. Выстрелы их винтовок можно отличать от наших по их особенному свисту или жужжанию»²⁵⁹.

Под Салтами было несколько примеров, доказывающих, как метко стреляют лезгины. «Один молодой артиллерийский офицер (Г. Энгельгардт) был ранен в левый глаз пулею, попавшею в звездочку (отверстие в деревянном щите, прикрывавшем пушку) в то самое мгновение, когда он наводил орудие, приложив глаз к этому отверстию. Сила, с которою действует лезгинская пуля, чрезвычайна.

²⁵⁷ Немирович-Данченко В.И. Горе забытой крепости. – Нальчик: «Эль-Фа», 1998. С.311-312, 438, 441.

²⁵⁸ Пирогов Н.И. Отчет о путешествии на Кавказ. – М.: Госиздат Медицинской литературы, 1952. С.39.

²⁵⁹ Там же. С.62-63.

Щиты, устроенные перед осадными пушками для защиты артиллеристов, из досок, толщиной в 3-4 поперечных пальца, подбитые тремя слоями войлока, были нередко пробиваемы пулями <...> с такою силою, что производили значительные ранения стоявших за щитами»²⁶⁰.

Не менее опасным был и рукопашный бой. Здесь опять возьмем в свидетели Н.И. Пирогова: «Шашки лезгин <...> несколько более загнуты и без эфеса. Удары шашками производятся со всего размаха с большою ловкостью. Раны от этих ударов ужасны: они изумляют своей длиною и глубиною. Еще глубже проникают лезгинские кинжалы, которыми действуют так же, как шашками»²⁶¹.

Штурм Салтов завершился именно рукопашным боем, который продолжался семь часов. Войска заняли большую часть аула, а затем с утра следующего дня окончательно вытеснили упрямых горцев из остальной его части. Салты пали, но его штурм и взятие стоили российской стороне огромных потерь – до 1200 человек убитыми, ранеными и контуженными, в том числе были убиты около 100 офицеров²⁶².

Для князя Воронцова это была важная победа в реализации его новой стратегии. Подчеркивая ее значение, он писал в Петербург: «При долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, как гарнизон укрепления Салты, который составлен был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямые сопротивления этого гарнизона превосходят все, что в европейской войне может быть известным»²⁶³.

Последствия падения Салтов сильно подорвали во многих горских обществах доверие к имаму, на глазах которого произошло истребление храброго гарнизона. Другим практическим следствием стало обеспечение спокойствия правого берега Казикумыкского-койсу и замирение Цудахара, связывавшего Северный и Южный Дагестан, хотя мюриды и пытались пробиться через Лезгинскую линию и подтолкнуть к

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Покоренный Кавказ... С.406.

²⁶³ Там же.

мятежам население Джаро-Белокан. Небольшой русский отряд воспрепятствовал этому, нанеся поражение горским отрядам у селения Чардахлы²⁶⁴.

Продолжая гнуть свою линию, князь Воронцов в 1848 г. снова пришел с войсками в Дагестан и возобновил осаду Гергебиля. Наместник знал о растущих внутренних неурядицах в имамате, верно оценивая значение успешных действий в Салтах, намеревался упрочить свои позиции. Он собирался открыть кампанию летом, так как учитывал, что «из-за военных действий горцы не могли обрабатывать свои поля и надлежало следить за скотом и испытывали продовольственные трудности»²⁶⁵, и «голодом можно будет заменить штыки»²⁶⁶. Это должно было повлиять на их способность к сопротивлению.

В июне неприступный аул был взят. Шамиль, понимая для своего будущего значение битвы за Гергебиль, поручил его защиту самым отчаянным мюридам. Из аула были заранее вывезены семьи и имущество горцев, остались только те, кто решил умереть. Д. Баддели, характеризуя позицию горцев, отмечал: «Гергебиль был отлично защищен — и самой природой, и людьми. Возвышаясь в виде амфитеатра на уступе скал у входа в ущелье Аймяки, он был неприступен с северо-запада. С других сторон он был защищен укрепленными каменными саклями, которые поднимались вверх, образуя цитадель. Гергебиль был обнесен стеной толщиной 1,5 метра и высотой 4 метра. <...> По бокам стояли две башни, каждая с небольшим орудием»²⁶⁷. <...> Но горцы после 23 дневной осады, не дожидаясь решительного штурма аула, «покинули свое неприступное гнездо»²⁶⁸.

²⁶⁴ Бобровский П.О. Указ. соч. С.18.

²⁶⁵ Баддели Д. Указ. соч. 306.

²⁶⁶ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. — СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2011. С.192.

²⁶⁷ Блиев М.М. Указ. соч. — С.548; Дубровин Н.Ф. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825-1864 гг.). — СПб, 1896. С.255.

²⁶⁸ Покоренный Кавказ... С.407.

В 1848 г. продолжилась рубка лесов в Малой Чечне. Она совершалась снова отрядом под начальством генерала Р.К. Фрейтага, а генерал Ильинский вырубал леса в Галашевском ущелье, что повело к покорению карабулаков и галашевцев.

Князь Воронцов более двух месяцев провел в укреплении Воздвиженском. Он воевал не только вооруженной рукой, но и словом, посулами и убеждениями склонял горцев к переходу под покровительство российских властей. Ему удалось наладить контакты со старшинами различных чеченских обществ. Результат не заставил себя ждать. Часть чеченцев приняла покровительство российских властей.

Довольный таким поворотом событий и отмечая невозможность со стороны Шамиля помешать таким контактам, наместник сообщал князю А.И. Чернышеву в Петербург: «Несмотря на принимаемые сим последним (Шамилем — С.Л.) меры к воспрепятствованию чеченцам вступать с нами в сношения, таковые продолжались беспрепятственно, во все время пребывания моего в Воздвиженской; и к нам переселились многие семейства, в том числе некоторые весьма влиятельные люди, как, например, Маза, дядя наиба Дубы, пример коих сильно действует и на прочих чеченцев, жаждущих, можно сказать, вообще избавиться от ига Шамиля»²⁶⁹.

Постоянно помня о роли Чечни для существования имамата, князь Воронцов стремился перенести и сконцентрировать направление главного военного давления на имамат именно в Чечню, поскольку понял, что у Шамиля не было там надежной военной поддержки, и что, в свою очередь, давало шансы на успех российской стороне.

Шамиль это тоже знал и из опасений потерять Чечню, бывшую житницей имамата и крепостью его западных границ, совершил отвлекающий маневр, открыв в 1848 г. военные действия в Самурском округе. Он также надеялся получить массовую поддержку местного населения против «урусов». Но вопреки предположению Шамиль вместе со своими наибами

²⁶⁹ АКАК. Т. X. С.484.

Хаджи-Муратом и Даниель-беком встретили упорное сопротивление со стороны местных беков.

Чтобы поправить свою пошатнувшуюся в горах репутацию, а также для того, чтобы отнять инициативу у князя Воронцова, Шамиль атаковал русскую крепость у селения Ахты, в которой находилось 500 человек солдат под командою полковника Рота. Под знаменем Шамиля «сошлось, чуть ли не все способное к войне мужское население подчинявшихся имаму горных обществ»²⁷⁰, но гарнизон выстоял, и осада была снята подходом отряда князя М.З. Аргутинского.

Несмотря на эти неудачи, имаму все же удалось в 1848 г. отвлечь князя Воронцова от Чечни и сковать основные силы «урусов» в Дагестане. В то же время, как отмечает М.М. Блиев, Шамиль и его окружение сознавали значение военных перемен, происшедших на Северном Кавказе. Поражение в Салтах, разрушение Гергебиля, неудача в Самурском округе и продвижение войск «урусов» в Малой Чечне «оказались не просто военным эпизодом, а этапами краха самого имамата»²⁷¹.

Подводя итог событиям 1848 г. князь Воронцов писал в Петербург: «Наконец в текущем 1848 г. Шамиль не мог ни в чем мешать ни взятию Гергебиля князем Аргутинским, ни действиям Чеченского отряда, под личным моим начальством, <...> ни во время смелого нападения Шамиля на Самурский округ – совершенно уничтоженного геройскою защитою укрепления Ахты и победою князя Аргутинского у селения Мискинджи»²⁷².

В 1849 г. князь Воронцов продолжил наступление на позиции имамата в Дагестане. В «предположениях о действиях <...> полагалось утвердиться на правом берегу Кара-койсу занятием или уничтожением тех Андаланских аулов, которые служат сборными пунктами неприятелю»²⁷³. Российская сторона стремилась разрушить опорные пункты Шамилевской обороны. Имам же сконцентрировал большие партии мюридов вокруг селений Чох, Салты, Ириб. Эти позиции позволяли

²⁷⁰ Покоренный Кавказ... С.407.

²⁷¹ Блиев М.М. Указ. соч. С.549.

²⁷² АКАК. Т. X. С.850.

²⁷³ Там же. С.494.

имаму не только действовать оборонительно, но и наступательно в направлениях, на которых у русских не было преимущества. Шамиль даже совершил «диверсию» против Темир-Хан-Шуры.

Руководство военными операциями против горцев российское командование поручило князю М.З. Аргутинскому-Долгорукому, возглавившему Дагестанский отряд. Он отбросил отряды мюридов от Темир-Хан-Шуры и устремился к селению Чох, на окрестных высотах которого Шамиль собрал до 10 тысяч ополченцев²⁷⁴.

Осада и сражение за аул Чох продолжались почти два месяца. Местность, окружавшая аул Чох, была «перерезана в высшей степени и представляла для наступающего отряда величайшие затруднения»²⁷⁵.

Защитники аула подвергались мощной артиллерийской бомбардировке. Большая часть каменных стен и башен были разрушены и превращены в груды камней. Дальнейшие действия по захвату аула не имели смысла, так как главная цель князя Аргутинского состояла не в захвате Чоха, а в его разрушении. По этой причине генерал посчитал, что «поскольку занятие одного и окрестных высот не доставило бы нам существенной пользы»²⁷⁶, в ночь с 22 на 23 августа 1849 г. снял осаду и начал отвод войск за Кара-койсу.

С рассветом горские отряды стали преследовать войска, пользуясь прикрытием густого тумана, бросались на колонны батальонов в шашки, которые вынуждены были отбиваться штыками, отбрасывая несколько раз напиравшего неприятеля.

События вокруг Чоха несколько поправили дела Шамиля, укрепив его позиции в горных обществах, расположенных поблизости Лезгинской линии. Скоро в подтверждение этого, Хаджи-Мурат проник в Джаро-Белоканский округ, ограбил несколько аулов, истребил тех, кто оказал сопротивление, взял богатую добычу и пленных. В это же время Даниель-бек совершил набег на Самурский округ²⁷⁷.

²⁷⁴ Дубровин Н.Ф. Кавказская война... С.272.

²⁷⁵ АКАК. Т. X. С.495.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Военная энциклопедия. – СПб., 1913. Т.11. С.237.

Обе противостоявшие стороны балансировали между успехами в одном месте и неудачами в другом. Оборонительные операции поддерживались наступательными рейдами. В то же время «имаму и его наibaм все реже удавались крупные предприятия с широкими военно-политическими целями и ощутимыми экономическими результатами»²⁷⁸. Война с «урусами» приводила к большим людским и материальным потерям и постепенно, но все явственнее истощала силы имамата.

Для российской стороны дагестанские события 1849 г. стали «достаточно убедительными доводами, чтобы понять бессмысленность, а главное – бесперспективность усилий пробиться в имамат через скальные ущелья»²⁷⁹. Кроме того, помимо трудностей местности вновь стала актуальной проблема продовольственного снабжения войск, фуражного обеспечения лошадей и рогатого скота. Потому князь Воронцов предпринял все усилия, чтобы развернуть ход главных событий в сторону Чечни, «находя, что там его ждут более заметные успехи»²⁸⁰.

В начале 1850 г. наконец удалось переместить в Чечню центр военных операций, где М.С. Воронцов был особенно настойчив в применении своей новой системы. По правому берегу реки Ассы вырубались леса, чтобы открыть доступ в уже упоминавшееся Галашевское ущелье, в котором постоянно собирались отряды Шамиля, и из которого делались набеги на Кабарду, Сунжескую линию и Военно-Грузинскую дорогу.

Русские вытесняли Шамиля с плодородной Чеченской равнины на юг и вплотную подбирались к предгорьям Кавказского хребта. В 1850 г. просеки рубил генерал П.П. Нестеров. С января по март 1851 г. вырубались просеки в Большой Чечне отрядом генерала В.М. Козловского, которому пришлось отбивать яростные атаки самого Шамиля. Это был решительный и наступательный шаг со стороны русских, и поэтому имам Шамиль стремился всячески мешать своему

²⁷⁸ Дегоев В.В. Имам Шамиль...С.211.

²⁷⁹ Блиев М.М. Указ. соч. С.552.

²⁸⁰ Покровский Н.И. Указ. соч. С.426.

неприятелю. Он приказал горцам перекапывать просеки огромными рвами и охранять их постоянными караулами. В начале 1851 г. Шамиль перебросил в Чечню большие контингенты мюридов, чтобы нанесением удара по Сунженской линии остановить продвижение русских. Этого, однако, имаму сделать не удалось²⁸¹.

Благодаря прорубленным просекам к 1852 г. русские отряды уже могли без особых усилий и препятствий продвигаться по Большой Чечне, отсекая и прижимая приверженцев имама к горной части Дагестана. Были заняты ключевые позиции мюридов – селения Автуры, Гельдыген, Майортуп. Эти походы стоили русским немалых потерь и трудов, но были оправданы тем, что они привели к отходу от Шамиля значительной массы чеченцев²⁸².

Для окончательного утверждения на Чеченской равнине русскими планировалось выбить Шамиля из района Мичика. Имам, понимая все значение Предгорной Чечни для своего будущего и будущего всего мюридизма, собрал большие силы – 8,5 тысяч конных воинов и до 12 тысяч пеших²⁸³. Главные его силы составляли чеченцы и тавлинцы.

Острота ситуации привела к тому, что «впервые в истории Кавказской войны имам изменил своим правилам, подвергнув столь значительные силы риску генерального сражения»²⁸⁴.

Предгорная Чечня представляла для имамата слишком большую ценность – служила житницей и рекрутской базой мюридизма. Шамиль потерпел поражение от войска князя А.И. Барятинского в феврале 1853 г. и оттеснен к подножию Черных гор. Имама не преследовали, так как в горно-лесистой местности это было неблагоразумно и бесцельно. К тому же Шамиль был унижен поражением, выражаясь по – персидски, «наелся грязи»²⁸⁵.

²⁸¹ Бобровский П.О. Указ. соч. С.10.

²⁸² Дегоев В.В. Указ. соч. С.213.

²⁸³ Там же. С.214; Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.247-255.

²⁸⁴ Там же. С.215.

²⁸⁵ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.254.

В Дагестане русские прочно закрепились на Лезгинской линии и в приморских районах. Теперь Воронцов держал Шамиля «словно в железной клетке»²⁸⁶.

За период времени с 1846 по 1853 гг. сфера действий имама и границы его государства существенно сузились. В начале 1853 г. князь М.С. Воронцов рассчитывал полностью овладеть Чечней, и только начавшаяся война с Турцией помешала осуществиться этому плану, заставив наместника приостановить развернувшиеся в Большой и Малой Чечне разнообразные работы.

Тем не менее, «новая система» Воронцова вынуждала Шамиля больше заботиться об обороне и забыть «о северо-кавказском гегемонизме и политико-идеологической экспансии за пределы имамата»²⁸⁷.

В то же время в продолжение всего периода пребывания М.С. Воронцова на посту главнокомандующего Кавказским корпусом, на правом фланге Кавказской линии российская сторона не предпринимала таких масштабных действий, которые велись в северо-восточной части Кавказа. На правом фланге не было укрепленных аулов, подобных аулам Гергебиль, Салты или Чох, штурм которых выливался в кровопролитные сражения. Здесь не было и экспедиций, подобных Даргинскому походу 1845 г.

Российские власти не могли отвлекать своих сил и внимания от Северо-Восточного Кавказа и проводить масштабное наступление на позиции черкесов до окончательного решения в свою пользу противостояния с имаматом.

До прибытия князя Воронцова на Кавказ, Петербург интересовался Закубаньем больше «в коммуникационном аспекте»²⁸⁸ и имел об этом крае самые поверхностные представления. Российские власти после Адрианопольского договора получили возможность принимать меры и усилия по трем основным направлениям: 1) противостояли набегам

²⁸⁶ Дегоев В.В. Указ. соч. С.215.

²⁸⁷ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.488.

²⁸⁸ Блиев М.М. Указ. соч. С.639.

горцев; 2) осуществляли блокаду Черноморского побережья при помощи крейсерства, чтобы предотвратить турецкую контрабанду; 3) стремились склонить горцев к мирным переговорам о вхождении ими в подданство Е.И.В.

Однако после экспедиции, совершенной И.Ф. Паскевичем в земли шапсугов, стало ясно, что «одного Адрианопольского мира будет недостаточно, чтобы считать Северо-Западный Кавказ достоянием России»²⁸⁹.

Открывшиеся там военные действия столь осложнили положение дел на правом фланге Кавказской линии, что командующий барон Г.В. Розен вынужден был сообщить в Петербург о том, что он не имеет «возможности восстановить скоро спокойствие»²⁹⁰.

По приблизительным подсчетам российской стороны, «все ветви народа Адиге, взятые совокупно, могут выставить около 50 т. вооруженных...»²⁹¹ удалцов, а потому следовало незамедлительно принять меры по защите Кавказской линии, «дабы предотвратить оную от самых гибельных последствий»²⁹².

Далее барон Г.В. Розен отмечал, что раз «мы переменили образ действий наших и атаковали их (горцев – С.Л.) во многих пунктах, сие заставило их понять настоящие наши намерения и со своей стороны вооружиться почти повсеместно»²⁹³.

Барон Г.В. Розен призывал Петербург к осторожности, поскольку из-за недостатка военных сил, «атакуя на многих пунктах, мы не могли удерживать всех занимаемых мест, а временные экспедиции только раздражили и ожесточили против нас горцев».²⁹⁴ <...> На все нужны постепенность и время – мы у подошвы гор, входить же в оные силою бесполезно и опасно»²⁹⁵.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ АКАК. – Тифлис, 1881. Т.VIII. С.341.

²⁹¹ АКАК. – Тифлис, 1878. Т.VII.С.891.

²⁹² АКАК. Т.VIII. С.340.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. С.343.

Император Николай в ответ на тревожные сообщения, поступавшие с Северо-Западного Кавказа, внес поправки в план действий российских властей в данном регионе. Высочайшей волей предписывалось «не оставлять неиспытанным никакое средство для склонения горцев к покорности на пути мирных убеждений и в таком только случае прибегать к силе оружия, если все другие меры останутся тщетными»²⁹⁶.

Но реальная действительность была такова, что данное предписание нельзя было выполнить, так как черкесы в большинстве своем «постоянно отвергали всякого рода мирные предложения и, дабы самих себя оградить от всякой возможности склоняться на них, постановили между собой предавать смерти, кто доставит к ним прокламацию или воззвание Российского начальства»²⁹⁷.

Потому, несмотря на большие затраты и разносторонние усилия, к которым прибегало российское командование, ни одну из выше означенных задач не удалось решить в полном объеме и в связи с поставленными целями. К началу 40-х гг. XIX в. «российская политика на Северо-Западном Кавказе оказалась в тупиковом состоянии»²⁹⁸.

Долгое время события и процессы, протекавшие на Северо-Западном Кавказе, имели вид пожара в торфянике: огонь на поверхность вырывался лишь sporadически, но он никогда не прекращался в глубине. К началу же 1840 г. со стороны горных черкесов произошло не просто возмущение, а переход к войне с Россией. Подталкиваемые турецкими, европейскими и шамилевскими агентами, горцы начали образовывать союзы племен для общих действий против русских.

На недоумения со стороны Петербурга командующий Кавказской кордонной линией генерал П.Х. Граббе представил объяснения, отметив, что массовое участие горцев в войне против русских «отчасти это следствие положения, в которое

²⁹⁶ АКАК. Т.VIII. С.358.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Блиев М.М. Указ. соч. С.671.

поставлены горцы; успехи нашего оружия на левом фланге Линии и утверждение нашей власти на равнине, первый приступ к учреждению Лабинской линии, занятие восточного берега Черного моря и прекращение постоянных торговых сношений туземцев с турками и иностранными купцами, до крайности стеснили неприятеля, лишили его многих главных потребностей жизни и довели до того, что он должен был или немедленно покориться, или употребить последние отчаянные усилия и все свои силы, чтобы вытеснить русских из своих земель»²⁹⁹.

Среди убыхов, шапсугов, нутхайцев и абадзехов, начались военные сборы, которые дали им совместное ополчение, насчитывавшее от 35 до 40 тысяч воинов³⁰⁰. Русские генералы отмечали, что «скопище сие приняло некоторый вид порядка и устройства. Каждое племя с особенным значком составляет отдельную дружину <...> предводимые отважнейшими и храбрейшими, которым все повинуются»³⁰¹.

Российское командование принимало все доступные ему меры к тому, чтобы воспрепятствовать процессам единения и союзничества черкесов, зная из опыта борьбы с мюридизмом на восточном Кавказе, какую цену приходится платить, если позволить данной тенденции развиваться бесконтрольно.

В тоже время, если анализировать распоряжения, исходившие из Петербурга на Кавказ, император Николай как будто даже возрадовался и в предложенной горцами войне увидел возможность относительно скорого военного решения черкесской проблемы³⁰².

Движениям горцев русские противопоставляли демонстрационные движения войск по территориям различных черкесских обществ, пытаясь таким образом запугать, вразумить и убедить горцев не участвовать в открытой войне против России.

²⁹⁹ АКАК. Т.IX. С. 249.

³⁰⁰ Там же. С.252.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же. С.255.

Среди первых в данном деле оказался контр-адмирал Л.М. Серебряков, который производил успешные рейды против натухайцев в 1-м отделении Черноморской береговой линии. Эти его действия имели полезные для русских последствия.

После движений Л.М. Серебрякова по ущельям Циокией, Дерзуа и Суа натухайские старшины стали прибывать в Новороссийск и просить контр-адмирала прекратить движения по всем местам, кроме дорог, проложенных войсками для сообщений, и возобновили несколько раз уже начинавшиеся переговоры о намерении «жить с русскими в совершенном согласии»³⁰³.

Л.М. Серебряков видел пользу от рейдов по землям натухайцев в том, что они необходимы «для постепенного приучения народа к покорности и удалению из среды его людей злонамеренных»³⁰⁴.

Он требовал от натухайских старшин обещания, что народ не будет препятствовать движениям войск, изгонит «хищников», откажется поддерживать связи с шапсугами и другими «неприятными племенами, будет доставлять сведения о намерениях их и выдавать наших пленных и беглых»³⁰⁵. При соблюдении этих условий натухайцам нечего будет опасаться рейдов русской армии по их землям.

Эти условия были неприемлемыми для натухайцев, к тому же старшины не имели реальной возможности их реализовать без ущерба для своего авторитета в своем народе. Однако вынуждены были соглашаться, хотя бы на словах, уступая настоятельности контр-адмирала Серебрякова, поскольку прежний опыт показал, что «в зимнее время, когда большие запасы продовольствия и фуража собраны в жилищах горцев, наказать их весьма просто и легко разорением аулов, лишив их в суровое время года пропитания и пристанища»³⁰⁶.

В конце октября 1846 г. по указанию главнокомандующего Л.М. Серебряков собрал отряд при форте Раевском и выступил по дороге к укреплению Гостогаю,

³⁰³ АКАК. Т.Х. С.657.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же.

ведущей через перевал Муземель. Не доходя до перевала, отряд повернул в ущелье Псияг.

Горцы не оставались спокойными зрителями этого движения русского отряда. Встревоженные неожиданным приходом войск, жители ущелий, «чувствовавшие за собою вину прежних хищничеств, вплоть до Псебепса, спешили выбираться из своих домов и уводили стариков, женщин и детей с имуществом в горы»³⁰⁷.

Проходя ущелье Куматыр, Л.М. Серебряков послал предупредить горцев, что «если встречен будет неприятельски, то истребит все их жилища»³⁰⁸. Как только отряд начал спускаться в ущелье, как горцы, собиравшиеся с разных сторон, вступили в перестрелку. Контр-адмирал Серебряков, исполняя свою угрозу, приказал по пути жечь все жилища, «коих истреблено было до 200»³⁰⁹.

Последствием этого движения «остались вражда и смятение в народе, в котором благоразумнейшие восстали против зачинщиков перестрелок и хищников»³¹⁰.

Во 2-м отделении Черноморской береговой линии горцы тревожили гарнизоны русских укреплений. 28 ноября 1846 г. горцы числом до 6000 человек атаковали форт Головинский, но отступили, «понеся большую потерю от картечного и ружейного огня»³¹¹.

Кавказский наместник князь М.С. Воронцов, получив известие о нападении горцев на форт, приказал отправить пароход «для доставления подкрепления гарнизону Головинского, подания ему в чем нужно помощи и перевозки раненых в госпитали»³¹².

В 3-м отделении Черноморской береговой линии форт Навагинский был также в тревожном положении. Горцы заводили перестрелки с командами, высылаемыми из

³⁰⁷ Там же. С.658.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же. С.659.

³¹² Там же.

укрепления для пастьбы скота. И на границе с Абхазией были беспорядки.

После штурма форта Головинского большая часть горцев, бывших в сборе, удалилась в ущелье Вардане, и в числе до 3 тысяч человек составила там совещание. Там решено было послать за подкреплением к шапсугам и абадзехам. Потом планировалось продолжить нападения на русские укрепления. По всем дорогам горцами были расставлены пикеты для перехвата лазутчиков³¹³.

Противостояние войск и отрядов горских ополченцев разливалось по всему Северо-Западному Кавказу. За рейдами и набегами с одной стороны следовали набеги и атаки фортов с другой. Никто не хотел уступать. Каждая сторона стремилась навязать свою волю другой, пребывая в полной уверенности в правоте своего дела.

К этому движению примкнули и некоторые бжедугские князья, ранее присягавшие в верности России: Тархан Батоков, Джаналим Гаджимук, Инжар Камкериок, уорки с подчиненными им черкесами их аулов. Они заключили с шапсугами условие, писанное муллой Бехтером Хамышевским, о том, что «они вовсе не желают быть приверженными России и о всех политических делах с горцами, какие только могут быть известны хамышевцам, они будут доводить до сведения шапсугов, а также пропускать их свободно через свои владения до Кубанской границы для грабежей в русских владениях...»³¹⁴.

Черкесские территории также сделались поприщем конкуренции воззваний, писем, посланий, которые обрушились на черкесов заинтересованными в том сторонами. Российская сторона и противные ей стороны стремились развернуть черкесов по противоположным направлениям.

Российские власти, чтобы не потерять, хотя и шаткого доверия в среде мирных горцев, предпринимали шаги по их защите от нападений на них абадзехов и шапсугов,

³¹³ Там же. С.661.

³¹⁴ Короленько П.П. Записки о черкесах. Род черкесов, владетельных князей Гаджемукковых // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.2. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. С.225.

«покушавшихся на разорение их»³¹⁵. Это произвело сильное впечатление на тех, кто недавно присоединился к враждебным русским шапсугам и бжедугам. Они стали искать поводов к восстановлению своего прежнего положения и объясняли свои поступки более страхом перед разорением от немирных горцев, нежели поисками выгод.

Противная русским сторона также не теряла времени. Для придания выступлениям черкесов массовости и сплоченности «мухаммеданское духовенство и агенты употребляют также все усилия для распространения возмущения. <...> Муллы разъезжают по всем закубанским селениям и, ссылаясь на какой-то отысканный ими стих Алкорана, предвещают, что 40-й год должен быть годом торжества мусульман и гибели неверных»³¹⁶.

Возвратившийся из Египта убыхский мулла Декумук-хаджи, доставил всем почетнейшим среди черкесов лицам грамоту, якобы присланную египетским пашой Ибрагимом, в которой черкесов призывал не покоряться и стараться разрушать выстроенные против них укрепления. Повсеместно рассылались воззвания с обещаниями, что египетский паша и некоторые иностранные державы отправят армии на помощь горцам. Эти слухи и воззвания сильно воспламеняли умы в горах³¹⁷.

Ситуация никак не выправлялась в лучшую сторону для российских властей. Имам Шамиль присылал в Черкесию своих представителей, желая привязать к своему делу в восточной части Северного Кавказа и часть западную.

Среди черкесов с 1842 по 1844 г. Хаджи Мухаммед вел пропаганду от имени имама – «великого борца и святого»³¹⁸. Он обещал черкесам помощь в борьбе против русских, если они примут ислам, будут следовать его заповедям и указаниям.

Хаджи Мухаммед прилагал много усилий, убеждал людей, строил мечети, назначал имамов среди черкесов и

³¹⁵ Там же. С.227.

³¹⁶ АКАК. Т. IX. С.252.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. С.183.

призывал их активно включиться в джихад против русских. При помощи шариата и мюридизма Хаджи Мухаммед сумел добиться относительно прочного порядка внутри черкесских обществ, согласившихся с его доводами, а энергию и стихию их междоусобных разбоев старался направить за пределы Черкесии, указуя посредством проповеди джихада, объекты приложения сил, и увязывая набеговую практику с антирусской идеей.

Когда деятельность посланца Шамиля стала давать первые положительные результаты, он неожиданно умер в 1844 г. В народе ходили слухи, что он был отравлен агентами Порты.

Новым посланцем от Шамиля стал Сулейман-эфенди, который был более настойчив и терпелив, чем его предшественник. Он поселился среди абадзехов и начал с большим энтузиазмом распространять ислам, отправлять правосудие и претворять в жизнь заповеди Корана. Не щадя сил, он призывал людей к священной войне и наказывал тех, кто пытался вести переговоры или заключать соглашения с русскими³¹⁹.

Как и другие представители мусульманского духовенства, он издавал фетвы об обязанности каждого правоверного сражаться с гяурами, разъясняя неопитам, что приход неверных на земли черкесов превращает их «страну ислама» в «страну войны»³²⁰.

Однако для того, чтобы двигать массами народа, возбуждая их к войне против неверных, мало было знания одного Корана: надо много уметь и силы характера, знания условий и особенностей общества, в котором приходилось действовать. Именно во всем этом был недостаток у нового посланца Шамиля, и он скоро потерпел неудачу и кончил тем,

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Ланда Р.Г. Социальная эволюция стран Востока // Новая история стран Азии и Африки: В 3 ч. Ч.1. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. С.75.

что, перессорившись со многими влиятельными лицами за Кубанью, перешел на сторону русских³²¹.

Несмотря на расширявшиеся масштабы силового противостояния, князь М.С. Воронцов не отказывался применять невоенные меры влияния на горцев. После разразившегося в черкесских горах голода весной – летом 1845 года российское командование стало предоставлять продовольственную помощь в обмен на прекращение набегов и согласие начать переговоры о переходе в подданство России. Эти усилия продолжались до начала 1846 г.

Однако такая политика русских не была в должной мере оценена горными черкесами. В январе 1846 г. абадзехи заключили условие, по которому «обязались быть покорными, но, несмотря на страшный голод, поставивший их в необходимость покупать хлеб <...> в русских станицах, мелкие партии постоянно тревожили Лабинскую линию в течение зимы, а весной и летом эти партии выросли до 300 человек. В июле делали набеги в числе даже 700 человек»³²². В этих партиях участвовали постоянно не только ближайшие родственники, но и родные сыновья старшин, заключивших с русскими мирный договор.

Такое поведение черкесов приводило в недоумение русское командование. Генерал П.П. Ковалевский писал по этому поводу: «Никто не хочет или не может понять великодушного снисхождения Русского правительства, которое с твердым терпением доказывает им выгоды, могущие произойти от мирной жизни. Напротив, все действия русских, как бы благодетельными ни были, здешние народы понимают совершенно обратным смысле. Спасение абадзехов зимою с 1845 на 1846 год от страшного голода великодушием русских, они приписали какой-то боязни, происходящей от недостатка военных сил»³²³.

³²¹ Анучин Д.Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.2. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. С.286.

³²² АКАК. Т.Х. С.588.

³²³ Там же.

Такое развитие ситуации заставило М.С. Воронцова, не оставляя мирные средства, приступить одновременно к мерам силового устрашения. Он писал по этому поводу в Петербург: «Нельзя позволить им (абадзехам – С.Л.) думать, что мы оставляем всегда без наказания тех, которые явно нападают на наши границы и просят содействия и помощи от Шамиля.

По этим соображениям, счел я необходимым принять некоторые меры осторожности для обеспечения правого фланга Кавказской линии, и в особенности разрешить начальнику оного, генерал-майору Ковалевскому производить набеги на непокорные аулы. Полагаю, что решительные и настойчивые действия сего генерала для действительного и строгого наказания неприятеля, избегая, сколько можно разорения жителей, сохранивших приязненные с нами отношения, но, не ограничиваясь относительно враждующих одними угрозами, или появлением отряда в их землях, заставят закубанцев скоро отказаться от своих замыслов и раскаяться в своей дерзости»³²⁴.

Кроме того, наместник снабдил генерала Н.С. Завадовского надлежащим руководством каким образом, по его мнению, должно было действовать в складывавшихся обстоятельствах. По приказу М.С. Воронцова были усилены казачьими резервами Кубанская и Лабинская линии, а на зиму «все войска на оных будут расположены таким образом, чтобы могли в самое короткое время собираться на выгоднейших пунктах для внезапных и скрытых вторжений во враждебные аулы»³²⁵.

Своими мерами российское командование добилось того, что всеобщей войны черкесов против русских не случилось, хотя и в 1847 г. не прекратились их собрания, обсуждавшие вопрос об отношениях к России, как не прекратились их набеги на русские пределы.

Более того, военно-политическая гибкость русских, их избирательные «строгости» и «ласкания», способствовали тому, что народные собрания стали склоняться к возможности

³²⁴ Там же. С.590-591.

³²⁵ Там же. С.591.

установления мира с ними. Большая часть общинников, уорков и старшин получали бы поддержку от российских властей, подрывавшую главные условия социального лидерства узденей в черкесских общинах: «прекратились бы набеги, а вместе с ними перестал бы существовать основной источник дохода; призрачными становились бы притязания узденей на общинников, которых российское командование стало бы защищать от социального притеснения»³²⁶.

Тогда возвратившийся из Мекки Канамат Тлаходуко, бесленеевский уроженец, желая повернуть течение событий в противоположное русло, стал проповедовать войну против русских, собирал партии горцев и имел несколько раз схватки с русскими военными колоннами, чем поколебал покорность некоторых народов³²⁷.

В ответ на действия исламских эмиссаров в Тифлисе (по настоянию М.С. Воронцова) решено было дать понять горцам, какие последствия могут наступить в случае их присоединения к непокорным, а также для того, чтобы остудить горячие головы.

По приказу военного командования с Черноморской кордонной линии было осуществлено три демонстрационных набега к абадзехам - 4 ноября 1847 г. и 14 декабря 1847 г., а также 10 февраля 1848 г. В результате войска «пожгли их сено и хлеба, набрали до 50 душ в плен и значительную баранту»³²⁸.

Не менее деструктивной в отношении развития ситуации в Черкесии была секретная переписка Шамиля с закубанцами. Письма и воззвания имама немало волновали черкесов, возбуждали их ненависть к русским.

В 1847 г. партии горцев начали жечь сено, поджигать посты, чего раньше они никогда не делали. Беспощадно убивали русских лазутчиков. По наущению того же Канамата Тлаходуко «умертвили до 60 покорных нам ногойцев за то, они

³²⁶ Блиев М.М. Указ. соч. С.699.

³²⁷ Анучин Д.Г. Указ. соч. С.286.

³²⁸ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.1. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. С.275.

по подряду перевозили нам провиант в укрепления»³²⁹. Постепенно Черкесия стала приобретать сходство с развороченным ульем, когда разозленные пчелы набрасывались и жалили первого встречного на их пути.

Больших успехов в деле распространения ислама среди черкесов достиг последний эмиссар Шамиля Мухаммед Амин, «задавшийся целью основать в Закубанском крае из разных горских племен федеративное государство»³³⁰.

Воодушевленные «пламенными» речами этого проповедника, часть черкесских обществ, ему подчинились и «изъявляли согласие по его требованию начать войну с русскими»³³¹. Многие, однако, медлили с выражением признания новому вождю, ожидая реакции со стороны русских. К числу кунктаторов относились и бжедуги.

Мухаммед Амин изначально сделал ставку на абадзехов, которые, под воздействием его проповедей, изгнали своих князей и дворян, потому что «мюридизм, проповедовавший общее равенство, приходился по душе этим племенам»³³².

Стремясь развить свою инициативу, противники русских летом 1848 г. на большом народном собрании в Адагуме попытались склонить всех черкесов принять новые правила жизни. Это было важное событие в политической жизни черкесов, которое могло радикально изменить ход событий, поскольку главной целью собрания было достижение политического единства черкесских племен, по существу речь шла о создании Черкесского государства. Организаторы собрания собирались «устроить из Черкесских племен, населяющих край от Кубани и Лабы до Черного моря, в одно связанное целое и поставить народ в такое положение к нам, в каком находится одна независимая держава к другой»³³³.

Наблюдая с настороженностью ход собрания в Адагуме, русское командование, одновременно отмечало, что

³²⁹ Там же.

³³⁰ Короленко П.П. Указ. соч. С.227.

³³¹ Там же.

³³² Сталь К.Ф. Указ. соч. С.275.

³³³ АКАК. Т.Х. С.670-673.

«положение дел наших с горцами приняло, против всякого ожидания, более благоприятный для нас оборот. <...> Главным предметом совещаний его были не враждебные против нас замыслы, а, совершенно напротив, собрание, действуя в миролюбивом духе, изыскивало меры к установлению извне мирных и торговых сношений с нами, с сохранением торговой независимости, а внутри порядка, благоустройства и согласия»³³⁴.

Для достижения выдвинутых предположений, черкесам необходимо было устранить все поводы к внутренним раздорам. «Действуя в этом духе, собрание предположило пригласить все племена к соединению в одно целое, <...> заключить с нами мирный и торговый союз, воспретив народонаселению торговлю только теми предметами, которые могут быть нам полезны в военном отношении, а именно строевым лесом, камнем, оружием и лошадьми. Обуздать частное своеволие строгими запретами действовать против нас партиями хищников. <...> Для примирения с дворянством повелено оставить за ними прежние преимущества, но требовать от него выставки муртезеков (ополчения – С.Л.)»³³⁵.

Поставленного результата не добились и не преодолели внутренних раздоров, как между отдельными племенами, так и между отдельными сословиями. Дворянство, не доверяя намерениям народного собрания «употребило свое влияние для склонения прибрежного народонаселения отказаться от общего союза»³³⁶.

М.С. Воронцов, «дальше всех военных заглядывавший в то будущее, которое сулили перспективы адагумских решений», увидел в этом собрании и «много такого, что повторяло сходные события на Северо-Восточном Кавказе, приведшие к созданию имамата»³³⁷.

Ответной реакцией Воронцова на адагумское собрание была прокламация старшинам натахайского и шапсугского народов, которой он пытался повлиять на их действия и

³³⁴ Там же. С.670.

³³⁵ Там же. С.671.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Блиев М.М. Указ. соч. С.702.

предостеречь черкесов от нежелательного для русских результата.

Воронцов напоминал старшинам о проводимой им политике, в которой предлагалась им перспектива: «В многолетний опыт пребывания русских в вашем крае, народ, особенно старшины-руководители народа, должны убедиться, что правительство наше не имеет намерения угнетать нутухайцев и шапсугов, что оно оказывает уважение и всякое покровительство вашей вере и только желает, чтобы вы жили спокойно и счастливо, готово даже всеми средствами содействовать вашему благоденствию, и невзирая на частые враждебные действия, до сего времени оставляло вас в покое»³³⁸.

В то же время князь-наместник жестко предупреждал, что такое положение вещей не может продолжаться после того, «когда среди ваших обществ предпринимается учреждение для угнетения ваших братьев, единственно за доброе их к нам расположение, когда вы хотите силою принудить их принять муртезек, учреждение которых угрожает ниспровергнуть существовавший доселе порядок в ваших обществах. Мы не можем допустить вас к таким действиям. Мы не должны оставить без защиты людей, которые находят пользу свою в сношениях с нами. <...> если вы будете продолжать действовать как начали против людей, в дружбе с нами живших, то мы вынуждены будем прибегнуть к оружию, истреблять ваши аулы, хлеба и, может быть, построить среди вашей земли крепости, сделать русские поселения и таким образом лишить вас богатых и лучших мест, на коих жили ваши предки»³³⁹.

Наместник опасался становления института муртезек, «могущего переродиться в мюридизм <...> в особенности, если между этими племенами явится человек властолюбивый и предприимчивый, который вознамерится приобрести владычество на подобие учрежденного Шамилем в Дагестане, будет уметь пользоваться постоянным ополчением для

³³⁸ АКАК. Т.Х. С.672.

³³⁹ Там же.

насильственного подчинения себе разнородных черкесских племен»³⁴⁰.

Получив сведения о том, что натухайцы и шапсуги проигнорировали его обращение, наместник постановил, что войскам следует начать кратковременные движения отрядов, не в виде набегов, но в виде подвижных колонн. Действия этих колонн должны быть «руководимы благоразумием и строгою справедливостью. Кара Русского правительства должна настигнуть только действительных приверженцев учреждения муртезеков»³⁴¹.

Главное столкновение между приверженцами черкесских традиций и теми, кто принял ислам, чтобы, по словам Амина, «смыть позор, павший на черкесский народ»³⁴² произошло в сентябре 1848 г. на народном сходе, на берегу реки Пшад. Мухаммед Амин предложил упразднить все привилегии князей и дворян, освободить народ и дать каждому возможность жить свободно.

После такого заявления князья и дворяне обнажили свои шашки, полные решимости отстаивать свои права. Но Мухаммед Амин заранее хорошо продумал сценарий возможного развития событий, опередил князей и ответил на силу силой. Многие представители знати были истреблены, а те, кому удалось уцелеть, вынуждены были искать спасения в русских пределах.

В то же время Мухаммеду Амину приходилось преодолевать немало препятствий в своей деятельности. Для проповеди шариата у него не было достаточного количества мулл и кадиев, а для объединения всех закубанских народов следовало, прежде всего, уничтожить «мирных» горцев, которые жили вблизи передовых линий и имели право покупать и обменивать необходимые для них вещи и припасы в меновых дворах. Мухаммед Амин хотел оторвать «мирных» горцев от России, но неожиданно встретил сильную оппозицию

³⁴⁰ Там же. С.673.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Хавжоко Шаукат Муфти. Указ. соч. С.185.

не только среди них, но, что более было непредвиденно, среди «непокорных» горцев.

Причина такого противодействия заключалась в том, что «непокорные» горцы получали от «мирных» «предметы, им необходимые, и которых нельзя достать в горах»³⁴³, а потому требования Мухаммед Амина для них были неприемлемы.

Посланец имама попытался применить ту же тактику, которая дала столь превосходный результат среди абадзехов и у бжедугов. Он замыслил «истребить высший класс бжедугского народа»³⁴⁴, чтобы потом было легче привлечь на свою сторону простых черкесов.

Угрозы Мухаммеда Амина были сильными, а обещания заманчивыми. Но бжедугские князья не поддались ни угрозам, ни посулам – их защищали русские войска. Тогда он обвинил князей в противной Богу дружбе с гяурами. Ввиду этого убеждал людей не подчиняться своим владельцам, «отстать от русских, подчиниться его власти»³⁴⁵.

Такой тактический прием все же отчасти принес свои плоды. Часть бжедугов отказалась подчиняться своим владельцам, и стали принимать сторону Мухаммеда Амина. Князья, поняв всю опасность для них ситуации, попытались выторговать для себя наилучшие условия, оказывая в свою очередь, давление на эмир Шамиля обращениями к командующему Черноморской линией генералу Г.А. Рашпилю. Окончив свою игру, многие бжедугские владельцы, усыпив бдительность командования Черноморской линией, передали под власть шамилевского наиба 38 аулов и дали ему присягу.

Из всего бжедугского народа остались верными России около 800 душ обоего пола, которые, по их просьбе, были переселены под защиту российских войск³⁴⁶.

Возбужденные же проповедями духовенства, многие племена оставили «свои привольные земли и бежали за реку Белую в горы»³⁴⁷. Оставленные им земли были заняты

³⁴³ Там же. С.287.

³⁴⁴ Короленко П.П. Указ. соч. С.227.

³⁴⁵ Там же. С.228.

³⁴⁶ Там же. С.229.

³⁴⁷ Сталь К.Ф. Указ. соч. С.189.

русскими поселенцами, построившими там свои укрепления и станицы. С 1849 по 1850 г. до 25 тысяч черкесов обоего пола бежало в горы к абадзехам³⁴⁸.

Следует, однако, отметить, что хотя за Кубанью мюридизм и не смог, благодаря отсутствию там глубокой религиозности среди черкесских племен, пустить обширные корни, как то случилось в землях лезгин или чеченцев, но все же Магомеду Амину удалось постепенно уничтожить черкесское дворянство, «на могилах которого он вводил свое управление на тех же основаниях, как и Шамиль, номинально признаваемый им своим главой»³⁴⁹.

Уничтожение родовой знати и установление выборного начала увеличивали партию Мухаммеда Амина среди низших сословий горского общества в Черкесии. Своим приверженцам Мухаммед Амин не переставал внушать необходимость «дружной борьбы против русских, обнадеживая помощью не только Турции, с которой находился благодаря плохой охране нашего побережья в частых сношениях, но и западных держав»³⁵⁰.

Стремясь помешать Мухаммеду Амину в его усилиях по превращению Северо-Западного Кавказа в оплот антирусского противостояния, по указанию наместника генерал Евдокимов в течение 1852 г. провел ряд успешных экспедиций в верховьях рек Ходзь, Губс и других залабинских территориях, но окончательного перелома в пользу российской стороны достичь не удалось.

Хитромудрый наиб, чьим единственным военным талантом было умение уклоняться от рискованных военных столкновений с русскими войсками, сумел избежать разгрома.

С началом Восточной войны настоятельной задачей для российских властей сделалось прекращение волнений в Черкесии, а между тем «на береговой линии свободных для наступательных действий войск, не считая слабых,

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Зайончковский А.М. Восточная Война. 1853-1856. В 2 т. Т.2. Ч.1. – СПб.: Изд-во «Полигон», 2002. С.174-175.

³⁵⁰ Там же. С.195.

разбросанных по укреплениям и фортам Черноморского побережья частей, не было»³⁵¹.

Император Николай с особым вниманием следил за событиями в этом районе Кавказа, так как «бездействие наше или переход к пассивной обороне неминуемо должны были бы возвысить дух горцев»³⁵².

По его мнению, «надо было их отвлекать, не дать им собраться в больших силах на каком-нибудь одном пункте, особенно в тылу действующего корпуса»³⁵³.

Российские кавказские власти в продолжение 40-50-х гг. XIX в. вынужденные уделять много внимания в первую очередь восточной части Северного Кавказа и вести изнурительное противостояние с имаматом, тем не менее, спокойно, настойчиво и постепенно утверждали свое присутствие между Кубанью, Лабою и Белою.

Оценивая общую ситуацию на тот период, К.Ф. Сталь отмечал, что «волнения черкесов, их партии и скопища делали нам много затруднений в наших намерениях, но никогда не могли помешать нам в наших намерениях»³⁵⁴.

Несмотря на все существовавшие препятствия и трудности «каждый год строится одна или две станицы или укрепление. Край между Кубанью и Лабою наполняется нашим населением, и черкесы ежегодно теряют навсегда какую-нибудь часть своих привольных и плодоносных земель. Линии наши что раз, то ближе опоясывают горы»³⁵⁵.

С 1845 по 1853 гг. продолжались «прежде начатые предприятия по занятию пространства между кр. Анапой и устьем р. Кубани, и по устройству Лабинской линии. Кроме того, в 1852 г. начато устройство линии по р. Белой постройкой укр. Белореченского»³⁵⁶.

Неудачными были в целом для черкесов «предпринятые ими покушения на Сенгелеевскую станицу, на укрепление

³⁵¹ Там же. С.175.

³⁵² Там же. С.194.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Сталь К.Ф. Указ. соч. С.277.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – М.: ГПИБР, 2004. С.144.

Ольгинское. Претерпенные ими в этих делах поражения послужили им строгим уроком: другие их замыслы были предупреждены благовременно принятыми мерами и сообразным расположением войск»³⁵⁷.

По приказу М.С. Воронцова «для удобного во всякое время сообщения»³⁵⁸ через реки Кубань, Лабу и другие были построены постоянные мосты, что было во всех отношениях весьма удобно и полезно для российской стороны.

В начале 50-х гг. XIX в. после многих лет кровопролитной и затратной войны в северной части Кавказа наметился явный стратегический перелом в пользу России. Имамат Шамиля переживал агонию, и можно было надеяться на скорое его падение и завершение противостояния в горах. После ощутительного поражения, которое потерпел Шамиль от князя А.И. Барятинского в сражении при Мичике, положение имама казалось безнадежным. Но, начавшаяся в октябре 1853 г. Восточная война, стала спасением для имамата. Возвратившись в свою резиденцию в Ичкерии, Шамиль объявил в горах, что «турецкий султан призывает всех мусульман Кавказа к священной войне с Россией»³⁵⁹.

До середины 1853 г. князь М.С. Воронцов не был поставлен Петербургом в известность о возможном разрыве отношений с Османской империей. Он терялся в догадках, обсуждал эту проблему в своем штабе, проводил рекогносцировочные поездки вдоль южных границ Закавказского края, следил за европейской прессой, интересовался мнением отставных генералов. Многие считали, что войны не будет, но османы уже начали свои приготовления.

Один лишь его давний друг А.П. Ермолов предупреждал: «Порта стоит на коленях, божится, что войны не желает и даже боится; но все-таки не хочет, чтобы ее били в морду. <...> Порту преодолеть не трудно, но будут ли другие равнодушными свидетелями этого; <...> Будут и тебе занятия,

³⁵⁷ АКАК. Т.Х. С.326.

³⁵⁸ Романовский Д.И. Указ. соч. С.144.

³⁵⁹ Удовик В.А. Воронцов. – М.: Молодая гвардия, 2004. С.251. 413с

на которые ты не рассчитывал»³⁶⁰. Прозорливый генерал намекал на европейских недругов России, прежде всего, Британию, где снова поднималась волна неприкрытой русофобии³⁶¹.

Император молчал по поводу возможных осложнений в отношениях с османской Турцией, «поскольку война не входила в его планы»³⁶². Николай I совсем не понимал опасного положения, в котором оказался Кавказ. Хотя Восточная война возникла не из-за Кавказа, но он не мог не быть вовлеченным в противостояние уже в силу своего географического положения - непосредственно граничил с восточными районами Османской империи.

Император обнаруживает абсолютное непонимание истинного положения вещей из-за того, что «он был именно плац - парадным генералом и никогда не был военным человеком и полководцем»³⁶³. Поэтому надлежащих приготовлений к войне с турками не удалось произвести. Имевшихся воинских контингентов на границах с Турцией было недостаточно.

Наместник Кавказа, опираясь на свой опыт и интуицию, а так же на опытность кавказских офицеров, принимал собственные меры, не зная истинной позиции Петербурга. Военный историк М.И. Богданович по этому поводу замечал: «Тайны кабинетов были скрыты столь глубоко, что многие государственные люди, в числе коих был князь Воронцов, не допускали возможности предстоящего потрясения всей Европы. Следствием такого убеждения было приятие, весьма недостаточными силами, границы Закавказья, обращенной к Турции»³⁶⁴.

³⁶⁰ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. – 1890. Кн.1. №4. С.462.

³⁶¹ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Рубежи XXI, 2009. С.173. **560с.**

³⁶² Дегоев В.В. Кавказ и происхождение Крымской войны 1853-1856 гг. // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2008. Т.5 (37). С.119.

³⁶³ Тарле Е.В. Крымская война: В 2 т. – М.: Изографус, Эксмо, 2003. Т.1. С.292. **560 с.**

³⁶⁴ Там же.

Ситуация требовала крайней осторожности, даже при сборе разведывательной информации, «из опасения возбудить толки и подозрения турок»³⁶⁵. Престарелый князь Воронцов проявил инициативу и просил императора утвердить его решение назначить начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса князя А.И. Барятинского, а также перевести с Кавказской линии в Закавказье и поручить командование тамошним корпусом князю В.О. Бебутову, который «быв прежде управляющим и командиром войск и в Имеретии, и в Ахалцыхе, и в Эривани, лучше всякого другого мог помочь насчет лучшего расположения малых сил, без слишком большого ослабления разных нужных работ»³⁶⁶.

Собственных сил, в виду ухудшавшегося здоровья наместника, уже не хватало, и он не посмел взять всю ответственность на себя и выступить в качестве единоличного военачальника в деле защиты южных рубежей империи.

Еще ранее, при вступлении в должность наместника князем Воронцовым, В.О. Бебутов получил пост начальника Гражданского Управления Кавказским краем. Наместник, не без причин недовольный существовавшей до него системой управления, видел необходимость сделать в ней существенные перемены и нуждался в содействии человека, хорошо знающего край и «способного понимать его виды»³⁶⁷, чему В.О. Бебутов вполне соответствовал. Поэтому такое назначение не выглядело случайностью.

Предварительно наместник посылал князя Бебутова в Петербург для личного представления императору, чтобы тот мог оценить кандидата, которому предполагалось поручить ответственную работу. Николай I остался весьма доволен представленной кандидатурой и назначил Бебутова командовать закавказскими войсками «на случай болезни князя Воронцова»³⁶⁸.

³⁶⁵ АКАК. Т.Х. С.756.

³⁶⁶ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. – 1890. Кн.1. №4. С. 464.

³⁶⁷ Богданович М.И. Указ. соч. 216.

³⁶⁸ Там же.

Наконец, в середине июля 1853 г. князь Воронцов от военного министра князя Долгорукова получил рапорт, в котором сообщалось, что российский посланник в Вене барон Мейендорф «уведомлял, что партия войны в Константинополе усиливается. По этим сведениям, дела наши с Турцией кажутся близкими к разрыву, нежели к миролюбивому соглашению»³⁶⁹.

Положение князя Воронцова в высшей степени было затруднительно. Граница со стороны Турции «на протяжении более 500 верст была охраняема только редкими постами, на которых <...> находилось всего лишь около 1760 донских казаков, а в пограничных городах, в укреплениях и крепостях было расположено 4 линейных батальона»³⁷⁰.

В свое время А.М. Зайончковский в связи с существовавшими обстоятельствами на границе писал: «Защита границы была рассчитана только против контрабандистов и хищников и, которая не могла быть, по удалению своему от расположения наших резервов, своевременно подкреплена большим числом действующих войск»³⁷¹.

В конце июля 1853 г. наместник, несмотря на нездоровье и свои преклонные годы, снова совершил поездку по приграничным территориям. Чтобы отчасти лично осмотреть кордоны турецкой границы, он проехал черех Ацхур, Ахалкалаки, Манглис, нигде не встретив признаков неприязни среди местных мусульман. Местные, аванпостные начальники уверяли его, что аджарцы и большая часть пограничных жителей в случае войны «будут для нас вожаками и предлагают служить нам авангардом»³⁷².

Тем не менее, М.С. Воронцова не покидало беспокойство, а из Петербурга не было ясных указаний и все скрывалось и пребывало в непроницаемой тайне. Князь Воронцов посчитал, что необходимо позаботиться и прикрыть важнейшие политические и стратегические пункты на южных

³⁶⁹ АКАК. Т.Х. С.754.

³⁷⁰ Зайончковский А.М. Восточная война. 1853-1856. В 2 т. Т. II, в 2 ч. Ч. I. – СПб.: ООО изд-во «Полигон», 2002. С.179. **574с.**

³⁷¹ Там же.

³⁷² Письма князя М.С. Воронцова...С.465.

границах – Озургеты, Ахалцых, Ахалкалаки, Александрополь и Эривань; «остальные посты и укрепления упразднить, а гарнизоны их собрать на удобнейших местах, где они могли бы соединиться с главными нашими резервами»³⁷³.

Были проведены мероприятия по комплектации военных госпиталей и усиленных лазаретов на пограничных пунктах. В Александрополе был открыт военно-временный госпиталь на 600 мест, а также заготовлено имущество для полевого подвижного госпиталя на 1000 мест, который должен был следовать за армией на 200 наемных арбах. Для подвижного госпиталя изготовили 72 большие палатки, каждая на 18 человек. Перевязочных предметов имелось на 30000 человек. На случай появления чумы были приняты меры к формированию карантинного отделения³⁷⁴.

В сентябре князь писал А.П. Ермолову: «Я так заеден и утомлен все это последнее время делами и распоряжениями по этим проклятым турецким делам <...> Мы ждем скоро прихода в Сухум-кале из Севастополя 13-й дивизии пехотной или части оной для усиления наших войск по турецкой границе. Все эти войска поступают в командование князю Бебутову, который на днях объехал всю границу, взял на себя лучшие меры и успокоил жителей, которые не могли сначала не быть в страхе, зная, что турки сильно собираются в разных местах, когда у нас почти там никого не было»³⁷⁵.

13-я дивизия с ее артиллерией и лошадьми, укомплектованная по военному положению, была сосредоточена в окрестностях Севастополя в ожидании отправки на Кавказ. Ее предстоящая транспортировка на линейных кораблях Черноморского флота налагала на кавказское командование новые обязательства - по прибытии довольствие войск переходило к интендантству Кавказского корпуса.

Перевозка морем такого большого количества войск производилась флотом впервые, и трудности увеличивались из-

³⁷³ Зайончковский А.М. Указ. соч. С.180.

³⁷⁴ Там же. С.189.

³⁷⁵ АКАК. – Тифлис, 1885. Т.X. С.756.

за необходимости перевозить с войсками весь обоз и всех строевых и подъемных лошадей (по штату 1660 голов)³⁷⁶, так как категорически нельзя было закупить или нанять нужное количество лошадей за Кавказом.

Кроме того, надо было учесть, что во время разнообразных случайностей и частых, при таких обстоятельствах несообразностях, часть провианта и фуража будет потеряна, а потому наместнику предстояло продумать, как уменьшить издержки.

Николай I приказал, чтобы перевозка десантного отряда была произведена в два рейса частями в полном составе, с обозом и лошадьми, не нарушая их строевой организации, с тем, «чтобы каждый эшелон после высадки мог немедленно двинуться в поход»³⁷⁷.

Из-за неопределенности, царившей в Петербурге, возникла заминка в выборе места для высадки 13-й дивизии. В столице опасались турецких десантов на восточное побережье Черного моря, где слабосильные крепости Черноморской береговой линии не смогли бы справиться с двойной на них атакой со стороны моря - от турок, и со стороны гор - от непримиримых черкесов, которым уже «мечтаются Английские паруса»³⁷⁸.

Император высказал предложение о направлении 13-й дивизии через Тамань на смену войск Кавказской линии. Наместник отвечал, что, «хотя и представляется та важная выгода, что в таком случае в состав действующего против Турции отряда поступили бы опытные войска кавказские со своим готовым обозом, но при этом потребовалось бы 79 дней времени со дня высадки до прибытия войск в Александрополь»³⁷⁹, в то время, как при высадке в Сухум-кале дивизия сможет прибыть туда в один месяц. И сверх того, при тревожных обстоятельствах на Правом фланге Кавказской линии, в центре и во Владикавказском округе, невозможно

³⁷⁶ Зайончковский А.М. Указ. соч. С.182.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Письма князя М.С. Воронцова... – С.465.

³⁷⁹ АКАК. – Тифлис, 1885. – Т.Х. – С.759.

оставить «одни новые войска, незнакомые ни с краем, ни с образом тамошней войны»³⁸⁰.

Что касалось петербургских предположений с помощью 13-й дивизии покончить с непокорными черкесами до начала возможного столкновения с турками, князь Воронцов отвечал, что «для приобретения положительной пользы, действия наши против горцев должны быть ведены систематически. Удобный выбор времени, благоприятные обстоятельства, удобный случай для внезапных нападений и постоянное стремление к одной определенной цели, при соразмерном числе войск против неприятельских сил, могут скорее привести нас к прочным результатам, чем кратковременное нашествие даже значительной массы наших войск»³⁸¹.

М.С. Воронцов снова почувствовал в данных планах старую песню столичного заблуждения одним ударом покончить кавказское дело. Как прежде этот подход приносил страшный вред и по его собственному опыту был недопустим, так тем более в ситуации начала новой войны этого следовало избежать.

Понимая, в то же время, кто стоит за такими планами, опытный князь отвечал Петербургу, что если 13-я дивизия пробудет на Кавказе более года, тогда можно будет при ее содействии привести к окончанию рубку леса для открытия свободного сообщения между укреплением Абинским и Новороссийском, возвести в течение лета укрепление в Адагуме и, «если найдется возможным отделить из кавказских войск гарнизон для этого укрепления, на устройство которого нужно значительное время, а одних местных войск недостаточно»³⁸². Петербург не стал возражать наместнику.

Тогда переход в наступление турецкой Анатолийской армии еще казался маловероятным, но наместник все же поручил В.О. Бебутову и генералу Ганзену, начальнику корпуса военных инженеров, осмотреть все пограничные крепости и «составить соображения о необходимых работах, а

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же. – С.760.

начальнику артиллерии принять меры к их вооружению и снабжению боевыми комплектами»³⁸³.

Главная слабость всех указанных крепостей состояла в нехватке артиллерийского вооружения. Тому доказательством могло служить снятие части орудий для пограничных крепостей с укреплений Лезгинской линии³⁸⁴.

Укрепления Черноморской береговой линии были построены только против горцев, но со стороны моря они ничем не прикрывались, не исключая Новороссийска и Геленджика.

Князь Воронцов верно оценил трудности, возможно, скоро предстоящей войны, и те тяжелые последствия, которыми она могла отозваться на Кавказе, «где фанатизм и недоверие к России горских племен представляли обширное поприще для политических интриг»³⁸⁵.

Кавказское командование было обеспокоено возможностью союза турок с Шамилем и угрозой удара в тыл армий со стороны имамата. Значительно увеличить дагестанскую группировку не представлялось никакой возможности, так как почти все наличные силы были разбросаны по Кавказской кордонной линии или находились в укреплениях. Летом 1853 г. на Кавказе имелось 140 тыс. человек русских войск, не считая милиций и казаков. На границе за Кавказом таких войск было только 10 тысяч человек с 32 полевыми орудиями³⁸⁶. Наконец наместник не исключал возможности общего возмущения мусульманского населения на Кавказе и за Кавказом по причине выросшей активности турецких эмиссаров в регионе.

При таком состоянии края все удержать в прежнем положении «казалось совершенно невозможным»³⁸⁷. Командование не могло решить «откуда тронуть войска, <...>

³⁸³ Зайончковский А.М. Указ. соч. – С.183.

³⁸⁴ Там же. – С.184.

³⁸⁵ Богданович М.И. Указ. соч. – С.217.

³⁸⁶ Шишов В.А. Схватка за Кавказ. XVI-XX века. – М.: Вече, 2005. – С.353.

448с

³⁸⁷ Покровский Н.И. Указ. соч. – С.521.

чтобы не поколебать владычество наше на Кавказе»³⁸⁸. Одновременно стали разрабатывать план, согласно которому при неблагоприятном развитии ситуации «за счет войск, выводимых из Дагестана, будут образованы сильные резервы на Терской и Лезгинской линиях для того, чтобы не дать возможности мюридизму выйти из пределов Дагестана»³⁸⁹.

В данном случае, высшее военное командование на Кавказе дуло на воду, преувеличивая из-за общей тревоги возможности имамата, после широко распространившегося в горских массах равнодушия к мюридизму.

Между тем, предприимчивый имам выжидал наступления турок. В продолжение всего лета 1853 г. к нему приходили послы от Керим паши и Селим паши с требованиями идти на соединение с войсками султана Абдул Меджида³⁹⁰.

Понимая, что означала такая связь, наместник приказал принять все меры для задержания любых турецких послов к Шамилю и прекращению переписки между турецким консулом, находившимся в Тифлисе и имамом. В продолжение короткого времени было схвачено несколько посланцев с письмами на пути к Шамилю или от него³⁹¹.

Барон Вревский доносил, что «во всех ущельях Большой и Малой Чечни, вследствие приказаний Шамиля производятся с чрезвычайной деятельностью приготовления к вторжению многочисленным скопищем. <...> Каждый обязан был заготовить два комплекта подков и значительный запас продовольствия. <...> Несмотря на происходившее от этого стеснения для хозяйства, жители обязаны постоянно держать лошадей своих в полной готовности в аулах, чтобы по первому призыву поспеть туда, куда им будет назначено»³⁹².

³⁸⁸ Цит. по: Там же.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле...С. 43-44.

³⁹¹ Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – С.362.

³⁹² Выписка из журнала барона Вревского о происшествиях во Владикавказском военном округе с 5-го июля по 19 августа 1853 года // АКАК. – Тифлис, 1885. – Т. X. – С.548.

Из показаний лазутчиков русским было известно, что «Шамиль ежечасно ожидал появления нынешним летом турецкой армии в Закавказском крае или на правом фланге и готовился содействовать ей всеми средствами, находящимися в его распоряжении»³⁹³.

Российское кавказское командование, чтобы остудить пыл имама, производило время от времени превентивные набеги в горы, особенно в ущелья Малой Чечни, дабы «обнаружив им, что огромные приготовления Шамиля вовсе не заставляют нас ограничиваться только заботою о собственной нашей безопасности, <...> показав им лживость всех пышных прокламаций Шамиля, не перестававшего в последнее время возвещать им о близком своем торжестве»³⁹⁴.

Желая продемонстрировать свою решимость и силу, имам в 20-х числах августа 1853 г. спускался с гор к крепости Закаталы, однако, даже пришедшие вести о начале войны турецкого султана с русскими не произвело какого-либо возбуждающего воздействия на горское население. Мухаммед-Тахир аль-Карахи по этому поводу заметил: «Из знати Закаталы не перешел к имаму никто, кроме одного. Они, наоборот, укрепились в крепости русских со своими семьями и имуществом»³⁹⁵.

Наместник был очень обрадован подобными событиями. Делясь своими впечатлениями со своим давним корреспондентом А.П. Ермоловым, он писал: «Важный пункт тот, что Шамиль сильно ошибся в надежде восстания не только наших лезгин, но и всех наших мусульманских провинций. Ни один человек во все время не восстал, даже из тех деревень, через которые неприятель проходил, а главные деревни Джары и Талы вооружились и не позволили никому через них проходить»³⁹⁶.

Такой результат экспедиции имама разрушил все его расчеты, и ему пришлось в спешном порядке отойти от Закатал

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же. – С.548-549.

³⁹⁵ Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи...С.231.

³⁹⁶ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. – 1890. – Кн.1. - №4. – С.465.

при приближении отряда князя Орбелиани, который уже ранее указывал высшему командованию на слабость имама при ширящейся «ненависти горцев к правлению Шамиля»³⁹⁷. Н.И. Покровский считал, что «нигде так не обнаружилось все бессилие мюридизма пятидесятых годов, как в этом закатальском походе»³⁹⁸.

Положение российских войск на русско-турецкой границе в значительной степени зависело от позиции и образа действий, которые выберут для себя персидские власти в случае начала военных действий между Россией и османской Турцией.

Поэтому Николай I запрашивал князя Воронцова о тех мерах, которые тому надлежало предпринять против потенциальной персидской угрозы. Наместник отвечал, что для этого потребовалось бы еще не менее одной дивизии и бригады кавалерии, но император признал такие требования чрезмерными. Николай I сделал пометку на рапорте наместника: «Полагаю достаточным того, что уже велено послать; <...> но более послать из России неоткуда и совершенно невозможно, о чем князю Воронцову положительно объявить, предоставляя распоряжаться, как по обстоятельствам за лучшее признает; я же остаюсь при прежнем мнении, что означенных способов должно быть достаточно»³⁹⁹.

Кампания 1853 г. в азиатской Турции «открылась совершенно неожиданно»⁴⁰⁰. Николай I, для которого это была уже вторая война с Османской империей за годы его правления, рассчитывал повторить недавний успех войны 1828-1829 гг. Однако условия, при которых эта война начиналась, отличались от условий 50-х гг. И хотя императору было известно, что «восточный вопрос уже больше не является

³⁹⁷ Покровский Н.И. Указ. соч. – С.521.

³⁹⁸ Там же. – С.524.

³⁹⁹ Цит. по: Зайончковский А.М. Указ. соч. – С.192-193.

⁴⁰⁰ Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. В 4 т. – Т.1. – СПб., 1876. – С.208. **335c**

только русско-турецким делом, он все же надеялся, что война обойдется без вмешательства великих держав»⁴⁰¹.

Давая оценку ситуации начала Восточной войны, Е.В. Тарле писал: «Основная трудность войны заключалась для России в необъятных размерах ее границ и в необычайно невыгодных и опасных условиях, при которых создавалась дипломатическая обстановка этой войны»⁴⁰².

Отмечаемое выше упрямое нежелание императором принимать существующие обстоятельства дела и понимать обстановку на Кавказе, снова проявились, как только в Петербурге узнали о благополучном прибытии в Сухум-Кале частей 13-й дивизии.

В письме к князю Воронцову Николай I писал: «Тебе уже должно быть известно, через князя Меншикова, что турки в их сумасшествии объявили нам войну. <...> По слухам, будто намерены напасть на тебя, и тут милости просим: будет, чем принять и проводить с подобающею честью»⁴⁰³. Далее снова сошлемся на Е.В. Тарле, чтобы подтвердить заблуждения императора, который потребовал от наместника: «Теперь, кажется, могу я надеяться, что не только тебе даны достаточные способы оборонять край от вторжения турок, но даже к наступательным действиям»⁴⁰⁴.

Император не понимал, что 16 тысяч человек 13-й пехотной дивизии для Кавказского региона оставались каплей в море. В своих радужных мечтаниях он уже не мог остановиться и демонстрировал князю Воронцову свою неперемнную волю: «За сим, выждав, первые нападения турок, желаю я, чтобы ты непременно перешел в наступление, направляясь на Карс, и овладел оным, равно как и Аргаданом»⁴⁰⁵.

Князь Воронцов отвечал Николаю I: «Мне невозможно было сосредоточить сильный отряд в окрестности Александрополя; необходимо было не оставить без достаточного прикрытия Гурию, Имеретию. Также необходимо

⁴⁰¹ Медяков А.С. Указ. соч. – С.238.

⁴⁰² Тарле Е.В. Указ. соч. – С.292.

⁴⁰³ АКАК. – Тифлис, 1885. – Т.Х. – С.760.

⁴⁰⁴ Цит. по: Тарле Е.В. Указ. соч. – С.292.

⁴⁰⁵ АКАК. – Тифлис, 1885. – Т.Х. – С.760.

было оставить довольно сил в Ахалцихе, ибо без того турки из Аргадана могли бы, обойдя крепость, вторгнуться в Боржомское ущелье и даже проникнуть в Карталинию. <...> Насчет Карса скажу только, как скоро действующий отряд будет в своей силе и Бог нам поможет разбить неприятеля, который вторгся в край, идти на Карс не представится нам никакого затруднения»⁴⁰⁶. Император был удовлетворен и успокоен таким ответом наместника.

Князь Воронцов не противоречил воле императора, но был полон тревожных предчувствий от ожидавшегося вторжения в Грузию больших турецких сил. Он почти не сомневался, что и англичане с французами не останутся безучастными к событиям на Кавказе, а их эскадры войдут в Черное море. Это стало бы катастрофой для Кавказского побережья. Наместник просил князя Меншикова усилить черноморскую эскадру, крейсировавшую у кавказских берегов.

На стороне наместника в данном вопросе был и адмирал Серебряков, «который убедительно доказывал необходимость непрерывного крейсерства флота вдоль всего берега от Анапы до поста св. Николая»⁴⁰⁷. Назначавшихся для этой цели 1 фрегата и 6 малых судов было недостаточно, а потому адмирал просил об усилении крейсерской эскадры кораблями Черноморского флота, но в этом и ему было отказано.

Вся пограничная полоса в Закавказье «находилась в тревожном состоянии»⁴⁰⁸. Аджарцы, курды, каракалпаки, жившие в Чалдырском и Аргаданском санджаках, начиная с августа 1853 г., стали совершать нападения на скот пограничных селений и уводить в плен их жителей. В особенности их привлекали зажиточные духоборские селения, ближе других отстоявшие от границы.

В сентябре они уже открыто грабили селения, жгли посты и даже напали на разъезды. Частые тревоги были не только на пограничной линии, но и в тылу. М.Я. Ольшевский

⁴⁰⁶ Там же. – С.763.

⁴⁰⁷ Зайончковский А.М. Указ. соч. – С.186.

⁴⁰⁸ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – С.312. **608с.**

свидетельствовал: «Сельское население было сильно встревожено и стекалось под защиту Ахалцыха и собранных под ним войск»⁴⁰⁹. Для пресечения действий грабительских партий российскими военными властями создавались «летучие» отряды, преимущественно из казаков и местных этнических милиций, которые несли караулы вдоль всей границы.

С наступлением осени 1853 г. по приказу князя Воронцова были направлены на Южный Кавказ к Александрополю части отрядов князя Аргутинского из Закатал и князя Орбелиани с Лезгинской линии. Из Чир-Юрта и крепости Воздвиженской – 3 дивизиона Нижегородских драгун и один батальон Куринского полка⁴¹⁰. Князь Воронцов думал и сам идти с войском на границу, но ему был 72-й год, он часто стал страдать лихорадкой и уже не мог «переносить трудов похода»⁴¹¹.

Планы османской Турции на Кавказе предполагали полное вытеснение России из этого региона. Порта надеялась на уникальное стечение благоприятных факторов (почти заключенный наступательный союз с Англией и Францией, беспокойствие в Дагестане и Черкесии, малочисленность русских сил в Закавказье)⁴¹². На Кавказе османы рассчитывали обойтись без военной помощи западных держав, не желая уступать территории, которые она считала своими, «предполагая получить широкую поддержку местных мусульман»⁴¹³.

Чтобы держать ситуацию под своим контролем в октябре 1853 г. турецкий султан присвоил черкесскому князю Сефер-бею чин мирмирана (генерала). Такого же чина был удостоен и Бечет-бей, которого Порта готовила на роль своего эmissара и наместника на Северо-Западном Кавказе. Тогда же в Черкесию был отправлен помощник Сефер-бея Хаджи

⁴⁰⁹ Там же. – С.313.

⁴¹⁰ Богданович М.И. Указ. соч. – С.215.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Дегоев В.В. Кавказ и происхождение Крымской войны... С.118.

⁴¹³ Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. – М., 1986. – С.193.

Мехмед Эфенди для изучения обстановки и подготовки соответствующих условий пребывания турецким эмиссарам. Других османских агентов послали через Эрзерум и Батум для исполнения своей миссии в Дагестане⁴¹⁴.

Восточная война начиналась как очередная Русско-турецкая война. Как и во всех предыдущих военных конфликтах с Россией, у стамбульских правителей были весьма широкие территориальные претензии к своему северному соседу, прежде всего – Крым и Кавказ.

Война началась одновременно в Закавказье и на территориях Дунайских княжеств. В Закавказье турки нанесли удар первыми внезапной ночной атакой 16 октября 1853 г. на пограничный пост св. Николая силами турецких частей Батумского корпуса⁴¹⁵.

Атака турками была произведена в 12 часов ночи, многочисленными отрядами, подступившими частью по берегу моря, частью подплывшими на баркасах и высадившимися на берег. Пост св. Николая не считался укреплением и еще менее способным для противодействия сильной атаки, и никогда не был вооружен артиллерией. Он мало, чем отличался от других приморских пограничных постов, насчитывая несколько десятков небольших деревянных и турлучных домишек, близко стоявших к морскому берегу. В них проживали, кроме местных жителей, начальник поста и чиновники карантинно-таможенной службы. Здесь же хранился запас муки, и располагалось несколько купеческих лавок. Как фортификационное устройство пост был ничтожен.

В.В. Дегоев приводит слова французского историка Леона Герена, который характеризовал турецкие части, участвовавшие в том ночном нападении, как состоявших «из сброда мародеров и разбойников», которым предстояло «приобрести печальную славу»⁴¹⁶. Это были башибузуки, которыми не могло руководить даже собственное начальство. Захватив пост св. Николая, они тут же проявили свои качества

⁴¹⁴ Дегоев В.В. Кавказ и происхождение Крымской войны... С.118-119.

⁴¹⁵ Шишов А.В. Указ. соч. – С.335-339.

⁴¹⁶ Дегоев В.В. Кавказ и происхождение Крымской войны... С.120.

и «неистовствовали страшным образом»⁴¹⁷, целиком вырезали малочисленный гарнизон поста, не пощадив женщин и детей⁴¹⁸. Тот же французский историк расценил действия башибузуков как «бесчеловечный поступок», который «явился лишь прелюдией к ряду акций не только против русских войск, но и местных жителей. Он должен был оживить старую ненависть, издавна существовавшую между двумя народами»⁴¹⁹.

Таким образом, мир был окончательно нарушен, но «мы не могли не только действовать наступательно ни на одном пункте, но и защитить пограничный край, потому что везде были слабы»⁴²⁰. Большая часть войск, выделенная для действий в Закавказье, находилась в движении и не могла ранее ноября 1853 г. сосредоточиться в местах дислокаций.

Гибель малочисленного гарнизона поста св. Николая некоторые исследователи ставят в вину наместнику, оставившего, по их мнению, пост на растерзание врагу⁴²¹. С этим нельзя согласиться. Если обратиться к официальным документам⁴²², то из их содержания становится понятно, что ситуация была далеко не однозначной. Наместник в рапорте к императору Николаю I пояснял сложившееся положение вещей перед открытием со стороны турок военных действий против России. Он писал: «Я принужден в последнее время к некоторым переменам по мере получаемых о турках сведений и, особенно, о больших приготовлениях неприятеля по границе с Гурией и особливо в Батуме, откуда им легко действовать на Гурию и, соседствующие Мингрелию и Имеретию, и иметь влияние на Абхазию. Скоро после того <...> должен был переменить сделанную сначала диспозицию. Часть линейных батальонов была отправлена в укрепление св. Николая, в Поти и Редут-кале для усиления этих пунктов»⁴²³.

⁴¹⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. – С.294.

⁴¹⁸ Скрицкий Н.В. Крымская война. 1853-1856 годы. – М.: Вече, 2006. – С.135.

⁴¹⁹ Цит. по: Дегоев В.В. Кавказ и происхождение Крымской войны...С.120.

⁴²⁰ Ольшевский М.Я. Указ. соч. – С.330-331.

⁴²¹ Шишов А.В. Указ. соч. – С.336.

⁴²² АКАК. – Тифлис, 1885. – Т. X. – С.761-763.

⁴²³ Там же.

Из этого можно сделать заключение, что князь Воронцов не только не бездействовал, но предпринимал все меры, какие только был сделать в силах. Наконец, вокруг князя Воронцова находилось немало людей умных и способных, чьи советы и рекомендации, особенно по военно-стратегической части, он всегда умел слушать и слышать, так как его военно-административное руководство зиждилось на командной силе.

Что касается поста св. Николая, то таких постов был не один по Черноморскому побережью, и они не составляли стратегической силы, а потому и не прикрывались мощным заслоном. При большом дефиците войск в регионе, наместник был вынужден позаботиться в первую очередь о том, чтобы не дать неприятелю захватить стратегическую инициативу, зная о его сборах больших сил в Эрзеруме, Баязете, Карсе, Аргадане и Батуме, старался угадать «на какие пункты нашей границы эти силы будут направлены»⁴²⁴.

Наместник поделился своей тревогой с А.П. Ермоловым, написав ему, что «замучен беспокойством, распоряжениями, известиями всякого рода и принятием необходимых мер после каждого действия и приготовления против нас на пяти разных пунктах больших неприятельских сил»⁴²⁵.

В середине ноября 1853 г., когда известие о захвате поста св. Николая, стратегическое значение которого было раздуть до невероятных размеров враждебными России пропагандистами, достигло Европы (Англии и Франции). Оно произвело большое впечатление, совпав с также крайне приукрашенными известиями о русской неудаче на Дунае, под Ольтеницей⁴²⁶.

Это сильно ободрило европейских недругов России. Массовое распространение в Европе приобретают настроения русофобии, «имевшие под собой достаточно разнородную основу»⁴²⁷. Подобные настроения были подкреплены

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову... С.466.

⁴²⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. – С.294; Скрицкий Н.В. Указ. соч. – С.137.

⁴²⁷ Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. – М.: Просвещение, 2007. – С.234. **463с.**

впечатлениями от подавления Россией польского восстания 1830-1831 гг. венгерской революции 1849 г.

Как замечает А.С. Медяков: «Помимо идеологической, Россия оказалась врагом и в другой системе координат – национальной. Как и в случае с идеологией, Россия представляла в роли своеобразного зеркала Европы, заглянув в которое можно увидеть отличия и утвердиться в собственной национальной идентичности»⁴²⁸. России, по милости господ сердитых европейцев, достался двойственный образ – и в обоих случаях угрожающий.

Россия часто воспринималась как враг и по сугубо политическим причинам. По мнению все того же А.С. Медякова, уже сами размеры ее территории, многочисленность населения, миллионная армия, стратегическая неуязвимость, неподверженность социальным потрясениям, продемонстрированная на протяжении целой череды революций, потрясавших Европу, – все это заставляло европейских политиков априори считать «северного исполина» главной угрозой европейскому равновесию и страстно желать его ослабления⁴²⁹.

Наибольшее распространение русофобские настроения приобрели в Англии – главном геополитическом антиподе России. Русофобия там культивировалась давно и имела глубокие корни. Многим прибавляло оптимизма «навязанное уркартистами и ставшее популярным в Европе представление о Кавказе как об ахиллесовой пяте Российской империи»⁴³⁰. Британские русофобы указывали и на способ предпринять исход Кавказской войны, «используя благоприятный для этого текущий момент: ввести англо-французский флот в Черное море, помочь черкесам и Шамилю оружием, чтобы сосредоточить в руках имама власть над Северным Кавказом, отрезать связь Грузии с южной Россией»⁴³¹.

У определенной части британской политической элиты появились надежды на вовлечение этого региона в сферу

⁴²⁸ Там же. – С.234-235.

⁴²⁹ Там же. – С.235.

⁴³⁰ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы...С.173.

⁴³¹ Там же. – С.173-174.

политического и экономического влияния Англии и давали правящему классу страны подспудный стимул «если не к целенаправленному развязыванию войны, то, по крайней мере, к отказу от чрезмерных усилий по предотвращению ее»⁴³².

О подобных настроениях, царивших среди большинства представителей британской элиты, сообщал российского министра иностранных дел посол России в Англии Ф.И. Брунов. Он предупреждал о «несомненном стремлении британского правительства воспользоваться настоящей войной, чтобы отнять у нас закавказские провинции или, по крайней мере, помочь черкесам уничтожить результаты длительных усилий» России на Северо-Западном Кавказе⁴³³.

Возбудились и поляки во главе с А. Чарторыйским, которых воодушевила турецкая решимость, и они «вновь возвращаются к своим излюбленным планам создания польского легиона на Кавказе»⁴³⁴.

Однако их надежды на быстрые военные успехи Турции вскоре рассеялись. Дух и подготовка русской армии были намного выше и прочнее, чем та, которой обладал ее османский неприятель. Поэтому, как писал наместник императору, туркам, несмотря на их «нумерическую силу и возбужденный в них фанатизм, <...> мы, по милости Божией, будем, надеюсь, везде готовы дать сильный отпор»⁴³⁵. Хотя первых побед со стороны российских войск пришлось ожидать в большой тревоге.

Вслед за потерей поста св. Николая русские войска за Кавказом испытали еще неудачу под Бояндуром, где главные силы турок напали и заперли в горах небольшой русский отряд во главе с князем Орбелиани, делавший разведку. Турки 31 октября 1853 г., заняв Бояндур, истребили большую часть жителей этого селения. Вслед за тем «неприятельская кавалерия, рассыпавшись по разным деревням, начала опустошать их, совершая грабежи и насилия. Они не щадили

⁴³² Там же. – С.115.

⁴³³ Там же. – С.174; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. Д.83. 1854 г. Л.262.

⁴³⁴ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы...С.179.

⁴³⁵ АКАК. – Тифлис, 1885. – Т. X. – С.763.

ни возраста, ни пола, ни самого духовенства»⁴³⁶. В таких обстоятельствах нельзя было позволить туркам продолжать грабежи и насилия. В.О. Бебутов вынужден был прекратить выжидательную тактику и действовать.

Князь Бебутов выручил отряд, но из-под Бояндур в Александрополь длинной вереницей потянулись повозки с убитыми и ранеными. Общая потеря составила 800 человек, а тягостное впечатление прибавляли стоны раненых⁴³⁷.

Известия о неудаче под Бояндуром в Александрополь принесли убежавшие с поля боя елисаветпольские милиционеры, переполошив городские базары, «и здесь-то перешли они от одной позорной крайности к другой»⁴³⁸. Милиционеры предались грабежу. Однако жители жестким отпором пресекли грабежи и надругательства «над их женами и дочерьми. Более десятка елисаветпольцев, убоявшихся курдов, было убито и изранено мирными гражданами армянами, а может быть, и одноверцами мусульманами»⁴³⁹.

М.Я. Ольшевский был невысокого мнения о воинских качествах закавказских этнических милиций и считал их больше злом, чем пользой в условиях военной обстановки. Он писал: «Всякая милиция вообще, а в особенности мусульманская для боя негодна, если не видит за собою регулярных войск, которые могли бы ее не только поддержать, сколько укрыть <...> Курдов же наши милиционеры побаиваются. У курдов быстрее лошади, они лучше вооружены и стреляют <...> Милиционеров можно употреблять для разведывания о неприятеле и для разъездов, но и тут следует остерегаться посылать их одних. По нерадению, лености <...> они доставят сведения преувеличенные и неверные <...> Они мало способны для содержания аванпостов, но вот для преследования разбитого неприятеля милиционеры большие мастера. Ради добычи они не щадят ни одноверцев, ни соплеменников»⁴⁴⁰.

⁴³⁶ Там же. – С.766.

⁴³⁷ Богданович М.И. Указ. соч. – С. 222.

⁴³⁸ Ольшевский М.Я. Указ. соч. – С.334.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же. – С.336.

Однако милиционные формирования, как постоянные, так и временные, были в «большом ходу» в закавказском корпусе. Ими были переполнены все отряды, действовавшие на турецком пограничье во время всей Восточной войны. Содержание милиций для правительства обходилось дороже содержания казаков, но их использование объяснялось несколькими причинами. Во-первых, они восполняли недостаток войск в регионе и показывали, хотя бы численностью, российское присутствие в регионе, останавливая в какой-то степени неприятеля. Во - вторых, от милиции «временная польза заключается в том, что в нее отвлекаются из народонаселения беспокойные люди, приучают жителей к службе и делают воинственнее»⁴⁴¹.

Когда В.О. Бебутов вышел на выручку заблокированным в горах во главе своего штаба и отряда, «женщины с грудными детьми на руках, прорываясь сквозь окружавших князя всадников, бросались к нему и умоляли спасти их от турок»⁴⁴².

Ситуация продолжала оставаться крайне напряженной. В Александрополе не успели собраться даже те небольшие по численности войска, которые были назначены наместником в состав главного отряда. Продолжали угнетать разнородные трудности: «в медицинских средствах, в средствах перевозки, в офицерах генерального штаба, и даже в боевых запасах чувствовался большой недостаток»⁴⁴³.

Но вместе с тем, сражение под Бояндуром наглядно показало разницу между российскими и турецкими войсками. Колонна князя Орбелиани, неожиданно попав под выстрелы турецких батарей и вступив в бой с неприятелем, который обладал пятикратным превосходством в живой силе, в течение более четырех часов удерживал свои позиции.

Новая неприятность случилась, когда многочисленные толпы башибузуков ворвались на территорию ахалкалакского участка российской границы и стали грабить местное

⁴⁴¹ Там же. – 337.

⁴⁴² Богданович М.И. Указ соч. – С.222.

⁴⁴³ Там же. – С.223.

население. Отряд башибузуков численностью до 2000 всадников, опрокинул казаков и осетинскую милицию под Ахалцихом. Казаки ушли в город, а осетины бежали в Боржом и распространили тревогу до самого Тифлиса, что вынудило князя Воронцова послать в Ахалкалаки «для принятия начальства над тамошним отрядом генерал-лейтенанта князя Андронникова»⁴⁴⁴.

Но в ноябре 1853 г. положение стабилизировалось и пришли первые победы. В сражении при Ахалцихе было отбито у неприятеля 11 орудий; 10 зарядных ящиков и 2 зарядные фуры; 5 больших знамен и 18 значков; 2 артиллерийских парка, в которых было найдено 90 выюков с артиллерийскими зарядами и патронами; 42 бочонка с порохом и 160000 патронов; весь неприятельский лагерь, канцелярия командира турецкого корпуса Али-паши, много лошадей и огромные запасы муки и ячменя⁴⁴⁵.

Но главный триумф в кавказской кампании 1853 г. ждал русскую армию, когда большой турецкий корпус, под командованием анатолийского сераскира Ахмет-паши был настигнут и разбит в большом сражении отрядом князя В.О. Бебутова при Башкадыкляре. Участники это сражения были щедро награждены Николаем I. Князь В.О. Бебутов получил орден св. Георгия 2-й степени и произведен в генерал-лейтенанты, также были награждены орденами разного достоинства и произведены в следующие чины многие офицеры. Нижним чинам «пожаловано по десяти знаков военного ордена на роту и батарею и по пяти знаков на эскадрон и сотню. Независимо этого, кроме других наград, офицерам назначено не в зачет полугодовое жалованье, а каждый нижний чин получил по два рубля серебром»⁴⁴⁶.

Последствия этого сражения были громадны для Закавказского края — предотвращено массовое восстание мусульманского населения приграничных территорий и подтверждена сила русских. Генерал Д.И. Романовский писал

⁴⁴⁴ Там же. — С.226.

⁴⁴⁵ Там же. — С.237.

⁴⁴⁶ Ольшевский М.Я. Указ. соч. — С.350.

по этому поводу: «Успешный ход войны 1853 года с турками на Кавказе еще более возвысил наше нравственное влияние на горцев и как бы прочнее закрепил за нами все наши прежние приобретения»⁴⁴⁷.

При открытии военных действий турки во всех отношениях имели над российской стороной огромные преимущества. Но опыт и распорядительность кавказских начальников, «при отличном духе закаленных в бою кавказских войск»⁴⁴⁸ спасли дело, не ослабив оборону против горцев Северного Кавказа. Однако предшествовавшая Восточной войне медлительность и неопределенность политических переговоров отразились на Кавказе тем, что война застала российские власти врасплох, и они «вынуждены были здесь на военные действия гораздо ранее, чем были к тому готовы»⁴⁴⁹.

Князь Воронцов, несмотря на все трудности, успел собрать на границе столько войск, сколько их было нужно для побед под Ахалцихом и при Башкадыкляре. Они с избытком вознаградили российскую сторону за предшествовавшие неудачи и «совершенно обеспечили нашу кавказско-турецкую границу на предстоящую зиму до прибытия подкреплений из внутренних областей России»⁴⁵⁰.

После поражения при Башкадыкляре османская Анатолийская армия «становится предметом всевозрастающей озабоченности Англии и Франции»⁴⁵¹. Короткая осенняя кампания на Кавказе сыграла свою значительную роль в развитии дальнейших событий. За Башкадыкляром последовала блестящая победа русского Черноморского флота при Синопе. Морская экспедиция в Синоп русской эскадры под командованием адмирала П.С. Нахимова была продиктована ситуацией на Кавказе и неизбежно вытекала из логики военных действий и интересов России, а также из стремления

⁴⁴⁷ Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский и Кавказская война // Русская старина. – 1881. – №2. – С.298.

⁴⁴⁸ Богданович М.И. Указ. соч. – С. 252.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Дегоев В.В. Кавказ и происхождение Крымской войны... С.121.

предотвратить десантирование турецких армий на восточное побережье Черного моря⁴⁵².

В Европе были подавлены: восторженное впечатление от раздутых англо-французской прессой турецких «побед» сразу было уничтожено. Лондон пришел в смятение и потерял самообладание.

12 декабря 1853 года британский посол в России, лорд Сеймур, имел «жаркое объяснение» с графом Нессельроде, сказав ему, что «с нашей стороны было нарушено доверие к нам, оказываемое англичанами»⁴⁵³. Далее лорд Сеймур объявил, что «Британия не может оставаться равнодушной, и обязана защищать Порту, а победа при Синопе весьма прискорбна для Англии, как с умыслом нанесенная обида Западным державам»⁴⁵⁴.

Поражения турок «стимулировали в Лондоне и Париже заступнические настроения, порожденные растущим страхом увидеть Николая I, обосновавшимся на развалинах Османской империи»⁴⁵⁵. В связи с этим В.В. Дегоев приводит мнение британского историка Д. Голдфранка, отметившего одну неизбежную зависимость в развитии Восточной войны: «Турция могла позволить себе любые наступательные операции без опасливой оглядки на Европу, тогда как Россия фактически не имела права на успешные ответные действия, ибо это автоматически задевало интересы великих держав и ставило их на сторону Порты»⁴⁵⁶.

В британском кабинете восприняли новости из Синопа, «как прекрасное средство, чтобы разрубить Гордиев узел»⁴⁵⁷ и вмешаться в войну, превратив ее из русско-турецкого конфликта в противостояние России и Запада.

В условиях царившей в британском обществе русофобии для взрыва общественного возмущения достаточно

⁴⁵² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.84. 1854 г. Л.209-212.

⁴⁵³ Богданович М.И. Указ. соч. – С.258.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Дегоев В.В. Указ. соч. – С.126.

⁴⁵⁶ Там же – С.136.

⁴⁵⁷ Там же – С.133.

было «буквально одного слова»⁴⁵⁸. Этим словом стала «резня», «синопская резня» - так вошло в английскую политическую и историческую традицию сражение под Синопом. Попавшее в заголовки многих британских газет, слово «резня» «оказало огромный психологический эффект, мобилизовавший общественное мнение в антирусском духе»⁴⁵⁹.

В марте 1854 г. Англия и Франция заключили с османской Турцией союз против России, и, не дождавшись ответа на свой февральский ультиматум «очистить Дунайские княжества», объявили войну России.

В то время, когда общая ситуация, в том числе и вокруг Кавказа, усложнялась, физические силы стали оставлять князя Воронцова. По этому поводу он писал своему доверителю А.П. Ермолову: «Я не имею возможности продолжать упражняться как должно бесчисленными подробностями дел всякого рода, которые по обстоятельствам теперь на мне лежат, не говоря уже об обыкновенных, которых здесь всегда довольно и слишком много по моим летам и по всему тому, что я выдержал. Покой или навсегда или на время мне необходим. Я чувствую, что многие за это меня будут бранить, удивятся, что в такое время оставляю службу, и будут это приписывать разным выдуманым причинам; но дело само по себе простое: силы у меня для такого дела совершенно исчезли <...> я так истощен в силах, что служить мне невозможно»⁴⁶⁰.

Будучи верным слугой императора и продолжая беспокоиться мерой своей ответственности перед ним, наместник не скрывал от него своего состояния. Николай I не ожидал такого поворота событий, привыкнув видеть в князе Воронцове преданного воплоителя своих проектов и неустрашимого служаку. В ноябре 1853 г. император написал письмо князю Воронцову, желая его ободрить и надеясь на всегдашнюю его преданность и подчинение долгу. Николай I писал: «Любезный Михаил Семенович, душевно соболезную твоему недугу и молю Бога, чтобы сохранил тебя и возвратил

⁴⁵⁸ Медяков А.С. Указ. соч. – С.238.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову...С.466-468.

скорее силы, более чем когда нужные при угрожающей опасности от врагов наших»⁴⁶¹.

При этом император не хотел допустить мысли, что князь Воронцов может оставить свой пост, тогда как у Николая I никого не было под рукой, равного князю, как по служебным качествам, так и по доказанной годами и опытом преданности. И кто будет воплостителем его славы и поддержит его императорское достоинство?

Он снова обращался к Воронцову: «Вся моя надежда на твои действия. Желаю и надеюсь, что ты не только прогонишь турков, но и сейчас перейдешь в решительное наступление на Карс. <...> Хорошо будет, после Карса, овладеть Батумом. Но, прежде, чтобы твоё здоровье восстановилось так, чтобы ты, сев на коня, вел своих героев на новую славу»⁴⁶².

Однако, вероятно, поняв, что от князя Воронцова не было бы жалоб, если бы тот имел силы к служебному рвению, склонился допустить, что «ежели же, оборони Боже, ты не в состоянии будешь сам командовать, надеюсь, ты снабдишь князя Бебутова такими наставлениями, чтобы успех и выполнение моих справедливых надежд были несомненным, сколько по человеческому расчету это можно»⁴⁶³.

В декабре 1853 г. в виду ухудшавшегося здоровья князь Воронцов снова просил императора дать ему хотя бы временный отпуск. Николай I теперь не стал упрямиться и дал свое согласие на временное отбытие князя Воронцова на излечение в Европу, но при обязательном условии снабдить перед отъездом своего заместителя генерала Н.А. Реада «подробными наставлениями о порядке его действия, дабы таким образом, <...> существующая система управления, не будучи изменена в отсутствие князя Воронцова, он по возвращении в край, имел бы полную возможность продолжить действовать по устройству края с прежним успехом»⁴⁶⁴.

⁴⁶¹ АКАК. – Тифлис, 1885. – Т. X. – С.768.

⁴⁶² Там же. – С.769.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Ерицов А.Д. Патриарх всех армян Нерсес V и князь Михаил Семенович и княгиня Елисавета Ксавьеревна Воронцовы, в частной переписке. – Тифлис, 1898. – С.76.

В феврале 1854 г. князь Воронцов сообщал А.П. Ермолову: «Я не в силах писать много; ибо кроме обыкновенных недугов я теперь замучен пропастью дел со всех сторон и приготовлением к сдаче генералу Реаду. Он мало – помалу входит в дела и принимается за оные дельно и с рассудком. Я надеюсь сдать все официально к 1 марта, а 4 пуститься в дорогу»⁴⁶⁵. Так завершалась многолетняя кавказская карьера и поприще князя М.С. Воронцова.

События Восточной войны, однако, не оставляли князя Воронцова равнодушным и после того, как он получил официальную отставку и оставил поприще Кавказского наместника. Ему очень не хотелось, чтобы люди, мнением которых он дорожил, посчитали его увольнение с Кавказа несвоевременным, в том числе и потому, что стала проявляться неспособность генерала Н.А. Реада руководить кавказскими делами должным образом.

М.С. Воронцов уже из Дрездена обращался к А.П. Ермолову: «Меня привыкли везде видеть на Кавказе готовым быть везде и подавать везде пример; и до 1851 года, когда болезни начали меня одолевать, несмотря на все труды и походы, я еще не чувствовал признаков старости и ездил верхом, как молодой человек и ежегодно показывался, а иногда и по два раз в год, во всех частях края от Ленкорани до Анапы и от Эривани до Кизляра. Теперь я уже на это не способен и я должен был решиться на увольнение от службы, которую <...> я уже не могу продолжать с честью для себя и с пользою для края. Вот, любезный Алексей Петрович, что меня понудило оставить, как я полагаю навсегда, всякую службу. <...> Совесть моя чиста во всем, и прежняя, более нежели полувековая моя служба, должна удовлетворить всякого беспристрастного человека, что я бы не удалился, особливо в теперешнее критическое время, от трудов и ответственности без настоящей совершенной необходимости»⁴⁶⁶.

⁴⁶⁵ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову...С.468.

⁴⁶⁶ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову...С.470.

Таким образом, обратившись к деятельности М.С. Воронцова после окончания Даргинской экспедиции, следует отметить, что в деле покорения Кавказа произошла смена вех: от стратегии «штурма» был совершен переход к стратегии «осады».

Теперь в глубины кавказского географического пространства русские стали проникать без особой торопливости, но уже безвозвратно. Более того, российская сторона совершала попутно переформатирование сущностных основ местности, рубила просеки, разбрасывала дороги, раскрывала и подготавливала неприятельскую страну своему всестороннему влиянию, сокрушая при этом устои имамата.

Наместник все ближе подбирался и отыскивал наиболее уязвимые и чувствительные места в структуре своего политического конкурента, наносил по ним, хотя и одиночные, но выверенные и разящие удары. Вместо разовых экспедиций в горы с конца 1845 г. началось общее и непрерывное наступление на позиции непокорных горцев.

Заслуга наместника в реализации новых подходов к покорению Кавказа состояла не только в том, что он пришел к пониманию особенностей кавказских условий и особенностей характеров его обитателей, но в том, что он нашел способы к их преодолению.

Поскольку долгое время изощренные способы и средства разбивались о почти неприступные для того времени природно - климатические условия и социально-культурные реалии Кавказа, которые в военном отношении сбивали с толку самых прославленных и опытных генералов уже в силу того, что каждый камень, каждое дерево или куст там были помощниками горцев, но оставались непримиримыми противниками русских.

Природная среда Кавказа, получившая форму естественной крепости, поставила перед российской армией и ее командованием новые и неожиданные задачи, которых они не знали прежде в координатах европейского географического пространства.

Ум, опыт и уроки неудач помогли М.С. Воронцову выработать целесообразный план войны, при котором уже не

было таких громадных жертв, как прежде, и одновременно находились средства противодействовать упорству горцев.

Выбрав Чечню в качестве главного пункта в стратегии покорения, Кавказский наместник стал угрожать самому существованию имамата. Это хорошо понял имам Шамиль, который всеми доступными ему мерами пытался вредить и противоборствовать М.С. Воронцову.

Основные события Кавказской войны во второй половине 40-х годов XIX века разворачивались вокруг борьбы за стратегически важные пункты на границах Дагестана и Чечни. Переход их под контроль российской стороны сильно подорвал доверие к имаму в горской среде, что одновременно способствовало росту внутренних неурядиц в имамате.

Противостояние на правом фланге Кавказской линии никогда не достигало масштабов противостояния на её левом фланге, поскольку российская сторона все свои силы направляла на борьбу с имаматом, а против черкесов большей частью придерживались стратегии сдерживания, прибегая к дипломатии «кнута и пряника».

Дописать выводы по 50-м годам

1.4. Дипломатическая деятельность наместника как форма борьбы за Кавказ

М.С. Воронцов родился и вырос в семье дипломата графа С.Р. Воронцова, русского посланника на Британских островах. Михаил Семенович не только жил в обстановке дипломатической повседневности, но по прихоти отца с малых лет посильно участвовал в дипломатической жизни русского посольства, являясь техническим помощником своего отца, постепенно посвящавшего своего сына в тонкости дипломатического мастерства.

Дипломатом и первым министром иностранных дел Российской империи был его дядя А.Р. Воронцов. С детских лет М.С. Воронцов хорошо знал, что в дипломатии слово – верное и к месту – преобразовывалось в необходимое или большое дело. В этой связи слово в дипломатии аналогично

действию и неразделимо с ним. Как действия, направленные к ясной цели, так слова дипломата должны обладать классической формой простоты и ясности, которая умеет принимать единственно подходящее к обстоятельствам значение.

Исторический опыт взаимоотношений между людьми показал, что при возникновении спорных ситуаций и попыток их урегулирования, основанных на принципе: кто сильнее, тот и прав – как правило, приводило не к разрешению и исчерпанию спорных оснований, а к ожесточению и новым, более глубоким конфликтам⁴⁶⁷.

Дипломатия как таковая представляет собой деятельность, даже искусство ведения переговоров и заключения соглашений, направленных на поиск способов, избегать в отношениях между народами применения силы⁴⁶⁸.

В то же время дипломатия в условиях военного конфликта оставалась одной из важнейших составляющих общей стратегии борьбы конфликтующих сторон. В условиях войны на Кавказе дипломатия также играла роль средства достижения военных целей или целей политических и представляла иной способ борьбы с неприятелем.

Следует отметить, что направление и даже самый дух действий на Кавказе развивался под сильным влиянием императора Николая. Он не только следил за военными операциями и другими политическими событиями, нередко «дело доходило до конкретных указаний по поводу отдельных боев, сражений и решений»⁴⁶⁹.

В 1842 г. император Николай сформулировал новую концепцию политики на Кавказе, предписывая главным кавказским начальникам, чтобы их «внимание и деятельность должны были устремлены к обезопасению границ от всяких

⁴⁶⁷ Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. – М.: Международные отношения, 2010. – С.16-17.

⁴⁶⁸ Камбон Ж. Дипломат. – М., 1945. – С.18.

⁴⁶⁹ Блиев М.М. Указ. соч. С.413.

враждебных покушений и к постепенному усмирению горных племен»⁴⁷⁰.

Свой новый подход император подкреплял ссылками на то, что «опыт предшествующих лет указывает необходимость системы действий, не подчиненной гибельным случайностям и основанной не на одной силе оружия, но также на употреблении политических средств для укрощения распространившегося в горах возмущения»⁴⁷¹.

По мнению императора Николая: «Сообразуясь с местной ситуацией должно действовать к расторжению союза непокорных горцев особыми мерами, примененными к местным отношениям каждого племени и личным качествам частных их начальников»⁴⁷².

Следовало склонять пользующихся наибольшим влиянием старшин, властителей и духовных лиц к изъявлению покорности России, что «может вести к успехам, стяжание коих на ином пути было бы подвержено сомнению, или сопряжено с борьбою продолжительною»⁴⁷³.

Основываясь на мнении императора, а также на опыте «кавказских колониальных деятелей»⁴⁷⁴, военный министр граф А.И. Чернышев в 1842 г. в секретной директиве к корпусному командиру генералу Е.А. Головину подверг критике систему действий российских властей на Кавказе, которая, «основываясь исключительно на употреблении силы оружия, оставила совершенно неиспытанными средства политические»⁴⁷⁵.

Искусное применение последних средств могло бы значительно облегчить России достижение её целей на Кавказе. М.С. Воронцов один из немногих высших кавказских начальников в продолжение всей Кавказской войны был наиболее расположен и подготовлен к проведению в жизнь такого рода системы.

⁴⁷⁰ АКАК. – Тифлис, 1885. – Т.Х. – С.591.

⁴⁷¹ Там же. С.592.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Смирнов Н.А. Юридикализм на Кавказе. – М., 1963. С.182.

⁴⁷⁵ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С.182.

Будучи в определенной степени выучеником Британии и её подходам, в том числе, в распространении британской системы владычества на иноплеменные и заморские территории, Воронцов знал, как англичане умели утвердить свое владычество, например в Индии, политическими средствами. Эти «английские» средства, применяемые в Индии, с такою же пользой могли быть применены и на Кавказе⁴⁷⁶.

Здесь можно было бы выделить несколько видов политико-дипломатических действий, которые диктовались условиями конкретной обстановки, общими обстоятельствами и задачами момента, которые М.С. Воронцов стремился реализовать к вящей удовлетворенности со стороны императора.

В этом направлении наместником использовались: 1) обращения и воззвания к разным группам горского населения с определенными целями текущего момента или с предложением перспективы.

Способом доставки в ту или иную этническую среду в данном случае выступали лазутчики и их доверенные лица; 2) открытые встречи и переговоры со старшинами горских обществ; 3) переговоры с отдельными влиятельными лицами горских народов в крепостях; 4) тайные встречи с лицами, желавшими скрывать свои контакты с русскими или просившие об определенных условиях; 5) контакты с группами влияния; 6) «ласкания»; 7) контакты-демонстрации; 8) письма-увещевания; 9) тайные операции и др.

Все контакты с представителями горских обществ проходили предварительный мониторинг – собирались сведения об их статусных возможностях в горской среде, назначались знающие реалии кавказской жизни лица, наиболее подготовленные и, в то же время, приемлемые горской стороне для проведения переговоров, т.е. формировалась делегация.

Проводились предварительные совещания при князе М.С. Воронцове, на которых обсуждался вопрос, кто будет

⁴⁷⁶ Ланда Р.Г. Указ. соч. С.42-82; Колониальная система в XIX – начале XX в. // История Востока: В 6 т. Т.4: Восток в Новое время: Кн.1. – М.: Восточная литература, 2004. С.45-57; Черчилль У.С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897-1900. – М.: Изд-во Эксмо, 2004.

возглавлять в каждом конкретном случае переговорный процесс, ставились общие и конкретные цели контактов, заслушивались предложения, давались поручения отдельным членам, назначенным в делегацию.

Иногда это носило приватный характер, когда князь Воронцов давал наставления или оговаривал какой-то вопрос с главой своей делегации. В качестве главных переговорщиков с российской стороны могли быть старшие командиры кордонных линий, имевшие по согласованию с наместником необходимые для этого полномочия.

Выезжая на встречи или принимая горских представителей на своей территории, наместник всегда имел при себе чиновников со знанием языков и культуры тех народов, с представителями которых завязывались контакты, либо это были доверенные князю представители кавказских этносов.

Князь М.С. Воронцов с самого начала своего пребывания в Кавказском крае не сидел сиднем в Тифлисе. Он систематически совершал поездки по вверенному ему краю, оперативно разрешая самые разные задачи, в том числе не только не избегал, но искал прямых контактов с представителями горских обществ.

Уже весной 1845 г. раскаявшиеся представители «вероломных отступников» из среды бжедугского племени встречались с наместником М.С. Воронцовым во Владикавказе. Они просили прощения и заявляли «впредь быть искренне верноподданными России и неизменно преданными русскому государю»⁴⁷⁷. Граф Воронцов ласково принял горских депутатов и обещал неизменное покровительство всем горцам, признающим над собой власть русского государя.

В марте 1845 г. генерал-адъютант Воронцов распространяет в горах воззвание, направленное к русским солдатам, бежавшим в горы, обещая им, что те из них, кто добровольно «явятся из бегов, всемилостивейшее прощаются и

⁴⁷⁷ Смирнов Н.А. Указ. соч. С.182.

поступят по-прежнему без всякого наказания или какого-либо взыскания на службу»⁴⁷⁸.

Главкомандующий надеялся, что беглые русские солдаты, поспешат воспользоваться доброй волей императора, «не захотят оставаться дольше в нищете и среди иноверцев»⁴⁷⁹. Данным воззванием М.С. Воронцов хотел продемонстрировать добрую волю российских властей, создать прецедент на будущее и, наконец, лишить противную сторону людей, могущих укрепить её силы.

В марте того же года наместник встречался с крымским муфтием Кади Эскером, изъявившим намерение «содействовать праведному нашему делу в горах Кавказских увещаниями племен именем самой веры магометанской»⁴⁸⁰.

М.С. Воронцов предоставил Кади Эскеру и четырех его помощников – двух духовных улемов и двух мурз – нужными бумагами к генералу Завадовскому, а также письмами к другим военным начальникам.

Он, рекомендуя им всем войти в «сношения» с кади Эскером, снабдить его всеми имеющимися у них сведениями и познакомить с надежными лазутчиками, чтобы он мог начать устанавливать связи с горцами.

Император одобрил отправку кади Эскера на Кавказ «для противодействия вредному учению Шамиля благонамеренными увещеваниями, почерпнутыми из самой веры магометанской»⁴⁸¹.

Получив известия от лазутчиков, что Саид Араканский – известный ученый и богослов, учитель Гази-Магомеда – выступил против вооруженной борьбы горцев с русскими, доказывая, что сначала Гази-Магомед, а потом Шамиль неверно истолковывали тарикат и шариат, наместник приказал

⁴⁷⁸ ДГСВК. С.486.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ Там же. С.484.

⁴⁸¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6582. Л.6-7об.; Народно- освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. С.341.

войти с ним в контакт и всячески, что будет в силах, содействовать данному богослову⁴⁸².

Начиная подготовку к Даргинской операции, М.С. Воронцов обращался к императору с просьбой разрешить ему «войти в секретные сношения с бывшим Елисуйским султаном, и обещанием всемилостивейшего прощения вывести его из теперешнего его положения и тем уменьшить неприятельские против нас силы»⁴⁸³.

Даниэль-бек был знаковой фигурой в имамате, так как «по рождению своему, по храбрости и по предприимчивому характеру»⁴⁸⁴ пользовался большим доверием в горах, особенно имея сильное влияние на различные горские общества Южного Дагестана.

М.С. Воронцов поручил генералу В.О. Бебутову вступить в сношения с наибом Шамиля и передать ему условия перехода его на сторону русских. Воронцов осторожно относился к обещаниям Даниэль-бека, зная по опыту небольшую цену восточным клятвам. Но надо было попробовать, так как если тот «точно имеет это намерение и согласится на предложенные ему условия, то переход его к нам и оставление им Шамиля не может не иметь для нас самых благоприятных влияний и последствий <...> для Шамиля и для мюридизма, в теперешних обстоятельствах, весьма важная потеря»⁴⁸⁵.

С мнением наместника вполне был согласен император Николай, одобрявший действия с целью отделить от Шамиля главных его приверженцев. Он также считал, что «успех начатых с Даниэль-беком сношений, хотя подвержен сомнению, но мог бы принести существенную пользу»⁴⁸⁶.

Несмотря на то, что усилия по отторжению от Шамиля Даниэль-бека не увенчались в то время его отступничеством, действия последнего оставались под известным контролем главнокомандующего. Когда лезгины в 1847 г., жившие на

⁴⁸² ДГСВК. С.724.

⁴⁸³ ДГСВК. С.486.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ ДГСВК. С.487-488; РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6582. Л.1-5об.

⁴⁸⁶ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6582. Л.8-9.

правом фланге Лезгинской линии, «взволновались» при появлении на их территориях бывшего елисуйского султана, каждый его поступок незамедлительно становился известным российской стороне.

Находившийся в их рядах мулла Али был «весьма полезен <...> доставлением верных сведений о предприятиях неприятеля и много содействовал к усмирению жителей»⁴⁸⁷.

Поощряя и отмечая полезную для русских деятельность названного муллы, М.С. Воронцов просил начальника военно-походной канцелярии генерала В.Ф. Адлерберга «исходатайствовать высочайшее утверждение сделанному назначению – награде золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте Мулле Али»⁴⁸⁸.

Большой интерес у наместника вызывала Чечня, где в 50-е гг. происходили главные военно-политические события в ходе Кавказской войны. Его целью было не только изучение обстановки и настроений среди горских жителей посредством совершения поездок в их край, но так же политическое воздействие на них, которого наместник никогда не оставлял прежде.

Идея поездок состояла в том, в преддверии перенесения решающих действий на территорию Чечни с целью пресечения её связей с Дагестаном, подтолкнуть чеченцев к выбору в пользу России. Князь Воронцов представлял им отличную от шамилевской перспективу жизни, без экзекуции, погрома или карательной экспедиции, которая «можно сказать, существовала в Чечне постоянно. <...> Почти не было той деревни, которая не видала бы у себя экзекуции хоть один раз»⁴⁸⁹ со стороны Шамиля.

В Чечне не только надолго запомнили, но никогда с тех пор не забывали погрома, устроенного имамом в селении Цонтери и соседних с ним хуторах Гурдали, который был

⁴⁸⁷ РГИА. Ф.1268. Оп.2. 1847 г. Д.628. Л.1-1об.

⁴⁸⁸ Там же; Народно - освободительная борьба Дагестана и Чечни...С.381-382.

⁴⁸⁹ АКАК. – Тифлис, 1904. Т.ХII. С.1448.

наказанием для строптивых чеченцев, причастных к убийству шамилевского наиба Шуайб-муллы.

По приказу имама прибывший вместе с ним отряд тавлинцев стал истреблять жителей Цонтери. Те в ответ стали защищаться и дрались отчаянно, но не смогли спастись. В селении погибли все сто семейств, составлявших численность людей населявших аул. Такому же погрому подверглись жители Гурдали⁴⁹⁰.

В 1852 г. в Чечне М.С. Воронцов встречался с чеченской депутацией и вел мирные беседы, «оказывал внимание, ласкал, поощрял, интересовался» условиями существования чеченцев, все время, указывая им на выгоды принятия русских условий⁴⁹¹. Это имело определенный результат. Вскоре после отъезда наместника из Чечни российскими властями отмечалось чрезвычайное увеличение «мирных» чеченских аулов⁴⁹².

Отчасти пренебрегая опасностью, а может быть, для демонстрации силы, М.С. Воронцов совершил поездку в Чечню, словно посещал свои владения. Особенно чеченцев впечатлило то, что наместник переправлялся на противоположный, не контролируемый русскими, берег реки Басса без сопровождения войск, когда «фактически въехал в пределы имамата»⁴⁹³.

Чеченские мюриды по достоинству оценили поступок наместника, и в продолжение всего его пребывания в Чечне «не звякнул ни один горский выстрел – хотя неприятель был вблизи»⁴⁹⁴.

Такой поворот дела снова спровоцировал Шамиля на немедленный ответ – суровое наказание для отступников, прежде всего грозненских аулов и их скот. Военно-карательная операция задумана была как стремительная атака на

⁴⁹⁰ АКАК. – Тифлис, 1884. Т. IX. С. 881.

⁴⁹¹ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. – Тифлис, 1880. Т. V. С. 212.

⁴⁹² Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860. С. 281.

⁴⁹³ Блиев М.М. Указ. соч. С. 569.

⁴⁹⁴ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. – Тифлис, 1880. Т. V. С. 213.

приспешников «гяуров», с отвлекающим от главной цели маневром.

Нападением отдельного отряда на Алхан-юрт он хотел открыть себе путь к грозненским аулам. Но имам не учел перемен, которые уже состоялись в его государстве, как пишет М.М. Блиев, «где общество расчленилось на два основных лагеря – сторонников мюридов и сторонников русских», и потерпел неудачу.

Русские не только узнали от чеченцев о планах Шамиля, но сами приготовили ему ловушку, оставив на пастбищах грозненских аулов скот, которому предназначалась роль наживки. Поэтому «неудача имаму была обеспечена: он не только потерпел поражение, но и потерял более 300 воинов⁴⁹⁵. Удар по авторитету имама был значительный и дал русским новых явных или тайных приверженцев.

При ведении дел с посланцами от горских обществ, необходимо было учитывать их традиционные представления, а также их психологическое состояние и культуру ведения переговоров. Наместником и его дипломатической канцелярией определялась стратегия ведения таких сношений, хотя в этой работе, следует признать, бывали сбои, ошибочные подходы, так как опыт подталкивал к недоверию, а европоцентризм толкал к высокомерию и недооценке менталитета и способностей горцев.

Если стороны договаривались о взаимоприемлемом результате, то следовало обсуждать также условия реализации договоренностей и формы их соблюдения. Что могло бы послужить показателем или индикатором взаимных обязательств, а также доказательством искренности сторон.

Особенностью переговорного процесса был, как его формат, так и форма – традиционно устная, без подписания каких-либо бумаг (это в ту пору находилось за пределами культурных традиций горских обществ, которые не понимали и не принимали такого рода действий).

В контактах с горцами переговоры выполняли разнородную функциональную направленность:

⁴⁹⁵ Там же.

регулирующую, информирующую, пропагандирующую. Заранее мог быть известен предмет переговоров.

Значимой стороной процесса была проблема силы или слабости позиций сторон, согласившихся или просивших об установлении контакта. Важнейшей составляющей силы позиции на переговорах был предварительный всесторонний анализ существа проблемы, мотивированность сторон, риски и влияние личностных качеств на силу позиции.

Особым типом дипломатии М.С. Воронцова была т.н. превентивная дипломатия. Каждая военная экспедиция при нем предварялась обращениями или воззваниями к тем горским народам и обществам, в отношении которых готовилась военная акция. Наместник предлагал им невоенное решение проблемы и выдвигал условия. В своих подходах при контактах с горцами наместник никогда не пренебрегал тезисом Демосфена: «Оружие дипломата – слова и благоприятные возможности»⁴⁹⁶. Этот подход он опробовал перед началом все той же Даргинской экспедиции. Наместник обращался с воззванием к жителям Дагестана.

Чтобы придать больше веса своему посланию, М.С. Воронцов довел до сведения горцев то обстоятельство, что он уполномочен связаться с ними самим императором, который «соизволил облечь меня полною властью и повелеть мне водворить мир в стране вашей, восстановить порядок и спокойствие, возвратить всем племенам Кавказским тишину и безопасность, которые одне могут обеспечить счастье и благоденствие края»⁴⁹⁷.

Наместник доказывал, что единственная цель российского императора состоит в желании им счастливой и правильной жизни, но ни в чем другом, так как Российский император – всемилостивейший мироносец.

Затем он указал горцам на пагубность их заблуждения, когда, упорствуя в дерзком сопротивлении и беспрестанной враждебностью, они по сами подвергают опасностям свои

⁴⁹⁶ Рыбаков Ю.М. Дипломатия. – М.: Восток-Запад, 2010. С.422.

⁴⁹⁷ АКАК. Т.Х. С.361.

семьи и разрушают благосостояние своей страны, «которую вовлекаете в неизбежные бедствия войны»⁴⁹⁸.

Далее М.С. Воронцов давал возможность жителям Дагестана выйти из сложного положения, переложив всю ответственность за сложную ситуацию на некоторых людей, кто своими честолюбивыми и коварными наущениями «употребляют во зло ваше доверие и вводящих вас в заблуждения»⁴⁹⁹.

Здесь наместник метил в имама и мюридов, пытаясь вбить клин несогласия между народом и предводителями горских обществ. Сюжетная канва дипломатической игры требовала, чтобы никто не сомневался в характере намерений российской стороны. Наместник прибегнул к угрозам, обещая горцам: «Если же вы отвратите слух ваш от спасительных слов <...> то, будучи обязан сражаться с вами, я призову на вас гнев Божий за пролитую кровь»⁵⁰⁰.

И, исходя из правил риторики, тут же следовал примиренческий пассаж: «Но для меня было бы гораздо утешительнее, чтобы вы, вняв гласу рассудка, доставили мне случай привести в точное исполнение благодетельные предначертания Государя Императора. Единственная цель их состоит в том, чтобы прекратить претерпеваемые вами бедствия и даровать вам блага, коих вы можете пожелать»⁵⁰¹.

Несмотря на то, что такого рода воззвания не приносили скорых положительных результатов, они были весьма тонким и, в конечном счете, действенным средством влияния, поскольку сообщали горцам о намерениях русского царя по поводу их будущего. Это могло настроить умы в нужном для российской стороны направлении, во всяком случае, оставляло в головах горцев определенный след.

Князь М.С. Воронцов никогда не забывал усвоенный им в доме своего отца, а затем и дяди-канцлера доктринальный тезис дипломатии — хорошо подготовился, наполовину победил. Кроме того, в его дипломатическом арсенале были

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же.

средства, которые укладывались в формулу, позднее провозглашенную Авраамом Линкольном: «Каплей меда поймает больше мух, чем галлоном желчи»⁵⁰². Именно этот подход, широко применявшийся М.С. Воронцовым, в том числе и в повседневной практике межличностных отношений, часто ставился ему в вину оппонентами, обвинявшими князя в неискренности.

Князь Воронцов часто совсем не смущался в выборе средств достижения цели, если они вели к выгоде руководимого им дела. Здесьгодились общеизвестные в истории и практике мировой дипломатии принципы ведения переговоров *per fas et nefas* (всеми правдами и неправдами). Ловкость его доходила до совершенства. Тем более что на Востоке этот прием оставался краеугольным камнем дипломатии любого уровня. Имея дело с людьми Востока, князь Воронцов мог надеяться на успех, только используя понятный контрагентам дипломатический язык и меры.

В качестве дипломатического средства использовалась скрытая пропаганда, обещания, лесть, игра на тщеславии и соперничестве, посулы благ и чинов, подкупы жадных до материальных благ людей, склонение к переходу на службу к русским.

Действенность этих средств доказывалась не только жизненной многоопытностью самого князя, но и рекомендациями перебежчиков и агентов, чье ментальное мироощущение было сходным с теми, кто оставался в горах⁵⁰³.

Князь Воронцов достаточно быстро понял и старался приспособить это знание к пользе дела и целей российских властей. Когда можно было купить мир – он его покупал; когда можно было купить союзников – он их тоже покупал. В дипломатических действиях этические принципы не должны

⁵⁰² Рыбаков Ю.М. Указ. соч. С.423.

⁵⁰³ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси, 1953. С.175.

останавливать достижение целей. Кроме того, опыт показал, что на Востоке «золото может быть сильнее оружия»⁵⁰⁴.

В данном последнем случае наместник опирался на мнение императора Николая, который не осуждал и не противился использованию системы подкупов⁵⁰⁵, предоставив в распоряжение кавказских начальников для данных целей экстраординарные суммы.

Эти суммы играли значительную роль, находились в распоряжении главнокомандующего и отдельных военных начальников. Деньги из этих сумм расходовались на лазутчиков, на угощение горцев, на подарки, на выдачу вознаграждения за поимку дезертиров и на содержание аманатов⁵⁰⁶.

М.С. Воронцов уже в 1845 г. не жалел «денежных средств для ослабления как материальных, так и моральных сил главного нашего неприятеля»⁵⁰⁷. Политика подкупов в течение всего пребывания М.С. Воронцова в качестве кавказского наместника сыграла свою роль: ей поддавались многие неустойчивые сподвижники Шамиля, особенно в последние годы существования имамата.

Наместник был наиболее последовательным проводником рекомендованного лично императором Николаем метода подкупа «новой» горской знати. Щедрые русские денежные подарки приносили все более заметные плоды, постепенно углубляя раскол в руководящей верхушке имамата, «быстро сужая круг людей, способных устоять перед соблазном»⁵⁰⁸.

Достаточно сложным для освещения остается вопрос о тайных операциях, которые, по всей вероятности, должны были присутствовать в военно-дипломатическом арсенале наместника, поскольку они всегда присутствуют во время ведения любых войн и силовых противостояний.

⁵⁰⁴ Евдокимова А.А. История стран Востока в Новое время. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. С.191.

⁵⁰⁵ ДГСВК. С.394.

⁵⁰⁶ Там же. С.715.

⁵⁰⁷ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. С.192.

⁵⁰⁸ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.489.

Пока не удалось отыскать документов, в которых прослеживалась бы воля наместника, ясно обозначающая его приверженность к физическому уничтожению руками определенных лиц из горских народов, наиболее непримиримых к русским вождям горского сопротивления.

Впрочем, существуют отдельные сообщения о так называемых «инициативниках», которые якобы по своей воле пытались физически устранить с политической арены, например, Мухаммеда Амина. От контр-адмирала Л.М. Серебрякова в 1851 г. к наместнику отправлялся рапорт о задержании некоего чеченца, пробывшего 18 лет в Турции, по имени Зекерья Абдулла.

Со слов задержанного было выяснено, что он, «узнав о событиях у Закубанских Черкес, решился оказать услугу Русскому правительству, в надежде получить достойное вознаграждение, и для того выдал себя за наиба с намерением действовать таким образом, чтобы уронить во мнении народа и даже погубить Мухаммеда Амина»⁵⁰⁹ - отравить его. Не сумев войти в доверенность к эmissару Шамиля, и испугавшись разоблачения, мнимый наиб добровольно передал себя в руки властей Черноморской береговой линии.

Подозрение в зломыслии Воронцова существует, однако, среди части современных кавказоведов, уверенных в том, что тайные операции не могли не инспирироваться наместником.

В качестве разоблачителя коварства Воронцова выступает известный исследователь М.М. Блиев, который обвиняет его в убийстве Хаджи Мурата. В качестве доказательства он приводит свидетельство Абдар-Рахмана ар-Рафи, напечатавшего в своей книге два письма Воронцова к военному министру А.И. Чернышеву и товарищу министра В.А. Долгорукому⁵¹⁰.

М.М. Блиев цитирует отдельные места, упомянутых писем. Например, то, где наместник писал В.А. Долгорукому, о том, что «с тех пор, как Хаджи Мурат покинул Шамиля и

⁵⁰⁹ АКАК. Т.Х. С.688.

⁵¹⁰ Блиев М.М. Указ.соч. С.562.

перешел к нам, ничто не могло быть более счастливым и выгодным для нас, как его смерть при окружающих ее обстоятельствах. <...> Смерть Хаджи Мурата для нас есть счастье, если бы даже его последние намерения были другие»⁵¹¹.

В своем мнении М.М. Блиев еще более утверждается, когда приводит отрывок письма М.С. Воронцова к военному министру, отправленного после гибели Хаджи Мурата от рук карабахских и нухинских милиционеров. Наместник обещал военному министру А.И. Чернышеву представить список лиц, «заслуживших награду за отличное поведение в этом важном деле»⁵¹².

В своей претензии в адрес наместника, М.М. Блиев, между тем, опирается на собственную трактовку происшедшего, выявляя свое нерасположение к этому историческому персонажу. Для предъявления столь серьезных обвинений, неопровержимых фактов нет. Как кажется странным то, что упомянутые ранее письма не приводятся полностью, а раздерганы на цитаты, вырванные из контекста.

Понимая и чувствуя это, М.М. Блиев оговаривается, что «стоит воздержаться от категорических выводов; слишком много еще неизвестного, в том числе относительно переписки Воронцова по поводу Хаджи Мурата»⁵¹³.

Но тут же, не имея сил побороть неприязнь к Воронцову и отказаться от собственной гипотезы, прибегает к мнению давнего недоброжелателя Воронцова генерала Г.И. Филипсона, считавшего, что тот «если <...> не был генералом иезуитского ордена, то мог бы бить им»⁵¹⁴, намекая на скрытые качества наместника.

Предположения не могут быть доказательством, а неприкрытая неприязнь только усугубляет дело и уводит далеко от истины, а потому М.М. Блиев, по большей части, в своих выводах опирается на собственные домыслы.

⁵¹¹ Цит. по: Блиев М.М. Указ соч. – С.562.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ ДГСВК. С.306.

В то же время российской стороной использовались методы идейной и моральной дискредитации того же имама Шамиля. Ярким примером такого рода действий может служить попытка духовной дискредитации имама руками лиц, принадлежащих к духовному сословию улемов и лиц, сведущих в шариате.

После того, как произошел разрыв между Шамилем и Сулейманом-эфенди, одним из ревностных бывших распространителей мюридизма среди адыгов и обращением последнего к М.С. Воронцову с просьбой о принятии в покровительство, наместник решил воспользоваться случаем и довести в горы мнение улема об имаме, который «нарушает духовные законы <...> управляет <...> силою светской власти, противной Корану»⁵¹⁵. По просьбе наместника Сулейман-эфенди составил записку с перечнем нарушений шариата, допускаемых Шамилем, и передал ее российской стороне.

По желанию М.С. Воронцова эта записка во множестве экземпляров была лазутчиками доставлена в горские общества и там распространена, но «не произвела на горцев ни малейшего впечатления и успеха, несмотря на то, что обличения Сулеймана были распространены в самую неблагоприятную для Шамиля пору, а именно – после неудачного его вторжения в Кабарду»⁵¹⁶.

Эта относительная неудача не остановила попыток наместника продолжать поддерживать всех и вся, кто и что могли бы ослабить идеологическое влияние имама на горскую социальную среду. Именно так он поступил, когда из Чечни поступили сведения о появлении и распространении среди чеченцев мирного мюридизма, проповедовавшемся Кунта Хаджи.

Политическая программа Кунта Хаджи допускала возможность подчинения Чечни имперским властям, а обрядовая сторона его учения сталкивалась с мнением Шамиля о должном в исламе. Шамиль, «нашедши его противными религии, немедленно прекратил сборы зикристов и строго

⁵¹⁵ Цит. по: Блиев М.М. Указ соч. С.533.

⁵¹⁶ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.494.

запретил Кунте его проповеди»⁵¹⁷. Этот запрет и иные действия имама против Кунта Хаджи толкнули последнего не только на занятие протестной позиции, но начать борьбу с Шамилем.

С точки зрения мусульманского духовенства, истина была на стороне имама, так как обряды учения Зикра противоречили духу религии. Но в данном случае в дело примешивалась еще и личная причина несогласия с зикристами: Шамиль стремился «сохранить во всей чистоте учение газавата, им проповедуемое, с помощью которого он стал в главе народа и при том же он боялся того влияния, которое проповедник Кунта Хаджи, всегда имеет на народ»⁵¹⁸.

Особой формой дипломатических действий была торговая дипломатия, с помощью которой наместник старался развивать и укреплять пророссийскую ориентацию среди горцев. Расширявшиеся торговые связи способствовали тому, что положение и условия жизни рядового узденства вне имамата имели тенденцию к постепенному улучшению, что стало сказываться на росте оппозиции Шамилю.

С российской стороны продолжались и не ослабевали усилия по приобщению населения Северо-Западного Кавказа к торговле и мирному образу жизни. Наместник и власти кордонных линий старались убедить черкесов, что «для собственной своей пользы они должны искать в Русском правительстве то, чего напрасно добивались от чуждых к ним пришельцев народного благоустройства и спокойствия, <...> что вверяя судьбу свою попечению могущественного и милостивого Монарха, они могут ожидать щедрот Е.В. всего полезного для своего благосостояния»⁵¹⁹.

Важным аргументом князя Воронцова был здравый смысл и прагматизм, которые он противопоставлял идеологии мюридизма, которая не была всеобщей приверженностью в горах. В качестве мощного аргумента князем Воронцовым при определенных обстоятельствах использовалось обращение к традиции как альтернативе мюридизму. Воронцов увидел, что

⁵¹⁷ Покровский Н.И. Указ. соч. С.499.

⁵¹⁸ Там же.

⁵¹⁹ АКАК. Т.Х. С.688.

тезис о религиозном сознании как о ключевом факторе в отношениях сторон, преувеличен.

Российскими властями производилась демонстрация веротерпимости и уважительности к исламу на подконтрольных им территориях. Устраивались посещения горцами русских крепостей для демонстрации предлагаемых им перспектив. Так в 1851 г. Л.М. Серебряков привозил представителей трех сильнейших фамилий среди убыхов – Берзиков, Дзеушей и Дешенов – в Новороссийск и показывал им Азиатскую школу, где «они были приятно поражены почтительностью правительства о воспитании детей горцев, а особенно тем, что дети обучаются мухамеданскому закону»⁵²⁰.

М.С. Воронцов не был пионером в использовании дипломатического потенциала в отношениях с горцами Кавказа. И до него естественный ход событий приводил к установлению таковых связей между русскими властями и горцами по различным предметам и направлениям. Но только при князе Воронцове такие связи сделались почти обязательными и приобрели не только систематический характер, но исполняли роль важного невоенного средства, предварительного решения многих военных задач.

К политико-дипломатическим акциям в горской среде М.С. Воронцова подтолкнули: 1) сам характер большинства горцев, легко воспламенявшихся под напором трудно оспариваемых аргументов; 2) агитационно-пропагандистские действия эмиссаров султана, представителей западных официальных и частных кругов, шамилевских агитаторов, засыпавших горские общества всякого рода посланиями, воззваниями, письмами и пророчествами; 3) деятельность предместников, начиная с князя П.Д. Цицианова, который не жалел времени и усилий в данном вопросе.

М.С. Воронцов выступал на дипломатическом поприще как конкурент в борьбе за умы горцев тем силам, которые стремились не допустить русских на Кавказ или препятствовали сближению Кавказа с Россией. М.С. Воронцов всячески стремился внушать доверие при контактах с горцами,

⁵²⁰ Там же.

объявляя им, что ведет с ними переговоры не только по своей инициативе, но воплощает волю российского государя «всемиловейшего и всеблагого».

Достижение поставленных задач во многом определялись человеческим фактором, а потому в переговорный процесс требовал создания благоприятной атмосферы. В переговорах с горцами важной стороной была тактика аргументирования, которая сообразовалась всякий раз с учетом личностных особенностей партнеров по переговорам. Наместник часто прибегал к персонификации аргументации как наиболее понятной и привычной для горцев.

Наместник никогда не предлагал партнерам по переговорам явно неприемлемых предложений и не отступал от доктринального постулата: «Переговорщик никогда не должен говорить неправду, но не обязан говорить всю правду». Много раз он прибегал к тактике, основанной на другом постулате – больше слушай – меньше говори для того, чтобы не только слушать, но и услышать то, что хотела сказать другая сторона, скованная условностями и разнообразными явными или непрявленными угрозами.

Одним из косвенных результатов Воронцовской дипломатии, когда в горах стала известна процедура решения специфических по обстоятельствам задач, сделалось бегство того же Хаджи-Мурата к русским. Центрами дипломатических переговоров были ближайшие к горам сильные крепости или места нахождения высокого русского начальства. Хаджи-Мурат дал знать в 20-х числах ноября 1851 г. в крепость Воздвиженскую, что готов войти и сдастся, если ему обещают сохранить жизнь⁵²¹.

В свите князя Воронцова во время его передвижений по Кавказу «были чиновники дипломатической канцелярии»⁵²². Дипломатическая канцелярия, как уже ранее подчеркивалось, была «мозгом и центром принятия решений»⁵²³. Именно это

⁵²¹ Зиссерман А.Л. Хаджи-Мурат. Письма о нем // Русская старина. – 1881. №3. С.656.

⁵²² Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.180.

⁵²³ Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре: российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010. – С.111.

подразделение было ответственно за осуществление шагов по ведению переговоров администрации наместника или его самого с политическими контрагентами. Там же писались многочисленные депеши в Петербург, содержавшие отчеты о предпринятых шагах и анализ расстановки сил в имамате и иных кавказских обществах, с которыми приходилось иметь дело.

Организация и методы дипломатии, как правило, обусловлены задачами внешней политики. На службу в дипломатическую канцелярию набирали соответственным образом подготовленных людей, которым можно было доверять разнородные тайны.

В свите наместника были люди, которым поручались решения специфических задач, предъявлявших наличие особенных качеств ума и способностей. Одним из таких специалистов был М.Т. Лорис-Меликов.

Хорошо владея русским, грузинским, армянским и турецким языками, этот офицер заведовал лазутчиками и был в качестве капитана над вожатыми, а потому знал все секреты и тайны скрытой дипломатии⁵²⁴.

В то же время внешнеполитические действия Кавказского наместника не были только его личной инициативой, и часто выступали продолжением политики императора и Министерства иностранных дел.

Это наилучшим образом выявилось летом 1848 г., когда князю Воронцову пришлось решать многопрофильную задачу, связанную с пребыванием в Тифлисе персидского принца Бехмен-мирзы. Наместник консультировался в российском МИДе о необходимости и направленности его действий в отношении представителя шахской фамилии, а также интересовался мнением императора по данному вопросу⁵²⁵.

Дело было достаточно щекотливого свойства, так как могло иметь нежелательные для Российской империи последствия на ее южных рубежах, поскольку оказание чрезмерной учтивости одному из персидских принцев, могло

⁵²⁴ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.309.

⁵²⁵ АКАК. Т.Х. С.718.

быть истолковано в Персии и за ее пределами, как политическое предпочтение России или, того хуже, как вмешательство в престолонаследственные процессы в соседнем государстве.

М.С. Воронцову было рекомендовано уговорить Бехмен-мирзу не ездить в Петербург, оставаться в Тифлисе на содержании Казначейства, а также приставить к нему приставом, одного из находившихся в ведении наместника чиновника, знающего персидский язык⁵²⁶.

Важность хороших отношений России с Персией для Кавказа определялась не только политической стороной двусторонних отношений, но и стороной экономической, поскольку российская сторона закупала хлеб в Азербайджане для Кавказской армии.

Если глубже касаться части внешнеполитической, то важнейшим предметом в деятельности наместника оставались дела пограничные с Турцией и Персией. Позиция российской стороны совершенно ясно определялась трактатами, заключенными в Адрианополе и Туркманчае.

Петербург требовал от Кавказского наместника, чтобы в основе его отношений с соседними государствами он исходил из того, что «святость и нерушимость» упомянутых трактатов «составляет основание нашей политики»⁵²⁷.

В то же время наместнику вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы и «со стороны соседственных властей соблюдаемы были неуклонно условия, которые торжественно постановлены между обоюдными правительствами»⁵²⁸.

Наместник вынужден был уделять неослабное внимание сохранению и поддержанию на азиатской границе должного спокойствия. Для чего, по необходимости, должен поддерживать приличным образом дружеские отношения с главными начальствующими особами в пограничных областях сопредельных государств – Персии и Турции.

⁵²⁶ Там же. С.721.

⁵²⁷ Там же. С.593.

⁵²⁸ Там же.

Особенно актуальной проблема сохранения спокойствия на границах сделалась в преддверии начала Восточной войны 1853-1856 гг. Благодаря связям в высших сферах руководства Российской империи, князю Воронцову стало известно, что Министерству иностранных дел «желательно, чтобы Персия оставалась в дружественном нейтралитете до разрешения нашего конфликта с Турцией миром или войною»⁵²⁹.

Персидская сторона в развитии возможного конфликта между Россией и Османской Портой увидела для себя шанс поквитаться с османами за прошлые причиненные ей унижения. Персидскими властями были обозначены их намерения перед русской миссией, «когда объявлено было, что, несмотря на узы исламизма и на покровительство Англии к туркам, правительство шаха присоединиться к России, если Россия даст обещание, что при заключении мира с Турцией, все земли, какие Персией будут завоеваны от Турции, останутся за нею»⁵³⁰.

24 июня 1853 г. князь Долгорукий сообщал, что «предложения союза, сделанные прежде косвенным образом со стороны Персидского правительства, объявлены ему Садра-азамом прямо и положительно <...> на том основании, что шах, помня как Г.И. держал его некогда на Своих коленях ребенком, а в последствии времени, когда он воцарился, называл его братом и всегда был к нему благосклонен, желает в настоящих обстоятельствах дать доказательства своей признательности и преданности Е.В. и стать с ним за одно»⁵³¹.

В доказательство своей решимости персидская сторона объявила о скором сборе своих войск в Султанье, а также распространила запрет на вывоз риса в пограничные турецкие магазины и не позволяла иностранцам переходить за Аракс без особого разрешения из Тавриза.

Для содействия решимости персидского шаха оставаться в рамках дружественных отношений с российской

⁵²⁹ Там же. С.746.

⁵³⁰ АКАК. – Т.Х. – С.745

⁵³¹ Там же.

стороной в период назревавшего конфликта России с Турцией, наместником, по указанию дипломатического ведомства, были отобраны несколько человек опытных офицеров «для лучшего руководства стратегических движений»⁵³², предполагавшихся со стороны персиян.

Наместником были избраны для миссии в Персию генерал Сенковский и два штаб-офицера, которых отправили в Тавриз, где они должны были встретиться с главнокомандующим персидских войск Азиз-ханом. В помощь отправленной миссии был придан статский советник Ханьков «для сближения наших офицеров с персидскими и нужных объяснений»⁵³³.

Князь Долгорукий, со слов российского посланника в Вене барона П.К. Мейендорфа, уведомлял М.С. Воронцова, что партия войны в Константинополе усиливается. По этим сведениям «дела наши с Турцией кажутся ближе к разрыву, нежели к миролюбивому соглашению»⁵³⁴.

В этой связи князю М.С. Воронцову приходилось быть изворотливым, так как «при настоящих политических недоразумениях, из опасения возбудить толки и подозрения турок, нельзя без особенной осторожности собирать сведения»⁵³⁵, которые требовались Петербургу для уяснения непосредственной обстановки на границе.

Планы Турции на Кавказе были далеко идущими и решительными. Для того чтобы руководство Порты преодолело все сомнения, немало приложил усилий британский посол в Константинополе Стрэфффорд-Каннинг, «который внушал султану, что, отвергая все компромиссные предложения России, он помогает Западу принудить царя к отступлению»⁵³⁶.

Турки надеялись, что уникальное стечение благоприятных факторов (почти заключенный наступательный союз с Англией и Францией, беспокойство в Дагестане и

⁵³² Там же.

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ Там же. С.754.

⁵³⁵ Там же. С.756.

⁵³⁶ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. С.176.

Черкесии, малочисленность русских сил в Закавказье) позволит ей вытеснить Россию из этого региона⁵³⁷.

Кроме того, Турция рассчитывала на Кавказе обойтись без военной помощи западных держав, «предполагая получить широкую поддержку местных мусульманских народов»⁵³⁸. Порты не желала чьего бы то ни было присутствия на территориях, которые она считала сферой своего влияния.

Зная из донесений русских дипломатических представителей, находившихся в османской столице, о решительном настрое султана, император Николай, в планах которого война не стояла на первом месте, требовал осторожности и осмотрительности от всех российских властей, в том числе от Кавказского наместника. В условиях обострившихся русско-турецких отношений Петербургу «совсем не хотелось провоцировать Англию и Францию»⁵³⁹.

В продолжение сложной и тонкой дипломатической игры российского МИДа в отношениях с Персией и Турцией Кавказского наместника информировали о всех её перипетиях, предполагая долю его вовлеченности в ход событий. Тифлис и сама фигура кавказского наместника приобрели важную роль, так как через него велась переписка МИД России с тегеранской миссией князя В.А. Долгорукого. Наместнику поручалось всячески содействовать русской миссии в реализации общей стратегии Российской империи на азиатских её границах.

До самого последнего дня своего пребывания на Кавказе князь М.С. Воронцов оставался важной фигурой, на которую возлагалась достаточно весомая роль в создании и обеспечении благоприятных для российской стороны условий в сношениях с персидскими властями.

В целом успешная деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае в десятилетие его наместничества (1844-1854 гг.), заложившая фундамент окончательному утверждению России на Кавказе, в немалой степени также

⁵³⁷ Там же. С.489.

⁵³⁸ Там же. С.177.

⁵³⁹ Там же.

обязана такому специфическому средству, каким является разведка.

В отличие от своих предшественников, которые прибегали использовать разведку спорадически, часто единственно в прикладных целях организации военных экспедиций на территорию непокорных горцев или для сохранения порядка и спокойствия на южных закавказских границах империи, соседствовавших с территорией Оттоманской Порты или Персии, кто в меньших, кто в больших масштабах, как, например, А.П. Ермолов, князь М.С. Воронцов поставил разведывательную деятельность достаточно широко и систематически. Им использовались все известные на то время виды разведывательной деятельности.

Согласно целям, задачам и способам получения информации разведку подразделяют на политическую и военную, стратегическую и тактическую. В узком смысле политическая разведка – это один из видов внешней разведки, существующей наряду с военной разведкой.

Политическая разведка как тип разведывательной деятельности, объектом которой являются государства, занимается получением сведений о политических силах, средствах, планах и секретах противника, а также собирает его неохранные сведения внутривнутриполитического и внешнеполитического характера.

Стратегическая разведка проводится с целью получения информации о стратегическом потенциале и стратегических намерениях разведываемого государства, осуществляет постановку разведывательной цели и задач стратегического уровня, ищет, добывает и обрабатывает полученную информацию. Понятие «стратегическая разведка» сформировалось окончательно в первой половине XIX века⁵⁴⁰, когда германский военный теоретик К. Клаузевиц в своем трактате «О войне», четко определил такие понятия как «стратегия» и «война»⁵⁴¹.

⁵⁴⁰ Политическая разведка // URL: // <http://ru.wikipedia.org>.

⁵⁴¹ Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Стало ясно, что для успешного планирования войны как нападения и обороны необходима разведка, способная дать сведения стратегического значения для высшего политического руководства государства⁵⁴².

Князь М.С. Воронцов, хотя и не входил в состав наиболее близких к императору людей, но, будучи назначенным управлять сначала Новороссийским краем и Бессарабией, а затем Кавказом, сделался одним из высших администраторов Российской империи, ответственным за целый регион государства. В связи с этим получение информации стратегического характера было насущной для него необходимостью.

Благодаря своему происхождению и воспитанию, благодаря положению своего отца С.Р. Воронцова, многие годы бывшего послом в Лондоне, и его дяди А.Р. Воронцова – канцлера Российской империи, Михаил Семенович имел самые обширные связи и знакомства в аристократических кругах Европы и России. Это позволяло ему получать самую разнообразную политическую и иную информацию со всех концов Европы и азиатского окружения Российской империи, что называется из первых рук.

М.С. Воронцов состоял в многолетней дружеской переписке со многими европейскими корреспондентами-аристократами, военными и гражданскими чинами, российскими консулами, снабжавшими его приватными или официальными письмами, содержащими большие объемы самой разнообразной информации, в том числе стратегической⁵⁴³.

Кроме того, князь М.С. Воронцов имел привычку ежедневно просматривать большое количество европейской прессы – газет и журналов, которые выписывались им в продолжение всей его государственной службы.

Как человек системного и практического мышления, князь М.С. Воронцов прибегал к сбору стратегической

⁵⁴² Политическая разведка // URL: // [http: ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org).

⁵⁴³ См. Архив князей Воронцовых. В 40 книгах. Кн.35-39. – М.: Университетская типография, 1889-1893.

информации для получения ясного представления об условиях, которые складывались или получали тенденцию к развитию в Европе и азиатских сопредельных с Россией государствах. Ему необходимо было понимать перспективы реакции основных игроков международного концерта в отношении российской политики на юге России и на Кавказе в частности.

И хотя князь Воронцов не был наделен компетенциями широкого участия во внешнеполитической деятельности Российского государства (только с разрешения императора или МИДа), и многое из того, что ему удавалось знать, выходило за рамки его служебных полномочий, анализ получаемой информации позволял ему принимать адекватные частные решения, ориентируясь в перспективе развития общей стратегической обстановки.

Понимание необходимости, действенности и важности разведки князь получил еще в молодости, участвуя в войне с Наполеоном и руководя с 1814 по 1818 гг. оккупационным корпусом в Мобеже, где под его командой находилось 35 000 человек, и где действовала служба военно-секретной полиции во главе с подполковником Иваном Липранди⁵⁴⁴.

Вообще для России решающим толчком к проведению систематических разведывательных мероприятий стали кровопролитные сражения в войне с Наполеоном. Большую роль в создании российской военной разведки сыграли князь П.М. Волконский и М.Б. Барклай де Толли, которые инициировали в 1810 г. образование Экспедиции секретных дел, которая с 1812 г. стала называться Особенной канцелярией при Военном министерстве. Одним из участников сбора оперативно-тактической информации о войсках противника во Франции был тогда еще полковник А.И. Чернышев⁵⁴⁵.

Военная разведка занимается добыванием, обработкой, изучением и оценкой разведывательных данных о вероятном или действительном противнике, а также о районе боевых действий. Военная разведка на основе этих данных делает

⁵⁴⁴ Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. С.427.

⁵⁴⁵ Военная разведка в России до 1917 г. // URL: [http:// www. Agentura.ru /dossier/Russia/gru/imperia/do1917](http://www.Agentura.ru/dossier/Russia/gru/imperia/do1917).

выводы о противнике, оценивает боевые возможности его войск, определяет его слабые стороны и вероятный характер действий⁵⁴⁶.

Стратегическая разведка отличается от тактической разведки, прежде всего, по своим масштабам. Стратегическая разведка изучает все, что связано с военным потенциалом иностранных государств, и ведется непрерывно, как в военное, так и в мирное время. Тактическая разведка изучает относительно узкий круг вопросов – противостоящие силы противника, условия погоды и характер местности в районе, где свои войска ведут или будут вести боевые действия. Данные тактической разведки используются при планировании и ведении боевых действий командирами всех степеней⁵⁴⁷.

Опыт европейской войны 1812-1814 гг., а также войн с Персией и Османской Портой в первой трети XIX века, кровопролитные бои в горах Кавказа способствовали развитию военной разведки Российской империи.

По прибытию на Кавказ М.С. Воронцов, как командующий Отдельным Кавказским корпусом, вынужденный волей императора осуществлять подготовку и проведение Даргинской операции, сразу же задействовал все имевшиеся в его распоряжении силы и средства для сбора оперативно-тактической информации о противнике.

Военная разведка велась конными разъездами. По приказу командующего отряжались разные команды казаков, которые поручались самым отважным офицерам. Это было сложное и опасное дело. Разведчики должны были скрытно от глаз неприятельских наблюдателей выявить точные места дислокаций и время сбора или выступления враждебных партий горцев, определить их численность и установить командиров. Казачьим разъездам часто приходилось по многу часов сидеть неподвижно, чтобы не обнаружить себя перед неприятелем без еды и питья, не разжигая костров для обогрева в холодные ночи.

⁵⁴⁶ Военная разведка // URL: [http://ctacya.ru / wp-content/uploads/2012/12/Voennaya.razvedka/pdf](http://ctacya.ru/wp-content/uploads/2012/12/Voennaya.razvedka/pdf)

⁵⁴⁷ Там же.

Всякое движение русских войск начиналось с рекогносцировки местности, которую производил сам командующий вместе с офицерами своего штаба. Офицерами опрашивались лазутчики, от которых получали и перепроверяли сведения о местоположении основных сил Шамиля или отдельных отрядов шамилевских наибов, пытаясь получить определенное представление об общих силах неприятеля и его ближайших намерениях. С рекогносцировок начиналась подготовка всякого конкретного маневра армейских частей и отдельных команд. Большую пользу приносил перехват корреспонденции и приказов командования противника с помощью специальных казачьих отрядов и секретов.

По мере углубления на территории ранее бывшие под контролем имама из всех видов разведки наиболее трудным оказался сбор сведений с помощью агентуры. Это было связано с выселением части местного населения по приказу Шамиля или с неприязненным отношением к русским со стороны местных горцев, которые сильно опасались за свою жизнь и сохранность имущества, страшась жестокой расправы со стороны мюридов.

В то же время никакая разведка в горах Кавказа не могла обходиться без лазутчиков. Без них вообще почти не бывает военной разведки, где бы то ни было. Важность этого подразделения разведки отмечалась уже в инструкции императора Александра I, данной им начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией в 1812 г.⁵⁴⁸ Здесь приводится классификация агентов, чья задача заключалась «в собирании сведений о неприятельской армии и занимаемой ею земли. <...> Агенты в земле неприятельской могут быть лазутчики, в оную отправляемые и постоянно там остающиеся»⁵⁴⁹.

Инструкция требовала подбирать в качестве агентов людей расторопных, хитрых и опытных. От них следовало

⁵⁴⁸ Инструкция начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией. Пункт 13. «О лазутчика» // Военная разведка в России до 1917 г. // URL: <http://www.Agentura.ru/dossier/Russia/gru/imperia/do> 1917.

⁵⁴⁹ Там же.

требовать сведения по большей части местные, за что выдавать «особенную плату за каждое известие, по мере его важности»⁵⁵⁰.

Инструкция требовала «в случае совершенной невозможности иметь известия о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах должно иметь прибежище к принудительному шпионству. Оно состоит в склонении обещанием наград и даже угрозами местных жителей к проходу через места, неприятелем занимаемые»⁵⁵¹.

По свидетельству М.Я. Ольшевского, в Чечне, в селениях горцев, расположенных в пределах, контролируемых русскими, всегда можно было найти хороших лазутчиков и проводников. Лазутчиков можно было находить «не только между «мирными чеченцами», то есть жившими возле наших укреплений, но и среди неприятеля, охотно посещавшего наши укрепления»⁵⁵².

Количество людей, готовых сотрудничать с российской стороной значительно выросло, когда они узнали, что «русские не только их ласково принимают и угощают, но и дают деньги»⁵⁵³.

Русские военные, соблазняя чеченцев деньгами, довели дело до того, «что под опасением смерти они доставляли самые положительные сведения о намерениях своих собратий и были самыми надежными проводниками для наших отрядов при нападении не только на соседние аулы, но и на те из них, в которых жили их друзья и даже близкие родственники»⁵⁵⁴.

После уроков, полученных в Даргинском походе и их осмысления, князь Воронцов реанимирует и придает широкий размах существовавшего до него в отдельных своих проявлениях целого разведывательного сообщества. Составилась система информаторов разного уровня и направленности, чьи сведения позволяли получать и

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Там же.

⁵⁵² Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С.68.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Там же.

выстраивать обобщающую картину или решать специально-локальные задачи, которые необходимы были для принятия решений начальниками разных уровней.

В течение длительного времени кавказского противостояния действовали офицеры генерального штаба, проводившие разведывательные экспедиции в земли непримиримых горских обществ Черкесии, Чечни и Дагестана. Среди них можно назвать такие имена как И. Бларамберг, О. Евецкий, А. Неверовский, Д.В. Пасек, Ф.Ф. Торнау, А.Л. Зиссерман, который так умел преображаться, что сами чеченцы принимали его за собрата.

Много разведчиков было не только среди представителей коренных народов империи, но в разведке самое активное участие принимали и те, «у кого были свои исторические счеты с мусульманским миром: грузины и армяне, не раз оказывавшиеся на грани фактического уничтожения и насильственной ассимиляции под давлением Турции, Персии и их кавказских вассалов»⁵⁵⁵.

Немало важной военно-стратегической и военно-тактической информации давали научные экспедиции, проходившие под эгидой Академии наук. После консультаций в Тифлисе с руководством и специальными службами Кавказского корпуса их состав пополнялся офицерами генерального штаба. Научные описания местности в Чечне, Дагестане и Закавказье содержали обильную информацию разведывательного свойства.

Свой вклад в разведывательную деятельность вносили также ученые-востоковеды. Среди них следует выделить имя Н.В. Ханыкова, человека серьезного, обстоятельного, хорошо знавшего нравы, обычаи и запросы мусульманских народов⁵⁵⁶. По просьбе князя М.С. Воронцова он был откомандирован из Азиатского департамента МИД России в Дипломатическую канцелярию главного управления в Закавказье.

⁵⁵⁵ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.239-240.

⁵⁵⁶ Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков - востоковед и дипломат. – М.: Наука, 1977. С.39.

Князь-наместник посылал Н.В. Ханыкова с особыми миссиями к владетелям соседних государств, способствовать укреплению позиций России среди мусульманского населения Закавказья. По заданию М.С. Воронцова Н.В. Ханыков ездил в Персию, где при поддержке русского посланника Д.И. Долгорукова добился разрешения скопировать отдельные страницы из рукописи Зейн эль Абедина «Сад путешествий», посвященные Закавказскому краю. Рукопись была в единственном экземпляре и принадлежала принцу Мухаммеду Реза мирзе. Так Россия обогатилась рукописью уникального произведения, хотя это обошлось в немалую по тем временам сумму – 70 голландских червонцев⁵⁵⁷.

Разведка позволяла выстраивать комплексную картину социально - политического устройства, хозяйственно-экономического и военного потенциала неприятеля. Русские получали достоверные сведения о путях сообщения горцев, объемах и характере их продовольствия, климато-географических особенностях ландшафтов проживания непримиримых к русским горцев.

Князь М.С. Воронцов мог иметь больше оснований для решения многих, поручавшихся ему Петербургом задач, определять «где удобнее в видах утверждения нашего в крае, расположить полки <...> что для защиты Кавказской линии, а в особенности для исполнения предначертаний, начатых и не конченных, как-то учреждение передовой Чеченской линии, на которой должно быть утверждено обладание наше плоскостью и будущее владычество над горами, связанное с этим предприятием водворение поселения на Сунже, а также окончание Лабинской линии»⁵⁵⁸ и другое.

Разведка позволяла определять положение дел в туземной среде тех территорий, которые контролировались и переустраивались русскими на имперский лад, прежде всего Закавказье. На подконтрольных территориях без правильно и

⁵⁵⁷ Там же. С.74.

⁵⁵⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1885. Т.Х. С.312.

планомерно организованной разведки нельзя было стабилизировать ситуацию.

Чаще всего на таких территориях вели разведывательную деятельность чиновники по особым поручениям, например, выявляли состояния умов в среде местных грузинских аристократов, визнавали приверженцев местного сепаратизма. Разведывательные задания поручались офицерам-квартирьерам, разъезжавшим по многим территориям Северного Кавказа. Среди разведчиков состояли чиновники местной кавказской администрации разных уровней, исполнявших свою миссию по кавказским губерниям.

Проводилась разведка побережья и с военных кораблей Черноморской эскадры, командующими отдельными частями кордонной линии, командирами крепостей и полков. О деятельности эмиссаров Порты, английских агентов и посланцев от Шамиля, особенно в северо-западной части Северного Кавказа, сообщали наместнику консулы из Константинополя, вице-адмирал Л.М. Серебряков⁵⁵⁹.

В Черномории действовала своя категория первоклассных разведчиков – казаки-пластуны. По свидетельству Ф.А. Щербины, пластуны были лучшими среди казаков-черноморцев стрелками и разведчиками⁵⁶⁰. Вести разведку «там, где рыскал черкес-наездник, можно было лишь приспособляясь к местности, и выработав приемы скрытых, никем не замеченных движений. Поэтому осторожность, зоркость, острый слух и сообразительность вырабатывались у пластунов самою службою»⁵⁶¹.

В командиры к пластунам назначали офицеров, людей опытных и храбрых «в делах с неприятелем, знающих в совершенстве пластунское искусство»⁵⁶².

Первоначально пластунские команды создавались как временные подразделения, для выполнения особых и наиболее опасных заданий. К пластунам обращались «когда ощущалась

⁵⁵⁹ АКАК. Т.Х. С.586-642.

⁵⁶⁰ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.II: История войны казаков с закубанскими горцами. – Екатеринбург, 1913. С.488.

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Там же. С.490.

надобность и требовался секретный, скрытый розыск, когда нужно было разведать силы и положение неприятеля, когда ход военных действий ставил на очередь задачу произвести самую рискованную диверсию»⁵⁶³.

Имея вид черкесов (пластуны одевались как черкесы, причем как самые бедные), пластуны ночью пробирались в черкесские аулы, подмечали приготовления к набегу, уводили лошадей, подслушивали разговоры черкесов, вызывая их планы, владея языком неприятеля. Потому «сколько-нибудь заметные движения или сборища черкесов в каком-либо одном месте редко когда ускользали от наблюдательности пластунов»⁵⁶⁴.

Пределы горного Дагестана и Ичкерии, а также горно-лесные ущелья Черкесии долгое время оставались для русских *terra incognita*. Однако эту проблему решали комплексно. Туда пробирались в качестве разведчиков вездесущие армянские купцы, посылались лазутчики, делались воинские экспедиции и прорубались просеки.

Генерал Р.К. Фрейтаг в короткое время изучил своих неприятелей и ту местность, на которой пришлось ему с ними сражаться. Он дал некоторые тактические правила, как строить и водить войска через чеченские леса. Не было после этого «способнее куринцев проходить лесные трущобы и дебри»⁵⁶⁵. Этот же генерал после разведки и опыта взаимодействия с чеченцами выработал эффективную систему действий для армейских команд рубщиков леса. В связи с этим М.Я. Ольшевский отмечал, что «никто как Р.К. Фрейтаг указал на пользу и важность «зимних экспедиций» в Чечне, заключавшихся преимущественно в вырубке просек и проложении сообщений»⁵⁶⁶. Благодаря предложенной системе русским удалось раскрыть внутренние пространства Чечни после рубки Гойтинского и Гехинского лесов.

В пределах черкесских народов и в пределах имамата действовали русские агенты, чаще всего лица духовного звания

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁴ Там же. С.497.

⁵⁶⁵ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.52.

⁵⁶⁶ Там же.

(Ташов Хаджи) или беглые солдаты и казаки, пожелавшие после многих лет пребывания в стане мюридов вернуться в лоно Российской империи.

Так, на правом фланге Лезгинской линии среди елисуйцев находился мулла Али, который был «весьма любезен <...> доставлением верных сведений о предприятиях неприятеля и много содействовал усмирению жителей»⁵⁶⁷.

Князь М.С. Воронцов даже просил начальника военно-походной канцелярии императора генерала В.Ф. Адлерберга «исходатайствовать высочайшее утверждение сделанному назначению – награде золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте Мулле Али»⁵⁶⁸.

Кроме того, информаторами русских становились инакомыслящие в стане мюридов, например акушинский кадий Магомед или Джемал-Эдин, разошедшиеся с Шамилем в понимании перспектив для горцев в противостоянии с русскими или в понимании и трактовке основ Корана⁵⁶⁹.

Разведывательные сведения добывались из показаний горцев, перешедших на сторону русских, например, от бывшего казначея Гамзат - бека, служившего в войсках Отдельного Кавказского корпуса переводчиком. Это был житель селения Чох по имени Маклач, который после смерти имама Гамзат-бека перешел к русским и дослужился до чина штабс-капитана⁵⁷⁰.

У таких людей собиралась информация о злоупотреблениях наибов, о разногласиях среди правителей имамата с практическими целями. Это помогало видеть ситуацию в имамате изнутри и планировать акции, направленные на ослабление горского государства.

⁵⁶⁷ РГИА. Ф.1268. Оп.2. 1847 г. Д.628. Л.1-1 об.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX века. Сборник документов. - Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С.520.

⁵⁷⁰ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2009. С.47.

В Чечне русское командование приобрело «бесценного помощника в походах»⁵⁷¹ бывшего мичиковского наиба Бота Хамурзова (Шамурзаев). Служа Шамилю, Бота сформировался как администратор и политик, а потому был весьма полезен русским, поскольку обладал сведениями внутреннего устройства имамата, механизмами осуществления власти в нем, характером отношений между лидерами мюридистского движения, знал деловые и моральные качества многих наибов.

Бота Хамурзов не только снабжал командование Отдельного Кавказского корпуса ценной разведывательной информацией, но был советчиком в выработке наиболее эффективных мер против Шамиля в Чечне. Как отмечал М.М. Блиев, «он серьезно повлиял на изменение самой политики Воронцова и Бяратинского <...>. Вместо карательных экспедиций он предложил организацию переселения чеченцев из имамской Чечни на равнину»⁵⁷².

Данный вопрос князь М.С. Воронцов лично обсуждал с Ботой и «убедился в громадной важности этой меры»⁵⁷³. Наместник просил Боту «настоятельно твердить жителям северной части Большой Чечни, что им не позволим ни сеять, ни косить, если они не изъявят покорности на месте и не перейдут за Качкалык»⁵⁷⁴.

Вслед за Ботой Хамурзовым в 1851 г. к русским вышел знаменитый на весь Кавказ Хаджи-Мурат, выдающийся кавказский воин и убийца имама Гамзат-бека. Этот человек, долгое время бывший среди главных лидеров имамата, «подробно изложил «средства Шамиля», остановившись и на влиятельных наивах, и на системе управления имаматом, и на его вооруженных силах, артиллерии, изготовлении пороха и т.д.»⁵⁷⁵.

⁵⁷¹ Блиев М.М. Горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. С.563.

⁵⁷² Там же. С.566.

⁵⁷³ Покровский Н.И. Указ. соч. С.510.

⁵⁷⁴ Письмо М.С. Воронцова А.И. Бяратинскому от 2 марта 1852 г. // Русский архив. 1888. Кн.2. №6. С.183-185.

⁵⁷⁵ Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Бяратинский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С.39; АКАК. Т.Х. С.525-530.

Как отмечает В.М. Муханов, много полезной информации, которую почил командование Кавказским корпусом от Хаджи-Мурата, вместе со сведениями и советами Бота Хамурзова оказали большую помощь при планировании и проведении операций в Чечне⁵⁷⁶.

Информаторами русских были кавказские владельцы, например, кумык Хасай Уцмиев, состоявший офицером на русской службе и получавший сведения о состоянии дел в имамате от своих доверенных лиц – Гинал Гебека⁵⁷⁷.

Отдельные горцы на свой страх и риск помогали офицерам генерального штаба неоднократно бывать в горах. Так, под видом пленного был провезен из Владикавказа через Чечню в Андию и лезгинские общества топограф⁵⁷⁸.

Кроме того, в качестве русских агентов выступали многие «кровники» Шамиля после проводимых имамом устрашающих акций в горах⁵⁷⁹, а также остававшиеся в имамате родственники ханов, лишившихся власти по воле имама.

Сотрудничали с русскими разведчиками, которые искали в горах надежных осведомителей, также черкесские князья и уздени, подвергшиеся притеснениям со стороны Магомеда Амина, совершившего социальный переворот среди черкесов⁵⁸⁰.

Ценным информатором для кавказского командования оказался некий Федор Афанасьев, который входил в число доверенных людей упомянутого наиба, присланного имамом Шамилем для распространения своих идей среди горцев Северо-Западного Кавказа⁵⁸¹.

⁵⁷⁶ Муханов В.М. С.39.

⁵⁷⁷ Там же. С.38.

⁵⁷⁸ АКАК. – Тифлис, 1881. Т.VIII. С.381.

⁵⁷⁹ Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.377.

⁵⁸⁰ Хавжого Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. С.181-190.

⁵⁸¹ Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар: РИПО «Адыгея». С.286-288.

Впервые информация о нем появилась 3 июня 1853 г. в письме командующего Черноморскою кордонною линиею полковника Я.Г. Кухаренко к вышестоящему начальству – генералу от кавалерии, командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Завадовскому.

Я.Г. Кухаренко сообщал, что этот «в прошлом беглый солдат, который, раскаиваясь в своем поступке, желает теперь загладить оный с тем, чтобы отравить Магомета Амина, для чего просит прислать ему чрез соучастника его узденя Ахмета яду и сонных капель»⁵⁸². Примечательно, что данное письмо в верхнем правом углу содержало весьма существенную приписку «Весьма секретно. В собственные руки», что лишний раз свидетельствует о важности и конфиденциальности той информации, которой Я.Г. Кухаренко делился.

Сам информатор обратился к полковнику в записке от 16 мая, в которой и излагал свое пожелание верной службой заслужить прощение за былые проступки. Называя себя «потерянный человек чрез свою молодость», он хотел «все свои проступки затереть тем, что который Российской державе вред большой делает горский новый прибывший наиб, и он бунтует всех горцев» будет им ликвидирован. Задача эта была не простая. Имея немало врагов среди черкесов, Магомет Амин опасался за свою жизнь и не подпускал к себе никого, кроме «гаджиретов верных»⁵⁸³. Сам Федор Афанасьев, видимо, пользовался доверием подозрительного наиба.

Командование сочло нецелесообразным довериться незнакомому человеку без проверки его и выявления истинных его намерений. Полковник Я.Г. Кухаренко решил лично встретиться с Ф. Афанасьевым, поскольку у него сложились с этим человеком более доверительные отношения.

По словам Кухаренко, «возвратящийся добровольно из бегов от горцев рядовой Федор Афанасьев (по-азиатски Марсибек) первый раз явился ко мне еще в июле месяце 1853 г. с раскаянием за сделанный им поступок, обещал, если ему дозволено будет остаться за Кубанью еще на некоторое время,

⁵⁸² ГАКК. Ф.261. Оп.1 Д.1414. Л.1-1 об.

⁵⁸³ Там же. Л.2-2 об.

загладить свой поступок службою лазутчика, так как он, находясь <...> в числе приближенных лиц к Магомет Амину, имеет средство сообщить нам самые верные сведения о намерениях наиба и обо всем происходящем за Кубанью и, кроме того, постарается передать в наши руки беглых казаков Кавказского линейного войска, служащих первыми вожаками у горцев для скопищ и грабительских партий в наши пределы»⁵⁸⁴.

На этом основании и с разрешения генерала Н.С. Завадовского, полковник Кухаренко разрешил Афанасьеву оставаться за Кубанью, для выполнения своих обещаний. С этого времени, перешедший на сторону русских лазутчик постоянно и тайно встречался с полковником, сообщая «верно обещанные им сведения, а 28 сентября этого же 1853 года, выдал беглого казака Кавказского линейного казачьего войска, именовавшегося у горцев Смелем»⁵⁸⁵. Так деятельность русского лазутчика позволила нейтрализовать опасного врага.

Я.Г. Кухаренко отмечал, что «Афанасьев в продолжение всего этого времени был весьма полезен, и я видел в нем верного и неутомимого агента моего, неутомимо выполнявшего все мои приказания, к чему он имел еще те удобства, что, будучи женат за Кубанью на гречанке, считался уже туземцем и не мог навлекать на себя подозрения в сношениях с нами»⁵⁸⁶.

Провалы людей наиба и неудачи предприятий, осуществлявшиеся со стороны горцев, постепенно привели к тому, что наиб стал подозревать Федора Афанасьева в обмане и приказал установить за ним слежку. Возникшее «сомнение в выдаче изменника Смеля, было возведено на него; хамышейцы, видевшие Афанасьева у берегов Кубани, донесли приближенным Магомет Амина, и его подозревали в сношениях с нами, но для убеждения тайно искали более ясных доводов. Случай скоро представился. В одно время именно с января месяца сего года, Афанасьев ехал ко мне с сведениями, был встречен на пути хамышейским пши Пшекуй

⁵⁸⁴ Там же.

⁵⁸⁵ Там же. Л.19-19 об.

⁵⁸⁶ Там же. Л.28 об.

Крымчерионом (?), имевшим поручение схватить Афанасьева, и он едва успел спастись бегством <...> а родственник его, ехавший к ним же, был ограблен. С этого времени Афанасьеву нельзя было показаться за Кубанью, и его искали уже по приказанию Магомет Амина для смертной казни»⁵⁸⁷. Лазутчик вынужден был остаться на русской стороне.

Ценную разведывательную информацию приносили убежавшие или выкупавшиеся из горского плена солдаты и офицеры, делавшие очень интересные сообщения о горцах и об условиях жизни у них⁵⁸⁸.

Таким образом, необходимо признать, что дипломатия как средство и эффективный инструмент был важной частью реализации общей стратегии в деятельности Кавказского наместника с самого начала его пребывания в данной должности.

Склонность к использованию дипломатии в его кавказском поприще определялась не только её результативностью, но самим характером и личностными особенностями М.С. Воронцова, который более был расположен решать спорные ситуации невоенными средствами.

Дипломатия как продолжение противоборства в условиях вооруженной борьбы с горцами сделалась при наместничестве князя М.С. Воронцова постоянно действующим механизмом системы, плодотворность которой недостаточно учитывали и использовали его предшественники, бывшие ранее во главе кавказской администрации.

М.С. Воронцов не только не избегал, но сознательно искал прямых контактов и встреч с представителями кавказских обществ, желая повлиять на ход их мыслей и дел словом и убеждением.

В контактах с горцами Воронцова интересовали не только влиятельные в имамате люди, входившие в ближайшее окружение имама, но все, кто хоть в какой-то степени обладал авторитетом в горских обществах.

⁵⁸⁷ Там же. Л.19 об., 28-28 об; Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: АИРО-XX, 2002.

⁵⁸⁸ Щербина Ф.А. Указ соч. С.526.

Каждый дипломатический успех князя Воронцова обеспечивал российской стороне рост численности явных или тайных приверженцев и наносил чувствительные удары по авторитету имама Шамиля.

В своих дипломатических усилиях князь Воронцов строго и последовательно следовал предписаниям императора Николая, давая всероссийскому монарху многочисленные доказательства его прозорливости, что по-своему представляло специфический дипломатический прием.

Кроме того, следует отметить, что успехи русского оружия на Кавказе, победный стратегический перелом в нелегком противостоянии с мюридами и всеми другими категориями «немирных» горцев, произошедший в годы наместничества князя М.С. Воронцова в немалой степени опирались и на результативность разведывательного сообщества и той систематической работе, которая велась в данном направлении.

Разведка как средство борьбы за Кавказ наряду с дипломатией оказалась весьма действенным инструментом реализации планов Российской империи в Кавказском крае. Без хорошо поставленной разведывательной работы трудно было бы ожидать тех результатов, которых сумел добиться князь М.С. Воронцов за отпущенное ему время руководства Кавказским корпусом и Кавказским краем.

Исследуя события и процессы, разворачивавшиеся в Кавказском крае, а также действия наместника, заявленные в данной главе, автор сознательно опустил часть связанной с ними проблематики, прежде всего касающейся дел Закавказья, поскольку логика построения работы потребовала перенести её в разделы второй главы.

ГЛАВА 2. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 40-50-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

2.1. Развитие российской административно-правовой системы в условиях кавказских реалий первой половины XIX века

Развитие административно-правовой системы на любой территории опирается на универсальный принцип: она привязана к политическим целям и обеспечивается соответствующими мероприятиями, соотносящимися с общей политической стратегией и направляющей её реализацию политической волей.

В связи с этим, начиная разговор о развитии административно-правовой системы в Кавказском крае, следует подчеркнуть, что ни сама по себе данная система, ни её характер, ни отдельные составляющие её части не могли не происходить вне общих параметров и задаваемых целей как от императора всероссийского.

Правление Николая I было «прямым логическим продолжением второй половины предшествовавшего царствования»⁵⁸⁹, в котором император «поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости с помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами, которые были поставлены в прежнее царствование...»⁵⁹⁰.

Следует, однако, заметить, что хотя «основания правительственного строя остались прежние, но, взявшись руководить громадной империей без всякого участия общества, Николай I должен был усложнять механизм центрального

⁵⁸⁹ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.5. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1989. С. 240.

⁵⁹⁰ Там же. С.241.

управления. <...> Все это время было эпохой необозримого количества комитетов и комиссий, которые создавались для каждого нового государственного вопроса»⁵⁹¹.

В то же время правление императора Николая I пришлось на очень сложный период в мировой (европейской) истории, «когда большинство европейских стран уже вступило в эпоху развитого капитализма»⁵⁹².

Перед российскими властями встала проблема: как с наименьшими издержками интегрироваться в новый мировой порядок; как повести дело так, чтобы все составляющие структуры и части империи соответствовали требованиям и вызовам времени и не ослабляли её растущей мощи.

Император Николай I не считал правильным для данного случая заимствование европейских политических институтов и принципов, будучи убежден в том, что Россия должна развиваться, опираясь на традиционные для неё ценности и институты.

По своему воспитанию и унаследованным традициям император чуждался «общей заразы своекорыстия», путей «коммерческих народов», господства эгоцентрических страстей, отрывавших права человека от его долга и обязанностей»⁵⁹³.

По его мнению, механистический перенос на русскую почву европейских социальных форм было бы большой ошибкой, отвлеченностью и умозрительностью, не имевших «соотнесенности с историческим прошлым и национальными традициями, веками, формировавшими духовные ценности, психологический и бытовой уклад жизни»⁵⁹⁴.

Следует при этом отметить, что высшая власть направляла развитие процессов таким образом, чтобы, в первую очередь, «сохранить неизблемыми государственные устои, встав не на путь здоровой консервативной политики,

⁵⁹¹ Там же. С.244.

⁵⁹² Омельченко Н.А. История государственного управления в России. - М.: Проспект, 2008. С.241.

⁵⁹³ Тарасов Б.Н. Черты правления Николая I // Николай Первый. Рыцарь самодержавия. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С.10.

⁵⁹⁴ Там же.

учитывающей необходимость перемен, а на узкую тропу охранительства»⁵⁹⁵, предопределив роль государственному аппарату жесткого контролера и надсмотрщика над всем.

В отличие от своих предшественников император Николай I «хотел управлять государством лично без привлечения общества, опираясь исключительно на бюрократические учреждения»⁵⁹⁶.

Под влиянием событий 14 декабря и последующих революций в Европе император стал приверженцем использования бюрократически-канцелярских средств, которые позволяли ему держать на максимальном удалении общественные силы в сфере управления государственными делами, добиваясь максимальной централизации государственной власти, замыкающейся на его личной канцелярии.

С целью эволюционного развития политических и социальных структур и выработки «неотложных преобразовательных мер» Николай I произвел кадровый отбор, приблизив к себе М.М. Сперанского и В.П. Кочубея и отстранив от государственной службы так называемых реакционеров предшествовавшего правления – А.А. Аракчеева, М.Л. Магницкого, Д.П. Рунича.

Император Николай стремился преодолеть непоследовательность политики и неопределенность задач предшествующего правления, «покончить с неплодотворным лавированием между самодержавными началами и республиканскими тенденциями»⁵⁹⁷.

В манифесте по случаю венчания на царство от 13 июля 1826 г. объявлялись принципы преобразовательной политики, которой намеревался придерживаться император и которой он ожидал от уполномоченных на то лиц. Там говорилось: «Не от дерзких мечтаний, всегда раздражительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления.

⁵⁹⁵ Омельченко Н.А. Указ. соч. С.242.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Тарасов Б.Н. Указ. соч. С.15.

В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех отверстым, всегда приняты будут нами с благоволением; ибо мы не имеем, не можем иметь другого желания, как видеть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидением ему предназначенной»⁵⁹⁸.

Идейными вдохновителями и проводниками такого подхода вокруг трона были Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский. По их мнению, вся государственная идеология и философия должны направляться на сохранении во всех частях Российской империи «самодержавия как национальной формы государственности»⁵⁹⁹.

С их точки зрения «самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава её она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы»⁶⁰⁰.

«Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина содержала в зародыше ту программу, которая в царствование Николая I была развернута и акцентирована в триаде «православие – самодержавие - народность», и которая была основана на убеждении в том, что общественно-политическая жизнь «не может надлежащим образом устроена без опоры на религиозный фундамент»⁶⁰¹.

Министр народного просвещения С.С. Уваров утверждал, что «без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. <...> Самодержавие составляет главное условие политического существования России.

⁵⁹⁸ Цит. по: Тарасов Б.Н. Указ. соч. С.15-16.

⁵⁹⁹ Омельченко Н.А. Указ. соч. С.243.

⁶⁰⁰ Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. – М.: Грифон, 2012. С.178.

⁶⁰¹ Тарасов Б.Н. Указ. соч. С.18; Карамзин Н.М. Записка о Древней и Новой России в её политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991.

Русский колосс упирается на нем, как краеугольном камне своего величия <...> Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное сознание и с ним развиваться»⁶⁰².

Следовало повсеместно внедрять в умы населения, что «самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для её счастья»⁶⁰³. Эта идея лежала в основании всех императивных требований, которые направляли все стороны административно-правовой деятельности всех администраторов во всех уголках империи.

Возвращаясь к проблеме устройства эффективной административно-правовой системы на Кавказе, следует помнить, что она сама как таковая должна была состояться не только как эффективный инструмент управления одной из имперских провинций, но внедрять в рамках своего социально-культурного и географического пространства дух и принципы российской государственности, имперского подданства, принадлежности великому и могущественному государю.

В подтверждение этого тезиса можно сослаться на слова самого императора Николая I, сказанные им в 1846 г. в приватной беседе с начальником канцелярии кавказского наместника М.С. Воронцова С.В. Сафонову: «Мы не ищем завоеваний, но – прочного устройства там, где владеем, и благосостояния присоединенных к России народов»⁶⁰⁴.

Император был убежден в благостности такого подхода и стремился это убеждение передать всем своим подданным, например, депутатам от поляков, недвусмысленно указав им: «Поверьте мне, господа, принадлежать России есть истинное счастье»⁶⁰⁵.

Император настаивал, чтобы всякий проект административной реформы Кавказского края состоял в том, «чтобы оный связать с Россиею гражданскими и

⁶⁰² Там же. С.23-24.

⁶⁰³ Карамзин Н.М. Указ. соч. С.105.

⁶⁰⁴ Разговор Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. Кн.38. – М., 1892. С.407.

⁶⁰⁵ Цит. по: Выскочков Л.В. Николай I. – М.: Молодая гвардия, 2003. С.246.

политическими узами в единое тело и заставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по-русски»⁶⁰⁶.

После первых шагов российской администрации, начатых в 1801 г. присоединением Восточной Грузии, которые были направлены на установление мер, позволявших если не управлять, то контролировать управление на присоединенных территориях, кавказским начальникам было поручено «укомплектовать присутственные места и другие учреждения чиновниками, которые имели бы все нужные свойства для того, чтобы не только могли управлять новыми подданными, но и заставить полюбить новое управление»⁶⁰⁷.

Система гражданской администрации, которую вводили в жизнь, в своих основаниях соответствовала российским губернским учреждениям, но «которые без особенных чувствительных перемен приблизили бы грузинское население к общегосударственному порядку»⁶⁰⁸.

Присоединение Грузии ставило перед имперскими властями вопрос не только об административно-правовом устройстве новоприобретенной территории, но и о реконструкции общего управления во всем Кавказском крае.

Существовавшая система управления была далека от совершенства – в ней не хватало слаженности в действиях отдельных звеньев, «неясными оставались функции гражданской администрации и прерогативы военных властей»⁶⁰⁹. Ведомственный принцип деятельности вносил в управленческий процесс непонимание, нервозность между отдельными элементами административной машины, напрасную конкуренцию за преобладание вместо взаимной поддержки и сотрудничества. Военные власти в силу преобладания военно-политических обстоятельств не

⁶⁰⁶ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. Часть 1. – М.; Л., 1936. С.280.

⁶⁰⁷ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. Т.1. С.54.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дисс...докт...ист. наук. – Владикавказ, 2004. С.105.

стеснялись действовать без оглядки на власти гражданские, размножая тем самым ведомственную конфликтность, которая очень вредила общему делу.

Наблюдатели-современники тех событий отмечали, что «завелась между обоими управлениями (представителями военного и гражданского ведомств - С.Л.) колкая и неприязненная переписка <...> доклады и доносы от одного лица на другое, поступающие в министерство, требовали решений, от которых еще более увеличивалось несогласие и укреплялась вражда между сими чиновниками»⁶¹⁰.

После смерти П.Д. Цицианова «два генерала (И.В. Гудович и А.П. Тормасов – С.Л.) оспаривали друг у друга право командования», а потому никто не знал, кому повиноваться, а «противоречащие приказания двух властей представляли редкий пример безначалия, открывали неблагонамеренным людям легкий способ угнетать народ»⁶¹¹.

За 10 лет после управления Кавказом П.Д. Цициановым (1806-1816 гг.) сменилось 4 командующих – граф И.В. Гудович, генерал А.П. Тормасов, маркиз Ф.О. Пауллуччи, генерал Н.Ф. Ртищев, но при каждом назначении император Александр Павлович «вспоминал князя Цицианова, признавая его незаменимым»⁶¹².

Все это время полицейское и судебное управление не соответствовали «умонастроению народному и продолжали служить источником всеобщего ропота»⁶¹³.

В ход событий пришлось вмешиваться Комитету министров, который постановил, что при складывающихся обстоятельствах, «удобнее было бы поручить <...> губернии военному начальству, которым в военное время зависеть бы по военной только части от главнокомандующего в том краю армией»⁶¹⁴.

⁶¹⁰ Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. – СПб, 1829. С.176.

⁶¹¹ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.60.

⁶¹² Там же.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.21. Л.215.

Кроме того, военное управление снимало часть издержек правительства, потребных для поддержания сносных бытовых условий жизни гражданских чиновников в Кавказском крае. Гражданское ведомство не могло решить многие задачи в данном деле, чтобы, например, изжить «недостаток порядочных домов для жизни», а также то обстоятельство, из-за которого «по отдаленности края все привозимое продается дороже, а жалование производиться менее»⁶¹⁵ для местных чиновников.

После проведения в 1818 г. сенаторской ревизии Кавказского края (сенаторы Б.А. Гермес и Д.Б. Мертваго) была составлена «Записка», в которой «подчеркивалась целесообразность дальнейшего приспособления кавказской администрации к политической обстановке, складывавшейся на Кавказе»⁶¹⁶.

Авторы «Записки», считали, что «нравы и образ жизни людей, в Кавказской губернии обитающих, имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях»⁶¹⁷.

Генерал А.П. Ермолов также высказывался за уничтожение существующих в уездах земских судов и предлагал вместо них образовать окружные управы, которые бы находились под непосредственным контролем особых окружных начальников⁶¹⁸.

В первые десятилетия XIX в. горские народы Кавказа лишь незначительно вовлекались в систему имперского административно-правового управления. Например, в Осетии по предложению генерала А.П. Ермолова была создана структура, близкая волостному правлению, в которую входили старшины и другие, пользующиеся авторитетом лица⁶¹⁹. Они

⁶¹⁵ Цит. по: Блиева З.М. Указ. соч. С.132.

⁶¹⁶ АКАК. – Тифлис, 1874. Т.VI. Ч. I. С.579.

⁶¹⁷ АКАК. Т. VI. Ч. II. С.610-611.

⁶¹⁸ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Ессентуки, 1999. С.83.

⁶¹⁹ Лисицына Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С.212.

должны были разбирать споры и конфликты среди местного населения. Надзор за управлением возлагался на военного чиновника, который в свою очередь подчинялся командующему Кавказской линии.

На мирных и подконтрольных российским властям территориях Чечни был назначен пристав, которому вменялось в обязанность следить за настроениями, царящими в чеченских обществах, участвовал в разборе споров, наблюдал за муллами.

На кабардинских территориях была введена должность начальника Кабарды, который одновременно командовал Кабардинской линией, созданной в 1822 г. Кабардинский суд мехкеме был заменен Временным судом для разбора гражданских дел. Уголовные преступления рассматривались в военных судах. Временный суд находился в ведении начальника Кабардинской линии, а его члены назначались российской администрацией⁶²⁰.

Во все века победители всеми способами, в том числе с помощью изменения правовых устоев на покоренной территории, стремятся закрепить свой доминирующий статус, своё владычество. Методы различны. Если территория очищается от туземцев и заселяется колонистами, закреплять новое положение вещей относительно легко. Если территория покоряется, а местное население остается и составляет этническое и конфессиональное большинство, приходится использовать иные механизмы, чтобы навязывать и удерживать своё доминирование.

Одним из наиболее частых инструментов закрепления нового положения вещей выступала силовая адаптация местного нормосуществования в правовую систему победителей. Если этого не удавалось добиться за какой-то промежуток времени (он не мог быть слишком большим, иначе победители рисковали потерять плоды своих ратных побед), старая правовая система силовыми и организационными средствами вытеснялась из обыденного правового поля автохтонов со всеми вытекавшими из этого издержками для обеих сторон.

⁶²⁰ Там же. С.213.

На Кавказе этого никогда не удавалось добиться в полной мере и окончательно. К тому же, по мнению А.Н. Маремкулова, использование тех или иных способов напрямую и во многом зависело, например, от международной обстановки. При обострении отношений с сопредельными к Кавказу державами «царское самодержавие имело явное направление в сторону мирных средств ориентирования народов <...> к России, при усилении международного авторитета Российской империи политика по отношению к местному населению активизировалась, как правило, выражалась в преобладании силовых средств освоения региона»⁶²¹.

Оценивая действенность принимавшихся мер и способов утверждения административно - правового воздействия со стороны имперских властей в кавказском регионе, следует согласиться опять же с мнением А.Н. Маремкулова, который отмечает, что «военный способ был более привлекателен для представителей самодержавия на местах, т.к. позволял достигать быстрого результата. Однако эти результаты были скоротечными и неосновательными. Любые мероприятия, проводимые с использованием силы, местное население воспринимало с ярко выраженным недовольством»⁶²².

Подготовительные работы по введению нового порядка управления в Грузии и вызов из России «опытных чиновников, посредством которых должна была двинуться многосложная машина организованной администрации» вынуждена была достаточно продолжительное время вести гражданские дела по грузинскому уложению царя Вахтанга VI «яко по коренному грузинскому закону и грузинским обычаям»⁶²³.

В тех случаях, когда местное законодательство было недостаточным или неполным для должного управления разнородными общественными отношениями,

⁶²¹ Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII- XIX вв.: историко-правовой аспект. – Ростов-на-Дону, 2005. С.292.

⁶²² Там же.

⁶²³ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.55.

руководствовались соответствующими российскими законами. Так наиболее чувствительная к переменам и связанная с правовыми новациями сфера уголовных дел решалась по общим, действующим в России узаконениям.

Эта сфера была наиболее важной для имперских властей, т. к. через посредство уголовно-правовых узаконений проводилось имперское видение должного и потребного в общественной жизни кавказской окраины Российского государства, внедрялись новые ценностные критерии общественного существования.

В то же время имперские власти были достаточно гибкими в своей деятельности. Главному в Грузии правителю «в порядке применения русских законов предоставлено было допускать изменения сообразно понятиям народа, однако не иначе, как с Высочайшего каждый раз утверждения»⁶²⁴.

В основания преобразовательных усилий был положен принцип избирательности для того, чтобы постепенно добиться «перемены нравов и обычаев азиатских»⁶²⁵. Потому несоответствие правовых норм местного населения нормам имперского законодательства порождало много проблем и могло в целом парализовать деятельность вводимых административных учреждений и судов.

Например, как писал С.С. Эсадзе: «Учреждение экспедиций и земских судов со всею формальностью присутственных мест в России, перенос дел по инстанциям и направление их в различные учреждения – все это было крайне чуждо и обременительно для народа, который не привык к такому медленному процессу, для которого слово «закон» и не могло иметь общепринятого в России значения, т.к. он искал суда не в суде, но у начальника, власть которого, а вместе с тем и уважение к нему соизмерял с важностью занимаемого звания»⁶²⁶.

Слабой стороной нового управления было обоюдное незнание языков. Чиновники как высших, так и низших

⁶²⁴ Там же. С.56.

⁶²⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп.1. Д.951. Л.185.

⁶²⁶ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.56.

учреждений не знали туземных языков, а местное население не знало русского языка. По этой причине, а также вследствие недостатка переводчиков «члены присутственных мест из грузин в решении дел не могли принимать участия, а подписывали лишь приговоры, не зная их содержания»⁶²⁷.

В свою очередь «производство по Вахтанговому уложению и грузинским обычаям соблюдаемо быть не могло, потому что не было составлено соответствующего руководства <...> чиновники, не только стоявшие близко к народу, на обязанность которых возлагались полицейский суд и расправа <...> не имели понятия ни об уложении Вахтанга, ни о туземных обычаях и вовсе не знали языка, духа и характера управляемого населения»⁶²⁸.

Данные обстоятельства приводили к проволочкам и злоупотреблениям со стороны чиновников и негодованиям со стороны местных жителей, привыкших к быстрому вынесению судебных решений и приведению в исполнение наказаний. В продолжение длительного времени полицейское и судебное управление не соответствовали «умонастроению народному, продолжали служить источником всеобщего ропота»⁶²⁹.

Неожиданной стороной административных недоразумений стало возникновение распрей между грузинскими князьями и назначенными российскими властями капитан - исправниками. Грузинские князья привыкли соизмерять важность начальства «по важности лица ими повелевающего; что слово закон не имеет для них никакого смысла и что они стыдятся повиноваться капитан — исправнику, родом и чином незнатному»⁶³⁰.

В мусульманских провинциях Закавказья имперские власти также испытывали немало сложностей при осуществлении административной деятельности, а потому считали за лучшее первоначально сохранять права местных ханов и владетелей, позволяя им распоряжаться своими наследственными уделами. Российское правительство не

⁶²⁷ Там же.

⁶²⁸ Там же. С.57.

⁶²⁹ Там же. С.60.

⁶³⁰ Там же. С.58.

вмешивалось в дела своих вассалов, «ограничив лишь их власть запрещением применять суровые уголовные наказания и истязания»⁶³¹.

Затем, для укрепления там имперских позиций и придания большей эффективности и порядка, было введено управление военно-окружных начальников, назначаемых из военных штаб-офицеров, а сами мусульманские провинции подразделялись на магалы и санджаки.

В зависимости от этих начальников находились коменданты, управлявшие санджаками. «При коменданте находился его помощник (тоже из военных), полицмейстер и помощник (оба из татар) и смотритель за хозяйством провинции или казенный эконо́м, наблюдавший за конфискованными от беков именьями. Провинциальное казначейство и провинциальный суд, в котором под председательством коменданта присутствовали четыре заседателя: два - из беков и два – из низшего сословия, причем один избирался из татар, а другой – из армян»⁶³².

Закавказские владения в царствование императора Николая I с 1829 г. в административном отношении были разделены на части: 1) Грузия подразделялась на 6 уездов; 2) выделялись 5 татарских дистанций (Борчалинская, Казахская, Шамшадильская, Помбакская, Шурагельская); 3) семь провинций: Карабагская, Шекинская, Ширванская, Бакинская Кубинская, Дербентская, Ахалцихская; 4) четыре области: Имеретинская, Мегрельская, Гурийская и Армянская; 5) ханство Талышское; 6) земли разных горских народов вдоль Главного Кавказского хребта и земля Джарского вольного общества, из которой была образована Джаро-Белоканская область. Сверх того, под надзором российских властей управлялись собственными владельцами Абхазия, Сванетия, а в Дагестане – шамхальство Тарковское и ханства Казикумухское, Аварское и Мехтулинское⁶³³.

⁶³¹ Там же. С.59.

⁶³² Там же. С.65.

⁶³³ Там же.

В то же время все административно-правовое устройство Закавказья имело вид временности и непрочности. Первые главноуправляющие, чье внимание отвлекали военные действия против непокорных горцев или противоборство с Османской Портой и Персией, «предоставляли управление краем правителям и частным начальникам, руководствовавшимся не по положительным законам, а собственным усмотрениям»⁶³⁴.

Везде царила странная смесь русского образа правления с грузинским и мусульманским, не было единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе.

Граф И.Ф. Паскевич в 1830 г., оценивая ситуацию, высказал императору свою обеспокоенность, указав ему на то, что «от этого происходит, кроме запутанностей и неудобств, ещё и другой немаловажный вред: народ, видя одни временные распоряжения, приучается сомневаться в прочности русского правления и не доверять самым благодетельным мерам правительства, не понимая обстоятельств, препятствовавших к исцелению этого гражданского недуга»⁶³⁵.

Такое положение дел, сопровождавшееся многими злоупотреблениями, провоцировало во всех слоях населения сильное недовольство против правительства и сильно препятствовало сближению с Россией.

Лучший выход из сложившейся ситуации, по мнению все того же И.Ф. Паскевича, состоял во введении во всех Закавказских провинциях русского образа управления и законов и отмены военного суда в делах гражданских.

Это позволило бы повернуть ход событий в пользу русского государства, поскольку «находясь под покровительством одних законов, пользуясь одинаковыми преимуществами, они менее будут отчуждены от прочих частей государства; между тем как старые обычаи, образ прежнего управления и тот же порядок – все напоминает им отдельное их существование и различие от русских»⁶³⁶.

⁶³⁴ Там же. С.66.

⁶³⁵ Там же.

⁶³⁶ Там же.

Кроме того, по мнению прославленного кавказского генерала, военное управление замедляло образование и ход просвещения. «Напротив того, управление гражданское скорее умягчит нравы и вернее приучит к познанию взаимных отношений, общественных обязанностей и законов»⁶³⁷. Такого же мнения придерживались сенаторы П.И. Кутайсов и Б.И. Мечников, ревизовавшие по повелению императора Закавказский край.

И.Ф. Паскевич правильно определил болевую точку в административно-правовых усилиях со стороны кавказских властей, которая сделалась трудно преодолимым препятствием не только в их повседневной деятельности, но не позволяла (тут следует повториться) добиться главной цели и исполнить волю императора – «связать с Россией гражданскими и политическими узами в единое тело и заставить жителей говорить, мыслить и чувствовать по-русски»⁶³⁸.

Проект И.Ф. Паскевича, рассматривавшийся в Государственном Совете и в особом комитете, не был осуществлен потому, что сам инициатор был направлен в Польшу, а назначенный в Грузию главным начальником барон Г.В. Розен «отвергал возможность введения в Закавказье русского гражданского управления и ходатайствовал об оставлении военного управления»⁶³⁹.

Не переменяла ситуации даже совершенная в 1837 г. императором Николаем I инспекционная поездка по Кавказскому краю, которая была направлена на то, что «Государь Император, предположив обозреть в течение наступающей осени Кавказскую и Закавказскую области, между прочими видами <...> изволил иметь целию присутствием своим в тех местах положить прочное основание к успокоению Кавказских Горских племен и к устройству будущего их благосостояния наравне с прочими народами, под

⁶³⁷ Там же. С.67.

⁶³⁸ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. Часть 1. – М.; Л., 1936. С.280.

⁶³⁹ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.67.

благословенным скипетром Его Величества
благоденствующими»⁶⁴⁰.

В российском правительстве сталкивались два подхода в отношении к управлению Кавказом. Первый подход требовал, чтобы на Кавказ смотрели, как на Индию или Америку, то есть колонию, «богатую ресурсами, но населенную людьми, неспособными к их освоению»⁶⁴¹. Выразителем такого мнения в правительственных сферах был Е.Ф. Канкрин. В соответствии с этим «колониалистским» взглядом и предлагалось выстраивать отношения России с кавказской колонией, населенной «полудикими племенами»⁶⁴², и преследовать две колониальные цели: превращение региона в рынок сбыта и источник сырья для российской промышленности.

А.М. Зулъкарнеев считает, что «отношение Канкрин к Закавказью укладывается в его понимание целей экономического развития империи»⁶⁴³, в основании которого лежала «идея сильного государства»⁶⁴⁴.

В связи с этим, присоединение Закавказья, «оказывается не желаемым фактором развития империи, а новым обстоятельством, угрожающим финансовому благополучию империи <...> Выход министр видел в установлении «колониальных» отношений между центром и периферией и поддержанием строгого контроля над финансами «колонии»»⁶⁴⁵.

Другое отношение к Кавказу отстаивал генерал Г.В. Розен, считавший, что «улучшений и усовершенствований для здешнего полудикого края» предстоит множество, но взгляд на

⁶⁴⁰ Цит. по: Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.151.

⁶⁴¹ Зулъкарнеев А.М. Закавказье для России: «колония» или губерния? Имперские проекты освоения региона 1820-30-х гг. // Уральское Востоковедение. – 2008. №3. С.74-83.

⁶⁴² История внешней политики России. Первая половина XIX века. – М., 1999. С.216.

⁶⁴³ Зулъкарнеев А.М. Указ. соч. С.74-83.

⁶⁴⁴ McKenzie, Walter Pintner. Russian Economic Policy under Nicholas I. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1967. P.20.

⁶⁴⁵ Зулъкарнеев А.М. Указ. соч. С.74-83.

Кавказ как на Индию или Америку есть преувеличение⁶⁴⁶. Одновременно Г.В. Розен выступал против установления финансовой централизации и введения в крае общеимперских порядков. По его мнению, основное внимание надо было уделять сохранению лояльности населения Кавказа, не переделывать, а приспособлять существовавшие там традиционные административно-правовые и хозяйственные структуры к имперским нуждам, установив над ними должный контроль⁶⁴⁷.

Кроме того, существовал проект создания Российской Закавказской Компании (РЗК), выдвинутый частной инициативой, - проект А.С. Грибоедова и П.Д. Завилейского⁶⁴⁸.

Авторы убеждали начальствовавших в Закавказье лиц, «что для лучшего успеха в деле государственного хозяйства необходимы соединенные усилия правительства и частных людей. Некоторые же лица, действуя отдельно, мало или вовсе не могут содействовать намерениям мудрого правительства, а тем более, здесь, где нет ни значительных капиталистов, ни людей по торговле и промышленности предприимчивых и стремящихся на частных выгодах основать общественные»⁶⁴⁹.

Предполагали задействовать частных лиц в дело колонизации кавказского региона, способных выступить экономическими агентами, которые, «ревнуя благу общему», могли бы освободить государство от значительных затрат и освоить природные ресурсы земли, «в изобильных провинциях по сю сторону Кавказа лежащих»⁶⁵⁰.

Экономическая деятельность РЗК могла бы помимо получения прибыли от разработки природных ресурсов и торговли, способствовать культурному развитию региона,

⁶⁴⁶ Цит. по: Захарова О.Ю. Генерал фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М., 2001. С.324.

⁶⁴⁷ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60 годы XIX века. С.20.

⁶⁴⁸ Грибоедов А.С. Записка об учреждении Российской Закавказской компании и Вступление <к проекту устава> // Сочинения в двух томах. Т.2.– М.: Изд-во «Правда», 1971. С.90-114.

⁶⁴⁹ Там же. С.90.

⁶⁵⁰ Там же.

преодолению его населением «азиатского» характера и интеграции в состав империи посредством неизбежного сближения с российскими колонистами.

Более того, по мнению А.М. Зилькарнеева, авторы представленного проекта предполагали, что «РЗК может рассматриваться как временное масштабное предприятие, основной целью которого было экономическое процветание Закавказья», которое в свою очередь сделалось бы «основой для духовного и политического развития Закавказья как части Российской империи»⁶⁵¹.

А.С. Грибоедов и П.Д. Завилейский уверяли, что РЗК «далека от того, чтобы вредить другим производителям; ибо не токмо не намерена сохранять в тайне употребляемые ею средства усовершенствования разных родов промышленности, но напротив того доступ открыт будет всякому желающему освоиться с предметами ее упражнений; а сами акционеры могут отдавать людей своих в ее же заведение для изучения ремесел общепользных. <...> Все сие нечувствительно изменит нынешний род жизни туземцев, заставит искать их утонченных, более изысканных приятностей, и породит в них новые понятия»⁶⁵².

Кроме того, «таким только образом исчезнут предрассудки, полагавшие резкий рубеж между нами и подвластными нам народами, и сие будет совершенно соответствовать высшим видам наших человеколюбивых монархов, равно благотворящих всем своим подданным, какой бы они нации ни были»⁶⁵³.

Справедливости ради здесь следует подчеркнуть, что данное начинание было обречено на неудачу и почти не имело шансов к осуществлению. Главной причиной в то время выступала не столько недостаточная подготовленность самого проекта, но существовавшее недоверие со стороны официальных кругов николаевской России к любым общественным инициативам.

⁶⁵¹ Зилькарнеев А.М. Указ. соч. С.74-83.

⁶⁵² Грибоедов А.С. Указ. соч. С.108.

⁶⁵³ Там же. С.113.

16 декабря 1839 года, когда был образован Комитет по обустройству Закавказского края, в Петербурге окончательно пришли к решению и определили свое отношение к кавказскому региону, как к части России.

Теперь, исходя из такой данности, следовало, в первую очередь, внедрять в местную гражданскую жизнь монархические начала Российской империи и направлять «все свои усилия к доставлению жителям всех сословий, в общественном и частном быту, всех тех выгод и преимуществ, коими пользуются жители империи»⁶⁵⁴.

В целом Главное управление Закавказским краем при этом должно было учитывать потребности и обычаи местного населения и утвердить среди народов Кавказа «непоколебимую преданность Престолу, доверие и уважение к правительству и властям, им поставленным»⁶⁵⁵.

Однако десятилетия, прошедшие со времени официального вхождения Грузии в состав Российской империи, не привели в надлежащий порядок грузинские дела и не приблизили к намеченной цели. Состояние было таким, что «внутри новоприобретенных провинций мятежи от введения иного порядка, небывалых прежде соотношений, взыскательности начальства, желавшего скорого исполнения, послушания, дотоле неизвестных, и вообще перемен, которым никакой народ добровольно не подчиняется»⁶⁵⁶, распространялись повсеместно.

Больше того, многолетнее присутствие России на Кавказе не только не уменьшило, но ежегодно умножало разнородные проблемы, в которых все более запутывались и терялись концы возможных решений. «Житель закавказский не имел времени думать об улучшении своего хозяйства; дом его, домашняя утварь, упряжь, арба, скот и почти все недвижимое имущество ежеминутно могли быть потребованы для нужд общественных, при движении войска и пр., и он наконец не

⁶⁵⁴ Наказ Главному управлению Закавказским краем. – СПб., 1842. С.9; Захарова О.Ю. Указ соч. С.325.

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ Грибоедов А.С. Указ. соч. С.98.

только не простирали видов своих на будущее время, но и настоящем равнодушно смотрел на свою собственность»⁶⁵⁷.

И, хотя негативной предопределенности не существовало, в решении преобразовательных усилий на Кавказе стали множиться факторы, мешавшие сосредоточенной работе, уполномоченным для этого людям.

Комитет по устройству Закавказского края опасался потери управляемости краем, если будет форсирован процесс резкого слома уже существовавшей административно-правовой системы, в которой преобладали военные способы управления и покровительства в совокупности переходных форм с местными правовыми и административными установлениями.

Министр финансов граф Е.Ф. Канкрин предлагал проводить изменения постепенно, поскольку «не питал иллюзий относительно быстрого вращивания местного населения в традиционную для русских экономику и культуру»⁶⁵⁸. Он считал, что «жители этого края еще не скоро смогут слиться с обывателями прочих частей России»⁶⁵⁹.

Министр финансов поддержал и министр юстиции Д.В. Дашков, который высказывал необходимость проявлять предосторожность в области функционирования устоев частного права. Д.В. Дашков считал, что «изменения этих вековых отношений введением новых начал частного права было бы крайне опасно без подробного и обстоятельного исследования тех правил, которыми жители ныне руководствуются, степени привязанности к ним народа и различия с русскими началами»⁶⁶⁰.

Все последующие до середины 40-х гг. XIX в. усилия в данном направлении не успели переломить ситуации, так как страдали большим пороком – не сумели согласовать преобразования с местными особенностями и нуждами населения.

⁶⁵⁷ Там же. С.99.

⁶⁵⁸ Лисицына Г.Г. Указ. соч. С.218.

⁶⁵⁹ Цит. по: Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков. – Баку, 1966. - С.109.

⁶⁶⁰ Там же. – С.110.

Взявшийся за дело административно-правового преобразования Закавказского края по лекалам имперских оснований барон П.В. Ган, не только не устранил многочисленных несообразностей, но, как то подметил С.С. Эсадзе, совершенно забыл в своем проекте о мусульманском праве и многотомных его толкованиях, известных под названием шариата⁶⁶¹.

Барон П.В. Ган вместе с генералом Е.А. Головиным, бывшим главным начальником на Кавказе вместо отстраненного барона Г.В. Розена, оболестили Николая I своим проектом. Они доносили ему, что «новое образование Закавказского края не есть для него только основа счастливой будущности: это есть полное здание, под покровом коего должны развиться могучие умственные и нравственные способности закавказских Ваших подданных, также богатство обитаемой ими страны и просвещение, незаряженное нечистой примесью идей нашего века»⁶⁶².

Долгожданное решение обрадовало императора. Николай I в наставлении главному управляющему Кавказом писал: «Я убежден, что составленный после многих изысканий и при непосредственном участии вашем проект вполне соответствует особенным обстоятельствам и гражданскому быту жителей за Кавказом. Твердая и непременная воля моя состоит в том, чтобы верноподданные мои за Кавказом воспользовались на самом деле всеми благами последних моих попечений и дарованного им промыслом Божиим счастья принадлежать к составу обширного царства русского. К сей цели обязаны вы устремить все ваши усилия»⁶⁶³.

Во главе Кавказского края оставался Главноуправляющий, чьи права и обязанности приравнивались к генерал-губернаторским. Кроме того, учреждался Совет Главного управления края, в состав которого входили Главноуправляющий как его председатель, военный губернатор и пять членов совета, назначаемых императором.

⁶⁶¹ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.73.

⁶⁶² Там же. С.75.

⁶⁶³ АКАК. Т.IX. С.23.

Губернское правление состояло из гражданского губернатора, губернское правление, в котором губернатор был председателем, казенная палата, палата государственных имуществ, палата уголовного и гражданского суда, губернский прокурор, его помощник, губернский землемер.

Уездное правление включало уездного начальника с помощником, учреждался уездный суд и казначейство, назначался уездный стряпчий, врач и землемер. Непосредственными исполнителями всех распоряжений начальства и блюстителем народной жизни были участковые заседатели (3-4 на уезд)⁶⁶⁴. В каждый город назначался городничий.

На введение нового «Учреждения для управления Закавказским краем» были потрачены огромные средства, но когда закончились торжества и щедро розданы награды, оказалось, что число чиновников и дел в судах увеличилось вдвое, а расходы на содержание штатов превышали доходы всего края⁶⁶⁵. Формализм опутал всю правительственную систему. Например, никто не мог подать просьбу уездному начальнику, минуя участкового заседателя и так по всей иерархии ведомств.

Местное население мусульманских провинций края бойкотировало новые суды, введенные новым «Учреждением», так как туземцы не понимали и не принимали нового порядка судопроизводства, отличавшегося «классическим формализмом и волокитой»⁶⁶⁶.

Особенно сильное сопротивление вызвали мероприятия по замене натуральных повинностей с податного населения денежной их формой с общим ростом обложения⁶⁶⁷. В отдельных районах Закавказья нововведения «Учреждения» даже вызвали необычайный ропот, вылившийся в волнения и беспорядки, которые пришлось подавлять силой, что, в свою очередь, не могло способствовать сближению с империей.

⁶⁶⁴ ПСЗРИ – II. Т. XV. №13368.

⁶⁶⁵ Лисицына Г.Г. Указ. соч. С.219; РГИА. Ф.1268. Оп.26. Д.1. Л.116.

⁶⁶⁶ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.76.

⁶⁶⁷ РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.169. Л.18-21.

Барон П.В. Ган пренебрег всеми предназначенными ему предостережениями, в том числе и в свое время высказанные А.С. Грибоедовым, который предупреждал о пагубности навязывания «здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто не понимает и не принимает. <...> Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном же не прибегайте ни к какому насилию»⁶⁶⁸.

Реформы барона П.В. Гана не произвели в крае того «единодушного восторга», о котором ранее свидетельствовал сам барон. «Многое из учрежденного им, на деле оказалось несоответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении». Другое, «противное нравам и навыкам жителей, возбуждало ропот, вящие неустройства партия приверженцев старого порядка полагала всемерные преграды введению нового, частью из личных видов, народу, лишенному прежней быстрой азиатской расправы, опутанному неизвестными и чуждыми ему формами, подверженному новым притеснениям, стало еще хуже и тяжелее»⁶⁶⁹.

Генерал Е.А. Головин, бывший в это время главноуправляющим на Кавказе, по мнению М.А. Корфа, «человек нерешительный, слабый, игралище партий, вместо энергического рассечения Гордиев узлов, являлся везде или орудием чужих страстей, или бездейственным зрителем»⁶⁷⁰.

С другой стороны и сам барон П.В. Ган, «в бытность свою на местах, тщеславною своею надменностью, возбудил против себя все умы и не оставил по себе никакой хорошей памяти»⁶⁷¹.

В кавказской администрации открылась внутренняя и подспудная борьба амбиций. Начались сплетни, секретные и гласные доносы, официальные протесты и впоследствии

⁶⁶⁸ Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.353.

⁶⁶⁹ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа...С.40.

⁶⁷⁰ Там же.

⁶⁷¹ Там же.

нарекания сделались обоюдными потому, что барон П.В. Ган в свою защиту стал обвинять генерала Е.А Головина.

Неудачи преследовали российскую администрацию не только на гражданском, но и на военном поприще. Р.А. Фадеев, объясняя неудачи российской стороны, указал на обстоятельство, которого не ожидали увидеть преобразователи Кавказа. Он писал: «Особенности Кавказской войны были так резки и многочисленны, что постоянно смущали опытейших генералов, заслуживших справедливую репутацию в европейских войнах»⁶⁷².

Все эти жалобы, слухи, изветы при явной безуспешности нового порядка за Кавказом и при неудаче, сверх того, военных действий в северной части Кавказа, не могли не обратить на себя тревожного внимания императора Николая. Барон М.А. Корф свидетельствовал, что дело сделалось столь напряженным, что «государь покушался снова ехать на Кавказ»⁶⁷³, но после раздумий и консультаций со сведущими людьми послал туда князя А.И. Чернышева, как председателя Закавказского комитета и статс-секретаря М.П. Позена, как главного редактора всех новых положений, вводившихся в регионе.

Князь А.И. Чернышев и статс-секретарь М.П. Позен были расположены к барону П.В. Гану, а потому старались помочь ему. Кроме того, в этом деле просматривалась и прямая их заинтересованность, так как все проекты, вводившиеся бароном П.В. Ганом, были составлены статс-секретарем и одобрены председателем Закавказского комитета. Все их старания, однако, были напрасны, и П.В. Ган, при всей своей ловкости, безвозвратно упал в глазах императора. Его уволили не только от кавказских дел, но от службы вообще. Император считал себя обманутым П.В. Ганом, а потому не мог простить ему этого.

Николай I приказал «производство дел, требующих новых законодательных мер, сосредоточить в VI отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии

⁶⁷² Фадеев Р.А. Указ. соч. С.129-130.

⁶⁷³ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа...С.41.

(СЕИВК), откуда обрабатываясь под ближайшим надзором его величества, они будут обращаться в тот же комитет, или для окончательного постановления, или же для предварительного только соображения и внесения потом в Государственный Совет»⁶⁷⁴.

Император был вынужден взять ведение дел в Закавказском крае под свое личное покровительство в надежде придать его ходу такое течение, при котором все изветы и чиновничьи пристрастия не смогли бы увести с путей разрешения стоявших там задач. Ко всему прочему - «это делается в видах скорейшего водворения в Закавказском крае прочного устройства, соответствующего его обстоятельствам и действительными потребностями его жителей...»⁶⁷⁵.

По мнению А.М. Зилькарнеева, неудачи, которые преследовали российские власти в Закавказье происходили от того, что для авторов многочисленных проектов «первостепенное значение имели разные аспекты взаимодействия с элитами и народами Закавказья: финансовый, военный, культурный или экономический. Проблема в том, что идеи отдельных чиновников не были гармонизированы и встроены в последовательную стратегию в отношении региона. У империи не было идеологии отношений со своей периферией»⁶⁷⁶.

Однако вряд ли такая идеология была возможна в ту пору, в силу того, что первостепенной задачей и основанием имперской сущности были сохранение стабильности и устоявшегося порядка в империи⁶⁷⁷.

Кроме того, большим препятствием был сложный и многоуровневый характер самого кавказского социально-культурного пространства, который долгое время не позволял уполномоченным представителям имперских властей составить номенклатуру и иерархию хотя бы основных интересов и приоритетов имперской политики в регионе.

⁶⁷⁴ Там же. - С.50.

⁶⁷⁵ Там же.

⁶⁷⁶ Зилькарнеев А.М. Указ. соч. С.74-83.

⁶⁷⁷ Rhineland A.L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. – Montreal & Kingston: McGill-Queens University Press, 1990. P.134.

Сложность управления и обременительность руководства Кавказом вынудили императора вспомнить опыт его предшественников, использовавших для проблемных регионов особенную административную форму – наместничество. Этот институт был достаточно успешно опробован ещё в правление Петра Великого в Ингерманландии и Екатериной II после раздела Польши в западных территориях и Новороссии. На Кавказе впервые наместничество было учреждено императрицей Екатериной II в 1785 г. Главной задачей этого института стало усиление оснований российского влияния в Кавказском крае. Этому немало способствовала деятельность первых наместников екатерининской поры – П.С. Потемкина и П.А. Текелли.

В «Наставлениях губернаторам» недвусмысленно подчеркивалось, что «все целое не может быть отнюдь совершенно, если части его в беспорядке и неустройстве пребудут. Главные же части, составляющие целое Отечество наше, суть губернии, и они самые те, которые более всего исправления требуют»⁶⁷⁸.

Общее же наблюдение за сословиями и направление администрации «сообразно видам высшего правительства»⁶⁷⁹ предписывалось предоставить государеву наместнику, которого, в свою очередь, было велено «поставить под непосредственное наблюдение императорского величества и Сената»⁶⁸⁰.

Наместнику вменялось «строгое и точное взыскание чинить со всех ему подчиненных мест и людей, об исполнении законов и определенного их звания и должностей», поскольку «попечение об исполнении законов составляет сущность генерал-губернаторской должности»⁶⁸¹.

Генерал-губернатор (наместник) должен был пресекать «всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать излишество, беспутство,

⁶⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (в дальнейшем ПСЗРИ). Т.16. №12137.

⁶⁷⁹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т.1. – СПб., 1899. С.306.

⁶⁸⁰ Там же.

⁶⁸¹ Там же.

мотовство, тиранство и жестокости; генерал-губернатор должен вступаться за всякого, кого по делам волочат, останавливать исполнение несправедливых решений, донося о том сенату, а в важных случаях – императорскому величеству; должен принимать меры в случаях голода и недостатка жизненных припасов; в местах пограничных должен охранять государственную безопасность»⁶⁸² и многое другое, что касалось органа главного надзора над губернскими установлениями.

Генерал-губернатор или «государев наместник» был призван возглавлять управление одной или нескольких губерний, составлявших наместничество. При необходимости генерал-губернатор получал также полномочия командующего войсками военного округа⁶⁸³. Исторические обстоятельства того времени придали должности наместников такой оттенок, вследствие которого она не могла остаться обыкновенным губернским установлением.

Для выяснения характера этой должности, по мнению А.Д. Градовского, необходимо было прояснить характер и сущность самого понятия надзор, поскольку надзор имеет обширное и разнообразное значение.

Известный российский правовед считал, что разнообразие это зависит от степени власти органов надзора. Он указывал, что «надзор может ограничиваться наблюдением за формальным соблюдением закона и выражаться в праве протеста против незаконных постановлений присутственных мест»⁶⁸⁴. Такой надзор в Российской империи осуществляли прокуратуры.

Иной вид надзора заключался «в наблюдении за правильным и однообразным применением закона и за самими действиями разных должностных лиц, с правом останавливать своею властью решения присутственных мест и отрешать чиновников, не заслуживающий доверия правительства»⁶⁸⁵.

⁶⁸² Там же. С.307.

⁶⁸³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С.144.

⁶⁸⁴ Градовский А.Д. Указ. соч. С.307.

⁶⁸⁵ Там же. С.308.

Такой властью был облечен губернатор, как «хозяин губернии». А.Д. Градовский подчеркивал, что такой надзор «не выходит из круга губернских учреждений, он есть главный местный надзор. Цель его – единство местной администрации»⁶⁸⁶.

Наконец, «надзор может иметь в виду соглашение всей деятельности административных мест с видами высшего правительства; он выражается в руководстве местной администрации путем общих предписаний, циркуляров, в разрешении сомнений, возникающих в подчиненных установлениях, в принятии чрезвычайных политических мер»⁶⁸⁷. В России права этого надзора принадлежали Сенату и министерствам.

А.Д. Градовский считал, что характерная особенность должности генерал-губернатора состояла в том, что надзор, учрежденный в лице государева наместника, соединял в себе права главного местного и общегосударственного надзора⁶⁸⁸.

Ещё губернская реформа 1775 г. наделяла наместника чрезвычайными полномочиями, так как он становился представителем высшей политической власти на поднадзорной территории и подчинялся только непосредственно императору. Наместник был главой местной администрации, осуществлял общий надзор за всем аппаратом управления и суда, чиновниками и сословными органами генерал-губернаторства. Формально не вмешиваясь в судопроизводство, он мог оказывать давление на судебные решения, останавливать исполнение приговоров⁶⁸⁹.

Генерал-губернаторы (наместники), по мысли Екатерины II, становились центральными фигурами в системе государственного управления. Императрица с их помощью стремилась укрепить вертикаль государственной власти, что должно было способствовать «лучшему исполнению законов, пресечению беспорядков на местах и дальнейшему развитию

⁶⁸⁶ Там же.

⁶⁸⁷ Там же.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ Ерощкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. С.120.

местного самоуправления»⁶⁹⁰. Екатерине II важно было иметь хороших местных правителей.

Придавая столь большое значение улучшению системы управления в стране, в Петербурге понимали, что многое будет зависеть от лиц, которым будет поручаться ведение дел на территориях страны, а потому изначально во главе наместничеств назначались хорошо известные высшим властям люди.

И хотя при таком способе осуществления руководства территориями появлялась опасность значительного ослабления контроля за деятельностью наместников, и могли возникать серьезные отрицательные последствия, «недостатки новой системы не выяснились при Екатерине II. Великая женщина умела выбирать людей и готовить их к государственной деятельности»⁶⁹¹.

От наместников требовался организаторский талант, поскольку им приходилось заниматься освоением новых земель, особенно на юге России⁶⁹², а не просто руководить вверенными территориями или надзирать за порядком в них.

Из-за отдаленности Кавказского края от России в деятельности наместников, представлявших высшую власть на периферии империи, «прямое управление занимало слишком большое место»⁶⁹³.

По этой причине вмененные наместникам функции общего надзора трансформировались историческими обстоятельствами в функции общего управления. А.Д. Градовский по этому поводу констатировал: «При невозможности разделить надзор с правом исправления от управления, мы получили не наместнический надзор, а наместническое управление»⁶⁹⁴.

Неизбежно, при данных обстоятельствах, происходило перенесение центра тяжести управления из центра на места

⁶⁹⁰ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. Т.1. – СПб.: Изд-во юридического центр Пресс, 2003. С.68.

⁶⁹¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т.1. – СПб., 1899. С.311.

⁶⁹² Институт генерал-губернаторства... С.70.

⁶⁹³ Там же. С.82.

⁶⁹⁴ Градовский А.Д. Указ. соч. С.314.

(наместничества), что вело «к замыканию на личностях наместников слишком большого количества разнообразных функций, что делало систему органов власти Российской империи недостаточно устойчивой»⁶⁹⁵.

Такая система «скорее могла удалить страну от необходимой государственной централизации и привести к системе разрозненных сатрапий и многим замешательствам»⁶⁹⁶.

Такая опасность действительно имела место быть, но данное обстоятельство не останавливало российские высшие власти перед необходимостью конструирования института наместничества, «как способа управления окраинами и другими территориями, управлявшимися на особых основаниях»⁶⁹⁷.

В силу понимания того, что государственная централизация «есть ни что иное, как торжество общего закона над племенными, сословными и корпоративными особенностями, которые принято называть слишком вежливым и почетным именем «исторических особенностей»»⁶⁹⁸, высшие имперские власти в сложившихся условиях видели в наместниках инструмент для преодоления этих особенностей.

В период правления Александра I В.П. Кочубей подавал «Записку» на имя императора, в которой писал: «По пространству государства, кажется, было бы полезно определить в губернии, а особливо отдаленных, генерал-губернаторов, вверяя им две, три или четыре губернии каждому. Если бы не будут они вмешиваться во все подробности, то без сомнения в состоянии будут обнять вверенную им часть общим наблюдением. Кроме того, что множество дел посредством власти сей получит, не выходя из губерний, окончание и что тем избавится высшее правительство от большого числа совершенно ненужных хлопот и, что частные люди ограждены будут от проволочек, пребывание генерал-губернатора в провинциях существенную пользу приносить может. Образ жизни его, с которым

⁶⁹⁵ Там же.

⁶⁹⁶ Градовский А.Д. Указ соч. С.309.

⁶⁹⁷ Институт генерал-губернаторства... С.86.

⁶⁹⁸ Градовский А.Д. Указ соч. С.310.

полагается свойственное лицам сим по пребыванию в столицах образование, будет иметь влияние на нравы и образ жизни обывателей. Их дом, служа некоторым соединением для всех дворян, будет служить примером и руководством к очищению вкуса и к присвоению форм, просвещенным народам свойственных <...> Они в короткое время произведут важную перемену в всех частях управления; и ручаться можно образом положительнейшим, что правительство получит новые силы и способы проводить благие намерения свои к успешному действию и действие сие будет столько же прочно, сколь намерения основаны быть могут на попечении о пользе общей»⁶⁹⁹.

Однако граф Д.А. Гурьев опасался, что чрезвычайная власть, предоставляемая наместникам, парализует деятельность министерств в силу её обширности и чрезвычайности, а потому предлагал организовать управление наместников так, чтобы «они не могли задерживать действия высших и низших исполнительных властей»⁷⁰⁰.

Мнение графа Д.А. Гурьева оказало определенное воздействие на высшую власть. Правительство «отказалось от мысли сделать из наместников органы высшего управления и стремилось превратить их в орудия главного местного надзора»⁷⁰¹.

Подавался также и проект Балашова, в котором «генерал-губернаторы должны быть непрерывными инспекторами всех частей управления и, вместе с тем, главными начальниками полиции» при этом «министры направляют деятельность подчиненных властей, а генерал-губернатор наблюдает за исполнением предписаний высшего правительства. В таком виде генерал-губернаторы не могут быть неприятны министрам и не полезны службе»⁷⁰².

Однако император Николай I имел случай удостовериться, что такой подход и такое положение вещей

⁶⁹⁹ Сборник Российского исторического общества. – СПб., 1894. Т.90. С.210-211.

⁷⁰⁰ Градовский А.Д. Указ соч. С.317.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Там же. С.318.

сделало генерал-губернаторов неудовлетворительными органами надзора. Данная должность оказалась необходимою в своем прежнем качестве общего наместнического управления, прежде всего для тех местностей империи, которые представляли какие-нибудь особенные условия.

Постепенно и под бременем обстоятельств император Николай склонился возратить своим наместникам «значение министерства, действующего на месте»⁷⁰³, но в систему министерств они не вводились, оставаясь исключением из общего правила, и представлявшими, прежде всего, чрезвычайную политическую власть.

Наместник в этом случае не был также «обставлен целою системой местных учреждений, как губернатор, - при нем действуют только канцелярия и чиновники особых поручений. <...> Закон по всем вопросам управления рассчитывает только на личную деятельность генерал-губернатора, <...> вверяя ему только некоторые дела, как власти чрезвычайной... которая и составляет всю сущность генерал-губернаторской должности»⁷⁰⁴.

По мнению А.Д. Градовского, чрезвычайная, политическая власть наместников проявлялась в главных трех отношениях: «1) Через них высшее правительство приводит в исполнение свои законы и распоряжения. 2) От них узнает оно о пользах и нуждах края. 3) Им принадлежит правление местной администрации, сообразно видам высшего правительства»⁷⁰⁵.

Сами наместники вынуждено были поставлены в совершенную независимость от министерств и «сносятся с министерством как равные с равным»⁷⁰⁶.

Кроме того, наместники получили важное право «непосредственного доклада императорскому величеству обо всех предметах, кои признают нужными и необходимыми»⁷⁰⁷.

⁷⁰³ Там же. – С.324.

⁷⁰⁴ Там же.- С.324-325.

⁷⁰⁵ Там же. – С.325.

⁷⁰⁶ Там же.

⁷⁰⁷ Там же. – С.326.

В силу всего перечисленного должность генерал-губернаторов (наместников) превратилась из простой административной должности в исключительно политическую и перенесена была в местности, исключенные из системы общего права.

Благодаря особому положению этих местностей генерал-губернаторство возвысилось «до системы личного управления, способствуя, в свою очередь, выделению вверенных генерал-губернаторам местностей из-под общего управления»⁷⁰⁸.

К местностям, требовавшим особого правового статуса, российское законодательство относило, в первую очередь, губернии пограничные, где «местное положение и другие обстоятельства обязывают начальников заниматься разными посторонними делами, как-то сношениями политическими, торговыми и пр.»⁷⁰⁹.

К местностям такого рода относился и Кавказский край, который, кроме своей отдаленности от центра империи, был населен народностями, которые «пока нужно удерживать в повиновении силою» или «населены племенами, не перешедшими еще первоначальных культурных форм»⁷¹⁰. При таких условиях «<...> государственные формы прививаются там плохо. Государство русское расположено там, так сказать, военным станом. <...> Много нужно усилий, чтобы <...> абхаз, чеченец или калмык вошел в состав русского государственного общества. При таких условиях деятельность вполне самостоятельной, даже чрезвычайной власти генерал-губернатора может быть полезна, как переходная мера»⁷¹¹.

Вооруженное противостояние между имперскими силами и кавказскими горцами сопровождало все царствование императора Николая I, и было связано не только с рядом почти непрерывных действий, но и «рядом непрерывных переворотов

⁷⁰⁸ Там же. С.327.

⁷⁰⁹ Там же. С.328.

⁷¹⁰ Там же. С.328-329.

⁷¹¹ Там же.

в лицах и в учреждениях существовавшего там гражданского порядка»⁷¹².

Как уже отмечалось ранее, проходили годы в колебаниях, опытах, соображениях, предположениях. И за всем тем после истекавших из них мер, когда все казалось уже решенным и оконченным, дело вдруг возвращалось к прежней точке: «к убеждению, что необходимо отменить и бросить все сделанное и приступить вновь к другим соображениям, которые, в свою очередь, имели опять тот же исход»⁷¹³.

Оценивая сложившееся в то время положение дел на Кавказе, барон М.А. Корф писал: «Правители сменялись один другим, издерживались огромные суммы на множество комитетов, комиссий, экспедиций, чиновников и прочее, сыпались, наконец, щедрые награды и все это обращалось, более или менее, в одни результаты личные, между тем как горячо желаемая правительственная польза для края оставалась недоступною»⁷¹⁴.

Потому после не приносивших успеха рокировок среди руководства кавказской администрации, после пережитых неудовольствий и досады от неумения всеобъемлюще понять и исполнить высшую волю по скорейшему водворению Кавказа в состав империи, Николай I решил вернуться к проверенной опытом форме руководства проблемными территориями – наместничеству (генерал-губернаторству).

В наместничестве «опытный военачальник и администратор, имея в своих руках военную и гражданскую власть, обеспечил бы победоносное завершение войны и спокойствие на всех присоединенных и завоеванных территориях Кавказа»⁷¹⁵.

При помощи наместника Николай I надеялся добиться желаемого результата, и разрубить гордые узел множащихся проблем в Кавказском крае, рассчитывая, что тот, кто будет призван исполнять эту должность, явится проводником

⁷¹² Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. - 1900. №1. С.25.

⁷¹³ Там же.

⁷¹⁴ Там же. С.26.

⁷¹⁵ Лисицына Г.Г. Указ. соч. С.222.

политики центральных властей и сумеет направить деятельность местной администрации в целях, обозначенных высшей властью.

Наместнику вменялось в обязанность скорейшее водворение оснований «гражданственности» на Кавказе и превращение его в один из регионов России, связанный всеми возможными и необходимыми для целостного государства нитями.

Император, понимая всю сложность предприятия, не мог, однако, освободиться от досады когда «сознаться должно, что сия часть от недостатка ли знания края, от отвлечения другими предметами, или от небрежения бывших начальников, находилась в самом жалком положении; нельзя сказать, чтоб и последнее устройство края было б удобнее придумано или хоть хорошо исполнено, в том и другом произошли грубейшие ошибки от неосновательности лица, которому дело поручено было и на правдивость которого никак не должно было полагаться»⁷¹⁶.

Административная система Кавказа, в целом только искавшая необходимые очертания в условиях становления гражданского устройства главной базы присутствия России на кавказской земле – в Грузии, и длящегося противоборства с горскими племенами, а также ограниченные возможности губернских властей были не способны быстро реагировать на изменения в государственной политике. Как военные власти из-за военных обстоятельств, так и из-за постоянной занятости гражданских местных властей текущими делами управления «губернаторы чаще всего были плохими проводниками воли верховной власти»⁷¹⁷.

При отсутствии в стране иных политических субъектов, кроме верховной власти, наместничество позволило бы преодолевать отрицательные последствия бюрократической системы, сделало бы местное управление более гибким и оперативным по отношению к непрерывно меняющимся

⁷¹⁶ Там же. С.382.

⁷¹⁷ Омельченко Н.А. Указ. соч. С.215.

приоритетам и потребностям времени и запросам центральной власти.

К середине 40-х гг. XIX в. Кавказ представлял пеструю картину отличных друг от друга в социально-экономическом и культурном отношении областей. Время и форма присоединения этих областей к России были различны. Все это и определяло как разнообразие форм управления на Кавказе, так и многообразие проблем с ним связанных. Военные действия на Кавказе, жалобы отстраненных от участия в управлении местных дворян вызвали восстановление многих элементов самостоятельности кавказской администрации и специфики учреждений⁷¹⁸.

С.М. Середонин отмечал, что в высших сферах Петербурга постепенно стали осознавать, что «власть генерал-губернатора и его значение, очевидно, не могли быть одинаковы в Москве, Харькове или Риге: в каждом из указанных пунктов генерал-губернаторская власть имела свой характер: во внутренней России – это был по преимуществу орган высшего надзора; на окраинах государства – генерал-губернатор не только надзирал, сколько управлял, являясь как бы средоточием культурной деятельности государства, которая опять не могла быть одинакова в Сибири, Грузии и Новороссии...»⁷¹⁹.

Постепенное понимание императором того, что его представителям в кавказском регионе не хватало полномочий и свободы действий из-за чрезмерной скованности бюрократическими структурами и бюрократическими рамками, подвело его к необходимости предоставления им большей свободы действий. По сложившимся обстоятельствам местные гражданские и военные власти не могли оперативно реагировать не только на импульсы, исходившие из политического центра империи, но и не знали, как согласовать их с разнородными обстоятельствами военно-гражданских потребностей местной кавказской жизни.

⁷¹⁸ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С.188-189.

⁷¹⁹ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. – СПб., 1902. Т.2. С.109.

Однако императора страшила мысль, что предоставление чрезвычайных полномочий особому чиновнику, могло привести к опасным злоупотреблениям, которые не только способны были бы дискредитировать имперские власти вообще, но и его императора имя, в том числе и в первую очередь.

Наместник, получавший право самостоятельно отменять распоряжения подчиненных его надзору губернаторов, вмешиваться в судебные решения, возбуждать преследования и утверждать приговоры по уголовным делам, оставался главнокомандующим на своей территории на то время, когда там отсутствовал монарх.

В мирное время главнокомандующий был непосредственным и полным начальником армии, всех её управлений и чинов, не исключая и членов императорской фамилии, если бы они прибыли в армию. Приказания главнокомандующего, в законном порядке сделанные, исполняются в войсках, ему вверенных, как высочайшие повеления.

Главномкомандующий мог предоставленной ему властью назначать чины на должности в армии. Для этого ему было дано право представлять на высочайшее утверждение высших чинов Главного Штаба армии, командиров корпусов, входящих в состав армии, начальников дивизий, бригадных и полковых командиров. Собственной властью главнокомандующий мог утверждать в должности батальонных командиров в пехотных полках и командиров дивизионов в кавалерийских полках.

Уволенным от службы генералам, штаб - и обер-офицерам армии, кроме чинов, числящимся по гвардии, артиллерии и инженерной части, главнокомандующий выдавал указы об отставке после объявления об их увольнении в высочайшем приказе.

При всякого рода проступках со стороны военных чинов, главнокомандующий имел право без всякого различия

звания и чина отрешать от должности, высылать из армии, предавать военному суду⁷²⁰.

В военное время главнокомандующий армией, сохраняя все права, предоставленные ему в мирное время, получал дополнительно особую власть, как в армии, так и губерниях и областях, объявленных на военном положении, и в областях неприятельских, занятых по праву войны. Особо следует подчеркнуть, что в военное время власть главнокомандующего поднимается до заоблачной высоты. В это время он «представляет лицо императора и облекается властью Его Величества»⁷²¹.

В военное время он может без всякого различия звания и чина отрешать от должности, высылать из армии и предавать военному суду. В мирное и военное время он имел право на окончательное утверждение смертных приговоров, лишение чинов и гражданскую смерть по военным судам (это касалось всех чинов до полковника включительно, дела, касавшиеся генералов, отправлялись военному министру).

В военное время главнокомандующему было предоставлено право давать нижним чинам знаки отличия Военного ордена и право производить на поле сражения унтер-офицеров в офицеры, производить офицеров в чины до капитана армии включительно, награждать орденами Св. Георгия 4 ст., Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 2 ст., Св. Анны 3 ст. с бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость», Св. Станислава 2 и 3 ст., золотыми шпагами, саблями и полусаблями с надписью «за храбрость»⁷²².

Из-за этого крайне тяжелым сделалось для Николая I бремя выбора своего нового уполномоченного представителя. Император колебался. Обеспечить эффективное и действенное руководство Кавказским краем мог и должен «крупный государственный деятель, пользующийся авторитетом среди военных и гражданских чиновников, проходивших службу на

⁷²⁰ Высочайше утвержденная выписка из проекта устава о правах власти главнокомандующего армии // АКАК. Т. X. С.309-310.

⁷²¹ Там же. С.310.

⁷²² Там же.

Кавказе, а также умело сочетавший талант военного и опыт административной работы»⁷²³.

Этим пытались воспользоваться представители бюрократии, подыгрывая страхам императора, одновременно старались обставить ход дела так, чтобы сохранить свой контроль и влияние в данной сфере государственного управления. Однако Закавказский край имел, по мнению барона Корфа, «назначение убивать все репутации и все карьеры, погубив Ермолова, Розена, Головина, Гана, Граббе и множество лиц второстепенных...»⁷²⁴.

В VI Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК), которому поручено было заняться вопросами устройства Кавказа и Закавказья решено было видеть в институте наместничества орган чрезвычайной политической власти, необходимый только для тех регионов, интеграция которых в Российскую империю по тем или иным причинам была неполной, а также там, где возникала угроза безопасности государству и требовались дополнительные средства бюрократического контроля для её устранения⁷²⁵.

В правительственных сферах некоторые считали, что эффективно управлять кавказскими делами могут только опытные «кавказцы». Среди администраторов, готовых взяться за столь непростую ношу, были военный министр князь А.И. Чернышев или управляющий VI Отделением СЕИВК статс-секретарь М.П. Позен.

Как уже сообщалось ранее, в 1843 г. кавказские территории, подконтрольные российским властям, стали вдруг сокращаться. В ходе военной кампании генерал А.И. Нейдгардт потерял все завоевания в горном Дагестане. Территория враждебного имамата, напротив, увеличилась более чем вдвое. Увеличилось количество и кавказских племен, враждебно настроенных против воздействия Российской империи. Это уже само по себе умножало количество проблем, связанных с

⁷²³ Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Россия и Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998. С.267.

⁷²⁴ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа...С.50.

⁷²⁵ Омельченко Н.А. Указ. соч. С.248.

управлением в крае, и вынуждало Петербург к поиску управленческих решений, способных превратить кавказский регион в составную часть империи, поскольку такой взгляд на Кавказ стал господствующим, и к этому уже было приложено столько усилий и заплачено высокую цену.

Император не желал видеть Кавказский край в качестве отдельного от России царства и требовал, чтобы всякий военный либо гражданский чиновник, призванный к службе, «должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло одно целое»⁷²⁶.

В видах достижения реальных результатов главному управлению Кавказским краем, должно было учитывать потребности и обычаи местного населения и утвердить среди народов Кавказа «непоколебимую преданность Престолу, доверие и уважение к правительству и властям, им поставленным»⁷²⁷.

По новым представлениям императора Николая, наместническая система особенно была нужна для северной части Кавказского края, где имперские преобразователи менее всего добились потребных успехов, и в которой им продолжали противиться многочисленные горские общества, не желавшие переходить под имперское покровительство.

Российские власти приносили европеизированное и христианизированное имперское право, которое в северной части Кавказа, противоречило древним горским устоям и сталкивалось с этническим горским обычным правом – адатами или этническими нравственными системами, к примеру, адыгским Хабзэ.

Современный российский исследователь А.А. Епифанцев, оценивая роль Хабзэ для адыгских народов, пишет: «Кодекс адыгских правил, обычаев, норм и законов под названием Хабзэ, как игла, пронзает буквально все сферы адыгского общества. <...> По сути, это даже не просто кодекс – это неписаная система адыгских ценностей, очень строго и четко определившая все возможные цепочки поведения и

⁷²⁶ Высочков Л.В. Указ. соч. С.292.

⁷²⁷ Наказ Главному управлению Закавказским краем. – СПб., 1842. С. 9.

отношений между субъектами адыгского общества, как между собой, так и с внешним миром, задававшая абсолютно определенные роли разным общественным классам и, заменявшая собой добрый десяток социальных институтов»⁷²⁸.

Больше того, А.А. Епифанцев считает, что к Хабзэ следует относиться как своего рода этнической религии. «Именно Хабзэ во многом заменил черкесам религию и её нормы, цементируя и сплачивавшие адыгское общество»⁷²⁹.

Находясь в первой половине XIX века на догосударственной ступени развития, «в рамках существовавших тогда условий, адыги создали крайне эффективную общественную систему, которая, в отличие от многих стран и народов, совершенно не требовала наличия сложных, ресурсозатратных и не всегда эффективных государственных и социальных структур, и прекрасно функционировала без наличия в обществе целого ряда экономических, военных и социальных институтов, имевшихся в других странах»⁷³⁰.

Поэтому и при данных обстоятельствах все усилия (дружественные или нет) усилия российских военных и гражданских властей наталкивались на открытое или глухое неприятие их правоустанавливающих нововведений в среде адыгских обществ.

Это происходило не только потому, что большинство горских народов Северного Кавказа в первой половине XIX столетия ещё не имели развитых и окончательно сформировавшихся государственных структур, не потому, что имперское право было правом общества с государственными институтами и государственной идеологией, а потому, что, имея Хабзэ, те же адыгские общества не нуждались в иных нравственно-правовых системах.

⁷²⁸ Епифанцев А.А. «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?». – М., 2010. С.42.

⁷²⁹ Там же. С.43.

⁷³⁰ Там же. С.44.

Все иные системы фундаментально противоречили устоям и ценностям Хабзэ, и принятие их означало бы отказ от собственной идентичности.

Такую нравственно-правовую систему, имевшую не только многовековую историю, но и глубокую этнокультурную укорененность, побороть было крайне сложно, почти невозможно без крайних средств культурного и политико-административного давления.

Российскому имперскому писаному праву приходилось конкурировать с неписаным обычным правом горцев, с их жизнеопределяющими смыслами. Кроме того, правовым носителем обычного права был не документ, а неписаная традиция и этнический менталитет.

Вытеснение правового обычая – чрезвычайно сложная задача, добиться решения которой возможно только при перемене или искоренении самого этнического обычая, как механизма регулирования жизнедеятельности данных социальных структур и как ведущего фактора передачи этнокультурной памяти последующим поколениям.

Другим препятствием к освоению и согласию с новой правовой системой и связанной с ней судебной системой Российской империи был все тот же языковой барьер и характер судопроизводства, которые не только делали их непонятными, но по своему процессу противоречили характеру исторически сложившимся этническим институциям и ожиданиям.

Трудно преодолимым препятствием на пути развития российской административно-правовой системы были также исламские устои, имевшие особенно прочные позиции среди горских обществ Северо-Восточного Кавказа. Основным противником российских инноваций выступал там ислаизм, который «проник во все их общественные поры и совершенно <...> овладел всем человеком и окаменил его в однажды данной форме, не оставляя никакого места ни общественному, ни личному развитию, не проистекающему из Корана. Гражданское устройство мусульманских народов, их суд, финансы, личные и семейные отношения установлены по

шариату, неизменному до конца мира, как непреложное откровение»⁷³¹.

Потому сильная оппозиция русскому влиянию на Северном Кавказе оказывалась со стороны мусульманского духовенства, не желавшего становиться подданными правителя «неверных», утвердившего, кроме того, запрет на совершение хаджа в Мекку. По мнению Якубовой И.И., использование военно-бюрократических методов в процессе укрепления политико-правовых позиций Российской империи на Северном Кавказе «стало фактором, обусловившим конфликтное восприятие, как самой российской власти, так и её институтов, внедрявшихся в горскую среду»⁷³².

Российские имперские правовые нормы вынуждены были приспосабливаться к особенностям устоев горской жизни, но никогда не могли в чистом виде реализоваться или занять место обычных норм местного этнического правопорядка. Однако это не означало, что имперские власти опустили руки и не предпринимали соответствующих мер, чтобы переломить ситуацию в свою пользу.

Как отмечает уже упоминавшийся А.Н. Маремкулов: «Акты самодержавия, посвященные освоению Северного Кавказа, уникальным образом сочетали в себе как императивные, так и рекомендательные, поощрительные способы воздействия.

Эти способы взаимно дополняли друг друга, а при определенных как внешних, так и внутренних объективных и субъективных факторах один из них мог иметь доминирующее значение»⁷³³. Тенденция при этом развивалась от точечного к комплексному регулированию складывавшихся отношений.

В Министерстве военного департамента по делам кавказским совместно с Закавказским комитетом инициировали рассмотрение докладов и записок, поступавших по проекту «Положения об управлении покорными горскими

⁷³¹ Фадеев Р.А. Указ. соч. С.38-39.

⁷³² Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII- первой половине XIX в. Дисс...докт...ист. наук. 07.00.02. – Нальчик, 2004. С.480.

⁷³³ Маремкулов А.Н. Указ. соч. С.292.

народами на Кавказе обитающими»⁷³⁴. Переписка между этими ведомствами заняла довольно продолжительное время и длилась с 1839 по 1844 гг.

Проект предусматривал, что горцы, жившие вдоль всей Кавказской кордонной линии, починались начальнику Кавказской линии и Черномории. Для удобства управление разделялось на шесть частей в подчинении в каждой особым начальникам: в первой части – начальнику Прибрежной линии; во второй – начальнику Черноморской линии; в третьей части – начальнику Правого фланга; в четвертой – начальнику Центра линии; в пятой – Владикавказскому коменданту; в шестой – начальнику Левого фланга. Каждое управление делилось в свою очередь по племена на приставства и округа⁷³⁵.

В сфере судопроизводства предполагалось, что судебные иски между горцами могли по их выбору решаться шариатским или третейским судом по адатному праву. Шариатским судом разрешались споры по делам, «до веры и совести касавшиеся, по несогласию между мужем и женой, между родителями и детьми»⁷³⁶. В случае несогласия между истцом и ответчиком в шариатском суде их дело отдавалось в третейский суд⁷³⁷. Приговор третейского суда не подлежал апелляции. Решения как третейского, так и шариатского судов оформлялись в письменной форме и представлялись на утверждение через частных приставов главному приставу⁷³⁸.

Тяжкие уголовные преступления, совершаемые горцами, как то: «возмущение, умышленное убийство, разбой, грабёж и насилие, измена, укрывательство хищников, побег в непокорные аулы, воровство и угон скота»⁷³⁹ – находились в юрисдикции военных судов, в которых судопроизводство совершалось на основании имперского уголовного права.

Маловажные уголовные дела разбирались приставами, начальниками частей линии или главным начальником

⁷³⁴ РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68. Л.1-51.

⁷³⁵ РГВИА. Ф.13454. Оп.6. Д.233. Л.5.

⁷³⁶ Там же. Л.14.

⁷³⁷ Там же. Л.1.

⁷³⁸ Там же. Л.2-2об.

⁷³⁹ Там же.

Кавказской линии «на основании народных обычаев и общих учреждений»⁷⁴⁰.

Проект «Положения об управлении покорными горскими народами, на Кавказе обитающими» был направлен высшим петербургским властям летом 1842 г., где после ознакомления с ним императором Николаем I, был передан на обсуждение в Закавказский комитет⁷⁴¹.

Покорные горские общества разделялись на девять военных округов. Каждый округ подчинялся ближайшему военному начальнику и разделялся на главные и частные приставства. На обязанностях военно-окружных начальников лежала охрана общественного порядка и наблюдение за «справедливым и безотлагательным решением всех гражданских и судебных» дел⁷⁴².

Нецелесообразным и опасным для правительства было объединение всех горских мусульманских народов под верховной властью одного муфтия – опасались примера с имаматом. Потому духовное управление поделили по числу главных приставов, которым поручалось наблюдение за кадиями⁷⁴³.

Император Николай I рекомендовал уменьшить влияние шариатского судопроизводства, в то же время проявить осторожность «дабы не сделать слишком крутого переворота в порядке судопроизводства»⁷⁴⁴. В целях ослабления власти исламизма всячески стараться склонять горские народы обращаться, в случае возникавших споров, в третейские адатные суды. Имперским властям казалось, что адаты были теми крепостями, которые могли эффективно противостоять исламу, как более враждебной русским силе до полного умиротворения кавказских провинций. Поддержкой адатных устоев надеялись снискать также расположения горских обществ, в которых исламизм не успел пустить глубокие корни.

⁷⁴⁰ Там же.

⁷⁴¹ РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68. Л.13.

⁷⁴² Там же.

⁷⁴³ Там же. Л.14-15.

⁷⁴⁴ Там же. Л.27об.

А.Н. Маремкулов подчеркивает данное обстоятельство, считая, что «при умелом использовании обычное право должно было стать эффективным инструментом в руках царского самодержавия в процессе укрепления своих позиций в регионе»⁷⁴⁵.

В то же время надо отметить, что адатное и мусульманское право «как феномены общественной жизни являлись нормативно-ценностными регуляторами отношений в северокавказском этническом социуме»⁷⁴⁶, хотя регулятивное воздействие на общественные отношения они осуществляли по-разному.

Как отмечает в этой связи З.Х. Мисроков, «адат по своей сути имел как стабилизирующее, так и консервативное значение. Он позволял в условиях вхождения в Российское государство не только сохранять в жизни людей устойчивые, твердые правовые начала, но смог стать и труднопреодолимой преградой на пути к прогрессивному развитию общества. Обращение к шариату и его применение народами Северного Кавказа означало обращение, движение к идее права. По сравнению с адатом мусульманское право делает огромный шаг вперед к охране и защите правопорядка...»⁷⁴⁷.

Этого не могли не понимать имперские законодатели и правоведы. С точки зрения установления правильного писаного нормотворчества и нормоприменения как инструмента государственной системы, шариат был близок к имперскому праву, но недоверие к мусульманскому праву, порожденное позицией многих мусульманских деятелей во время борьбы за Кавказ, долгое время препятствовало возможности его широкого правоприменения. К тому же шариат находился по своим сущностным характеристикам за пределами имперской европейско-христианской цивилизационной парадигмы.

Представители имперских властей на местах на опыте увидели, что горские народы упорно сохраняли

⁷⁴⁵ Маремкулов А.Н. Указ. соч. С.293.

⁷⁴⁶ Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: Изд-во МГУ, 2002. С.90.

⁷⁴⁷ Там же.

приверженность к постулатам обычного права, относясь к нему как «главному носителю идеи справедливости»⁷⁴⁸.

Это стало заметно после начала сужения сферы и границ влияния, а затем падения имамата. Стремление противопоставлять нормы и саму систему обычного права шариату, приспособлению адата к имперским интересам прослеживается на всех этапах утверждения позиций России в Кавказском крае.

Адат рассматривался российскими властями как система правовых норм, не только как отличная от шариата, но и более привычная народам Кавказа, имеющая более глубокие исторические корни, а значит более фундаментальная, отказ от которой мог бы вызвать нежелательные для властей тектонические сдвиги в этнических горских обществах, чреватые большими социально-политическими издержками.

Не случайно М.М. Ковалевский отмечал, что российское правительства к кавказским адатам «с самого начала нашего владычества приняло характер решительного признания и явного покровительства»⁷⁴⁹.

Однако занятая позиция по отношению к обычному праву и его роли в системе устанавливаемых административно-правовых порядков совсем не означала, что в данном деле не было трудностей и препятствий, хотя российские власти достаточно осторожно стремились вводить свои правовые новации в горах.

Здесь следует сослаться на авторитет М.М. Ковалевского. Характеризуя отношение российских властей к правовой системе кавказских народов, известный ученый отмечал: «...К чести нашей политики надо сказать, что в сношениях с <...> народностями, населяющую империю, мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у них веками строй, какой отличалась, например, английская политика в Индии <...> Русскую администрацию менее всего можно винить в непонимании или

⁷⁴⁸ Бочаров В.В., Рябинкин А.И. Обычное право в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. №1. С.151.

⁷⁴⁹ Цит. по: Мисроков З.Х. Указ. соч. С.91.

отрицании чужих религиозных, нравственных или правовых уставов»⁷⁵⁰.

Императорские указы требовали, чтобы «ни единой силой оружия предлежит побеждать народы, в неприступных горах, живущие и имеющие надежные в оных от войск наших убежища, но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе уверенность; кротостию смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с Русскими <...>»⁷⁵¹.

В исторических условиях XIX в. юридическая система Северного Кавказа «соединяла разноуровневые по силовому обеспечению правовые образования», в то же время российское имперское право «в этой системе получило доминирующее, императивное значение»⁷⁵².

Учрежденные первоначально российской администрацией на присоединяемых территориях временные суды с различной юридической правомочностью, руководствовавшиеся преимущественно имперскими законами, «встретили повсеместно неприятие местного населения»⁷⁵³.

Горцы не принимали российскую систему наказаний (ссылка в Сибирь или телесные наказания женщин), ибо это «нарушало их древние обычаи, лишая, например, возможности личного или коллективного возмездия»⁷⁵⁴.

У горских племен не существовало разделения преступлений на уголовные и гражданские. Само понятие преступления расходилось с понятием, принятым по законам Российской империи. «Преступлением у горцев считалась измена народу, отцеубийство, кровосмешение, нарушение супружеской верности женщинами, трусость, нарушение гостеприимства, воровство и нарушение личной

⁷⁵⁰ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон: Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.1-2. - М.: Тип. В. Гатцук, 1886. С.266, 289.

⁷⁵¹ Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). – Нальчик, 2000. С.50.

⁷⁵² Там же.

⁷⁵³ Ковлер А.И. Антропология права. – М.: Норма, 2002. С.269.

⁷⁵⁴ Там же.

неприкосновенности князей. Все прочие действия, которые не нарушали чести, личной неприкосновенности, прав собственности и свободы каждого, не подходили под понятие преступления. Эти действия производились по праву сильного и на основании всеобщего права применения оружия. Охранительная власть у горских племен заменялась правом родовой мести и правом применения оружия, а власть правосудия - возмездием и установлением мирного соглашения»⁷⁵⁵.

Мирное сожительство соседних родов являлось «проявлением действия древнего народного обычая», который грубо нарушался в первой половине XIX в. представителями царской администрации, когда убийцу из горских народов по приговору суда отправляли в ссылку в Сибирь или отдавали в рядовые. «Приговоры военно-судных комиссий лишали родственников убитого права получить выкуп или применить право возмездия. Поэтому этот вид наказания в глазах горцев выглядел совершенно бесполезным, т. к. не способствовал прекращению вражды между ними. Самой высокой целью, которую в дальнейшем ставила перед собой система военноплеменного управления, являлось ограничение права родовой мести и особенно права всеобщего применения оружия»⁷⁵⁶.

Игнорирование особенностей традиционного уклада жизни горских обществ, приводило к тому, что «обычное право теряло свои качества (прежде всего, обязательность, непререкаемый авторитет) и в итоге не могло служить результативным инструментом проводимой политики»⁷⁵⁷.

Пытаясь решить поставленные Петербургом задачи, местные кавказские власти опытным путем одновременно старались устранять возникавшие между ними и горскими обществами непонимания в административно-правовой сфере.

Генерал Р.К. Фрейтаг отмечал, что «при настоящем положении <...> новый порядок не принесет никакой пользы,

⁷⁵⁵ Кондрашова А.С. К проблеме отношения обычаев и норм и официального законодательства на примере правового развития Кавказа (вторая половина XIX) // Обычное право и правовой плюрализм. – М., 1999. С.208-209.

⁷⁵⁶ Там же.

⁷⁵⁷ Маремкулов А.Н. Указ. соч. С.113.

потому что азиатцы всякое нововведение считают нарушением прав своих, чем могут воспользоваться неблагонамеренные люди и поколебать шаткие и легкомысленные умы народа»⁷⁵⁸.

Столкнувшись с отчужденностью в среде местного горского населения Кавказа при укоренении российской имперской правовой системы в целом или отдельных её элементов, российские официальные представители осознали необходимость установления переходного периода и переходных форм для адаптации горских административно-правовых обычаев с имперским правом. Также возникла необходимость и в медиаторах-интерпретаторах, которые бы позволили различным горским этносам свыкнуться с мыслью и присутствием в их существовании и в жизненном пространстве образа другого - России, которая теперь во многом будет определять внешние границы их действий.

Упомянутые медиаторы должны были быть способными донести не только правовые и социальные смыслы имперской правовой системы в горское общество, но актуализировать и адаптировать эти смыслы в жизненные установки горских этносов.

Введение российских форм управления, основанных на российских правовых институтах, на территориях горских народов проходило в условиях военной обстановки, что в немалой степени определяло остроту протекания данного процесса. Горские общества оказывали сопротивление новым для них формам управления, что приводило к превалированию силовых средств внедрения новых правовых норм над политическими.

В условиях незавершенной Кавказской войны наиболее адекватным обстановке и привычкам горской среды оказалось комендантское в крепостях и приставское правление на покоренных территориях.

Приставы – военные чиновники – первоначально назначались для надзора за жизнью внутри горских обществ, призванных не допускать всплеска враждебных к русским настроений. При существовании иных каналов – увещевали, но в целом, российские власти едва могли в полной мере

⁷⁵⁸ РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.386. Л.2об.

контролировать управление на покоренных горских территориях.

Институт приставства являлся своеобразным связующим звеном между российской военно-гражданской администрацией и горскими обществами. Первоначально приставское управление находилось в прямой зависимости и было подконтрольно Коллегии иностранных дел, а комендантское правление - воле командующего.

Силовое подкрепление административно-правовых преобразований не могло оставаться слишком длительным, поскольку то, что опосредовалось силой, воспринималось совершенно чуждым и неприемлемым. Чем дольше довлеет сила в качестве основного аргумента, тем укрепляется противодействие и расширяются основания для неприятия укореняемого.

Поэтому победители прибегали к услугам людей (через определенное время выступающих в качестве наиболее приемлемых для сторон каналов, которые помогут победителям внедрить свои правовые нормы в умы людей) представителей местной элиты, до сих пор имевших авторитет в горской среде. Задача победителей на этом этапе – привлечь на свою сторону элиту горских народов.

Использовались разнообразные методы ангажирования (деньги, подкуп, разрешение беспошлинной торговли, разрешение беспошлинного пропуска к горским народам железа и стали; обучение воспитанников из горцев в России; раздача жалования и пенсий; комплектование кавказско-горского полуэскадрона из лиц кавказской элиты, имевших влияние на свой народ). Закреплялись в правовых актах имперских властей поощрительные для горцев нормы (сохранение каких-то властных полномочий, укрепление или подтверждение статуса, привлечение в союзные горские милиции, присвоение офицерских чинов представителям горской владетельной знати и т.д.) для эффективного регулирования в регионе.

Поощрительные положения, закрепленные в именных грамотах к горским правителям или народам и их вождям, являлись стимулом к деятельности означенных субъектов

отношений в том направлении, в которое их направлял законодатель, и часто носили долгосрочный характер, однако, строго обусловленный лояльностью со стороны поощряемых⁷⁵⁹.

Приставами и комендантами стали назначать преимущественно русских офицеров, знакомых с обычаями и нравами горских народов, или «благонадежнейшие и достойнейшие из горцев»⁷⁶⁰.

Так комендантом в Моздоке был назначен кавказец по происхождению русский офицер, «каковой и теперь там находится, бывший прежде в Кабарде приставом и знающий их обряды, язык и обыкновения, полковник Тоганов. <...> Из воинских чинов подполковник кн. Ураков, находящийся теперь приставом в Кабарде <...>»⁷⁶¹. Таких людей посылали в первую очередь начальствовать к «племенам, более прочих известных своеволием и дикостью нравов»⁷⁶².

Недостатком приставского правления, по мнению линейных начальников (Р.К. Фрейтаг, В.С. Голицын), были сами рамки их полномочий. «Как на неотложную меру, практически все начальники флангов указывали на усиление власти пристава и повышение его статуса в глазах местного населения»⁷⁶³. Линейное начальство ходатайствовало перед высшим руководством, чтобы «дать приставу власть <...> взыскивать за неисполнение приказаний начальства. Первое условие управления азиатами — скорое решение и немедленное законное взыскание»⁷⁶⁴.

Кроме того, по местным понятиям, авторитет любого начальника зависел и от величины его жалования, вообще «богатства», которое было «главным маркером власти, свидетельствующим об обладании властной персоной магической силой, что, собственно, и делало её власть

⁷⁵⁹ Маремкулов А.Н. Указ соч. С.48; Кабардино-русские отношения XVI-XVIII вв. — М., 1957. Т.2. С.82-83.

⁷⁶⁰ Цит. по: Блиева З.М. Указ. соч. С.179; РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68. Л.2-3.

⁷⁶¹ Из документальной истории кабардино-русских отношений...С.66.

⁷⁶² Там же.

⁷⁶³ Блиева З.М. Указ. соч. С.180.

⁷⁶⁴ РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.386. Л.2об.

легитимной в глазах окружающих. <...> Подчиненные хотели быть именно под такой властью, что с их точки зрения, гарантировало спокойствие и процветание, учитывая ее мощный сакральный потенциал, символизируемый в «богатстве»⁷⁶⁵.

Генерал Р.К. Фрейтаг настаивал на том, что «власть приставов не может быть действительной, пока им не назначат лучшего жалования. Не имея средств к жизни, приставы живут за счет своих кунаков, которым поневоле за их хлеб-соль стараются сделать всевозможные льготы и сколько возможно поддерживают их. Не имея денег, пристав не пользуется никаким уважением, и от того приказания его редко выполняются»⁷⁶⁶.

Потому, вняв опытным результатам местных начальников, при назначении приставом упоминаемого полковника Тоганова ему было назначено «во уважение многих трудов, с сим поручением соединенным, сверх получаемого им по чину жалования, 300 рублей. Из воинских чинов подполковник кн. Ураков, находящийся теперь приставом при Кабарде, оному сверх настоящего жалования по чину – 200 рублей»⁷⁶⁷.

Более сложным и отдаленным средством являлось переустройство оснований местной жизни, которые смогли бы переменить базу прежних этнических обычаев, переменить их структуры и тем самым вынудить отказаться от их использования, поскольку те перестанут быть функционально полезными и необходимыми в новых социально-политических и экономических реалиях и окружении.

Постановка целей и средств зависела от складывавшихся в регионе реалий на тот или иной период. Имперские власти применяли достаточно широкую палитру средств и методов, а также мобильную инструментальную базу для укрепления своих позиций в северной части Кавказа.

⁷⁶⁵ Бочаров В.В. Экономика Востока в антропологической перспективе // Введение в востоковедение: Общий курс. – СПб.: КАРО, 2011. С.198.

⁷⁶⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп.2. Д.386. Л.3об.

⁷⁶⁷ Из документальной истории кабардино-русских отношений...66.

Особенность внедрения российских правовых институций в горскую среду состояла в том, что высший законодатель проводил, воплощал, реализовывал обозначенные имперскими интересами идеи через своих представителей на Северном Кавказе, которые часто выступали инициаторами принятия тех или иных правовых установлений⁷⁶⁸.

А.Н. Маремкулов отмечает в этой связи, что «многие акты Е.И.В., высших, центральных органов власти принимались на основе обращений, рапортов, донесений, отношений представителей самодержавия на местах», а также, что «данный способ служил средством оперативного устранения «преград» на пути решения поставленной задачи, к побуждению законодателя к совершенствованию юридической базы»⁷⁶⁹.

Посредством такого механизма достаточно умело реализовывалось сочетание интересов местного населения с видением местной ситуации представителями имперских властей. Это помогало относительно мирному (после завершения военной фазы покорения) вхождению народов Северного Кавказа в состав Российской империи. Кроме того, все означенные выше меры внедрения имперских правовых норм в среду горских обществ предполагалось вводить постепенно.

Руководители кавказской администрации (А.П. Ермолов) отдали распоряжение о сборе сведений по обычному праву кавказских народов. К 40-м гг. XIX столетия был собран огромный материал, который позволил найти более или менее приемлемую форму взаимодействия и адаптации общинноправовой системы кавказских горских обществ с имперским правом.

В юридической системе кавказского региона продолжительное время сохранялся правовой плюрализм. Как пишет З.Х. Мисроков: «Российская государственная власть вынуждена была считаться с традиционными юридическими формами и процедурами, общепринятыми юридическими

⁷⁶⁸ Там же. С.21.

⁷⁶⁹ Там же. С.21.

канонами. Интеграция адата и мусульманско-правовых норм в систему права России сделало возможным проведение в жизнь эффективной государственно-правовой политики, поддержание известного правопорядка»⁷⁷⁰.

Свидетельством примирения российского права с обычным правом горцев стало учреждение в середине XIX века в Закавказском крае и Кавказской области уникальной административной и судебной системы — военно-народного управления, при которой со стороны российской администрации учреждалось «наблюдение» за применением горского обычного права местными судами. Была издана «Особая инструкция для управления горцами», по которой народный суд и народная полиция возглавлялись представителями администрации, а народное право бралось под охрану государственной властью.

Гражданское управление Кавказским краем можно проследить на примере создания органов, призванных осуществлять хозяйственно-экономические нужды населения. При этом методика их организации и деятельности полностью соответствовала подходу, который осуществлялся, согласно установкам, духу и букве императора Николая I — при посредстве различных комитетов. Так, например, 4 июня 1830 г. императором было утверждено положение о Комитете в Кизляре по улучшению садоводства и укреплению берегов Терека⁷⁷¹.

Данное положение было не только направлено на непосредственное решение задач в целях «укрепления берегов реки Терек, от розливов оной часто разрушавшихся, и распространение и усовершенствование садоводства и виноделия в Кизляре и его округе»⁷⁷², но и выступало показателем уверенности России в своем праве на преобразовательную деятельность в крае. Комитет, находясь под покровительством главноначальствующего в Грузии, «сочетал функции государственного управления (укрепления

⁷⁷⁰ Мисроков З.Х. Указ. соч. С.92.

⁷⁷¹ ПСЗРИ. Т.V. 1831 г. №3691.

⁷⁷² Там же.

берегов) с государственной поддержкой частного предпринимательства (купечества) в области садоводства и виноградарства» на Кавказе⁷⁷³.

Кроме того, показателем мирных форм администрирования Кавказским краем может служить создание карантинных и таможенных частей управления, утвержденных Положением от 4 мая 1847 г. В целях «охранения» от чумы учреждались три линии карантинных – Закавказская, Сухумская и Кавказская⁷⁷⁴.

Особую статью административно-правового регулирования занимали мероприятия, направленные на установление системы управления казачьих поселений Предкавказья. «Установление среди казачества Северного Кавказа управленческого аппарата царизма связывалось с задачей привлечения населения Предкавказья к обороне южных границ России. В дальнейшем, по мере активизации политики России на Кавказе, формирование судебно-административной системы управления приняло характер устойчивого процесса»⁷⁷⁵.

Основы административно-правового регулирования территорий Северного Кавказа, занимаемых колонистами, во многом были определены ещё в пору первого Кавказского наместничества (указ 9 мая 1785 г.)⁷⁷⁶. Данные территории в административном отношении собирались в рамках Кавказской губернии, образованной вместе с учреждением наместничества. Губерния в свою очередь подразделялась на шесть уездов: Александровский, Георгиевский, Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский и Ставропольский. В каждом из них административные центры возводились в степень уездных городов «с применением в них общих городских положений»⁷⁷⁷.

Оценивая состояние развития административно-правовой системы в северной части Кавказа, прежде всего на

⁷⁷³ Маремкулов А.Н. Указ. соч. С.116.

⁷⁷⁴ ПСЗРИ. Т.XXII. 1848 г. №21169.

⁷⁷⁵ Блиева З.М. Указ. соч. С.105.

⁷⁷⁶ ПСЗРИ - II. Т.XXII. №16193. С.338.

⁷⁷⁷ Блиева З.М. Указ. соч. С.112.

подконтрольных российским властям территориях, можно согласиться с З.М. Блиевой, которая считает, что «управлению <...> были присущи централистские тенденции, выразившиеся в стремлении ввести в Кавказской губернии административные институты, традиционные для внутренних губерний России»⁷⁷⁸.

Кроме того, по мнению А.С. Кондрашевой и Т.А. Невской, «на повестку дня особенно остро встал вопрос о коренных преобразованиях всего управленческого аппарата на Кавказе, способного взять под контроль сложившуюся ситуацию, объединить усилия военной и гражданской властей»⁷⁷⁹.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что вся административно-правовая система в Российской империи, её принципы и направленность, её цели и задачи задавались императором всероссийским, в том числе и в Кавказском крае.

На подчиненных территориях Кавказа российская управленческая практика, пройдя через многие сложности и неудачи, постепенно находила приемлемые для региона способы реализации вмененных ей Петербургом задач. Однако много времени и сил ушло на определение основополагающих принципов в отношении к Кавказу. По этой причине административно-правовые институты долгое время имели вид временности и неопределенности.

В результате опытов по установлению административно-правового управления Кавказским краем имперскими властями были выработаны достаточно гибкие механизмы и определены относительно приемлемые подходы в отношении с кавказскими этническими обществами, учитывавшие особенности кавказского социально-культурного пространства. Предполагалась известная постепенность, так как не следовало переоценивать скорость преодоления различий культурного традиционализма и возможности

⁷⁷⁸ Там же. С.114.

⁷⁷⁹ Невская Т.А., Кондрашова А.С. Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). – Ставрополь: СевКавГТУ, 2011. С.28.

безболезненного сближения обитателей Кавказа с прочими частями Российской империи.

К середине 40-х гг. XIX века в Петербурге уже сложилось понимание того, что для достижения поставленных целей необходимо запастись терпением, так как только смена нескольких поколений в горской среде могла бы привести к желаемому результату. Российская административно-правовая политика, в основу которой были положены принципы централизма и доминирования военной власти над гражданской властью, поступательно и постепенно закладывала прочный фундамент управленческой системы в Кавказском крае.

Период до середины 40-х гг. XIX столетия стал временем осознания магистральной тенденции при выработке управленческой стратегии имперских властей для кавказского региона. Логическим завершением процесса формирования наиболее адекватной обстоятельствам административно-правовой системы стало возобновление института Кавказского наместничества, инициированного императором Николаем I в конце 1844 г.

2.2. Формирование и принципы деятельности административного аппарата Кавказского наместничества

Уже отмечавшаяся отдаленность от центральных губерний России, отсутствие развитой сети коммуникаций, недостаток численности и укорененности славянского, и в целом, европейского населения в Кавказском крае; враждебность горцев, длительное и кровопролитное военное противостояние с ними, необходимость противостоять турецко-персидской экспансии и проискам великих европейских держав – все это вынуждало высшие сферы Российской империи назначить на Кавказ чиновника с чрезвычайными полномочиями и правом осуществления всех видов власти – военной, административной, гражданской.

Покорять Кавказ нельзя было одной только военной силой. Этому препятствовали масштабы территорий, на

которые Россия распространила «свои виды», количество народов, входивших в сферу российского влияния, и общее выдвижение на первый план задач преобразовательных, а не завоевательных, хотя последние по-прежнему не были доведены до логического завершения.

Военные неудачи и провалы в администрации в начале 40-х гг. XIX в. побудили генерала А.И. Нейдгардта просить увольнения от должности. Его просьбу приняли в Петербурге не без удовольствия.

В преемники ему сначала был предназначен командовавший сводным кавалерийским корпусом генерал – от – артиллерии Д.А. Герштенцвейг, но когда он решительно отклонил этот пост, император остановился в недоумении и колебаниях. В этой нерешительности прошло несколько месяцев, пока М.П. Позену не пришла в голову мысль указать через графа А.Ф. Орлова на генерал-губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова⁷⁸⁰.

Князь А.И. Чернышев, желая держать под собственным контролем ход дел на Кавказе, предлагал на место А.И. Нейдгардта генералов Д.Е. Остен-Сакена и князя В.А. Долгорукова. Но ни тот, ни другой «не соответствовали видам государя, желавшего поставить на Кавказе такого начальника, который, соединяя, военные и административные способности и пользуясь высочайшим доверием, мог бы действовать самостоятельно»⁷⁸¹.

Исходя из сложившейся ситуации и поставленных перед будущим начальником Кавказского края задач, ни один из ранее называвшихся претендентов на отправление должности Кавказского наместника, не отвечал выдвинутым требованиям. Столичная бюрократия могла только пытаться ограничить полномочия того, кого выдвинет на данный пост императорская воля.

29 ноября 1844 года на Кавказ с чрезвычайными полномочиями наместника было предложено стать графу М.С.

⁷⁸⁰ Из воспоминаний А.А. Харитонов. Начало службы в Петербурге // Русская старина. 1894. №2. С.104.

⁷⁸¹ Там же.

Воронцову, который получил личное послание императора⁷⁸². Ему также было от императора обещано безграничную гражданскую и военную власть над всем регионом. При этом император Николай I и М.П. Позен «боялись только одного, что престарелый ветеран не примет важного, но слишком затруднительного поста, сулившего огромные труды и заботы при весьма загадочных лаврах, и, с историческим, популярным в целой Европе именем своим, предпочтет проблематической славе тот заслуженный покой, которым он наслаждался»⁷⁸³.

В этой связи император объяснял свой выбор в пользу М.С. Воронцова, тем, что надеялся на того, кто способен принять его планы и упования. Отвечая на сомнения избранного кандидата в своих силах, Николай I писал ему: «...Признавая отчасти те затруднения, которые вы исчисляете, - немалые лета и плохое здоровье - не считаю, однако, их могущими идти в сравнение с тою несомненною пользою, которую принесут краю и делам ваша опытная прозорливость, знание дел, твердость и испытанное усердие к пользам службы»⁷⁸⁴.

Император в письме к М.С. Воронцову объяснял своё решение тем, что «зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас, в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием, проникнутые важностию поручения и моим к вам доверием, не откажитесь исполнить мое ожидание»⁷⁸⁵.

В целом, император Николай, как прежде император Александр Павлович, «ожидали большую пользу от назначения Воронцова, поскольку тот является любителем всего полезного»⁷⁸⁶.

⁷⁸² АКАК. Введение. – Тифлис, 1885. Т. X. С. II.

⁷⁸³ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа... С. 51.

⁷⁸⁴ Щербинин М.П. Биография генерал – фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. – СПб., 1858. С. 214-215.

⁷⁸⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 1-40. – М., 1870-1895. Кн. 40. С. 499; АКАК. Введение. – Тифлис, 1885. Т. X. С. II.

⁷⁸⁶ Русский архив. 1903. Кн. I. С. 457.

Желание императора поскорее выправить ситуацию на Кавказе привело к тому, что, по свидетельству К.К. Бенкендорфа, «государь подчинился обстоятельствам и пересилил себя, чтобы сложить с себя часть власти и облечь ею своего подданного, к которому, как указывала молва, он далеко не был расположен»⁷⁸⁷.

Разговоры о нерасположении Николая I к М.С. Воронцову, думается, инспирировались чиновничьими кругами, которые видели в нем конкурента своим прерогативам. Они помнили некоторую досаду императора из-за конфликтов Воронцова, бывшего тогда Новороссийским генерал-губернатором с Сенатом по различным поводам управления краем. Демарши графа Воронцова против Сената не прекращались во все продолжение его администрирования в Новороссии⁷⁸⁸.

Император был раздосадован, с одной стороны, нераспорядительностью одного из высших имперских учреждений – Сената, состав которого был назначен его монаршей волей, с другой стороны, ему было крайне неприятно читать жалобы, которые ставили под сомнение его компетентность или правильность его выбора.

Но, несмотря на все прежние неудовольствия и укоры, которые граф Воронцов причинял самолюбию императора, тот сделал выбор в пользу графа Воронцова, поскольку все другие администраторы и знатоки Кавказа провалились в период с 1829 по 1843 гг., в то время как М.С. Воронцов представлял образец успешного решения многих государственных задач в Новороссии и Бессарабии, которые быстро развивались «под его благотворным управлением», а рядом, на Кавказе, положение становилось все хуже и хуже.

Административный талант и военный опыт, сделали его в глазах императора наиболее подходящей фигурой на ту важную роль, которую император собирался доверить ему.

⁷⁸⁷ Удовик В.А. Воронцов. – М., 2004. С.234.

⁷⁸⁸ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т.2. Ч.1: Комитет министров в царствование императора Николая Первого (1825 г. ноября 20 – 1855 г. февраля 18). – СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров, 1902. С.105, 125-126.

М.С. Воронцов естественным образом сделался альтернативой всем другим возможным претендентам.

Николай I настолько нуждался в скором и позитивном повороте преобразовательного дела на Кавказе, что вопреки ожиданиям многих заинтересованных наблюдателей в Москве и Петербурге, предложил М.С. Воронцову самому определить полномочия, необходимые для победы над Шамилем и для установления мира в Кавказском крае.

Из выдающихся людей России одним из первых отнесся одобрительно к такому выбору императора Л.Н. Толстой, который считал, что граф М.С. Воронцов, среди русских высших чиновников, «человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношении с высшими»⁷⁸⁹, был именно тем персонажем, который имел возможность добиться на Кавказе давно ожидавшихся результатов.

Среди современных разночтений по поводу данных событий прошлого хотелось бы сослаться на мнение тех исследователей, которые, оценивая данное беспрецедентное решение российского императора, указывают, что «фактически Воронцов стал единоличным правителем на территории от Прута до Аракса. Ему предоставлялась такая свобода действий, что многие вопросы он мог решать не только без согласования с Петербургом, но и с самим Николаем I»⁷⁹⁰.

Этим назначением император распространял на Кавказский регион общеимперский подход централистского управления. Наместничество в системе данных координат представляло слепок общей философии имперской управленческой системы.

Император Николай оставался при этом верным образу государства, которому он служил и которое было «плодом его собственного воображения и воли, а образец преданного труда, который он представлял собой, должен был служить

⁷⁸⁹ Толстой Л.Н. Избранное. – Л.: Лениздат, 1976. С.581.

⁷⁹⁰ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001. С.175.

ошеломляющим идеалом и постоянным предостережением его слугам»⁷⁹¹.

Показательно, что такой подход был созвучен идеям, которые воплощал в конце XVIII – начале XIX века в Европе проект «наполеоновской модели государственного администрирования»⁷⁹². Сущностью такой системы были максимальная централизация, единоначалие, строгая дисциплина и ответственность чиновников. Одновременно новая административная система отличалась «предельной рациональностью, логичностью структуры, конкурсной системой приемки на государственную службу»⁷⁹³.

Такая система соответствовала духу и стилю имперской управленческой практики Николая I, а также сущности наместничества, как института администрирования в особых и жестких условиях реалий Кавказского края.

Граф М.С. Воронцов, сам расположенный к такого рода форме администрации, которую он проводил в своих служебных поприщах, быстро уловил дух и букву императорских требований и провозглашаемых им подходов. Впитав многое из административной практики в том числе «потрясателя Европы», т.н. «наполеоновской» системы, с которой мог ознакомиться еще в ту пору, когда командовал российским оккупационным корпусом во Франции, М.С. Воронцов показал себя успешным управленцем, способным справиться с любыми задачами, поставленными перед ним высшими властями на самых разных поприщах⁷⁹⁴.

Потому не столько случай, сколько здравый смысл императора Николая был, в конечном счете, причиной назначения М.С. Воронцова осуществлять цели императора в Кавказский край.

Из подходов и принципов императора Николая исходило желание искать людей для совершенствования

⁷⁹¹ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: ОГИ, 2004. С.368.

⁷⁹² Зонova Т.В. Основные этапы становления российской дипломатической службы (1549-1917 гг.) // Дипломатическая служба. – М., 2003. С.12.

⁷⁹³ Там же.

⁷⁹⁴ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.114-159.

имеющегося строя, поощряя тех, кто имел разум, честь и волю. Всем данным требованиям М.С. Воронцов отвечал безусловно.

Соединяя в себе знатность происхождения, богатство, высокое образование, близкое знакомство с Кавказом и громадную опытность в военной и гражданской администрации, М.С. Воронцов «более всякого другого мог оправдать ожидания венценосного монарха»⁷⁹⁵.

Императору была известна общая система жизненного кредо семейства Воронцовых, включавшая в себя, прежде всего, верность престолу, а также долг служить отечеству на любом поприще, с честью выполняя любые обязанности, возложенные монархом⁷⁹⁶.

Это отношение к службе, престолу и отечеству было частью характера М.С. Воронцова, который превратил служебный долг не только в почетное поприще, но понимал и осуществлял его как достояние своей жизни. Об этом свидетельствовал и К.К. Бенкендорф: «В самом деле, по первому призыву своего Государя, он все бросает для новых трудов, чуждый всякой задней мысли, единственно повинуюсь чувству долга и своей совести, которые повелевают ему поработать ещё для общего блага и славы русского оружия. Это был призыв к чувству чести дворянина, и граф Воронцов не задумался откликнуться на него»⁷⁹⁷.

Близкие к исследуемому периоду времени современники весьма высоко оценивали решение М.С. Воронцова не отказываться от предложенного ему поприща. Они видели в том «высшие чувства патриотизма и преданности к государю <...> », которые подавили в нем всякое колебание. По их мнению: «Вся Россия рукоплескала этому выбору, и князь, по прибытии его в первых днях 1845 г. в Петербург, сделался предметом общего благоволения и бесчисленных оваций, частных и публичных»⁷⁹⁸.

⁷⁹⁵ АКАК. – Тифлис, 1885. Введение. С. VII.

⁷⁹⁶ Захарова О.Ю. Генерал - фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М., 2001. С. 19.

⁷⁹⁷ Цит. по: Удовик В.А. Указ. соч. С. 234.

⁷⁹⁸ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа... С. 51.

Продолжая думать над тем, почему Николай I избрал своим наместником на Кавказ М.С. Воронцова, если учитывать все перечисленные и другие доводы в его пользу, можно предположить, что император, зная прежние поприща М.С. Воронцова, надеялся на благосклонность к нему фортуны, обеспечивавшей успешное завершение всех прежних его служений. К тому же Николай I был уверен в том, что граф никогда не примет способов, низводящих имя императора к двусмысленности, но, напротив, заботясь о собственном и родовом имени и чести, прибавит достоинства императорской особе.

В связи с этим, нельзя согласиться с теми, кто высказывал подозрения в отношении М.С. Воронцова, который, якобы, сам инспирировал свое назначение на Кавказ, убрав с дороги своих конкурентов с помощью тонкой интриги. Жертвами, якобы, были сам военный министр А.И. Чернышев или знаток Кавказа статс-секретарь М.П. Позен⁷⁹⁹.

Ложность такого тезиса состоит уже в том, что М.С. Воронцов – человек заслуженный и прославленный настолько, что ему не было надобности искать какого-либо дополнительного поприща, чтобы такую славу получить. Кроме того, Кавказ по тем временам был не наградой, а тяжелой обузой, бременем любому, даже менее пожилому человеку, а тем более Воронцову, которому исполнилось 62 года к моменту его назначения на Кавказ.

Сомнения и первоначальный отказ графа от предлагаемой участи только укрепил императора в верности своего решения, так как доводы М.С. Воронцова не были кокетством или ловкой игрой. Он пытался предостеречь императора от невольной ошибки.

В ответном письме к М.С. Воронцову Николай I писал: «Благородная недоверчивость к себе, и опасения, которые изъявляете мне, равно как и верноподданнические чувства, с которыми выверяете мне свою участь, убеждают меня ещё

⁷⁹⁹ Филиппсон Г.И. Воспоминания. 1837-1847. // Осада Кавказа. – СПб., 2000. С. 196-197.

более, что выбор мой пал на того, кто наиболее способен постигнуть и исполнить мои намерения <...>»⁸⁰⁰.

Князь А.И. Чернышев или М.П. Позен не столько претендовали занять пост кавказского наместника, когда узнали волю императора, сколько стремились не допустить такого расширения его прав, при котором он бы мог сделаться неподконтрольным их влиянию, что нарушало все принципы бюрократической системы. За границами этой системы дозволено было находиться только императору, поскольку он возглавлял её пирамиду.

Император подписал рескрипт о назначении М.С. Воронцова наместником на Кавказ в том варианте, которого он добивался - 27 декабря 1844 г. Несмотря на то, что М.П. Позен отстаивал прерогативы императора, Николай I предпочел отправить его в отставку, нежели рисковать получить отказ от М.С. Воронцова принять на себя обязанность управления Кавказским краем.

Новым рескриптом от 30 января 1845 г., определявшим полномочия наместника⁸⁰¹ и поставившим его не только наравне, «но и некоторым образом и выше министров, положен был надгробный камень над всеми прежними долголетними изысканиями, экспедициями, соображениями, над всеми трудами местных и главных начальников, комиссий, комитетов, самого Государственного Совета»⁸⁰².

М.С. Воронцову предстояло выправлять не только общую ситуацию, как в северной части Кавказа, так и на Южном Кавказе. Ему предстояла многотрудная работа по переналадке механизма функционирования всех и каждого звеньев системы и сфер жизнедеятельности в Кавказском крае.

С этой минуты началась для Кавказа эпоха «единовластного и почти отдельного самобытного управления, которое хотя потом ещё при жизни императора Николая, выпало из рук ослабевшего жизненными силами Воронцова, но в той же самой полноте перешло к его преемникам»⁸⁰³.

⁸⁰⁰ Щербинин М.П. Указ. соч. С.212.

⁸⁰¹ ПСЗРИ-II. Т. XX. №18679.

⁸⁰² Корф М.А. Записки. – М.: Захаров, 2003. С.347.

⁸⁰³ Там же.

Готовясь принять на себя обязанности по управлению Кавказом, проведя консультации со своим окружением и заслуженными людьми, хорошо знавшими Кавказский край, среди которых были А.П. Ермолов и Е.А. Головин, М.С. Воронцов осознал недостаточность и даже в какой-то мере исчерпанность избиравшихся до сих пор мер. Одного хорошо организованного администрирования или военных усилий было недостаточно для умиротворения Кавказа. Необходимо было не только его завоевание, но миссионерство - модернизаторство потому, что сила способна покорять, но не преобразовать, а Кавказ, по мнению графа, нуждался больше именно в таком преобразовании. Вся дальнейшая деятельность М.С. Воронцова на Кавказе была направлена на заложение основ такого миссионерства-модернизаторства.

Горские народы следовало принуждать преобразовываться из заклятых врагов «русского дела» в сограждан русского мира, в подданных великой монархии. Русской стороне предстояло приблизить своеобразный и до сих пор замкнутый мир кавказских горцев к общему складу российской жизни таким образом, чтобы между сторонами не оставалось непримиримого разлада.

М.С. Воронцов, как участник и руководитель преобразовательной деятельности, по инкорпорации Кавказского края в систему имперского модернизационного проекта, не был чужд такого понимания миссионерства - модернизаторства России на Кавказе, о котором во второй половине XIX века писал генерал Д.И. Романовский.

Сущность этих преобразовательных усилий состояла в том, что, «если на каждом человеке лежит обязанность трудиться не только для себя, а своею жизнью принести пользу и обществу, то точно также и на каждом великом народе лежит обязанность не только развивать самого себя, а содействовать, по мере сил, развитию других более отсталых народов. Если Петр Великий основанием Петербурга прорубил окно, сквозь которое Россия взглянула на Европу, то в наше время умиротворением Кавказа прорубается окно для целой Западной

Азии, для Персии, Армении, Месопотамии, погруженных в вековое оцепенение <...>»⁸⁰⁴.

Однако такое понимание ситуации М.С. Воронцову предстояло доказывать, убеждать императора и многих влиятельных, но не расположенных к нему людей – сенаторов и министров. Убеждать приходилось также Армию, многих закаленных и заматеревших в сражениях бойцов – командиров Отдельного Кавказского корпуса, воспитанных яростью многолетнего противостояния с горскими племенами. Форму убеждения следовало отыскать и для горцев, непримиримых к приходу русских в Кавказский край.

Убеждая императора в своём видении способов умиротворения Кавказа, М.С. Воронцов настаивал на необходимости не только настойчивых и всеобъемлющих усилий, но и терпеливой сосредоточенности, так как миссионерство - модернизаторство нигде не реализуется с ходу и с наскока.

Наскок предполагал скорость, штурм, стремительность, при которых не оставалось места всему тому, что противоречило выбранной диспозиции и средствам достижения цели силовыми способами. Социально - культурный штурм, тем более, не был чужд осмотрительности и выбора, подходящих к моменту и обстоятельствам в наиболее адекватных формах преобразования.

Воронцов уходил от стратегии «штурма» к стратегии «осады», в которой медленность и постепенность, долголетняя терпеливость позволяли без значительных потерь насыщать социокультурное и географическое пространство Кавказского края артефактами имперской (русско - европейской) жизни, на основаниях которых и предполагалось кардинальное переформулирование жизненного уклада и основополагающих ценностей кавказской жизни и существования всех населявших этот край жителей.

⁸⁰⁴ Романовский Д.И. Генерал – фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война 1815-1859 гг. // Русская старина. - 1881. №2.С.261.

М.С. Воронцов желал увести внимание императора от преимущественно военных проблем и сконцентрировать и направить его взгляд на проблемы культурные, торговые и общеэкономические. Здесь планы М.С. Воронцова «не совершенно были согласованы с волею императора». Выходило, более того, что граф Воронцов «скорее стремился к торговле и миру с горцами, нежели к разрушительным военным действиям»⁸⁰⁵.

Обращаясь к императору, М.С. Воронцов доводил до его сознания мысль о том, что «здесь край представляет так много предметов, относящихся до разных отраслей управления, что надобно ещё много времени и много терпения, чтобы дать им надлежащий ход. Это не остановит его и по его долгу, и по его многолетней опытности, приобретенной им в управлении краем, несколько подобном здешнему, каков Новороссийский и в особенности Крым»⁸⁰⁶.

Настаивая на миссионерстве – модернизаторстве, как наиболее действенном механизме преобразования Кавказа, М.С. Воронцов должен был одновременно убеждать императора в том, что этот путь нисколько не умаляет всех прошлых усилий и не является предательством его общих стратегических предначертаний.

Форс-мажорные обстоятельства, сложившиеся после чувствительных поражений от Шамиля, только повышали цену приобретений и потерь, а потому требовали иных инструментов достижения желаемой цели. Николай I, в конце концов, согласился с М.С. Воронцовым, но для этого понадобилась неудача Даргинской экспедиции лета 1845 года.

Несмотря на свое разочарование и досаду император Николай I нашел в себе силы признать доводы наместника справедливыми. Кроме того, у него не оставалось выхода, так как он уже сделал выбор, и отказаться от него означало бы сильнейшее умаление венценосному реноме, что никак не было не только не допустимо, но даже и помыслено.

⁸⁰⁵ Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // «Россия и Кавказ - сквозь два столетия». Исторические чтения. – СПб., 2001. С.83.

⁸⁰⁶ АКАК. – Тифлис, 1885. Т.Х. С. 847.

Обстоятельства диктовали российским властям искать новые способы тому, что посредством опыта лишилось перспективы. Так как в северной части Кавказа на протяжении многих лет длившееся военно-силовое воздействие России на горцев Кавказа не приносило желаемых и быстрых результатов, необходимо было прибегнуть к нестандартным мерам, способным переменить не только образ действий, но, прежде всего, образ мыслей задействованных в этом процессе людей.

Ситуация все время осложнялась и принуждала Петербург прибегать к громадным жертвам – материальным и людским. Один из участников событий, немало повидавший и хорошо знавший Кавказ, Теофил Лапинский, замечал по этому поводу, что «<...> каждые семь лет эта армия (Кавказский корпус - С.Л.) вновь реформируется. Это значит, что в течении семи лет состоящая из 120 тысяч людей регулярная армия от болезней, лишений и войны полностью уничтожается и всегда должна пополняться свежими войсками. Потери нерегулярного войска, казаков и милиции здесь не принимаются совсем во внимание. Это сильное кровопускание для России, которая по этому расчету, со времени царицы Екатерины II похоронила в горах Кавказа более полутора миллионов солдат»⁸⁰⁷.

Цифры потерь российской стороны, приводимые Т. Лапинским, слишком завышены, т.к. Кавказский корпус стал насчитывать в своих рядах более 100 тысяч человек только к 50-м годам XIX века. Однако им верно подмечена тенденция: потери российской стороны год от года вырастали и требовали срочных мер, способных такие жертвы, если не прекратить, то существенно понизить⁸⁰⁸.

Так как сменявшиеся десятилетия не приближали окончания противостояния, необходим был кардинальный поворот в стратегии и тактике русского преобразовательного дела на Кавказе. Необходимы были новые люди, способные

⁸⁰⁷ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995. С.199.

⁸⁰⁸ Гизетти А.Л. Сведения о потерях Кавказских войск во время войн Кавказо-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885. – Тифлис, 1901. С.1-130.

изменить ситуацию, понять и принять идею обновления, исходившие импульсы, посылаемые тронем.

Кавказу был необходим не просто решительный руководитель, но человек, способный к системному мышлению и видению ситуации, способный решить задачу умиротворения Кавказа комплексно, а не только уповать на силу и храбрость русской армии. Кавказ нужно было не только завоевывать, его нужно было преобразовывать, замирать и вживлять в мир и структуру империи. Само завоевание не отменялось и не снималось с повестки дня, но завоевать Кавказ одной вооруженной рукой было недостаточно. Это потребовало бы не только безмерных усилий, но и трудно определяемых сроков окончания таких усилий.

Кавказ необходимо было завоевывать цивилизационно – модернизировать, перестроить социальные структуры кавказских обществ, приблизить их к российским аналогам, обаять Кавказ новыми для него ценностями. Необходимо было добиться того положения, при котором Кавказ превратился бы в часть Российской империи, в часть, которая хотела бы быть не только с Россией, но и быть Россией. Нужен был тонкий и опытный настройщик и дирижер, который бы сумел так настроить все инструменты и население разноликого кавказского оркестра, чтобы они умели играть в унисон.

Начальным рубежом означенного подхода следует считать осень 1845 г., когда Даргинская неудача образумила высшие сферы Петербурга и предоставила наместнику право взяться за дело так, как подсказывал ему опыт и его склонности. Кроме того, князь считал возможным использовать многолетний опыт европейцев, которые успешно выстраивали свои колониальные империи уже в силу того, что сам Воронцов был европеец по воспитанию и мировоззрению, обладал обширными европейскими связями.

Кавказ, в данном случае, как колонизируемый край, находился в условиях и правилах колониальной системы, которые подчинялись универсальным требованиям и механизмам, а потому колониальный опыт преуспевшей в этом деле Европы, мог быть определенным образом задействован в кавказских делах. Это было не просто очередной попыткой

обуздать Кавказ, но новым, ранее не задействованным ресурсом уже в силу того, что все прежние усилия и формы такого воздействия не были настолько успешными, чтобы пренебрегать таким опытом.

Князь М.С. Воронцов не просто понимал и знал, но способствовал модернизационному процессу во всем многообразии его сторон и проявлений. Он направлял его таким образом, чтобы наилучше продвигаться к поставленной цели и желаемым результатам русского имперского модерна на Кавказе.

Князь знал, например, что переселения и колонизация играли первостепенно важную роль не только в экономической, но и в культурной и политической истории всех времен и народов, что «колонизация всегда являлась одним из важных способов развития человечества и вела за собою более прочные и длящиеся изменения, нежели завоевания. <...> Она распространяла культуру, достигшую известного уровня», которая цементировала новые очаги и укрепляла их в теле колониального государства⁸⁰⁹.

Князь М.С. Воронцов был слишком европейцем и рациональным человеком. Он знал о совершенной чуждости предлагаемых условий Кавказу, но он также знал натуру человека, которая обязательно должна была поддаться материальным соблазнам, тем более что Восток и Кавказ, как часть его мира, имели в этом отношении немало сходных оснований. Следовало только правильно рассчитать направление усилий, определить социальные слои, способные откликнуться на предлагаемые посулы, быть терпеливым и настойчивым.

Самоуглубленный Восток (Кавказ) не мог не позаимствовать у России (Европы) импульс к материальной, вещественной активности, к желанию приобретения условий для более высокого материального существования и

⁸⁰⁹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. С.3.

повседневного достатка, «сам при этом сегментировавшись и переродившись»⁸¹⁰.

Социально-культурный вариант модернизации, избранный и практиковавшийся Воронцовым в Кавказском крае, был преимущественно адаптационным, приспособленным к тому, чтобы радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики, которую принесла с собой Российская империя, мог быть воспринят обществом, в котором продолжала доминировать архаическая традиционность.

Определенные успехи были достигнуты на этом пути, прежде всего, в Грузии. Более организованные и развитые феодально-деспотические структуры Грузии адаптировали к новым предлагавшимся наместником условиям быстрее иных регионов Кавказа.

Центром новых веяний и состояний за Кавказом стал Тифлис. Будучи административным центром, Тифлис являлся центральным пунктом на Кавказе, из которого распространялись новые культурно-нравственные обычаи и способы жизни по всему Закавказью.

Ученые, военные, чиновники, художники, литераторы, артисты, путешествовавшие по Кавказу или приезжавшие туда по разнообразным надобностям, останавливались в тифлисской резиденции наместника, превращая ее в источник многих информационных поводов, возбуждающих местные туземные элиты.

В Тифлисе, во многом, благодаря инициативам наместника, русско-европейские обычаи вписывались и преломлялись местной кавказской традицией. «Фрак и чоха, чепчик и чадра, караван и карета, итальянская ария и строгая грузинская полифоническая песня, полонез и лезгинка, европейские магазины и восточный базар»⁸¹¹ причудливо дополняли друг друга и разбавляли восточную традиционность новыми смыслами, целями, превращая повседневную жизнь

⁸¹⁰ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2010. С.19.

⁸¹¹ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.339.

местных элит в увлекательную игру с ранее неизвестными и причудливыми обольщениями.

С приездом князя М.С. Воронцова Тифлис и жизнь города начали приобретать уклад и характер, слишком отличный от всех прежних устроений. «От самого обнищавшего туземца до горделивой княгини, ведущей род от царя Давида, все невольно покорялись воронцовской обаятельности и умению приласкать и покорять людей»⁸¹².

Современник и участник описываемых событий, входивший в окружение князя М.С. Воронцова, В.А. Соллогуб писал в связи с этим, что «общество русское, хотя тогда и еще небольшое, было, тем не менее, в Тифлисе избранное; общество туземное <...> с каждым днем все более и более примыкает к нему»⁸¹³.

Люди, прибывшие с князем в Тифлис, все приезжающие впоследствии из столиц по служебным надобностям или из любопытства и жажды прикосновения к экзотике, колонисты, перебравшиеся на Кавказ на долгие годы – все вносили в жизнь города новые понятия и цели. «Европейская культура постепенно начала теснить восточную патриархальную обстановку. Модистки из Одессы и Парижа привили вкус к европейским туалетам»⁸¹⁴. Постепенно туземные элиты стали заменять грузинские чадры шелковыми платьями.

«Повсюду организуются, до тех пор неизвестные, благотворительные общества, куда впервые получает доступ теремная затворница – местная женщина. Ее не только вывели из гарема, для нее открыли училище Св. Нины, и несколько спустя в местном обществе уже являются образованные по тому времени девушки <...> » – восхищался деятельностью наместника В.И. Немирович-Данченко⁸¹⁵.

«На левом берегу Куры образовывались целые новые кварталы до самой немецкой колонии со всеми условиями

⁸¹² Цит. по. Захарова О.Ю. Указ. соч. С.339.

⁸¹³ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. – Л.: Художественная литература, 1988. С.513.

⁸¹⁴ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.340.

⁸¹⁵ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С.505.

европейского города», свидетельствовал другой современник – князь А.М. Дондуков-Корсаков⁸¹⁶. А уже известный В.И. Немирович-Данченко, обозревая обновленный Тифлис, писал: «М.С. Воронцов для Тифлиса был в одно и то же время и межевик, и архитектор, и чуть ли не каменщик; город рос не по дням, а по часам. Он расширялся, устраивался и застраивался. Всюду прокладывались новые улицы, пустыри покрывались общественными сооружениями»⁸¹⁷.

При этом М.С. Воронцов придерживался того мнения, что без поддержки представителей местных элит, аристократии, имевших высокий авторитет и большое влияние на местное население, никакие реформы в крае не осуществимы.

Часто находясь среди приглашенных наместнического дома, обольщенные обходительностью, которой их окружали русские, представители гордых грузинских княжеских фамилий невольно укреплялись в своем сознании в принадлежности к «другому высшему кругу людей, как по понятиям, так по нравам и привычкам прошлого»⁸¹⁸. Княжеские дома фамилий Орбелиани, Чавчавадзе и других сделались проводниками русско-европейского духа и устоев в туземную среду.

Тифлис 40-50-х гг. XIX в. жил насыщенной и колоритной жизнью, в которой причудливое смешение европеизма с восточным колоритом делало свое дело – разрушало восточный традиционализм и тем самым укрепляло позиции России в Закавказье. Возвысившиеся грузинские фамилии при наместничестве князя М.С. Воронцова приобретали небывалый магнетизм, который притягивал к русской стороне все новых приверженцев из туземной среды.

Тифлис, в указанную пору, был полон молодыми военными, по разным причинам желавшим служить на Кавказе под началом князя М.С. Воронцова. Их присутствие придавало городской жизни особые оттенки. Князь М.С. Воронцов

⁸¹⁶ Дондуков-Корсаков А.М. Воспоминания // Старина и новизна. – 1903. №6. С.168.

⁸¹⁷ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С.506.

⁸¹⁸ Цит. по. Захарова О.Ю. Указ. соч. С.340.

всячески покровительствовал молодым людям из родовитых фамилий Российской империи.

В деле нравственного воздействия на Кавказ, князь умело использовал туземные традиции и светские российские церемонии. Устраиваемые наместником в Тифлисе еженедельные вечера, балы и концерты, заведение театра – имели целью «слияние туземцев с русскими и уничтожение враждебной розни, искони существовавшей между обитателями Кавказа»⁸¹⁹.

Наместник поощрял браки, заключаемые представителями русской аристократии с женщинами из княжеских грузинских фамилий, видя в том своеобразный путь завоевания и преобразования Кавказа, не менее эффективный, хотя по масштабам менее эффектный. Сам факт таких браков оказывал уже сильное впечатление на эмоциональных кавказцев, а дети из таких семейств, становились непреодолимым гарантом связанности Кавказа с Россией.

Так пополнялась новыми элементами грузинская элита, которая каждым последующим поколением все крепче связывала Кавказ с империей, умиряя необузданные восточные нравы простолюдинов, покорявшиеся авторитету своих традиционных господ, постепенно приобретающих и стремившихся к новым русско-европейским способам жизнесуществования и увлекавших на этот путь свой народ.

Что касается других мест Кавказа, то, например, бедные экономически и слабо организованные политически народы Северо-Западного Кавказа не могли и не имели возможностей быстро вживаться в отношения и систему, насаждавшиеся Россией. Они долго не вписывались в предложенную схему взаимодействия и реагировали на нее посредством «хищничества» и разбоев. Кроме того, те, кто утверждали среди черкесов господство Корана и проповедовали священную войну, преследовали тех, кто вступал в общение, «пытался вести переговоры или заключать соглашения с

⁸¹⁹ Цит. по. Захарова О.Ю. Указ. соч. С.351.

русскими. Они также преследовали всех, кто отказывался принимать ислам или не выполнял его заповедей»⁸²⁰.

На Северо-Восточном Кавказе суровые тиски имамата и строгие узы ислама крепко запечатывали все потоки новых влияний и веяний, направлявшиеся Россией в горы Дагестана, и требовали долгих и кропотливых усилий, способных каким-либо образом поколебать веру и привязанность традициям, освободиться от недоверия или страха, выступить альтернативами утверждавшемуся столетиями привычному образу жизни.

Имамат, как исламская социокультурная система и политико-правовая структура, будучи конкурентом российскому модернизаторству, стремился утверждать в кавказском регионе собственные фундаментальные основы, преобразуя горные области по собственному формату. Делалось это жестко, согласно категорической императивности идейной и социокультурной сущности ислама, его универсалистской абсолютности.

Князь М.С. Воронцов, в свою очередь, действовал широким фронтом и пытался привлекать и использовать всех и вся, способных помочь русскому модернизаторству, способных содействовать преобразовательным усилиям России в Кавказском крае.

Это хорошо понял имам Шамиль. Потому князь Воронцов для имамата был более опасным противником, чем все прежние кавказские администраторы, которые слишком сужали поле имперской модернизации, ставя во главу своей деятельности задачи военного покорения, а все другие способы воздействия на Кавказ, применялись как сопутствующее средство.

Важную часть в преобразовательной деятельности наместника составляла его команда, вместе с которой он взялся реализовывать поставленные ему императором Николаем I задачи. У него не было недостатка в людях, т.к. М.С. Воронцов «был буквально атакован просьбами военных и гражданских

⁸²⁰ Хавжоко Шаукат Муфти. Указ. соч. С.183-184.

чинов служить при нем»⁸²¹. Помимо опытных служащих, находившихся с ним вместе долгие годы, он собирался привлечь образованных и энергичных молодых людей.

Отбор кандидатов для работы в кавказской администрации наместником производился тщательно и почти всегда оправдывал ожидания. На протяжении всей своей государственной службы М.С. Воронцов придерживался того взгляда, что к административной деятельности подходят лишь люди, имеющие природные способности к такому поприщу и выходящие в службу, прежде всего, служение Отечеству и Императору.

Из деловых качеств своих сотрудников М.С. Воронцов более всего ценил ум, работоспособность и исполнительность. Он ставил много разнообразных задач, определявшихся сущностью стратегии миссии-модернизации, и строго спрашивал результат. Заметив ошибку, требовал её исправления, никогда не допуская развития дел самотеком. Старшие чиновники, при этом, были обязаны помогать молодым в скорейшем обретении ими потребных делу знаний и умений. По этому поводу можно сослаться на слова М.П. Щербинина, который вспоминал, как под руководством А.И. Казначеева и А.И. Левшина он изучал основы служебного механизма⁸²².

Опять же по свидетельству того же М.П. Щербинина, Воронцов отправлял своих служащих и в заграничные путешествия, после которых те «подробно и регулярно описывали увиденное, в особенности больницы, тюрьмы, другие присутственные места, сообщали о том, что возможно перенять России из опыта городского хозяйства других стран»⁸²³.

Князь Воронцов, по словам В.А. Соллогуба, «обладал драгоценным для государственного человека даром окружать себя людьми, если не всегда замечательными, то способными, трудящимися и добросовестными»⁸²⁴.

⁸²¹ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.326.

⁸²² Там же. С.209.

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ Соллогуб В.А. Указ. соч. С.510.

Человек, однажды ставший сослуживцем М.С. Воронцова, никогда не уходил из поля его зрения. Он всегда способствовал его дальнейшему интеллектуальному и профессиональному развитию и карьерному росту. Со временем многие его сослуживцы, благодаря его патронажу, достигали высоких степеней.

Среди них можно назвать следующие имена: Г.В. Абах, И.А. Бартоломей, А.П. Берже, Е.Л. Вердеревский, Н.И. Вольф, князь Г.Г. Гагарин, князь Голицын, И.Ф. Золотарев, братья Иваницкие, И.И. Иоселиани, П.Е. Коцебу, А.Ф. Крузенштерн, Я.П. Полянский, А. Скальковский, В.А. Соллогуб, Н.В. Ханыков, И.И. Ходзько, М.П. Щербинин, С.В. Сафонов.

М.С. Воронцов умел правильно выбрать и расставить людей, согласуясь, как с задачами дела и способностями личности, так и с реальными потребностями момента и подчиненного ему региона.

М.С. Воронцову было присуще стремление последовательно идти к намеченной цели. Подчиненные князю-наместнику люди часто разделяли его взгляды и подходы к исполнению служебных обязанностей. Пример М.С. Воронцова вдохновлял. По словам все того же В.А. Соллогуба, «он обладал в высшей степени тремя очень редкими между русскими людьми качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонной твердостью убеждений, утонченной вежливостью»⁸²⁵.

Кроме того, «на характере Воронцова его воспитание в Англии оставило следы неизгладимые. Он олицетворял собою методичность во всем и любил, почти требовал, чтобы все его окружающие ей подчинялись»⁸²⁶. Методичность предполагала обязательную рациональность организации деятельности и форм. Потому окружавшие М.С. Воронцова люди не только отбирались, но и организовывались соответственным образом, составляя необходимую по условиям и задачам структуру,

⁸²⁵ Там же. С.504.

⁸²⁶ Там же. С.505.

воплощавшуюся в функционально определенном и главенствующем учреждении – канцелярии наместника⁸²⁷.

Канцелярий было две: Главная – в Тифлисе – и походная, которую возглавлял М.П. Щербинин. Главная канцелярия наместника делилась на пять отделений, к которым добавлялись четыре особенные части: казначейская, архивная, экзекуторская и журналистская⁸²⁸. Эту структурность М.С. Воронцов вынес из предписаний императора и своего предшествовавшего новороссийского опыта.

Одновременно канцелярия в целом выполняла функции главного штаба по руководству назначенным краем, в котором каждое отдельное подразделение называлось «Дежурство», состоявшее в свою очередь из 3 дежурных штаб-офицеров, дивизионного доктора, обер-аудитора, провиантского чиновника.

Все занимались строго назначенными отраслями администрирования согласно установленным правилам – секретными делами; перепиской по обозрению губерний; составлением годовых отчетов; перепиской с военными начальниками по движению и использованию войск и многое другое⁸²⁹. Начальники отделений ежедневно докладывали наместнику о ходе порученных им ведению дел. Во главе канцелярии стоял правитель – самое доверенное наместнику лицо его администрации.

В составе канцелярии наместника были также чиновники по особым поручениям, которые по распоряжению начальства объезжали различные части управляемого региона, собирали необходимые сведения о каждой части. Особую группу составляли статские чиновники Дипломатической канцелярии, все представители Министерства иностранных дел. Эта особенность канцелярии наместника объяснялась пограничным расположением Кавказского края, имевшего огромное стратегическое значение для Российской империи.

⁸²⁷ СЗРИ. Т.2. Ч.II. Особенности губернские учреждения. Ст.48-104. – СПб.: Тип. СЕИВК, 1857.

⁸²⁸ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.184.

⁸²⁹ Там же. С.187.

Следует при этом отметить, что «нельзя сказать, чтобы князь был рабом своих привычек, - когда этого требовали обстоятельства, он всегда подчинялся и иным условиям, никогда не изменяя ни сдержанности своей, ни обаятельному своему со всеми обхождению»⁸³⁰.

А.М. Дондуков-Корсаков свидетельствовал: «Князь совершенно не обращал внимания на форму, лишь бы была суть дела. <...> Вообще, в службе он держался духу и смыслу, а не наружной формы. <...> Князь был враг всяких канцелярских формальностей, он не переносил бюрократизма во всех его видах, а постоянным предметом его язвительных насмешек были чиновники приемной начальника Штаба и другие лица управления»⁸³¹. При этом, уже отмечал Э.С. Андреевский: «Дело для Воронцова было не только постоянно нравственною потребностью, но священным долгом»⁸³².

В сплаве организационной рациональности и личностных достоинств самого наместника и его сослуживцев была одна из причин высокой результативности административной деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе.

В когорту наиболее доверенных лиц князю Воронцову в разное время входили военные, как из прежнего состава лиц, служивших на Кавказе ещё до приезда туда М.С. Воронцова - Р.К. Фрейтаг, М.З. Аргутинский-Долгоруков, И.М. Лабынцев, так и те, кто прибыл в край в свите князя, или обязан был протекции известных князю людей, желая служить под началом прославленного человека и делать быструю карьеру.

Эти люди принадлежали разным слоям дворянства, но преобладали в ближнем круге аристократы, такие как генерал-лейтенант князь В.О. Бебутов или принц Александр Гессен-Дармштатский.

Среди искателей воинской славы было много молодых аристократов, и людей влиятельных, их родственников - князь

⁸³⁰ Цит. по: Удовик В.А. Воронцов. – М.: Молодая гвардия, 2004. С.286.

⁸³¹ Там же.

⁸³² Там же. С.283.

Ф.И. Паскевич, сын фельдмаршала, граф А.С. Строганов, князь В.С. Голицын, князь Эмилий Витгенштейн, князь Н.В. Козловский, князья С. и В. Кочубей, барон П.П. Меллер-Закомельский, барон Николаи, князь А.И. Гагарин, князь М.А. Дондуков-Корсаков, князь С.И. Васильчиков, князь Яшвиль, граф Чапский, барон Врангель, князь М. Лобанов-Ростовский, князь Трубецкой, князь А.М. Дондуков-Корсаков, С.М. Воронцов, сын главнокомандующего и многие другие.

Как начальник М.С. Воронцов стремился к доверительности и избегал формализма в отношениях со своими подчиненными, но при этом строго соблюдал принцип единоначалия. Как замечает по этому поводу О.Ю. Захарова, «противодействий своим планам не терпел, противников не щадил, не выносил нарушения правил общественного приличия, жестокого обращения с низшим классом, взяточничества, презрения к установленному порядку»⁸³³.

В то же время, как отмечалось ранее, служебная требовательность наместника к подчиненным ему лицам была чрезвычайно велика. Даже наиболее доверенные ему люди несколько тяготились этим его качеством, замечая в этой связи, что «сколько он приятен в частной жизни, столько по деловым отношениям он тяжел и самоуправен»⁸³⁴.

Общеимперская система административного централизма требовала большой активности от акторов такого властного механизма. Этому правилу неизбежно обязаны были подчиняться все. Потому современников поражала необыкновенная мобильность императора Николая I, который постоянно совершал поездки по империи. В среднем император Николай проезжал около 5500 вёрст ежегодно⁸³⁵. Обстоятельства предписывали необходимости императору видеть все своими глазами. Он старался поспеть везде. С 1829 г. поездки Николая I стали носить систематический и регулярный характер. Такого рода поездки составляли неотъемлемую часть как общих установлений и принципов

⁸³³ Там же. С.190.

⁸³⁴ Цит. по: Захарова О.Ю. Указ. соч. С.190.

⁸³⁵ Олейников Д.И. Бенкендорф. - М.: Молодая гвардия, 2009. С.315.

администрирования, которые он сам культивировал и прививал, так и частных средств контроля и инспектирования. На Кавказ император приезжал в 1837 г.

М.С. Воронцов, являясь не только приверженцем, но и неотъемлемой частью данных принципов управления Николаевской эпохи, в силу писанных или неписанных правил и принципов абсолютистской административной системы, не мог не повторять многих способов управления, которые исповедовал и реализовывал император Николай.

Наместник не только привык, но обязан был лично вникать во все вопросы управления, постоянно объезжать территорию Кавказского края с инспекционными поездками, «проводя дни и ночи в одной коляске <...> ночуя иногда на одной куче сена <...>»⁸³⁶, несмотря на свои преклонные лета.

Только что, прибыв на Кавказ, - с марта по декабрь 1845 г. – наместник посетил Мингрелию, Имеретию, Карталинию, Кавказскую область, Северный и Нагорный Дагестан, Черноморию, Кахетию, Джаро-Белоканский округ.

Кроме того, М.С. Воронцов посетил каждого из отдельных кавказских начальников и военных командиров, которые были удивлены, так как никто из прежних высших кавказских администраторов «не имел подобной деятельности и подвижности»⁸³⁷.

А.П. Ермолов, отмечая эту сторону управленческой практики М.С. Воронцова, писал: «Неимоверная подвижность твоя познакомила тебя с местностью, и ты в два года усмотрел то, что во многие года не видели другие»⁸³⁸. Своих поездок М.С. Воронцов не оставлял до самого последнего дня пребывания в своей должности.

В одном из писем к А.П. Ермолову М.С. Воронцов с некоторой гордостью писал: «Теперешняя моя поездка познакомила меня со всеми местами Закавказья, где я лично не был, и теперь я могу сказать, что весь край мне известен от

⁸³⁶ На память юбилея А.И. Левшина. – СПб., 1868. С.32.

⁸³⁷ Письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. Указ. соч. С.138; РГАДА. Ф.1261. Оп.3. Д.1381. Л.156-169об.

⁸³⁸ Письма А.П. Ермолова... С.161; РГАДА. Ф.1261. Оп.3. Д.1381. Л.188-189об.

Ленкорана до Анапы и от Озургет и Александрополя до Кизляра»⁸³⁹.

Характер и содержание поездок князя-наместника по Кавказскому краю можно проиллюстрировать примером его поездки в Ставрополь 27 сентября 1845 г. При подъезде к городу «все, от убогого до богатого, от мала до велика, спешили встретить наместника. Пробило семь часов. Наместника не было. Плохая дорога, перерезанная глубокими балками, задержала Михаила Семеновича. Стемнело. Город осветился богатой иллюминацией; дорога от города почти на версту была также освещена огнями; <...> В девять часов толпы народа грянули «ура», и его сиятельство был встречен начальником штаба войск кавказской линии и Черномории. <...> На другой день, то есть 28-го числа поутру, представлялись его сиятельству генералы, штаб и обер-офицеры, квартирующих войск и чиновники гражданского ведомства. В 10 часов князь, посетив преосвященного Иеремию, отправился в военный госпиталь, оттуда в тюремный замок, в казармы кавказского линейного № 1-го батальона, в казармы, где расположена военно-арестантская рота. <...> На третий день, 29-го, посетил все отделения дежурства и генеральный штаб войск кавказской линии и Черномории, комиссариатскую комиссию, провиантское коммиссионерство, все присутственные места, арестантскую роту гражданского ведомства, областную гимназию, был в частном пансионе благородных девиц г-жи Щербо. Одним словом, Михаил Семенович был везде и видел все, ничто не ускользнуло от внимательности его сиятельства»⁸⁴⁰.

Военный опыт М.С. Воронцова способствовал выработке в нем уверенности в собственных силах, настойчивости, поражавшему многих самообладанию и хладнокровию в самых экстраординарных обстоятельствах, умению влиять на окружающих людей, которые добровольно

⁸³⁹ Кавказские письма М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Удовик В.А. Воронцов. – М.: Молодая гвардия, 2004. С.351.

⁸⁴⁰ Федоров М.Ф. Поездка князя М.С. Воронцова в Ставрополь 27 сентября 1845 г. Приложения к «Походным запискам» // Кавказский сборник. Т.3. – Тифлис, 1879. С.224-225.

покорялись этим его свойствам,веряя ему право на принятие решений. При этом наместник оставался живым человеком, полным страстей и переживаний, которые он искусно скрывал в правилах своего английского и аристократического воспитания.

Приняв свое новое назначение на Кавказ, М.С. Воронцов, несомненно, отдавал себе отчет в сложности порученного дела, а потому ему крайне необходимой была поддержка близких ему по духу и прежним поприщам товарищей и закаленных кавказцев, как например, генерал-лейтенанта А.П. Ермолова.

По дороге на Кавказ М.С. Воронцов специально заезжал в Москву свидеться с Е.А. Головиным и своим давним приятелем А.П. Ермоловым, чтобы переговорить с ними, получить разъяснения и советы по поводу его нового поприща. Кроме того, М.С. Воронцов просил А.П. Ермолова сделать для него выписку из множества кавказских записок, имевшихся в распоряжении отставного генерала⁸⁴¹.

М.С. Воронцов первое время пребывания в Кавказском крае шел по непроторенной им дороге, втайне опасаясь не оправдать ожиданий доверившегося ему императора Николая, а потому нуждался в твердой руке проверенного и многоопытного в кавказских делах товарища.

Это особенно стало очевидным при реализации плана Даргинской экспедиции летом 1845 года. И, хотя М.С. Воронцов, сам многоопытный администратор и генерал, принимал всю ответственность на себя, ему хотелось увериться в правильности путей реализуемого через посредство оценок и заключений Ермоловского глаза. Он избрал генерала А.П. Ермолова одним из своих поверенных и закулисных советчиков во всех своих действиях, и это продолжалось на протяжении всего срока пребывания М.С. Воронцова наместником на Кавказе. Кавказский наместник присылал Ермолову подробные письма-отчеты о событиях, об

⁸⁴¹ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. №2. С.162.

осматриваемых местностях, маршрутах передвижения войск, о принятых распоряжениях.

Князь Воронцов предложил присылать ему сведения также и по гражданским делам. Более того, наместник поручил начальнику своей канцелярии С.В. Сафонову держать А.П. Ермолова в известности, чтобы ему было более знакомо все, что было сделано, а так же переслать в Москву даже копию отчета императору за первый год своего управления Кавказом. В письме к другу наместник сообщал: «Я велю начать делать для тебя записку для отсылки, по крайней мере, два раза в месяц о всем, что здесь делается»⁸⁴², таким образом отставной генерал-лейтенант получал отчетов с Кавказа больше и чаще, нежели император.

Кавказский наместник видел в А.П. Ермолове деятельного помощника, чье негласное участие много способствовало его успешным предприятиям, а потому был с ним предельно доверительным.

М.С. Воронцов в очередном письме писал: «Насчет военных дел и прочего я не могу лучше доказать тебе решительное мое желание, чтобы все тебе было известно о здешнем крае, как тем, что пошлю тебе с князем Кочубеем <...> весьма секретную бумагу в копии той, которую я <...> отправил Государю на счет всех военных действий текущего года, предположений моих на будущее и нашего военного положения здесь вообще. Я прошу тебя <...> и уверен, что ты почувствуешь необходимость этого, чтобы эта бумага никому не была показана, и чтобы никто не знал, что она в таком виде тебе посылается»⁸⁴³.

Такая доверительность дорогого стоила. Князь М.С. Воронцов сильно рисковал, если бы вдруг открылась его связь с опальным отставником. Кроме того, ему грозило обвинение в разглашении государственной тайны. Можно предположить, что такая доверительность далеко выходила и за дружеские связи и основывалась на заинтересованности в советнике-профессионале по всему спектру военно-политических задач и

⁸⁴² Там же. С.196-199.

⁸⁴³ Там же.

административных решений. Мнением А.П. Ермолова убеждалась правота решенного наместником.

В продолжение многих лет не было ни одного сколько-нибудь существенного события или решения в Кавказском крае, которые оставались без мнения и участия в них косвенной руки А.П. Ермолова.

В то же время, надо отметить, что как бы ни была важна поддержка и советы старого товарища, М.С. Воронцов одновременно вел самую обширную переписку со многими другими известными ему лицами, чье мнение и замечания играли определенную роль при принятии наместником того или иного управленческого решения. Например, князь Воронцов состоял в переписке с графом П.Д. Киселевым и адмиралом А.С. Меншиковым, фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем, генералом Е.А. Головиным и посвящал их в ход кавказских дел. М.С. Воронцов столкнулся с рядом административно-политических и организационных проблем, для разрешения которых ему понадобился опыт известных администраторов.

Такая диверсификация мнений по вопросам, требовавшим управленческих решений, была необходима М.С. Воронцову, чтобы не поддаваться обаянию тех или иных пристрастий, которые могли увести от понимания оттенков в окружавших его деятельность обстоятельствах.

В силу того обстоятельства, что наместник начинал свою деятельность в Кавказском крае не на пустом месте (на переданной ему в попечение территории его предшественниками уже был создан действующий аппарат чиновников, а в каждой губернии бывший там губернатор имел также свой административный аппарат), «от его административных способностей зависело, сможет ли он соединить свои представления с намерениями гражданских губернаторов, продолжить начатое предшественниками и одновременно подготовить почву для собственных начинаний»⁸⁴⁴.

⁸⁴⁴ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.194.

Для М.С. Воронцова, в силу особенностей его характера и личностных качеств, а также сложившегося при нем стиля управления, важно было иметь на главных позициях формируемого им административного аппарата людей, готовых выполнять его планы. Потому он обращался в Министерство внутренних дел с просьбой о назначении на губернаторские должности нужных ему людей, если прежние чиновники не умели или не хотели понять и принять требований и видов наместника. В Петербурге обычно шли ему навстречу, но указывали об ответственности, которая в этом случае в полной мере ложилась на него.

Отношений с министерствами (несмотря на данные М.С. Воронцову широкие полномочия) нельзя было избежать еще и по той причине, что многие чиновники профильных ведомств Кавказской администрации одновременно подчинялись соответствующим министерствам.

Как пишет О.Ю. Захарова, «министры могли вмешаться и в деятельность административного аппарата генерал-губернатора, отзывая из него чиновников, относящихся по роду деятельности к их министерству»⁸⁴⁵. Однако наместник, всегда находил приемлемые для него решения, хотя и не без некоторого ущерба для петербургского административного бомонда. Хотя сенатор К.Н. Лебедев отмечал, что М.С. Воронцов, «уважая Государя, вовсе не уважает его министров. В нем много молодечества и желания польстить своему краю <...>»⁸⁴⁶. В то же время такое неуважение было только кажущимся, больше плодом уязвленных самомнений, поскольку наместник, как один из высших чиновников империи, не мог действовать вопреки принятым формам административной системы. Он сам этого не терпел в ком-либо, и не мог допустить нарушений установившегося порядка в своей личной деятельности. Уязвленность самолюбия министров проистекала из того, что «все гг. министры знакомы с Россией по пересказам и донесениям»⁸⁴⁷, а потому далеко не

⁸⁴⁵ Там же. С.205.

⁸⁴⁶ Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1910. Кн. III. С.369.

⁸⁴⁷ Цит. по: Захарова О.Ю. Указ. соч. С.204.

во всем могли адекватно понимать нужды подведомственного ему края, на что наместник им указывал.

Сам М.С. Воронцов, дабы вникнуть во все подробности дела, никогда не давал ход любому делу без тщательного ознакомления и исследования его сути. Необдуманных и сырых решений у него не было. Он всегда, когда ходатайствовал о чем-либо, давал одновременно рецепт решения, сообщал о всех сторонах за и против предлагаемого, чтобы вышестоящий начальник мог самостоятельно оценить верность предлагаемого ему решения.

Контроль за работой чиновников, составлявших штаты местных органов управления, осуществлялся наместником также, как он это делал в отношении чиновников собственной канцелярии.

М.С. Воронцов требовал, чтобы гражданские губернаторы представляли ему кандидатуры и точные формулярные списки их службы, а если понадобится по случаю — представляли сведения о кандидатах и свое заключение о претендентах на должности губернских и уездных землемеров, заседателей и ассессоров палат уголовной и гражданской и заседателей совестного суда, чиновников особых поручений; земских исправников; полицеймейстеров и городничих; членов губернских строительных компаний⁸⁴⁸.

Князь Воронцов стремился привлекать в местные органы управления лиц, наделенных соответствующими деловыми и моральными качествами, способными послужить развитию Кавказского края и укрепить его привязанность к империи.

М.С. Воронцов имел правило, по делам важным, но терпящим время, относиться к председателю Кавказского комитета князю А.И. Чернышеву, что всегда позитивно отражалось на ходе дел. В управлении краем отношения у наместника постоянно бывали с начальником гражданского управления, а иногда со смешением гражданских дел с военными и с военными губернаторами. В них наместник хотел

⁸⁴⁸ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.208.

иметь «опыт и верность усердных помощников»⁸⁴⁹. А.Я. Фабр подчеркивал, что централизм в управлении был абсолютным, т.к. «ни один начальник губернии ни к чему не приступит без разрешения М.С. Воронцова. При этом все распоряжения должны быть согласованы с постановлением правительства»⁸⁵⁰.

В этом смысле стиль управления наместника нисколько не противоречил общегосударственным началам, заложенным императором Николаем Павловичем. Более того, по мнению Г.Г. Лисицыной: «По замыслу Николая I для успешного решения многочисленных проблем политического, экономического и военного характера в Закавказье и на Кавказе необходима была еще большая концентрация власти как в высшем государственном, так и в местном управлении краем»⁸⁵¹.

В то же время в 1846 г. императором был определен регламент отношений наместника Кавказского с центральной властью, которую для Кавказского края представлял уже упоминавшийся Кавказский комитет, специальный высший орган, посредством которого «можно было бы осуществлять непосредственное управление из столицы»⁸⁵².

В сферу деятельности Кавказского комитета входили дела административного управления, судостроительства и судопроизводства, торговли, финансов, промышленности, сельского хозяйства, землевладения и землепользования, переселения, народного образования и здравоохранения. В Комитет направлялись ежегодные отчеты наместника, ежегодные сметы расходов и доходов по Закавказью и Кавказской области.

С точки зрения Г.Г. Лисицыной, «одной из основных функций Кавказского комитета была оперативность решения

⁸⁴⁹ АКАК. Т.Х. С.93.

⁸⁵⁰ РГАДА. Ф.1261. Оп.1. Д.2432. Л.123.

⁸⁵¹ Лисицына Г.Г. Кавказский Комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.: АОЗТ журнал «Звезда», 2001. С.155.

⁸⁵² Там же.

всех, проходивших через его канцелярию дел по управлению краем»⁸⁵³.

Если касаться общего стиля управленческой практики наместника, то следует подчеркнуть одну характерную для него особенность - в оценках князя М.С. Воронцова не было отрицательных отзывов о людях, которые служили с ним и входили в состав его команды. Особенно это касалось людей военных, которых наместник всегда отличал и ставил много выше чиновников гражданских.

Так по данному поводу наместник писал: «Военные наши начальники почти все люди опытные, храбрые и пользующиеся общеою доверенностью. Вообще мы можем похвалиться числом отличных военных людей всех чинов, а между старшими таких, которые соединяют военные достоинства с знанием и способностями для управления разными сословиями, живущими в кругу их начальства. <...> Трудная здешняя служба и случайности боевые лишают нас многих отличных людей, но они заменяются по возможности другими, также по опыту службы и достоинствам выбранными на место убылых»⁸⁵⁴.

Характерные черты отношения наместника к своим подчиненным можно увидеть, в том числе и в его эпистолярном наследии. В качестве примера можно привести выдержки из письма к А.П. Ермолову от 23 января 1849 г., в котором М.С. Воронцов сообщал с удовольствием и некоторым восхищением: «Теперь у меня здесь (в Тифлисе - С.Л.) князь Аргутинский-Долгорукий, а после зимней экспедиции будет сюда Нестеров. Много было также дела с новым начальником Лезгинской линии генерал-майором Чилиевым и с начальником Центра полковником князем Эристовым. Этот последний <...> человек преотличный во всех отношениях, и такого начальника для Большой и Малой Кабарды еще не было. С князем Аргутинским, чем более я знакомлюсь, тем более я ценю его способности, как военные, так и в администрации и в совершенном знании края. По гражданской части он имеет

⁸⁵³ Там же. С.157.

⁸⁵⁴ АКАК. Т.Х. С.95.

хорошего помощника в Дербентском губернаторе князе Гагарине, бывшем много лет моим адъютантом, а по военной части в прошлом году у него произвели несколько отличных полковников в генерал-майоры, между коими я считаю первым для будущего времени во всех отношениях князя Григория Орбелианова»⁸⁵⁵.

Особенности отношения М.С. Воронцова к своим сослуживцам наиболее явственно прослеживаются в инструкции генералу Н.А. Реаду⁸⁵⁶.

А.М. Дондуков-Корсаков отмечал: «Князь принимал всегда участие во всех даже частных делах его приближенных. Достаточно было ему узнать о нуждах кого-нибудь, чтобы совершенно естественно и просто придти к нему на помощь со свойственной ему одному только деликатностью *grand seigneur*. Он был чрезвычайно щедр, но вместе с тем разборчив. Часто случалось мне докладывать ему о нуждах беднейших офицеров, и никогда он не отказывал в пособии или даже выручке из затруднительного положения заслуженных и достойных людей»⁸⁵⁷.

Оценивая общую направленность деятельности М.С. Воронцова в Кавказском крае, следует подчеркнуть важную черту её сущности: он не только не разрушал того, что было установлено в Кавказском крае его предшественниками для укрепления позиций империи в данном регионе (в этом смысле сомневаться в направленности их действий не приходилось), сколько предлагал и предпринимал меры для усовершенствования административно-правовой системы и практики на Кавказе, снимая наслоившиеся недоразумения и исправляя ошибки.

Для улучшения управления Закавказьем, например, были учреждены в 1846 г. новые губернии: Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская, Дербентская, Эриванская с 4 уездами. Этими разделениями «доставлено было обитателям

⁸⁵⁵ Цит. по: Удовик В. Указ. соч. С.346.

⁸⁵⁶ Там же. С.92-100.

⁸⁵⁷ Цит. по: Удовик В.А. Указ. соч. С.286.

более быстрое рассмотрение их жалоб и споров»⁸⁵⁸. Кроме того, эта реорганизация «имела целью достижение административно-территориальной совместимости Кавказского края с остальным государственным пространством»⁸⁵⁹. Учреждено было гражданское управление в городе Анапе, Новороссийске, Сухум-Кале, а станицы Закубанского поселения получили прочное основание. Введено было в Ставропольской губернии общее учреждение губернского правления и губернаторского наказа в 1847 г. Преобразовано управление государственных имуществ.

По мнению М.П. Щербинина, эти мероприятия имели своими последствиями то, что способствовали введению единства в управление государственными крестьянами и сосредоточили усилия к улучшению их быта и развитию всех отраслей их промышленности, а также способствовали значительному сбережению денежных средств казны⁸⁶⁰.

С. Эсадзе также отмечал, что Воронцов, кроме необходимости приблизить губернские власти и суды 2-й степени к главнейшим центрам Закавказья, стремился вернуть им прежнюю историческую роль, поскольку «эти центры уже по своему географическому, этнографическому положению и исторически созданному экономическому быту должны были теперь иметь существенные недостатки от подчинения их одной губернской власти»⁸⁶¹.

Как опытный администратор М.С. Воронцов ясно представлял первостепенные нужды территорий. Ему, например, были понятны жалобы имеретинцев на то, что их «знаменитое царство» обращено в простой уезд Тифлисской губернии.

⁸⁵⁸ Замечания М.П. Щербинина о деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе // Русский архив. 1872. №3-4. С.713.

⁸⁵⁹ Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. С.77.

⁸⁶⁰ Замечания М.П. Щербинина... С.713.

⁸⁶¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1. – Тифлис, 1907. С.85.

«Ум князя Воронцова был так создан, что эта скорбь народа была ему совершенно понятна»⁸⁶². Потому он настоял на учреждении для Имеретии Кутаисской губернии, после чего «все поднялось и подымается в этом благословенном природою крае; все классы и сословия жителей, как будто ожили; а счастливый брак кутаисского губернатора князя Гагарина с княгиней Орбелиани, как нельзя более содействовал сближению русского общества с туземным»⁸⁶³.

Поскольку желание императора Николая I заключалось в том, чтобы приобщить окраины к общероссийской гражданственности и «связать разноплеменный край с империей», М.С. Воронцов понимал, что эта связь могла быть прочной только тогда, когда вся система управления «имела бы целью разобраться во всех условиях народной жизни». В то же время «всякая перемена и всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудно к введению везде, но в особенности в Кавказском крае, а потому в подобных случаях надобно действовать с большой осторожностью»⁸⁶⁴.

В продолжение всего своего руководства Кавказским краем князь Воронцов «шел навстречу каждой народной нужде»⁸⁶⁵, но воплощалось ожидаемое всегда и таким образом, чтобы народные нужды территорий связывались с интересами имперскими, не противоречили в своем существовании друг другу.

Проектирование такого разделения и преобразования Кавказского края в административно-территориальном отношении производилось в аппарате наместника. «Для туземных обществ были сохранены приставства. От уездного или даже губернского управлений эти общества не зависели и оставались в подчинении командующих Кавказской линией»⁸⁶⁶.

Наместник занялся пересмотром штатов всех губернских и уездных учреждений в целях рационализации их работы и сбережения расходов. Кавказский комитет признал

⁸⁶² Там же.

⁸⁶³ Там же.

⁸⁶⁴ Там же. С.89.

⁸⁶⁵ Там же.

⁸⁶⁶ Замечания М.П. Щербинина... С.713.

вопрос о порядке управления государственными имуществами за Кавказом «принадлежит к предметам первостепенной важности при гражданском устройстве этого края. От степени удовлетворенности и совершенства этого управления зависит охранение казенной собственности, усиление государственных доходов и развитие промышленности во всех её отраслях»⁸⁶⁷.

В связи с этим в Петербурге признали совершенно необходимым «дать управлению за Кавказом устройство прочное и вполне согласное с местными потребностями края»⁸⁶⁸. По этой причине в имперской столице не могли игнорировать объяснений наместника, что, «когда из прежних двух губерний за Кавказом образовано четыре <...> неудобно оставлять палаты государственных имуществ только в двух губерниях – Тифлисской и Шемахинской. <...> Необходимо образование за Кавказом такого общего по части государственных имуществ учреждения, которое, сосредоточивая все дела, до той части относящиеся, в то же время имело бы средства и возможности наблюдать за действиями по этой части губернских начальников за Кавказом. При настоящем порядке губернского там управления, наблюдение это может быть устроено не иначе, как через наместника Кавказского»⁸⁶⁹.

Две казенных палаты – Тифлисская и Шемахинская, в которых в 1840 г. находилось 148 чиновников и отпускалось на их содержание 83635 рублей, на основании представления наместника от 18 декабря 1848 г. Соединены в одну общую казенную палату со штатом в 71 чиновник, и расходы уменьшены на 18500 рублей⁸⁷⁰.

В эти и многие иные заботы управления князь М.С. Воронцов был погружен без остатка. В письме к А.П. Ермолову наместник писал: «Скажу, однако, здесь, что лишнего досуга и в Тифлисе я не имею; ибо, кроме текущих дел, я должен был заняться многими гражданскими предположениями, которых пускать в ход невозможно с цыганскою жизнью и переездах по

⁸⁶⁷ АКАК. Т.Х. С.38-39.

⁸⁶⁸ Там же.

⁸⁶⁹ Там же.

⁸⁷⁰ Там же. С.55.

краю. Кроме того, приезжают сюда в это время некоторые главные начальники, как гражданские, так и военные, и со всеми надобно толковать, рассматривать бумаги и решать действия на будущее время»⁸⁷¹.

Сложности и даже экстраординарные обстоятельства не могли поколебать хладнокровия М.С. Воронцова во время принятия им решений. Подчиненные всегда тонко чувствовали психологию и состояние своего начальника, от которого веяло спокойствием и уверенностью в его собственных и их возможностях. О.Ю. Захарова приводит слова современников М.С. Воронцова, которые могут служить подтверждением сказанному. Современники свидетельствовали, что каждый чиновник мог смело прийти к нему и сообщить о своем недоразумении или промахе, а тот спокойно объяснял им, что в таком случае надо было предпринять, чтобы промах был исправлен. После чего следовали распоряжения, в которых слова приказаний говорились негромким голосом, без признаков раздражения или недовольства, что всегда производило магическое действие на подчиненных, придавая им силы справиться с обстоятельствами их положения⁸⁷².

Как и большинство людей, обладавших большой властью и волею Судьбы призванный принимать ответственные решения, М.С. Воронцов, отличавшийся при этом простотой в обращении с людьми, «был долгопамятен как в добре, так и в зле; составив о ком-либо хорошее или плохое мнение, с большим трудом мог изменить его»⁸⁷³. Эта черта характера присуща многим волевым натурам, определенность и постоянство которых сопрягается с нацеленностью, не оставляющей им времени для поиска подробностей в людях или извинительных для них причин. Дело и его цели составляют призму, через которую они смотрят на окружающих и ожидают проявления их способностей и человеческой сущности.

⁸⁷¹ Цит. по: Удовик В. Указ. соч. С.345-346.

⁸⁷² Захарова О.Ю. Указ. соч. С.316.

⁸⁷³ Там же. С.318.

Важнейшей чертой любого успешного администратора остается умение творчески мыслить, преобразовывать каждодневную данность в распоряжения и действия, ведущие к ожидаемым результатам. М.С. Воронцов обладал таким качеством ума, который в современных условиях называют креативностью.

Суровые обстоятельства кавказской действительности требовали нестандартных решений почти на каждом шагу, поскольку сам Кавказский край вырывался из всего предыдущего административного или военного опыта как М.С. Воронцова, так и административной и военной практики имперских властей. Кроме того, сами задачи цивилизаторского миссионерства не могли иметь стандартного воплощения. М.С. Воронцов большей частью безошибочно находил развязки самым сложным обстоятельствам, в которых ему приходилось находиться.

Император Николай I знал эти качества Воронцова. Он в беседе с В.П. Сафоновым заявил: «Я всегда говорил, что нет другого человека в России, как князь, который был бы так способен и так умел творить, созидать, устраивать. <...> в короткое время пребывания на Кавказе он успел осмотреть большую часть края и положил начало таким предложениям, о которых давно думали, но ничего до сих пор не сделали»⁸⁷⁴

По свидетельству современников, картины устройства края, улучшения во всех частях его кипели в голове наместника⁸⁷⁵. Случавшиеся неудачи не могли поколебать его терпеливой и несуетной настойчивости, поскольку его креативное мышление позволяло ему постоянно сохранять и удерживать образ заданной целеустремленности.

Э.С. Андриевский свидетельствовал: «По милости и доверию своих государей, Воронцов неоднократно располагал почти неограниченной властью и держал в своих руках участь целых племен и обширнейших областей, но легко жилось при Воронцове, и каждый край, которым он управлял, не оставался

⁸⁷⁴ Цит. по: Удовик В.А., Кацик В.О. Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. – СПб., 2000. С.156.

⁸⁷⁵ Вигель Ф.Ф. Записки. Т.1-2. – М., 1928.

без какого-нибудь им самим вызванного существенного улучшения»⁸⁷⁶.

В связи с этим А.П. Ермолов писал князю М.С. Воронцову: «...Ты обладаешь магическою силою, и у тебя исполняются все предначертания. Многое сделано в твое управление строною, что наследникам твоим казаться будет неразгаданной задачею. Ты врежешь в скалы Кавказа эпоху царствования Императора и имя могущественного его наместника»⁸⁷⁷.

В качестве послесловия ко всему выше сказанному, можно констатировать, что имперский центр достаточно долго и тщательно подбирал кандидатуру на пост начальника Кавказского края, соотнося качества претендентов и их послужной список с требованиями избранной стратегии и постановкой задач.

Вокруг кандидатов разворачивалась тайная борьба амбиций, связанная с конкуренцией между отдельными слоями аристократического истеблишмента и высшей бюрократии.

В конечном счете, здравомыслие и взвешенный расчет императора склонили чашу весов в пользу графа М.С. Воронцова, чьи военно-административные заслуги и немалый опыт на многих прежних государственных поприщах стали ему лучшей рекомендацией.

М.С. Воронцов предложил императору новый подход в деле умиротворения Кавказа. Новоназначенный наместник предполагал сменить не только стратегию завоевания, но перейти к модернизации всех основ кавказского социально-культурного и географического пространства.

Получив одобрение со стороны императора, и сформировав соответствующую потребностям предстоящей деятельности команду, представлявшую собой сложную управленческую структуру, заточенную на выполнение строго определенных функций, М.С. Воронцов приступил к воплощению задуманного.

⁸⁷⁶ Андреевский Э.С. Записки. - Одесса, 1913. Т.I. С.127.

⁸⁷⁷ РГАДА. Ф.1261.Оп.3. Д.1381. Л.288; Письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. Указ. соч. С.253.

Креативность ума, собственный опыт и способности большого числа людей, окружавших наместника, позволили ему не только стабилизировать общую обстановку в Кавказском крае, но заложить фундамент грядущих побед как русского оружия в противостоянии с непримиримой частью горских обществ, так и подготовить почву для успехов преобразовательных усилий в большинстве сфер кавказского социального существования.

2.3. Борьба со злоупотреблениями в гражданском и военном управлении как средство оздоровления административной системы

Государственные люди, которым российские императоры поручали проводить на Кавказе политику, принципы которой наиболее ясно были сформулированы Николаем I в 1846 году перед начальником канцелярии Кавказского наместничества С.В. Сафоновым⁸⁷⁸, сталкивались с множеством проблем.

Николай Павлович желал, чтобы Кавказский край не воспринимался в России как «отдельное царство». Государь желал и старался, чтобы все его и его Кавказской администрации действия всеми возможными мерами слили Кавказ с Россией, «чтобы все составляло одно целое», чтобы жители Кавказа знали и чувствовали, что «они получают свою жизнь и свое благосостояние наравне с другими частями обширного Царства Русского, от одного светила»⁸⁷⁹.

В то же время в высших правительственных сферах существовали убеждения о повсеместно творящихся противозаконных деяниях в стране, которая вверялась в

⁸⁷⁸ Выскочков Л.В. Указ. соч. С.292; Разговор С.В. Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г.//Архив князя Воронцова. Кн.38. – М.: Университетская типография, 1892. С.383-408.

⁸⁷⁹ Там же.

управление новому наместнику и которая служила ареною «необузданного самоуправления и лихоимства»⁸⁸⁰.

Излишим было упоминать обо всем, что тогда передавалось о злоупотреблениях допускавшихся по всем отраслям, как военного, так и гражданского администрирования на Кавказе⁸⁸¹.

После поездки в Петербург для аудиенции с императором, после встреч с высокопоставленными чиновниками М.С. Воронцов «проникся твердым убеждением в господстве в Кавказском крае необузданного своеволия, в потворстве, оказываемом всеми и каждым противозаконным деяниям»⁸⁸².

Под таким впечатлением прибыл на Кавказ в марте 1845 года новый наместник, взяв на себя «труднейшую «Авгиеву задачу» - очистить русскую гражданскую и военную администрацию от закоренелой коррупции»⁸⁸³.

Наибольшую активность в борьбе со злоупотреблениями он развил с первых дней своего пребывания на кавказской земле, когда утверждался там, стремясь подавить возможную фронду и установить определенные устои, которые ему казались правильными и наиболее отвечающими требованиям Петербурга.

М.С. Воронцов был настроен весьма скептически к кавказскому чиновничеству, погрязшему, во всякого рода, злоупотреблениях. Эти люди внушали Воронцову, по словам А.Л. Зиссермана, «чувство крайнего нерасположения, которого он не скрывал даже перед туземным населением»⁸⁸⁴.

Несоответствующий требованиям правильного и эффективного управления вновь приобретенным краем контингент чиновников уронил веру в силу и справедливость

⁸⁸⁰ Фелькнер А.А. О деле флигель-адъютанта Копьева // Русская старина. 1873. Кн.5. С.700.

⁸⁸¹ Там же.

⁸⁸² Щербинин М.П. Заметки по поводу рассказа о деле флигель-адъютанта Копьева // Русская старина. 1873. Кн.4. С.699.

⁸⁸³ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – М.: Русская панорама, 2001. С.184.

⁸⁸⁴ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. – СПб., 1879. Ч.1. С.220.

решений как центральных, так и местных властей, и содействовал развитию в народе «изворотливости, сутяжничества и ухищрений в толковании законов»⁸⁸⁵.

Долгое время «русский заезжий чиновник мечтал только о повышении чина и не заботился о том, что было прежде его, что будет после в том краю, который он посетил на короткое время. Он почитал Тифлис, или какой-либо другой город за Кавказом, местом добровольной ссылки, которое желает как можно скорее оставить, чтобы возвратиться восвояси»⁸⁸⁶.

Изучая разного рода записки и документы, М.С. Воронцов не мог без сожаления читать и видеть то, как искажались все благие намерения правительства теми лицами, которым «доверено было государством важное дело на Кавказе»⁸⁸⁷.

Князь М.С. Воронцов обладал чувством огромной ответственности за свои действия в качестве полномочного представителя великой державы⁸⁸⁸. Он понимал, что, не усовершенствовав органы гражданского управления, нельзя было начинать движение к главной цели - умиротворению Кавказа.

Заплатив дорогую цену деньгами и людьми, Россия, придя на Кавказ, не могла потерять все из-за нерадивости и злостворения людей, чьи нравственные качества отвращали от «русского дела» племена многонародной страны.

Особенное внимание князя Воронцова было обращено по этой причине на улучшение контингента чиновников, в особенности тех из них, которые непосредственно соприкасались «дел народных» - участковых начальников.

С.С. Эсадзе писал по этому поводу, что «во всех слоях общества против этой низшей инстанции полиции укоренилось самое невыгодное предубеждение. В них каждый видел олицетворенное лихоимство. Вследствие такой дурной

⁸⁸⁵ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.81.

⁸⁸⁶ Грибоедов А.С. Указ. соч. С.112.

⁸⁸⁷ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.82.

⁸⁸⁸ Дегоев В.В. Указ. соч. С.181.

репутации порядочные люди весьма неохотно занимали эти должности»⁸⁸⁹.

Участковые учреждения, составляя крайнее звено власти, непосредственно соприкасаясь с интересами всех нужд народа, имели чрезвычайную важность, так как через них проводились окончательно в исполнение все меры правительства – «от участковых заседателей масса народа должна была приобретать уверенность в необходимости той или иной правительственной меры. Но уверенность такая могла прочно утвердиться не иначе как законностью действий власти, имеющей с жителями прямые и непосредственные отношения»⁸⁹⁰.

Между тем, как уже отмечалось ранее, чиновник с удовлетворительными качествами принимал место участкового заседателя только по крайней необходимости, так как содержание, определяемое казной, не обеспечивало его жизни, что само уже по себе провоцировало чиновников записываться в ряды злоупотребителей.

На практике оказывалось, что замещать должности участковых заседателей достойными чиновниками, которые не увлекались бы предоставленной им властью над жителями, было весьма трудно. Полагаться же на сомнительные качества посредственных чиновников было вредно, так как «вместо охранения личности и собственности, вместо водворения тишины и спокойствия, деятельность низшей инстанции выражала чаще всего резкое уклонение от прямого его назначения. А с другой стороны, допускаемые в участках злоупотребления, не скоро доходили до высших властей, а народ не решался жаловаться на заседателя, имевшего все средства угнетать его, вследствие полного отсутствия контроля над своими действиями»⁸⁹¹.

А.Л. Зиссерман отмечал еще одну особенность данной проблемы, которая состояла в том, что «среди чиновников простой народ за Кавказом – и мусульмане и даже свои грузины – все предпочитали при этом начальников из русских,

⁸⁸⁹ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.86.

⁸⁹⁰ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.76.

⁸⁹¹ Эсадзе С.С. Указ. соч. С.77.

чем из туземцев, которые, уступая русским чиновникам в знании дела и усердии исполнения обязанностей, ни мало не уступали им в желании нажиться, а по части произвола гораздо превосходили русских, ибо руководствовались в своей деятельности традициями азиатских правителей старого закала и не так страшились последствий за свои незаконные действия»⁸⁹².

Это сдерживало российские власти в стремлении проводить во все управления туземных чиновников и привлекать местный элемент к разработке и проведению в жизнь разнородных административных установлений.

Отдаленность Кавказа от центра России, неустроенность и опасности жизни могли привлечь туда только тех, кто не имел шансов в служебной карьере в других местах (по причине профессионального несоответствия или низких моральных качеств), но надеялся в отдаленных губерниях исправить свое материальное положение любыми мерами, в том числе и противозаконными. Эти люди исходили из того, что в условиях войны и начального устройства Кавказского края, законность не сумела там закрепиться в должной мере.

Кавказское чиновничество в массе своей отличалось и воровитостью, и мздоимством, и заносчивым отношением ко всем, кто зависел от него. Единицы из чиновников были честны и благородны⁸⁹³. Кавказ сделался «убежищем и сборным местом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения»⁸⁹⁴. На Кавказ также бежали от кредиторов и долгов беспутные сыновья дворян⁸⁹⁵.

Навести порядок в гражданских делах наместничества князю М.С. Воронцову удалось не сразу, и вынуждало прибегать, в том числе, к решениям нестандартным и даже выходящим за рамки существовавших в то время законов, мало способных помочь делу, как не учитывающих кавказские реалии.

⁸⁹² Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.121.

⁸⁹³ Удовик В.А., Кащик В.О. Указ. соч. С.160.

⁸⁹⁴ Лапин В.В. Указ. соч. С.144.

⁸⁹⁵ Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. №2. С.401.

Слухи о трудностях наместника доносились до Петербурга и Москвы. Многолетний адресат наместника, знаток и участник кавказских дел А.П. Ермолов в феврале 1846 года писал своему товарищу: «Слышу, что гражданское управление истощает даже твое ангельское терпение и что занятия твои непрерывны. Жалею о тебе, но утешаюсь, слыша, что мошенники и плуты боятся тебя как грозного призрака. Довольно продолжительна была блаженная жизнь их. Здесь (в Москве. – С.Л.) появился авангард бегущих из Грузии»⁸⁹⁶.

Кадры кавказской администрации оставляли желать лучшего даже к 1848 году. Во время доклада Г.И. Филиппсона императору о делах кавказских, Николай Павлович в сердцах бросил такую фразу: «Что меня пугают, что придется упразднить Ставропольскую губернию?.. Это у меня самая подлая губерния в России, где ни один порядочный человек не мог ужиться. Меня пугают еще бунтом крестьян. Надеюсь, что там есть кому образумить дураков»⁸⁹⁷.

В первые годы своего кавказского наместничества князь М.С. Воронцов во все вникал сам и сам разбирался в жалобах и вершил скорый суд по «вразумлению дураков». Чиновники, формально читавшие законы Российской империи, время от времени указывали на то, что действия и решения наместника противоречат букве закона, но не составляли себе труда задуматься над тем, насколько их буквоедство соответствует реалиям Кавказа и, в свою очередь, насколько решения наместника укрепляют основы «русского дела» в Кавказском крае.

Князь М.С. Воронцов действительно время от времени отходил от требований закона, но только тогда и там, где этого требовали обстоятельства или закон не отвечал требованиям справедливости, или иное решение имело бы еще более пагубные последствия. Князь действительно совершенно, по словам очевидца и участника кавказских дел Воронцова князя А.М. Дондукова-Корсакова, «не обращал внимания на форму,

⁸⁹⁶ АКАК. Тифлис, 1885. Т.X. С.316.

⁸⁹⁷ Цит. по: Выходчиков Л.В. Указ. соч. С.291.

лишь бы была суть дела, и вообще в службе держался духу и смыслу, а не наружной формы»⁸⁹⁸.

Буквоедам - законникам князь М.С. Воронцов отвечал, что «если бы здесь нужно было только исполнять законы, Государь прислал бы сюда не меня, а Полный Свод Законов»⁸⁹⁹.

Он своевольно принимал меры по отношению к явным ворам, взяточникам, грабителям и иным преступникам. Князь М.С. Воронцов отказывался судить преступников по законам лишь потому, что существовавшие законы противоречили друг другу и давали злоупотребителям возможность уйти от заслуженного наказания. Он следовал христианским заповедям, считая их лучшей основой для принятия приговора неправым⁹⁰⁰.

Однако это вовсе не означало, что наместник искал случаев к нарушению всякой законности и порядка. По свидетельству К.К. Бенкендорфа, лица, окружавшие Воронцова в Тифлисе, были сильно удивлены, а некоторые приходили в смущение от того, что новый их начальник не походил ни на одного из своих предшественников. Строились всевозможные догадки, старались его поймать на чем-нибудь, испытывали, но он не поддавался никакому объяснению и оставался неуязвимым. Своей закрытостью в «стране интриг», Воронцов приводил в отчаяние самых бывалых и продувных⁹⁰¹.

Неоднократно до наместника доходили жалобы на разные беспорядки в Тифлисе, происходившие в торговле съестными припасами и другими предметами жизненных потребностей. Злоупотребления неблагонамеренных людей, принося вред торговле, «стесняли вместе с тем всех обывателей вообще и в особенности бедный класс народа». Необходимо было покончить со злоупотреблениями в этой сфере.

По примеру Москвы и Петербурга князь М.С. Воронцов учредил в Тифлисе особую торговую полицию. И хотя нельзя

⁸⁹⁸ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 гг. // Указ. соч. С.286.

⁸⁹⁹ Удовик В.А., Кацик В.О. Указ. соч. С.160.

⁹⁰⁰ Удовик В.А., Кацик В.О. Указ. соч. С.161.

⁹⁰¹ Удовик В.А., Кацик В.О. Указ. соч. С.284.

сказать, что ему удалось здесь добиться абсолютного порядка и прекратить все в этой области социальных отношений злоупотребления из-за самой трудности их преследования, но они были значительно уменьшены, а жители имели теперь возможность приобретать продовольственные товары у производителей, не завися от перекупщиков⁹⁰².

Большой бедой, о которой не предполагали и не задумывались прежде, вдруг сделалось изобилие и дешевизна местного вина, которое можно было встретить повсеместно в Грузии. Это винное изобилие загубило не одного даже и порядочного чиновника. А.Л. Зиссерман, как очевидец происходящего, писал, что «пьянство доходило до безобразия, а особенно резко бросаясь в глаза среди туземцев, или не пьющих вовсе, как мусульмане, или пьющих, хотя и много, но всегда редко пьянеющих, как грузины»⁹⁰³.

Каким было нравственное влияние подобных представителей русской администрации определить не трудно, если прибавить к повседневному и повсеместному пьянству столь же повседневно и повсеместно взяточничество. В последнем отношении за Кавказом «многие перещеголяли тех героев, которых Щедрин и его последователи так обильно рисовали в конце 50-х годов XIX века»⁹⁰⁴.

Весь предыдущий опыт и опыт кавказского наместничества убедил князя М.С. Воронцова в невозможности существования вполне честного человека, а поэтому он считал всякое злоупотребление неизбежным злом, которое следует по возможности «удерживать лишь в известных пределах»⁹⁰⁵.

Не имея под рукой достаточного числа людей, обладавших необходимыми для реализуемой им программы качествами, князь М.С. Воронцов стал искать опору для своих начинаний в среде аристократов.

Он в изобилии стал привлекать их к административно - распорядительной деятельности, хотя бы на наиболее важных направлениях и должностях, поскольку их действия

⁹⁰² АКАК. Т.Х. С.852.

⁹⁰³ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.18.

⁹⁰⁴ Там же.

⁹⁰⁵ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.126.

гарантировались, хотя бы минимумом правил и стилей поведения, ниже определенного уровня не опускавшихся уже в силу сословного воспитания и представлений о сословной чести.

Того взгляда, что порода человека порочна по своей природе, стали придерживаться и наиболее приближенные к наместнику люди из аристократов. Достигнув впоследствии высших степеней и самостоятельности, руководствовались им, допускали назначение лиц с сомнительными качествами на доходные места⁹⁰⁶. Они не обращали внимания на голоса возмущенного общества, считая тех, кто возмущался, нисколько не лучше тех, кто отправлял существующие должности: порода у всех была одна.

Прибыв на Кавказ, М.С. Воронцов был изумлен большим числом чиновников разных ведомств, которые искали там мест и должностей. Прежние административные преобразования, проводившиеся в крае, в силу их новизны для местных условий, потребовали большого количества людей, знакомых с имперской административной системой, что и вызвало чиновное половодье в Кавказский край. Неотложность задач и недостаток времени лишали власти возможности обращать строгое внимание на человеческие качества призываемых к службе и проводить среди них отбор.

Сложившийся по данным обстоятельствам избыток чиновного люда, однако, не изменял его низкого качественного состава и не устранял потребности в знающих и умелых служащих по разным ведомствам.

Не имея возможности кардинально и в короткие сроки переломить ситуацию, М.С. Воронцов распорядился «о невызове из России чиновников без особой надобности и предписал в случае такой нужды всякий раз испрашивать разрешения на то наместника»⁹⁰⁷. Эта система не замедлила принести, во всех отношениях, плодотворные и положительные результаты.

⁹⁰⁶ Там же.

⁹⁰⁷ Эсадзе С. Указ. соч. С.88.

С другой стороны, при твердом убеждении многих людей, знавших князя М.С. Воронцова, в его бескорыстии и в его стремлении «следовать единственно пользам состоящего в его управлении края», искоренявшего насколько это возможно практиковавшиеся в нем как, впрочем, и во всей России, злоупотребления, многих слишком возмущало то обстоятельство, что некоторые личности, облеченные доверием и расположением к ним наместника, вводили его в заблуждение, совершая поступки сомнительного свойства.

Особенно негодовало общественное мнение Тифлиса действиями Э.С. Андриевского, личного врача наместника, через которого всякого рода продувные личности обдeldывали делишки, и добивались решений к явному ущербу казне и общественным интересам. Был даже серьезный скандал с битьем окон камнями в доме Андриевского⁹⁰⁸.

Э.С. Андриевский этим ни мало не смутился и после некоторого перерыва, произошедшего из-за объяснений с князем М.С. Воронцовым, возобновил свою деятельность в прежнем направлении.

В том числе и по этой причине деятельность князя Воронцова вызывала много противоречивых слухов и толков, которым не было конца. Очень много заставил о себе говорить желтый ящик, прибитый к стене парадного подъезда наместнического дворца с лаконичной надписью «Для писем и прошений». Эта мера достигла определенных результатов, отозвавшись отрешениями от должностей, следствием и судом. Исчез ящик только после отъезда в 1854 году князя М.С. Воронцова из Тифлиса⁹⁰⁹.

Неизвестность жалобщиков и времени подачи жалоб лишала возможности для принятия соответствующих контрмер, что особенно возмущало. По мнению генерала П.Д. Рудакова, данная ситуация сложилась «по недостатку собственной проницательности наместника, для чего он

⁹⁰⁸ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.125.

⁹⁰⁹ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.72.

окружил себя доносчиками и шпионами, по ремеслу своему, разумеется, людьми подлыми»⁹¹⁰.

Генерал П.Д. Рудаков, таким образом, стремился дискредитировать наместника, объявляя его равным по своим нравственным качествам с теми, кто служил ему и помогал усиленным образом преследовать злоупотребления, используя для достижения поставленной цели сомнительные и неправомерные меры.

Это, конечно, был перебор. Князь М.С. Воронцов был слишком аристократ и богач, чтобы опускаться до сомнительных предприятий и входить в сделки с пройдохами. Однако жизнь научила его мало верить людям, особенно чиновникам, среди которых ему никогда не встречались ангелы, единственно в бескорыстие, которых князь только и мог поверить.

Уверившись в том, что природа человека мало приспособлена к святости, князь М.С. Воронцов никогда не ставил перед собой цели абсолютного искоренения злоупотреблений во вверенном ему крае. Он надеялся довести их до приемлемого уровня, который позволял особенно не беспокоить высшие власти и общественное мнение в Петербурге или Тифлисе.

Князь-наместник хорошо понимал, что «мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, т.е. добрых и худых вместе. <...> Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усомниться в истине сказанного Макиавелли, что страх гораздо действеннее всех иных побуждений для смертных»⁹¹¹.

Свобода действий наместника давала ему возможность, минуя многочисленные инстанции, быстрее воплощать задуманное и превращать Кавказский край в регион, мало отличавшийся от остальной России в отношении нравственного развития. В любом случае, Кавказ не мог стоять выше в этом отношении того, что являлось нравственной сущностью общества Российской империи.

⁹¹⁰ Удовик В.А., Кацик В.О. Указ. соч. С.202.

⁹¹¹ Просвещенный консерватизм... С.202.

Еще более сложной была задача искоренения злоупотреблений в Кавказском корпусе, участвующем в замирении непримиримых горцев. Князь Воронцов установил в корпусе соответствующие его убеждения порядки, потратил много времени и сил на разоблачение и предание суду командиров, которые обирали подчиненных им нижних чинов или совершали другие преступления.

Несмотря на то, что среди генералов и старших офицеров в войсках было весьма много людей хороших и достойных, а войска вообще находились «в самом лучшем духе и расположении», на Кавказе, в огромной армии, Воронцову было гораздо труднее собрать вокруг себя достойных офицеров, как он делал это в прошлом, во время командования полком, дивизией или оккупационным корпусом.

Князь М.С. Воронцов столкнулся с тем обстоятельством, что Кавказ, как место ссылки, постоянно пополнялся разжалованными из армии и гвардии офицерами. Количество таковых было очень значительно. По свидетельству князя А.М. Дондукова-Корсакова, к ним вообще относились чрезвычайно сочувственно, гуманно, помогая им в нуждах. Но был разряд среди них, и таких было много, которые совершенно теряли свое достоинство, спивались, впадали в новые преступления и так кончали свою нелепую жизнь, не пользуясь ни сочувствием, ни даже сожалением⁹¹².

Не способствовало укреплению морального состояния армии также то обстоятельство, что институт рекрутских наборов одновременно был частью пенитенциарной системы страны. В связи с этим армейская служба совмещалась с отбыванием наказания за уголовные преступления, тем паче, что Кавказ долгое время оставался местом ссылки – т.н. «теплой Сибирью».

Современный исследователь Кавказа В.В. Лапин пишет: «Большие шансы попасть в российскую армию всегда имели лица с девиантным поведением – пьяницы, хулиганы, воры,

⁹¹² Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.420.

лентии и т.д., а также преступники, годные для службы по возрасту и состоянию здоровья»⁹¹³.

По этой причине высокая конфликтогенность российской армии в кавказских условиях «определялась уже тем обстоятельством, что среди солдат процент лиц, склонных к асоциальному поведению, был значительно выше, чем в общей массе населения»⁹¹⁴.

Кроме того, сам призыв в армию в народных слоях российского общества считался навязанным «несчастьем», а потому в солдатской среде должны были появиться основания для того, чтобы вымещать на окружающих свою обиду⁹¹⁵.

Второй этап человеческой сепарации и отбор происходил уже в самом Отдельном Кавказском корпусе. Лучшие по своим качествам солдаты зачислялись в полки, «составлявшие своеобразную кавказскую гвардию – Апшеронский, Куринский, Кабардинский, Эриванский, Тифлисский. Остальных распределяли по гарнизонам и линейным батальонам»⁹¹⁶.

Злоупотреблениям способствовала разгульная жизнь, кутежи, пьянство, карточная игра, которые были последствием однообразных стоянок в лагерях и скучной жизни в крепостях, отделенных от всего мира⁹¹⁷.

Множество злоупотреблений наблюдалось в маршевых батальонах, предназначенных для пополнения кавказских полков при убыли людей в результате боевых действий и болезней. Множество таких резервных маршевых батальонов находилось в Ставрополе. Беспорядки там были ужасающие.

В Ставрополе и Таганроге было произведено строгое следствие, и не только батальонные командиры, но и сам начальник этих маршевых батальонов, генерал К.М. Тришатный, были отданы под суд. Это произвело невероятный переполох не только на Кавказе, но вообще в военном

⁹¹³ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский Дом, 2008. С.129.

⁹¹⁴ Там же.

⁹¹⁵ Там же. С.130.

⁹¹⁶ Там же. С.131.

⁹¹⁷ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.424.

ведомстве, так как долгое время никто не рисковал прикоснуться к этому делу⁹¹⁸.

В.А. Полторацкий свидетельствовал, что генерал-лейтенант К.М. Тришатный подвергся тяжелой каре по случаю страшной истории в кавказской резервной дивизии, находившейся под начальством генерал-лейтенанта Добрышина. Злоупотребления этого превосходительства были действительно неслыханными.

Генерал М.П. Полтинин, посланный за рекрутами в резервную дивизию, «донес главнокомандующему Кавказского корпуса о претензиях, ему заявленных нижними чинами на притеснения, жестокое обращение и зверскую эксплуатацию, до истощения физических сил, их начальником дивизии генералом Добрышиным, заставлявшим солдат с корыстной целью обрабатывать поля, на себе возить при уборке хлеб, словом заменять собою рабочий скот. В довершение кормил их скудно — в половину пайка, денег и обмундирования, получаемых им от казны»⁹¹⁹.

Князь М.С. Воронцов поручил тщательно опросить нижних чинов резервной дивизии и проверить справедливость всех донесений генерала Полтинина. После чего он сообщил о полученных результатах расследования военному министру князю А.И. Чернышеву и попросил его доложить об открывшихся нарушениях императору.

Николай I приказал генералу К.М. Тришатному отправиться в Таганрог «для строжайшего разыскания вопиющих обвинений на начальника дивизии»⁹²⁰. К.М. Тришатный немедленно отбыл на место, но ничего не открыл. Генерал Добрышин, предупрежденный о грозившей ему опасности, принял все меры, чтобы скрыть следы преступления.

В.А. Полторацкий указал на ловкость Добрышина, который устроил дело так, что «все подчиненные ему офицеры и солдаты не показали ни единой претензии. И Тришатный, не

⁹¹⁸ Удовик В.А., Кацик В.О. Указ. соч. С.153.

⁹¹⁹ Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. №2. С.398.

⁹²⁰ Там же.

сумев принять иных мер для открытия истины, по доверчивости и дряхлости, всласть угощенный, успокоенный, но кругом обманутый и одураченный, явился обратно в Петербург с личным докладом к Его Императорскому Величеству, что все обвинение, возведенное на неповинного генерала Добрышина, основано лишь на интриге и клевете»⁹²¹.

По высочайшему повелению князь А.И. Чернышев уведомил князя Воронцова о результатах расследования «с жестким при этом намеком на неосновательность сделанных его сиятельством сообщений»⁹²².

Но здесь коса нашла на камень. Князь Воронцов, уязвленный сомнением в его правоте, бросающей тень на его репутацию, написал письмо прямо к императору Николаю I и потребовал повторного наистрожайшего расследования, прося в противном случае увольнения со службы.

Из Петербурга была отправлена новая комиссия во главе с генерал-адъютантом князем Суворовым. В.А. Полтлтрацкий снова свидетельствовал, что «следственная комиссия была снаряжена немедленно, и явилась на место на этот раз совершенно неожиданно, застала проделки Добрышина в полном ходу»⁹²³.

Генералы Тришатный и Добрышин, «по высочайшей воле были удалены от должностей, с преданием военному суду, с содержанием в продолжения дела в крепости и с секвестированием их имущества»⁹²⁴.

По свидетельству М.А. Корфа: «Тришатный как человек грубый, дерзкий и со своими подчиненными жестокий до свирепости, не возбуждал к себе лично никакого особенного сострадания; Тришатному отвели в крепости 5 или 6 заново отделанных и убранных комнат, в которые, сняв стоявший перед ними караул, перевезли также жену его и дочерей и потом, во все продолжение суда, всю семью содержали на

⁹²¹ Там же. С.399.

⁹²² Там же.

⁹²³ Там же.

⁹²⁴ Корф М.А. Указ. соч. С.382.

казенный счет и даже прислали для нее повара с придворной кухни»⁹²⁵.

Публика, не имея сочувствия к Тришатному, особенно жалела его семью, «которая, сверх тягости постигшего ее удара, лишена была через секвестр имущества, всех средств существования. Она состояла из жены, трех дочерей, фрейлин высочайшего двора, и двух сыновей, офицеров в гвардейской конной артиллерии»⁹²⁶.

Суд над прощтрафившимися генералами длился долго – с апреля по август и собирался в каждую субботу. Тришатного и Добрышина перевозили через Неву из крепости на допросы каждого в отдельной карете. «Открылись страшные злоупотребления, но и кара, постигшая виновных, была не мягкая.

За ложное донесение, сделанное Его Императорскому Величеству о мнимом только наговоре, Тришатный был лишен чинов, орденов и дворянского достоинства, записан в рядовые с увольнением от службы и конфискованием всего имения в пользу пострадавших, а Добрышин разжалован в рядовые с лишением прав, без выслуги»⁹²⁷.

Однако при конфирмации приговора император «сделал в нем ту отмену, чтобы Тришатного, в уважение к прежней отличной службе, не лишать дворянства и за раны производить ему инвалидный оклад по прежнему чину, с разрешением жить, где пожелает»⁹²⁸.

К солдатам, на которых лежала большая тяжесть военной службы, князь М.С. Воронцов относился с большим вниманием и уважением, и требовал того же от офицеров. Наместник особенно был нетерпим к случаям злоупотреблений, направленных против солдат.

Поэтому, как только им был получен рапорт от генерала Лабынцева, начальствовавшего в Темир-Хан-Шуре в 1846 году, о двух командирах Брестского и Белостокского полков 5-го корпуса, которые, ожидая скорого производства в генерал-

⁹²⁵ Там же. С.383.

⁹²⁶ Там же.

⁹²⁷ Полторацкий В.А. Указ. соч. С.399.

⁹²⁸ Корф М.А. Указ. соч. С.383.

майоры, перестали отпускать «ни положенного провианта, ни вещевого довольствия чинам своих полков, пришедших в полную нищету», им было произведено строгое следствие. По результатам дознания оба полковых командира были отстранены князем Воронцовым от командования, что крайне неприятно отозвалось на его отношениях с генералом Лидерсом, бывшим командиром 5-го корпуса и имевшим сильные позиции в Петербурге⁹²⁹.

В 1847 г. за жестокое обращение с солдатами был отдан под суд генерал-лейтенант Г.Е. Шварц, которого, вскорости, император вообще исключил из службы.

Много врагов нажил себе князь Воронцов из-за того, что пресек систематическое воровство в Тифлисском запасном Кавказском корпусе, где обучались рекруты. Не останавливали наместника никакие заслуги злоупотребителей и даже их близость к высшим правительственным сферам, если имелись доказательства в их преступных действиях. Широкую огласку на Кавказе получило предание под суд по требованию князя М.С. Воронцова флигель-адъютанта полковника Копьева⁹³⁰.

По свидетельству В.С. Толстого, наместник, одетый в егерский сюртук, во время прогулки по Тифлису, увидев на одной из улиц вывеску французского дамского магазина, вошел внутрь его. Там его встретил молодец в шинели Грузинского гренадерского полка, которым тогда командовал полковник Копьев.

Гренадер рассказал наместнику, что он отдан из полка в учение парикмахеру вместо однополчанина, утопившегося с отчаяния, «так как хозяин принуждает к самым отвратительным черным работам, бьет без пощады и держит впроголодь, а его гренадера казенный паек удерживается в полку»⁹³¹.

М.С. Воронцов был удивлен таким своеволием и нарушением воинского устава и послал в полк дежурного

⁹²⁹ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.417.

⁹³⁰ Щербинин М.П. Указ. соч. С.699-701.

⁹³¹ Толстой В.С. Характеристика русских генералов на Кавказе // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Выпуск VII. – М.: Студия «Тритэ», 1996. С.235.

офицера с требованием узнать, как мог строевой гренадер быть отдан в учение к мастеру женских причесок.

Скоро выяснилось, что полковые командиры и начальники отдельных частей действовали по предписанию бывшего главнокомандующего Кавказским корпусом генерала А.И. Нейдгардта, который распорядился (ввиду отстрой необходимости и недостатка в умелых людях) отдавать солдат их частей в обучение разным приезжим мастерам и ремесленникам. Полиция выяснила, что таковых нижних чинов, находящихся в Тифлисе не при своих частях, набралось 600 человек⁹³². Князь М.С. Воронцов положил конец такой практике.

Немало усилий приложил наместник для распутывания сложной ситуации, связанной с прибывшими на Кавказ двумя пехотными дивизиями еще в период командования там генерала А.И. Нейдгардта.

Это были дивизии из внутренних российских губерний, получавшие продовольствие на суммы, отпускавшиеся военному министерству, но которое не перевело эти значительные деньги в Кавказское интендантство, вынужденное содержать эти дивизии из собственных запасов.

На требования А.И. Нейдгардта пополнить эти запасы военное министерство ответило проволочками, пустопорожней перепиской, не менявшей существа дела. Сразу после прибытия в Тифлис М.С. Воронцов, «вникнувши во все подробности этой казнокрадской проделки, потребовал от князя А.И. Чернышева немедленной высылки этой суммы»⁹³³. Она была незамедлительно выслана.

Надо отметить, что при всей непримиримости наместника и главнокомандующего на Кавказе к разного рода злоупотребителям в армейской среде, он, однако, не противился установившимся в Кавказской армии обыкновениям, которые, в известном смысле и за давностью существования, переросли в традиции, даже если это было

⁹³² Там же. С.236.

⁹³³ Там же. С.235.

сопряжено с нарушением разного рода правительственных предписаний.

В большинстве случаев он смотрел снисходительно и на укоренившееся пользование выгодами за счет казны, даже не взирая на возникавшие иногда по этому поводу жалобы.

Быть снисходительным к такого рода нарушениям принуждало князя Воронцова, как и его предшественников, командовавших Кавказским корпусом, состояние тогдашнего хозяйства кавказских солдат.

Современники свидетельствовали: «Скудное содержание, отпускаемое солдатам, неправильность и несвоевременность доставки, а иногда и недоброкачественность отпускаемого провианта, с одной стороны, а с другой – непредвиденные расходы, сопряженные с постоянными передвижениями войск, необходимость держать большое количество ротных лошадей, иногда и волов, для обработки ротных огородов, возки дров и других тяжестей, по необходимости заставляли приискивать особые, не положенные законом, средства для удовлетворения этих неотложных потребностей»⁹³⁴.

Благодаря, однако, этим не вполне законным мерам, хозяйственный быт кавказских солдат был несравнимо лучше положения солдат в России. Не считалось злоупотреблением командира, когда он при заготовке овса по утвержденной в Тифлисе цене (всегда бывшей гораздо ниже той, которую осуществляли интенданты) выгадывал себе при этом «экономии», которая получалась из-за разности реальных и указывавшихся в справках цен на приобретаемое имущество, фураж или продовольствие. Это было общим правилом от гвардии до армии и казаков включительно на всем пространстве «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Это никакого секрета не составляло и никем не преследовалось⁹³⁵.

Из этой «экономии» командиры покрывали множество расходов, не обязательных по закону, но обязательных «из

⁹³⁴ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.418.

⁹³⁵ Зиссерман А.Л. По поводу кавказских воспоминаний М.И. Венюкова // Русский архив. 1884. Кн.3. С.47.

исстари принятым обычаям и даже по настойчивым требованиям начальства, не принимавшего в соображение отсутствие на такие предметы сметных ассигнований»⁹³⁶.

Полковые командиры продавали подрядчикам провиант, причитавшийся солдатам, о смерти которых утаивали. Вырученные деньги пускали в хозяйственный оборот полков и рот.

Среди «кавказцев», как солдат, так и офицеров, не считалось зазорным надуть интендантское или провиантское управление, постоянно обманывавших войска, когда особенно это делалось в пользу солдат. Начальники частей и полковые командиры приобретали большие средства «неправильным требованием амуниции и провианта, представлением, по возможности, в каждом деле свидетельств на убитых лошадей, пропавшую амуницию, которые, в сущности, находились налицо»⁹³⁷.

По таким свидетельствам получались деньги на многие, якобы утерянные вещи. Часто получались квитанции на утраченные в деле ранцы и папахи, между тем, как всем в армии было известно, что в походах ни ранцев, ни папах солдаты никогда не носили.

М.И. Венюков приводил пример того, как один полковой командир сжег пустой цейхгауз, но донес вышестоявшему начальству, что в нем сгорели все вещи, принятые для обмундирования целого полка⁹³⁸.

По большей части все получаемые полковыми командирами такими несправедливыми проделками доходы оставались в полку. Много шло на улучшение солдатского быта, чтоб жилось беспечно и широко со дня на день. Полковой командир, обыкновенно, держал у себя стол для возможно большего числа офицеров. Считалось обычаем угощать проходившие через штаб-квартиры части других полков⁹³⁹.

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.418.

⁹³⁸ Рассказ М.И. Венюкова // Русский архив. 1880. Кн.1. С.410.

⁹³⁹ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.418.

Кроме того, все проезжающие по Кавказу, за не имением в то время гостиниц, останавливались в доме старшего начальника, никогда не спрашивая, дома ли хозяин. Солдатам своим перед началом зимних экспедиций полковые командиры шили за счет доходов от упомянутых средств полушубки, не говоря о других более мелких пожертвованиях, служивших улучшению быта солдат⁹⁴⁰.

Осуждать эти действия было не в обычае, так как это совершенно соответствовало нравственному уровню всего общества. Князь М.С. Воронцов был слишком умен, чтобы не понимать этого, даже если сами по себе таковые действия армейских командиров и выходили за пределы требований нравственности и законности. Если бы кто вздумал поступать иначе или открыто противиться установившимся обыкновениям такого рода, это означало бы открыто бросить вызов Кавказской армии, что неизбежно окончилось бы тем, что такой человек едва ли долго смог оставаться на своем месте и упрочил бы за собою «эпитет дурака»⁹⁴¹.

Это обстоятельство, переросшее в правило, было целиком и полностью подтверждено во время наместничества и командования Кавказскою армией генерала Н.Н. Муравьева, сменившего принужденного болезнью уехать с Кавказа князя М.С. Воронцова.

Кроме того, по мнению непосредственного участника и современника описываемых обстоятельств, А.Л. Зиссермана, пользование «безгрешными доходами, а экономии полковых командиров ведь были наибезгрешнейшими (сравнительно с другими: инженерными, путейскими, артиллерийскими, госпитальными, интендантскими и пр.) даже как бы поощрялись сверху. <...> Командовали полками первейшие аристократы и богачи, обеспеченные материально и служебной карьерой. Пусть укажут, кто из них в казну экономию возвращал? Одни предоставляли её своим приближенным

⁹⁴⁰ Там же.

⁹⁴¹ Зиссерман А.Л. По поводу кавказских воспоминаний... С.51

офицерам, другие проматывали на кутежи, третьи раздаривали ротам или тратили на разные полковые фантазии<...>⁹⁴².

Следует, однако, заметить, что тот же А.Л. Зиссерман указывал, что «такие злоупотребления, такие мошенничества, как сжигание цейхгаузов или употребление солдат в качестве крепостных, были исключениями и даром редко проходили»⁹⁴³.

Перечисленные финансовые фокусы, в официальных бумагах именуемых «экономией», прекрасно были известны всем – от императора до рядового, но решительного перелома в борьбе с ними не происходило. По мнению В.В. Лапина, тому было несколько причин: во-первых, реальных средств для борьбы с этим явлением у правительства не имелось, а во-вторых, это было освящено традицией и являлось средством адаптации неповоротливого административного механизма к жизненным реальностям, проявлением конфликта жизненных реалий и «штатно-табельной» системы снабжения военнослужащих⁹⁴⁴.

В военно-интендантском ведомстве при определении сроков пользования обмундированием и другими необходимыми в солдатском быту вещами не учитывались также условия кавказских реалий, где все вещи или принадлежности мундира изнашивались чрезвычайно быстро. В то же время «им фактически запрещалось раньше положенного срока портиться, теряться и становиться добычей вора. Шинель выдавалась на три года, панталоны и мундиры – на два года, рубахи и сапоги – на год. Металлические предметы униформы считались бессрочными и находились на особом учете»⁹⁴⁵.

Пользуясь тем, что «в военное время потерянное, сожженное по неосторожности у походного костра или даже пропитое легко списывалось»⁹⁴⁶, командиры полков часто представляли фантастически завышенные реестры материальных потерь, стремясь таким образом получить все ту

⁹⁴² Там же.

⁹⁴³ Там же.

⁹⁴⁴ Лапин В.В. Цицианов. – М.: Молодая гвардия, 2011. С.38-39.

⁹⁴⁵ Там же. С.39.

⁹⁴⁶ Там же.

же «экономии» или скрыть банальное разворовывание «амуниционных вещей». Снисходительно в войсках смотрели на мародерство, производимое во время экспедиций в горы, которое считалось правом войны.

Особенно в войсках гордились участием в захвате баранты (скот, отбитый у неприятеля). Данные действия имели своеобразный вид спорта, соревновательности сторон, и, отчасти, романтизировались, поскольку взрывали тяготы и однообразие солдатского военного быта новыми переживаниями, веселили кровь удалством и ловкостью и ожиданием награды; ибо «тот, кто никогда не едал баранты, не поймет всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обе щеки чужое добро, и не поймет также, до чего это мясо вкусно и насколько оно питательно и вообще – лучше продаваемого мясником и только потому, что за него ничего не заплачено»⁹⁴⁷.

По мнению К.К. Бенкендорфа: «На Кавказе разбойничество – что называется – носится в воздухе, им упиваются, и существует особая любовь жить воровством. Может ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вносит разнообразие в монотонную выдачу только одних гнилых сухарей от интендантского чиновника»⁹⁴⁸.

М.С. Воронцов закрывал глаза и не пытался побороть в войсках нравы, вышедшие из условий войны. «Там, где война есть обыденное и непрерывное занятие, в войсках очень легко возникают драки, и то же самое происходит и между кавказскими полками, настолько же чуждыми один другому, настолько же склонными к зависти и даже ненависти друг к другу, насколько подобное отношение естественно между жителями соседних долин. <...> Служба на Кавказе обособляет жизнь частей, она ограничивается узкой сферой интересов, и все те общие связи, которые связывают полк с общим отечеством, порываются до такой степени, что люди почти забывают, что служат одному общему отечеству»⁹⁴⁹.

⁹⁴⁷ Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. Указ. соч. С.283.

⁹⁴⁸ Там же.

⁹⁴⁹ Там же.

Офицеры при таких происшествиях всегда стояли за своих людей, так как не могли быть предателями полкового патриотизма. Главнокомандующий же не желал своим вмешательством что-либо переменять в сложившемся духе войск и переросшем в давнее обыкновение. Кроме того, он понимал бесполезность, и даже вредность таких начинаний.

С другой стороны, когда после Даргинской экспедиции, вскрылась неприглядная картина, связанная с продажей пороха врагу, князь М.С. Воронцов принялся преследовать такие преступления. По свидетельству Г.И. Филиппсона: «Полки получали порох для обучения нижних чинов стрельбе в цель, но чего никогда не делалось, а порох оставался без употребления в большом количестве. Порох раздавался в роты и обременял ротные цейхгаузы. Ротные командиры продавали его казакам и мирным горцам, от которых он попадал и к немирным»⁹⁵⁰.

Чтобы сколько-нибудь сократить масштабы данного позорного бизнеса наместнику пришлось затратить немало усилий, при этом общепринятых при таких обстоятельствах средств не хватило.

Настроенный критически к наместнику генерал Г.И. Филиппсон осуждал его, когда тот употребил для пресечения этого постыдного дела «утонченные жандармские средства с подсылками, переодеваниями, ловушками, обысками и безименными доносами. Все это повело ко многим судебным делам и строжайшим приговорам»⁹⁵¹.

В 1846 г. военные власти вместе с жандармским управлением провели розыск на Правом фланге Кавказской линии и произвели аресты среди нижних чинов. В ходе допросов выяснилось, что солдаты продавали горцам также боевые патроны по 1 рублю серебром за 60 штук⁹⁵².

Злоупотребления в этой сфере продолжались, несмотря на принимаемые меры. В 1849 г. штабу главного командования Кавказского корпуса стали известны факты о продаже из

⁹⁵⁰ Филиппсон Г.И. Воспоминания. 1837-1847. Указ. соч. С.175.

⁹⁵¹ Там же.

⁹⁵² РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.122. Л.1-6.

крепости Воздвиженской представителям имама Шамиля пороха, железа и даже гранат⁹⁵³, что повлекло за собой новые поиски и разбирательства, завершившиеся новыми арестами и судами.

К оценке действий наместника генералом Филипсоном, зная его изначальную неприязнь к М.С. Воронцову, следует подходить с определенной осторожностью, поскольку все перечислявшиеся средства борьбы с указанным злом необязательно были инициированы князем-наместником, в то же время масштабы выявившегося зла, требовали принятия всех возможных способов для его пресечения. С этой точки зрения действия наместника не могут нести в себе какой-либо предосудительности.

Более всего генерала Филипсона возмущало то, что князь М.С. Воронцов, нарушая все бюрократические правила, разрешал многим частным начальникам, в интересах дела борьбы со злоупотреблениями, «и даже нестарших чинов <...> писать ему лично, без законных формальностей. Если прибавить к этому, что князь принимал всякие доносы, и даже безымянные, и для удостоверения в их справедливости предпринимал через особых агентов, тайные разыскания, то можно вообразить, какое вредное влияние такой порядок должен был иметь на дисциплину и на правильный ход администрации»⁹⁵⁴.

В данном случае военного бюрократа Г.И. Филипсона приводили в негодование не столько сами действия наместника, как таковые, поскольку они приносили положительные результаты, а нарушение им формально-бюрократических процедур, с чем приверженцы строгих формальностей согласиться никогда не могли.

Даже вынужденный ходом событий признавать эффективность действий наместника, Г.И. Филипсон отмечал, что «порядок администрации, установившийся при личном вмешательстве князя Воронцова, словесными приказами и разрешениями на месте, мог иметь иногда свои выгоды, но в

⁹⁵³ РГВИА. Ф.14719. Оп.2. Д.656. Л.47.

⁹⁵⁴ Филипсон Г.И. Воспоминания. С.178.

большинстве случаев производил замешательство и неопределенность отношений в служебной иерархии»⁹⁵⁵.

Военные бюрократы, которых представлял генерал Филиппсон, опасались того, что многие процессы, при таких правилах, будут проходить мимо них, за их спинами и вне их ведома, что могло обрушить всю имевшуюся систему администрирования и их личные карьеры. Потому Г.И. Филиппсон и присные говорили о пагубности в действиях наместника.

С точки зрения бюрократического и универсалистского подхода они были правы, но забывали о кавказских реалиях, которые не укладывались в рамки имевшегося стандарта и требовали нетривиальных решений, раз все прежние правила не срабатывали.

В этой связи можно остановиться на одном показательном случае, произошедшем на кордонной линии, когда одного казака за третий побег со службы присуждено было наказать плетью 30 ударами и послать на два года без очереди на службу в Абинское укрепление.

Г.И. Филиппсон доложил генералу Н.С. Завадовскому, командующему Черноморской линией, что «по закону» этот казак должен быть наказан шпицрутенами и послан в арестантские роты. На что Н.С. Завадовский отвечал, что по казацким правилам казаки наказываются плетью, а не шпицрутенами, а посылка в Абинское на два года тяжелее, чем арестантские роты. Обычай этот давний и никто не протестует⁹⁵⁶.

Своей приверженностью к формально-бюрократическим методам решения множества повседневных проблем в системе кавказской жизни Г.И. Филиппсон «для всех окружавших князя <...> был в полном смысле чужой». Он сетовал на то, что все его «усиленные труды повели только к тому, что я вошел в неприятные столкновения со многими частными начальниками»⁹⁵⁷.

⁹⁵⁵ Там же. С.180.

⁹⁵⁶ Там же.

⁹⁵⁷ Там же. С.187.

Не понимая и не принимая во внимание нестандартности Кавказского края с точки зрения системного администрирования, генерал Г.И. Филипсон, сознательно или нет, не только не улучшал качества управляемости, но провоцировал интриги, ненужные делу препирательства между Петербургом и кавказской администрацией.

По поводу М.С. Воронцова высказывался в том смысле, что тот «очень деятельно занимался служебными делами, легко работал, но законов не знал и не хотел знать»⁹⁵⁸. Говоря о законах Г.И. Филипсон конечно же имел в виду бюрократические установления, без которых во многих случаях обходился князь М.С. Воронцов, но обвинение в незаконности как таковой всей его деятельности в Кавказском крае, имело целиком фантастические основания.

Не способствовала утверждению нравственности в кавказских войсках конкуренция честолюбий в офицерской среде, особенно среди тех из них, кто стремился добиться назначения на должность полкового командира.

Эта должность в кавказских условиях сделалась до чрезвычайности желаемой, поскольку полковой командир «был очень важный человек, с большими правами и ещё большими материальными средствами; он в своей штаб-квартире, был солнцем, вокруг которого обращались многие планеты, в чаянье света, тепла и возможности существовать»⁹⁵⁹.

Большим злом в этом деле были nepотизм, протекция, связи, привилегированное положение, разные побочные побуждения, которые руководили нередко в большинстве назначений. Князь М.С. Воронцов до конца не изжил их в вверенных его командованию войсках. Этого было весьма трудно добиться уже в силу того, что описанные способы карьерного избраннычества сделались системой, корни которой росли из общего состояния и обыкновений общественных, а не только кавказской специфики, бывших частью имперской государственности.

⁹⁵⁸ Там же. С.195.

⁹⁵⁹ Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания // Русский архив.1885. Кн.2. С.273.

Эффективным и практически неискоренимым инструментом, понижавшим градус недовольства со стороны начальства, а то и вовсе выдававшим индульгенции провинившимся, была лесть, которая для России оставалась важнейшим средством выживания и существования. Потому при любой встрече главнокомандующего с войсками «не обходилось без лести, без низкопоклонства, без доброй доли раболепия; но все это в порядке вещей и, во всяком случае, при той обстановке, при действительном расположении большинства к симпатичной личности князя М.С. Воронцова, не так кидалось в глаза и не так претило, как зачастую бывает в мирных местностях, при встречах и проходах начальства, особенно когда ораторы изощряются в произнесении напыщенных панегириков»⁹⁶⁰.

В этой ситуации многие влиятельные лица считали своим долгом вообще протектировать всех офицеров, например, Генерального Штаба, что давало последним «полное право рассчитывать на самую блестящую карьеру»⁹⁶¹.

Подводя итоги и пытаясь оценить результаты борьбы с всякого рода многочисленными злоупотреблениями, неизбежно присутствовавшими в Кавказском крае, и часто бывшими во многом более естественными, чем чрезвычайными для российского общества той поры (не искоренены они до настоящего времени), следует отметить, что князю М.С. Воронцову удалось добиться перелома лишь там и тогда, где и когда его действия соответствовали природе человеческой натуры, социальных потребностей и нравственному состоянию общества.

Князь-наместник все свои действия сообразовывал с целями своего наместничества, с пониманием тех задач, которые перед ним были поставлены императором Николаем Павловичем и так же соответствовали его, князя М.С. Воронцова, представлениям о должном и нравственном.

⁹⁶⁰ Там же. С.283.

⁹⁶¹ Там же. С.286.

Там и тогда, где и когда ситуация не касалась фундаментальных основ «русского дела» на Кавказе, князем М.С. Воронцовым многое было оставлено без формального внимания в пользу существа дела или традиции, созерцалось со снисходительностью, лишь бы никогда не переходило допустимых границ и не слишком уязвляло его бессилия переломить ход событий.

2.4. М.С. Воронцов и проблема кавказского разбойничества

Князь М.С. Воронцов скоро вынужден был приступить к решению непреходящей проблемы, бывшей головной болью для всех кавказских властей в продолжение многих десятилетий - уголовными разбоями, а также «хищничеством», производимым горскими удальцами. Если первые удавалось худо-бедно держать в приемлемых рамках и под контролем, то вторые обузданию поддавались с большим трудом и на непродолжительное время.

Придя на Кавказ, Россия столкнулась с лишком миллионом таких удальцов, «засевших в неисследимых тущобах Кавказа, препятствующих на целые сотни верст кругом всякий мирной оседлости»⁹⁶².

Кавказские горцы, собираясь в партии, совершали грабительские набеги: джарцы и другие дагестанцы на Северный Азербайджан и всю Грузию, а по другую сторону Кавказского хребта – чеченцы, черкесы и кабардинцы – на территории, освоенные русскими, и на горские общества, лояльные России.

В связи с этим М.М. Блиев писал: «Наряду со скотоводством и земледелием важным средством экономического выживания являлось насилие в форме вооруженного набега с целью захвата людей, скота, имущества и других ценностей. На протяжении всей гряды гор Большого Кавказа, от побережья Каспийского и до Черного морей не

⁹⁶² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2003. С.46.

было уголка, где бы не занимались набегами в виде особого ремесла ...»⁹⁶³.

Среди исследователей продолжается дискуссия в определении начального этапа становления набеговой практики⁹⁶⁴, однако, большинство из них отмечают начальность их масштабирования с появления России в пространстве мироэтнического ареала Кавказских гор. По словам И.П. Петрушевского, вооруженные набеги горцев Дагестана стали походить на «коммерческие предприятия»⁹⁶⁵. В Картли-Кахетии ежегодно разорению подвергались в среднем 300 домов⁹⁶⁶.

М.М. Блиев отмечал, что «в горном Дагестане, как и в ряде других районов Большого Кавказа, набеги совершались не какими-то мелкими разбойничьими группами, похожими на современные криминальные сообщества. Масштабы набеговой индустрии, которой занимались горцы Дагестана, были скорее похожи на стихию, охватившую все общество. Набеги, о которых идет речь, совершались в виде нашествий тысячных и многотысячных ополчений, захватывавших в открытых боях разнообразную военную добычу»⁹⁶⁷.

Обратившись к данному явлению, следует подчеркнуть, что «индустрия набега» не представляла нечто исключительно присущее горцам Дагестана или Кавказа вообще, они лишь повторяли исторический путь многих других народов, которые прошли этот путь гораздо раньше их. И далее, опять по М.М. Блиеву: «Существовала всего лишь одна-единственная закономерность – суровые природно-климатические условия гор Большого Кавказа выработали жесткие и консервативные формы хозяйствования и общественной организации, рассчитанные на выживание в экстремальных условиях гор. Веками складывавшийся консерватизм, как в экономике, так и в общественном укладе, стал подвергаться в XVIII - первой

⁹⁶³ Блиев М.М. Указ. соч. С.16.

⁹⁶⁴ Там же. С.17.

⁹⁶⁵ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские общества первой трети XIX столетия. – Тифлис, 1934. С.5.

⁹⁶⁶ Блиев М.М. Указ. соч. С.18.

⁹⁶⁷ Там же.

половине XIX в. серьезному воздействию вторгнувшихся на Кавказ новых хозяйственных и торговых отношений. У горцев, вовлеченных в эти отношения и почувствовавших вкус к частной собственности, не было другого выбора, кроме как во имя обретения этой столь желанной собственности, возведя военное дело в самостоятельную отрасль экономики, приступить к беспрецедентным (для Кавказа – С.Л.) набегам»⁹⁶⁸.

Набеги составляли чрезвычайно важную не только экономически, но и психологически часть горского быта⁹⁶⁹. Их традиционный миропорядок, который они считали единственно достойным стилем жизни, позволявший им сохранять самоуважение, был совершенно неприемлем для российской стороны. Трагичность и неразрешимость ситуации заключалась в том, что русские определяли как воровство, разбой, «хищничество» (европейский подход и точка зрения) такие действия, которых горцы должны стыдиться, было для них делом чести, доблести и героизма, многовековой традицией, которую вовсе не надо было оправдывать – она освящена примером многих поколений⁹⁷⁰.

Для горцев набеги на соседние племена и на российские территории были не только экономической необходимостью, но и нравственным императивом. Набег был главным испытанием личных достоинств горца⁹⁷¹.

Жажда славы часто была предпочтительнее экономической выгоды⁹⁷². Слава являлась синонимом власти и могущества, поднимала социальный статус человека⁹⁷³.

⁹⁶⁸ Блиев М.М. Указ. соч. С.19.

⁹⁶⁹ Гордин Я.А. Указ. соч. С.26.

⁹⁷⁰ Гордин Я.А. Указ. соч. С.87.

⁹⁷¹ Клычников Ю.Ю. «Хищничество» и «пленопродавство» на Северном Кавказе//История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 3. - Пятигорск, 2005. С.49-51.

⁹⁷² Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. С.30-31; Клычников Ю.Ю., Цыбульников А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). – Пятигорск-Армавир-Славянск-на-Кубани, 2011. С.15.

Н. Берзенов отмечал, что по обычаям горцев «быть удалцом в горах - значит быть аристократом. <...> Быть известным джигитом-храбрецом в селении, в долине, в целых горах, составляющих его мир, - есть высшая награда его желаний и трудов»⁹⁷⁴.

Современный исследователь адыгского мира А.А. Епифанцев указывает, что мотивы достижения славы, почета и уважения были очень сильны в адыгском обществе и адыгском дворянстве. «Слава и почет были одними из высших ценностей, при этом набеги и захват невольников в этой системе адыгской ментальности были как раз тем инструментом, посредством которого слава достигалась»⁹⁷⁵.

Рассматривая эту сторону жизни горских обществ, можно также сослаться на наблюдения французского ученого XIX в. Ф. А. Жилия, который указывал на то, что «в жизни черкеса есть еще одна характерная сторона. <...> Совсем юным он завоевывает себе известность непрерывной чередой дерзких поступков. Он приучен к разбою страстью к опасности и приключенческой жизни. Тем более если он принадлежит к роду, известному своей исконной репутацией храбрости и щедрости, он ничего не оставляет себе от добычи, им полученной. По возвращении из своего похода он раздает в своем ауле и соседних аулах то, что захватил. Не щадя своей жизни, он беспрестанно ею рискует.

Когда он обретает известность, когда постепенно привыкают ему повиноваться как опытному командиру, когда со всех сторон к нему приходят слушать его красноречивый голос, не могут ничего решать, не выслушав его, ничего не предпринимать, не имея его в числе вождей, когда он, наконец, становится «гласом и мечом народа», черкес внезапно меняет жизнь и объявляет в своем крае, что прощается с приключениями. Все те, кто сопровождал его в походах и кто

⁹⁷³ Марзей А.С. Черкесское наездничество – «Зекуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). – М., 2000. С.113-115.

⁹⁷⁴ Цит. по: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. С.88-89. 311 с.

⁹⁷⁵ Епифанцев А.А. «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?». – М.: ООО «ИПЦ Маска», 2010. С.67.

пользовался его щедростью, хотят принести ему дары. <...> Со всех сторон ему несут то, что необходимо, дабы воздвигнуть ему дом. Через несколько дней он владеет уже богатым табуном и многочисленным стадом скота. Он как бы отдыхает в своей славе»⁹⁷⁶.

В связи с выявленными обстоятельствами Н.Я. Данилевский считал ситуацию совершенно тупиковой, поскольку «кавказские горцы – и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны – природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое»⁹⁷⁷.

В данном случае исследуемые обстоятельства требуют уточнения. Можно согласиться с мнением М.М. Блиева, что набеговая практика горцев Дагестана долгое время сохраняла свой экономический характер по преимуществу. Доказательством тому служат сама форма и масштабы такой практики. В то же время, набеговая практика в Центральном и Северо-Западном Кавказе с началом появления переселенцев и колонистов из России стала менять свои приоритеты. Не отказываясь от экономической составляющей указанного явления, горские общества обозначенных районов Северного Кавказа мотивировали опробованный многими поколениями механизм новыми смыслами, в зависимости от способа его организации и стоявших задач.

Поход за славой и добычей «собирался у черкесов из охотников по вызову людей, получивших славу прежними подвигами удалства и верным военными соображениями. <...> Эти набеги были не что иное, как частные предприятия для добычи, <...> однако и не служившие выражением политического действия всего народа. <...> Только большие народные предприятия, решаемые в народных собраниях, как, например, нападения на <...> укрепления и станицы,

⁹⁷⁶ Жиль Ф.А. Письма о Кавказе и Крыме. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. С.137-138.

⁹⁷⁷ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С.46.

составляли в собственном смысле проявления общей народной воли и действия политического права войны»⁹⁷⁸.

Набегу придавали свойство военно – наступательной или оборонительной операции, которая в ряду задач и мотивов выдвигалась на передний план, не отменяя при этом всего остального комплекса составляющих данного механизма.

Набеговыми операциями горцы стремились остановить колонизацию земель, которые они считали своими. Например, закубанские горцы отказывались признавать право российской стороны «строить укрепления и утверждаться на черкесской земле»⁹⁷⁹.

В.А. Потто отмечал, что «сами горцы превосходно понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием её, то есть заселением. Они говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица – это растение, которое впирается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле»»⁹⁸⁰.

Называемые в российской терминологии XIX в. «хищники» подвергали атакам казачьи станицы, не только с целью грабежа, но и разрушали их, придавали огню, намереваясь создать невыносимые и неприемлемые для казачьих поселенцев условия, заставить уйти с занимаемой территории. Таким образом, набег был средством устрашения и прямого воздействия на непрошенных чужаков, покушавшихся на вековечный мир горской традиционности.

Горцы видели и понимали связь казаков и Российского государства. Опять же по свидетельству В.А. Потто, «казак-колонизатор являлся вернейшим слугой русского государства, а государство, в свою очередь, не жалело ничего для своего пионера. Ни казаку не удержаться бы перед горами без

⁹⁷⁸ Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX - начале XX века. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2004. С.131.

⁹⁷⁹ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1999. С.323.

⁹⁸⁰ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Т.1: С древнейших времен до Ермолова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С.75.

помощи государства, ни государству с одной регулярной армией не одолеть бы беспокойного Кавказа»⁹⁸¹.

По этой причине остановить набеговую практику горцев не представлялось возможным до полной победы русского оружия над горскими обществами.

Надо согласиться с вышеприведенным мнением Н.Я. Данилевского, что ситуация представлялась почти неразрешимой, поскольку в истории мер против набегов, применявшихся в течение десятков лет на Кавказе, их обилие и разнообразие имели один прискорбный результат – отсутствие позитивных перемен.

Российские власти использовали против кавказских разбоев следующие меры, которые Френкель подразделял на три категории⁹⁸².

Меры первой категории направлялись непосредственно на разбойников и подозреваемых в разбое. Власти применяли, во-первых, административные высылки подозреваемых в разбое и укрывательстве разбойников; во-вторых, запрещали проживать в городах сельчанам, подозреваемым в преступлениях против собственности; в-третьих, предавали разбойников военному суду. Военные суды приговаривали разбойников к страшному наказанию шпицрутенами. Приговоренные получали от 6-ти до 12-ти тысяч шпицрутен, и если не умирали, ссылались в Сибирь на каторжные работы с наложением клейм⁹⁸³.

Меры второй категории направлялись против лиц, причастных к разбою и состояли, во-первых, в аресте семейств беглых преступников; во-вторых, в аресте почетных жителей селения, в котором появились разбойники, но не были выданы жителями; в-третьих, власти принуждали жителей таких селений к взаимному поручительству в уплате стоимости похищенного не розысканными разбойниками.

Меры третьей категории направлялись на розыск непосредственных участников разбоев. В этом случае

⁹⁸¹ Там же.

⁹⁸² Кавказец. Письма с Кавказа // Русское богатство. 1899. № 4. С.136.

⁹⁸³ Там же.

прибегали к поиску разбойников посредством земской стражи. Создавались милиции от населения. Прибегали к преследованию разбойников с помощью войск и казаков⁹⁸⁴.

Общим в этих мероприятиях было то, что большая часть мер носила репрессивный характер, карающих не только разбойников, но и население той местности, на которой они действовали.

Столкнувшись с миром кавказских народов, их традиционным менталитетом и каждодневной практикой межчеловеческих отношений, большинство представителей русской администрации пришли к выводу, что единственным эффективным и действенным средством, способным вразумить горских удальцов является сила. Поэтому репрессия, как разновидность силового вразумления, стала считаться панацеей от всех общественных зол. Следовало строго наказывать разбойников, их пособников и укрывателей. Тяжесть наказания в этом случае выступала как предупредительная мера.

В то же время кавказские враги русских – это «не знающие усталости хищники, повсюду проникающие, смелые и неуловимые»⁹⁸⁵, которые старались прорваться через Терек или Малку, «единственно в надежде захватить несколько рогатого скота или какого беспечного жителя, по характеру нашего народа, часто гуляющего близ самой границы», но это дело минутное; они всегда были преследуемы казаками и резервами и если не успевали тотчас переправиться назад и скрыться в какой-либо тесной местности, то их преследовали и истребляли казаки пикетов и резервов⁹⁸⁶.

Кавказская линия – это линия от Кизляра до Тамани по Тереку, Малке и Кубани – была, бесспорно, лучшей с точки зрения охранения. Здесь было много казачьих пикетов и объездчиков кордонной стражи. Кроме того станицы были вооружены орудиями. По сигнальному выстрелу жители всех других станиц собирались и шли на помощь подвергшимся нападению со стороны горцев.

⁹⁸⁴ Там же. С.137.

⁹⁸⁵ Огарков В.В. Указ. соч. С.92.

⁹⁸⁶ АКАК. Т. X. С. 185.

За безопасность дороги наблюдали с кордонов, расположенных друг от друга в 3-4 верстах. В кордонах служили малороссийские казаки и поселенцы. С деревянных вышек степь была видна на 20 верст. При малейшем дыме или пыли, которые могли производить конные горцы, извещались станицы, где быстро готовились к обороне.

Станицы имели огромный шест с привязанною к верху его паклей, смоченной в «фейерверочный» состав, которая зажигалась казаками в случае замеченного неприятельского движения⁹⁸⁷.

С заходом солнца ворота станиц запирались. Одновременно наблюдающие с кордонов поселенцы и казаки соединялись в один общий порядок, устроенный для отпора внезапному набегу.

Обыкновенно нападения случались во время туманных ночей или на заре. Нередко русская сторона умела заранее подготовиться к отпору, будучи оповещаемой заблаговременно мирными горцами, за что последние получали определенную плату⁹⁸⁸.

В целом, трудности оборонявшихся состояли в том, что невозможно было с большой долей вероятности предсказать, где будет нанесен удар. По этой причине нельзя было одновременно прикрыть станицы достаточными для отражения готовившегося нападения силами. В связи с тем, что численность войск на Кавказе долгое время не была оптимальной, то не представлялось возможным прикрыть все населенные пункты надежной защитой, а большинство деревень вообще оставались без непосредственной защиты. Именно их горские «хищники» выбирали для нападения, совершая сложные маневры и далеко проникая за кордоны.

Горцы совершали свои набеги на станицы и крестьянские деревни всегда верхом, чтобы иметь возможность совершения скоростного маневра, исполнить задуманное и уйти от возмездия с минимальным уроном.

⁹⁸⁷ Руководство к познанию Кавказа. - СПб., 1847. Кн. 2. С.4-5.

⁹⁸⁸ Указ. соч. С.6.

Трудность борьбы с «хищниками» состояла в том, что, как свидетельствовали современники, горцы-всадники во многом превосходили как казаков, так и регулярную армейскую кавалерию. «Они все как будто родились в седле и с ранних лет привыкли ездить верхом, с возрастом становясь первоклассными наездниками, способными преодолеть верхом большие расстояния. Имея огромное количество лошадей, они выбирают лишь самых быстрых, сильных и выносливых. Нередко лошадь может в жаркий летний день преодолеть со всадником в седле более 150 верст. <...> Выбирая коня, горец всегда заботиться о нем; никогда не использует его для обычных путешествий (т.е. не для набегов) и при этом не берет его в поход, пока животному не исполнится 8 лет»⁹⁸⁹.

Не будет лишним в этой связи сказать о подготовке лошадей для набегов, опять же прибегая к свидетельствам информированных современников. За 2-3 месяца до наступления самого удобного периода для набегов хозяин начинал откармливать лошадей, позволяя им немного отдохнуть. За 5-6 недель животное набирало значительный вес. Затем объем пищи постепенно уменьшался. Животных время от времени водили под седлом и каждый день ставили по брюхо в воду. Несколько дней коней выезжали только шагом, но потом - все быстрее и быстрее. Когда слой жира начинал исчезать, и животное привыкало к нагрузкам, его начинали выезжать трусцой. С коней сгоняли жир до тех пор, пока они не становились поджарыми и способными проскакать без труда большие расстояния. На все это уходило примерно 2-3 недели, но за это время жир исчезал, отвисший живот подтягивался, мышцы укреплялись, а животное было готово к тяжелой и длительной работе⁹⁹⁰.

Порода черкесских лошадей имеет в этом особенное значение. У горцев западной половины Кавказа были тогда знаменитые конные заводы: Шолок, Трам, Есени, Лоо, Бечкан. Лошади их не имели всей красоты чистых пород, но были

⁹⁸⁹ Баддели Д. Указ. соч. С.99.

⁹⁹⁰ Там же. С.102.

чрезвычайно выносливы, крепки в ногах, при этом никогда не ковались, потому что их копыта были крепкими, как кость⁹⁹¹.

Следует подчеркнуть, что горцы, хотя любили своих лошадей, очень о них заботились, держали их на узде очень строго, беспрестанно возбуждали их энергичным хлопаньем ногойками и разными поворотами⁹⁹².

Свою лошадь черкесы берегли пуще глаза. «Она выезжена на уздечке, которой совершенно повинуетя, она спокойна, смирна, привыкает к езде, как собака, идет на зов его и переносит неимоверные трудности»⁹⁹³.

Казаки, находясь, все время в обороне, почти не имели возможности натренировать своих лошадей таким же образом, а потому горцы имели перед ними многие преимущества.

На кордонные линии горцы обыкновенно совершали набеги небольшими группами, преимущественно весной и осенью. В остальное время года такие предприятия делались крайне редко. Зимой им мешал холод и отсутствие пастбищ, летом – пересохшие реки, жара и слепни. В то же время в Причерноморье нападения совершались преимущественно зимой, когда замерзала Кубань. В другие сезоны сделать набег было весьма затруднительно по причине полноводности горных рек, не позволявших преодолевать их вброд. В другие сезоны набег, связанный с преодолением природных препятствий, сулил большие труды и меньшую удачу⁹⁹⁴.

В центральной части Северного Кавказа, чеченцы, «разъезжая значительными партиями вокруг <...> передовых укреплений: Грозной, Назрана, Закан-Юрта, Умахан-Юрта, Герзель-аула и Внезапной <...> нападали на скот, выгоняемый на пастьбу, на косцов и на фуражиров, на колонны, посылаемые в лес за дровами и конвоирующие проезжающих и транспорты, или так называемые оказии. <...> Переплывали даже за Терек, где не только хищнически нападали на

⁹⁹¹ Филиппсон Г.И. Указ. соч. С.84.

⁹⁹² Там же.

⁹⁹³ Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М., 1976. С.212.

⁹⁹⁴ Баддели Д. Указ. соч. С.102.

проезжающих и захватывали в плен казачек, но и делали нападения на станицы, хотя, правда, не всегда успешные»⁹⁹⁵.

Иногда чеченцы пускались в поход против станиц кордонной линии небольшими пешими партиями. Они долго и внимательно наблюдали за отправлением кордонной службы, высматривая, где устраивались секреты, когда производятся разъезды. Готовясь к переправе через Терек, выбирали ту часть его русла, где отсутствовало сильное течение, где можно было «засветло раздеться и, уложив одежду, чуреки, пистолет, кинжал и патроны в бурдюки, а также приладив к ним шашку и ружье, дожидаться нагишом под пронзительным ветром или дождем наступления мрака, потому что, для того чтобы не быть замеченным и не слышно было бы плеска воды, избирались темные и притом ветреные или дождливые ночи»⁹⁹⁶.

Если удавалось незамеченными переправиться на левый берег Терека, горцы прятались днем в пойменном лесу, чтобы выйти из своего укрытия вечером на ловлю проезжающих. При удачной охоте тут же бросались в обратный путь вместе со своей добычей.

Такого рода «хищничеством» занимались бойгуши, т.е. бедняки, у которых не было не только верховой лошади, но и волов, чтобы вспахать землю для проса или кукурузы⁹⁹⁷. Пешие партии ограничивались разбоями на небольшом удалении от Терека, тогда как конные партии могли углубляться в подконтрольные русским пределы на 100 и более верст. Например, в октябре 1850 г. конная партия в 15 человек, переправившись через Терек между Червленной и Щедрином, сделав за несколько суток более 400 верст, возвратилась беспрепятственно в свои пределы с огромной добычей, разграбив на Куме ставку калмыцкого султана. В то же время другая партия ограбила почту и сожгла станцию на астраханском тракте⁹⁹⁸.

По словам наблюдателя: «Следы разрушения и пожара были видны над каждым домом станицы Стодереvской и

⁹⁹⁵ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.32-33.

⁹⁹⁶ Там же. С.66.

⁹⁹⁷ Там же. С.67.

⁹⁹⁸ Там же. С.67.

слободки Николаевской. Сверх того, хищнические происшествия, заключавшиеся в угоне скота, плене казачек, на Тереке, между Екатериноградской и Червленной, были почти ежедневные»⁹⁹⁹.

По донесению командира Ставропольского казачьего полка подполковника Эндаурова страдала от хищников и станица Темнолесская, где в ноябре 1842 г. «потеря наша <...> состояла из 16 казаков убитыми и 10 раненых. Хищники зажгли 13 дворов и увели в плен до 100 детей и женщин»¹⁰⁰⁰.

Российская сторона отвечала на подобные «искусства» или кратковременным набегом небольшим числом войск, или продолжительными экспедициями больших отрядов. Набеги имели целью нападение и разорение отдельных аулов, и восполнение понесенных экономических потерь «барантой», т.е. угонем горского скота. Кроме того, солдаты уничтожали посевы на горских полях и сжигали заготовленное сено. Скрытность и быстрота в исполнении были главными условиями в таких действиях. Выступали обыкновенно ночью с таким расчетом, чтобы добраться до места к рассвету¹⁰⁰¹. В этом смысле действия войск мало отличались от горских «хищничеств» ни по задачам, ни по целям¹⁰⁰².

Экспедиции самостоятельными отрядами производились с целью прорубки просек и прокладки дорог, а также для истребления хуторов и аулов на значительном пространстве¹⁰⁰³. По существу российская сторона действовала средствами и мерами горских удальцов, устрояя горское население и вынуждая его удаляться от кордонных линий. Этим открывались возможности для будущего продвижения в южном направлении, а также на определенное время снималась острота противостояния.

⁹⁹⁹ Там же. С.38.

¹⁰⁰⁰ АКАК. Т.IX. С.452.

¹⁰⁰¹ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.71.

¹⁰⁰² Подвиги русских воинов // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.2. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. С.105.

¹⁰⁰³ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.71.

Прибыв на Кавказ, князь М.С. Воронцов сразу же обратил свое внимание на этот злободневный вопрос, который затрагивал насущные нужды Кавказского края. Не предполагая первоначально всей глубины и всех действовавших пружин явления, наместник активно включился в борьбу с «хищниками».

Как представитель высших российских властей М.С. Воронцов видел данную проблему в качестве одной из управленческих задач, требовавших наискорейшего успешного решения. Он застал, например, в Закаталах такую ситуацию, при которой «разбой, воровства и беспорядки различного рода привели край в тревожное состояние»¹⁰⁰⁴. Жители не выдавали российским властям разбойников по причине родства с ними. Местные власти, по нежеланию или неумению, не смогли пресечь разбоев в их зародыше, способствовали тому обстоятельству, при котором в горском населении не только не укрепилось доверия к имперским властям, но их неэффективность и безнаказанность преступников, сделали разбойничество допустимым правом.

В Закавказье сделались обыденными проявления профессиональных грабежей и разбоев, главными инициаторами и руководителями которых были беки. Д.С. Барановский свидетельствовал по этому поводу: «Ими (беками – С.Л.) создаются планы разбоев, поражающие иногда грандиозность замыслов и способов исполнения их, причем само исполнение возлагается беками на своих нукеров (слуг) и лиц, находящихся в их имущественной от них зависимости <...> которых снабжают оружием, лошадьми и даже одеждой. <...> За это беки получают, конечно, львиную долю добычи»¹⁰⁰⁵.

С приездом князя Воронцова на Кавказ укрепилась политическая воля пресекать разбойничество всеми мерами. От наместнической администрации исходили импульсы, побуждавшие местные власти «положить хотя бы начало

¹⁰⁰⁴ АКАК. Т.Х. С.349.

¹⁰⁰⁵ Барановский Д.С. Причины разбоев, грабежей и других беспорядков в Закавказье и способы к их искоренению // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.: АОЗТ журнал «Звезда», 2001. С.331.

спокойствию, <...> что только было возможно на первых порах»¹⁰⁰⁶.

По приказу князя М.С. Воронцова следовало действовать как для укрепления справедливости, так и показать непокорным суровую руку правосудия. Так был убит при попытке ареста один из разбойников, покушавшийся на жизнь майора Колюбакина. Наместник потребовал от всех местных властей разыскивать разбойников и стараться или поймать их, или истребить¹⁰⁰⁷.

Особенно актуальной была признанна эта суровость после убийства в селении Елису пристава Мелешки и его помощника, что навело ужас на жителей Елисуйского участка и заставило их колебаться в своей преданности российской стороне. Местная милиция численностью в 4000 человек, отказалась исполнять возложенные на нее обязанности. Только приход войск успокоил ситуацию¹⁰⁰⁸.

Большой проблемой оставался безопасный проезд по дорогам. В то время, несмотря на то, что дороги охранялись частыми постами и казачьими пикетами, не могли считаться безопасными. По свидетельству из первых рук М.Я. Ольшевского: «Только те из проезжающих могли быть вполне уверены, что они не попадутся в руки хищников и избегут плена, которые до сумерек останавливались на ночлег и не выезжали со станций рано утром, в особенности во время тумана, или которых сопровождал конвой, хотя самый незначительный»¹⁰⁰⁹. Если эти правила не соблюдались, то всегда проезжающие становились добычей предприимчивых «хищников».

Так в сентябре 1843 года, в Базовой балке, которая находилась тогда в сорока верстах от Ставрополя, был захвачен в плен адъютант корпусного командира А.И. Нейдгардта поручик М.П. Глебов, который был через полтора месяца выкраден благодаря награде, обещанной за его освобождение. Деньги, для которой собирали офицеры гвардии. Примерно на

¹⁰⁰⁶ Там же. С.350.

¹⁰⁰⁷ Там же. С.351.

¹⁰⁰⁸ Там же. С.352.

¹⁰⁰⁹ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.38.

таком же расстоянии от Георгиевска был изрублен шашками майор, ехавший на почтовых лошадях¹⁰¹⁰.

При князе М.С. Воронцове, как и при его предшественниках, бывали удивительные случаи. Например, генералы, уцелевшие в кровавых сражениях, погибали во время переходов по сравнительно мирным дорогам только оттого, что удалялись на несколько шагов от сопровождавшей их «оказии».

Случалось, что в двадцати шагах от роты солдат, на её глазах, несколько горцев набрасывались на офицеров, неосторожно опередивших своих провожатых, обезоруживали их и, связав добычу и схватив под уздцы лошадей, бросались в волны глубокого и быстрого потока, в виду оторопевших солдат и переправившись на другой берег и скакали с пленниками в горы¹⁰¹¹.

Если снаряжалась погоня, или «хищники» предполагали её возможность, горцы обычно быстро отступали, бросаясь на лошадях с крутых берегов в бурные воды Терека. Кроме того, подвергая атакам проезжих, горцы редко нападали «в равном числе на казаков, никогда на пехоту <...> зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд <...> Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат <...> что чрезвычайно трудно исполнить <...> Кинжал и шашка суть члены их тела, и молодец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение. Пленника они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх силы, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками»¹⁰¹².

Получив от императора широчайшие полномочия, князь М.С. Воронцов приобрел право принимать для восстановления общественного спокойствия и безопасности всякие меры, хотя

¹⁰¹⁰ Там же. С.564.

¹⁰¹¹ Огарков В.В. Указ. соч. С.92.

¹⁰¹² Кавказ и его герои. — СПб., 1902. С.30; Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Собр. соч. В 3 т. Т.3. — М.: Гослитиздат, 1962. С.507.

бы выходившие за пределы установленные законом порядка, под его личную ответственность. В войне против проявлений уголовщины, разбоев, наместник не останавливался даже перед самыми крутыми мерами. Бывали дни, когда на площади в Тифлисе вешали за грабежи и убийства сразу по несколько туземных удальцов. Князь, очевидно, был последователем созданной юристами теории устрашения. «Мягкий» в повседневной жизни М.С. Воронцов в этих случаях не церемонился, чему могла способствовать и вся атмосфера тогдашней кавказской жизни, где «доподлинно жизнь была копейкою»¹⁰¹³.

Возможно, что такое отношение к преступникам выработалось у князя ещё в Англии, где в то время вздергивали без церемонии на виселицу за кражу барана или подлог векселя. Бывают такие мягкие и приветливые натуры, но жестоко непоколебимые в исполнении того, что они считают роковою необходимостью¹⁰¹⁴.

По свидетельству генерала Г.И. Филиппсона, «вообще в правление князя Воронцова, и особенно в первые годы, смертная казнь совершалась нередко. Однажды в Тифлисе одновременно были повешены 9 горцев, уличенных в разбое, грабеже и убийстве – все они судились по полемому уголовному положению»¹⁰¹⁵.

Обнаружив, что гражданский порядок и общественная безопасность в Тифлисе и Грузии вообще страдают от грабежей, М.С. Воронцов приказал вешать наиболее отъявленных злоумышленников, в результате чего обстановка в Закавказье быстро нормализовалась¹⁰¹⁶.

В Закавказском крае, по местному положению, по характеру жителей и другим причинам часто бывали разбои и грабежи, усиливавшиеся обыкновенно во время перекочевий жителей со стадами в горы на лето.

Известный в 40-е годы XIX века разбойник Дервиш-Касим-оглы, бежавший из Сибири, был страшилищем

¹⁰¹³ Огарков В.В. Указ. соч. С.91.

¹⁰¹⁴ Огарков В.В. Указ. соч. С.91.

¹⁰¹⁵ Филиппсон Г.И. Указ. соч. С.176.

¹⁰¹⁶ Дегоев В.В. Указ. соч. С.184.

Кубинского уезда и окрестных мест. Несколько лет подряд ему удавалось избегать преследований местного начальства. Когда князем Тархановым разбойник был изловлен, князь Воронцов приказал немедленно судить разбойника военным судом по полемому уложению, и утвердил приговор о повешении на месте его родины в селении Канбарах. Казнь этого важного преступника произвела самое «благодетельное влияние» в Кубинском уезде: тишина и спокойствие восстановились немедленно¹⁰¹⁷.

Усилившиеся в конце 1845 года в Елисаветпольском уезде грабежи вынудили князя М.С. Воронцова и там принять решительные меры. Он командировал в уезд князя Орбелиани для преследования и поимки разбойников. В самое короткое время И.Д. Орбелиани исполнил поручение наместника и поймал 48 человек разного рода разбойников, из которых некоторые были явно изобличены в убийствах и грабежах. Дела быстро были рассмотрены военно-судными комиссиями. Воронцов утвердил приговор суда о повешении разбойников, ограбивших и нанесших раны двум офицерам драгунского полка¹⁰¹⁸.

Князь И.Д. Орбелиани и в дальнейшем не терял своей славы непримиримого вместе с наместником врага разбойников. В августе 1850 г. он участвовал в поимке и аресте 5 карачаевцев в Кисловодске, которые умыкнули дочь полковника Туганова.

Данные карачаевцы оказали отчаянное сопротивление казакам, которые попытались их окружить. Только подоспевшие егеря и линейные солдаты сумели справиться с разбойниками. Кончилось тем, что четверых из них убили, а пятого смертельно ранили¹⁰¹⁹.

Князь М.С. Воронцов предписал Комиссии по устройству поселений за Кавказом в 1847 году для предупреждения разбоев, грабежей и воровства, которым беспрестанно подвергались духоборы со стороны соседних и заграничных

¹⁰¹⁷ АКАК. Т.Х. С.843.

¹⁰¹⁸ Там же.

¹⁰¹⁹ Воронцов М.С. Письма М.С. Воронцова к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1873. Т.VII. С.691.

татар, учредить от местечка Ахал-калак до армянского с. Шестоны постоянные «обывательские пикеты из жителей татарских деревень с ответственностью, как содержащих караул, так и от обществ тех деревень, из которых будут назначать для этого людей, за всякое воровство и грабеж, в дистанции пикета случившихся»¹⁰²⁰.

Кроме того, вооруженная стража для уменьшения «хищничества» и разбоев внутри земель духоборских заведена была у всех русских поселенцев для собственной пользы. Денежные издержки для этого нужны были небольшие, только на покупку необходимого оружия. Жалованья эта стража не требовала: люди назначались временно и по очереди. В многолюдных деревнях назначались по 10 человек, а в малолюдных – по 5 человек¹⁰²¹.

Местные милиции использовались против шаек «хищников». Например, тушины – люди воинственные и хорошо вооруженные. Нередко такие милиции истребляли целые шайки лезгин¹⁰²².

На Северном Кавказе, однако, местные милиции не всегда были в состоянии безоговорочно выполнять любые приказы русского командования, как это делали солдаты или казаки. В.В. Лапин объясняет это тем, что почти у каждого племени существовали традиционные враги и друзья, и горцам приходилось просчитывать возможные последствия своей боевой деятельности из-за существования кровной мести. В случае гибели «при исполнении» милиционер ставил свой род в положение, враждебное по отношению к роду убийцы, и наоборот, подстрелив противника на службе, он навлекал на свой род большие неприятности¹⁰²³.

Когда же интересы командования и местных жителей совпадали – милиции показывали чудеса храбрости, когда не

¹⁰²⁰ АКАК. Т.Х. С.123.

¹⁰²¹ АКАК. - Тифлис. 1885. Т.Х. С.124.

¹⁰²² Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. - СПб., 1879. Часть I (1842-1851 гг.). С.25.

¹⁰²³ Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания//Россия и Кавказ. - СПб., 2003. С.11.

совпадали – милиции в лучшем случае уклонялись от боя, а в худшем – переходили на сторону «хищников».

Быстрое преследование грабителей и разбойников и принятие решительных мер восстановили тишину и спокойствие в Закавказье, но были причиной накопления дел в военно-судных комиссиях, особенно в Каспийской области. Князь М.С. Воронцов считал нужным «усилить средства комиссий» и командировал в шесть военно-судных комиссий для делопроизводства из-за недостатка аудиторов, гражданских чиновников из тех присутственных мест, которые были менее других обременены делами¹⁰²⁴.

Добиться прочного успеха в борьбе с разбоями удалось только в Грузии, но не в районах Закавказья, населенных, как в ту пору определяли, «закавказскими татарами». Мало успехов было и на Северном Кавказе, где продолжались активные боевые столкновения. В условиях войны нравственность страдала с обеих сторон противостояния. Поэтому «хищничество» и разбой туземцев дополнялись таковыми со стороны их усмирителей¹⁰²⁵.

В письмах к В.О. Бебутову князь М.С. Воронцов писал: «Край беспрестанно подвергается то неприятельским партиям, то ещё более разбойниками всякого рода, находящим беспечное укрывательство, и даже помощь у жителей верхних магалов. Разбои эти не только продолжаются, но и усиливаются в бывшем Елисуйском владении, на правом фланге Лезгинской линии и во всем Нухинском уезде. Теперь более говорят о славном Богарчи, но он ли все это делает или другие. Во всех этих местах нет никакой безопасности, ни сообщения, ни свободы для торговых и других оборотов. В Нухе купцы жаловались, что торговля слабеет, потому что ни откуда нельзя привозить и ни куда нельзя отвозить товары без крайней опасности похищения их на дороге и убийства людей при них находящихся»¹⁰²⁶.

¹⁰²⁴ АКАК – Тифлис. 1885. Т.Х. С.843.

¹⁰²⁵ Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С.53.

¹⁰²⁶ Воронцов М.С. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1873. Т.7. С.259.

М.С. Воронцов сообщал В.О. Бубетову, что возможные действия при которых «мы могли бы занять постоянно милицией деревни выше Лучека, как-то Гельмец, Цахур, Джиних и прочие для отыскания и истребления скрывавшихся в наших округах хищников и тех из самых жителей, которые охотно и без необходимости им помогают» были мало эффективны¹⁰²⁷.

Если в Закавказском крае местное население с большей или меньшей готовностью содействовало местным милициям, то на Северном Кавказе этого не происходило, т.к. жители опасались мести «хищников».

Жестокие кары и быстрые возмездия не искореняли, однако, разбойничества в целом. На место казненных разбойников скоро являлись новые удалыцы. Поэтому наряду с продолжением репрессивных мер князь М.С. Воронцов обратился к мерам иного характера, т.к. опыт скоро показал ему, что для искоренения известного зла одного устрашения мало. Разбойничество на Кавказе имело характерные особенности, когда часть народа сочувствовала удалыству разбойников, в определенной мере даже романтизировало их деятельность.

Так известный разбойник 50-х годов XIX века Арсен на каждом грузинском храмовом празднике воспевался как народный герой. Причина народной поддержки Арсена состояла в том, что он обижал богачей и кормил бедных. Когда Арсен приезжал в Тифлис, он заходил в лавки купцов, брал деньги и раздавал их бедноте. Когда, в конце концов, Арсен был убит одним лезгином, бедняки перевезли его тело в Мцхет и похоронили его с почестями¹⁰²⁸.

Наиболее опасными разбойниками на Кавказе были абреки. Казаки знали их и сильно опасались. Среди них было много людей известных своею храбростью и ловким наездничеством. Случалось, что «сотни казаков не решались атаковать холодным оружием несколько десятков абреков и стреляли в них издали, зная, что в рукопашном бою их жизнь

¹⁰²⁷ Там же. С.260.

¹⁰²⁸ Кавказец. Указ. соч. С.138.

можно купить лишь дорогою ценой. Окружив абреков, казаки истребляли их до последнего человека, да и сами абреки не просили пощады. Видя отрезанными все пути к спасению, они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкою на присошке и отстреливались, пока было возможно; выпустив последний заряд, ломали ружья и шашки и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми»¹⁰²⁹.

Постепенно стало ясно, что без разрешения наитруднейшего обстоятельства борьбы с разбойничеством, нельзя было добиться прогресса ни в экономическом, ни в умственном, ни в нравственном развитии, как местного кавказского населения, так и каких-либо позитивных результатов в реализации «русского дела» в Кавказском крае.

Князь М.С. Воронцов из ряда руководителей кавказской администрации, получив опыт и имея *carte blanche* своим действиям от императора, понял, что наряду с проведением карательных мер против разбойничества, необходимы меры культурного характера.

Будучи воспитанным в обычаях и ценностях конца XVIII века – ценностях Просвещения – М.С. Воронцов стремился к развитию культуры в Кавказском крае, считая, что это будет содействовать улучшению нравов в обществе и отвратит массы народа от разбойников, а разбойничество перестанет восприниматься как естественный и традиционно возможный образ жизни.

К общим мерам, предпринимаемым Россией в Кавказском крае силой оружия, водворением русского населения, образованием внутреннего порядка, развитием торговли и промышленности, князь Воронцов добавил культурное влияние России на Кавказ, подчиняя его ментально.

Князь Воронцов считал, что следует повсеместно на Кавказе устраивать школы с дополнительным обучением учащихся земледелию, садоводству, пчеловодству, шелководству и вообще тем профессиям, распространение

¹⁰²⁹ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С.215.

которых в населении, способствовало бы улучшению его материального благосостояния.

Чтобы не было разбойников на Кавказе, необходимо уничтожить почву для разбойничества широкими экономическими и социально-культурными мерами. Князь Воронцов хотел дать почувствовать жителям Кавказа все выгоды жизни в составе Российского государства, чтобы моральными и материальными стимулами изменить их мироощущение, направить их энергию в созидательное русло¹⁰³⁰.

По отношению к народам, которые не отличались «хищническим» характером, например, к армянам, грузинам или имеретинам, по распоряжению наместника, переменили способ действия. Справедливым и беспристрастным отношением, сочувствием к их нуждам и возможным удовлетворением таковых старались создавать социальный слой, «проникнутый гражданственностью, уважающий власть, преданный Государю и действительно чтущий Россию своим отечеством»¹⁰³¹.

Были сделаны ряд распоряжений, которые сначала обстановку стабилизировали, а затем постепенно переменили ее к лучшему уже спустя три года после назначения Воронцова на Кавказ¹⁰³².

«Порочных туземных жителей» по приказу наместника удаляли во внутренние губернии империи «для отдачи тех из них, кои изъяты от наказаний телесных, под надзор полиции, а не изъятых от сих наказаний в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, смотря по удобности»¹⁰³³.

Были уволены начальники, которые грубо обращались с местным населением, а те, кто был причастным к преступлениям, отданы под суд.

На государеву службу стали рекрутироваться представители местных народов. Их привлекали и раньше, но

¹⁰³⁰ Дегоев В.В. Указ. соч. С.181.

¹⁰³¹ Барановский Д.С. Указ. соч. С.329.

¹⁰³² АКАК. Тифлис. - 1885. Т.Х. С.889.

¹⁰³³ Свод Законов Российской Империи. Т.2. Ч.II. Особенные губернские учреждения. Кн. III.- Учреждение управления Закавказского края. Ст.22.

при князе Воронцове это переросло в систему. Эти «туземные» кадры получали привилегии правящего класса большой имперской системы, чем было положено начало процессу зарождения на местной кавказской почве имперской идентичности.

Князь М.С. Воронцов уловил (или сам способствовал) готовность местной элиты отождествлять себя с империей, которая обуславливалась «желанием принадлежать к корпорации избранных, разделять её дух и ценности, пользоваться её благами и символикой»¹⁰³⁴.

В.В. Дегоев подчеркивал, что успешность и гибкость усилий российской власти, когда «кооптация грузин и армян в «колониальную» управленческую систему и воспитание в них имперского мировоззрения облегчались религиозной общностью с русскими. В случае же с тюрками-мусульманами та же цель достигалась религиозной терпимостью русских, готовностью и умением <...> властей воздействовать на представителей иной культурной среды неотразимыми материальными и моральными стимулами»¹⁰³⁵.

Князь М.С. Воронцов понимал, что главный интерес России – связать разноплеменный край с империей. Эта связь могла быть прочной, если вся система управления имела бы целью разобраться во всех условиях народной жизни¹⁰³⁶.

Наместник избрал весьма выгодную для имперского дела тактику: «в социальных, межкорпоративных и межэтнических конфликтах, имевших место в Закавказье, М.С. Воронцов неизменно занимал позицию третейского судьи, беспристрастного примирителя, надклассовой инстанции. <...> Наместник прививал противоборствующим сторонам и закавказскому обществу в целом более широкий, имперский взгляд на вещи. Он видел в этом способ умерить антагонизмы, разрешить (или предотвратить) конфликтную ситуацию, воспитать у людей разумно-эгоистическое понимание того, что

¹⁰³⁴ Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности // Кавказский сборник. 2004. Т.1 (33). С.31.

¹⁰³⁵ Там же. С.32.

¹⁰³⁶ Эсадзе С. Указ. соч. С.89.

польза для империи есть польза для каждого из её подданных»¹⁰³⁷.

В многонародном и поликонфессиональном Кавказе выходом из множества наитруднейших обстоятельств было воспитание в населении надэтнической и надконфессиональной идентичности, без ущерба, как для этнической самодостаточности, так и для ценностей веры.

Тут уместны слова поэта, подтверждавшие высказанную идею: «... и Запад и Восток, // Быть может, скоро твой разделят рок. // Настанет час – и скажешь сам надменно: // Пускай я раб, но раб царя вселенной!»¹⁰³⁸.

С точки зрения князя-наместника «чувство верноподданства русскому царю, соединенное с чувством принадлежности к «сверхдержаве»»¹⁰³⁹ должно было сплотить Россию и Кавказ и на решение этой большой задачи направлялись его усилия, которые он реализовывал спокойно, не форсируя события, тихой сапой.

Князь М.С. Воронцов не настаивал на естественности или самоочевидной выгоды для кавказского населения их инкорпорации в имперскую систему. Он, будучи весьма искушенным в жизни и в сущности человеческой натуры, предоставлял возможность убедиться в том самом кавказским жителям путем активного их вовлечения в экономическую, административную и социально-культурную жизнь Российской империи. Он постепенно формировал обстоятельства, обуславливая их пониманием того, что после прихода России, Кавказ есть теперь общая забота и общая судьба для всех¹⁰⁴⁰.

Подводя итоги всему выше сказанному, можно отметить, что, погрузившись в мир Кавказа, Россия столкнулась с неизвестным её культурному коду явлением – набеговой практикой, характерному для Кавказа (в данном случае XIX века) способу и разновидности экономической деятельности и

¹⁰³⁷ Дегоев В.В. Указ. соч. С.36.

¹⁰³⁸ Лермонтов М.Ю. Измаил-Бей // Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Правда, 1988. С.362.

¹⁰³⁹ Там же. С.38.

¹⁰⁴⁰ Там же.

форме социализации индивидуумов в этнокультурном мире горских обществ.

Борьба с этим явлением не имела заметного успеха, поскольку не представлялось возможным за короткое время переменить сущностных оснований традиционного быта кавказских горцев и духа их ценностей не только по масштабам их существования, но и по глубине укоренения. Набеги для горцев в обозреваемый исторический период оставались не только экономической необходимостью, но и нравственным императивом.

Кроме того, в условиях военного противостояния набеги приобретали новую направленность и обставлялись новыми мотивами – быть военно-оборонительными или военно-наступательными операциями, имевшими целью препятствовать противникам закреплять за собой территории, которые горцы считали своими.

По этой причине покончить с набеговой практикой не представлялось возможным до решения задачи замирения Кавказа и проведения культурных преобразований, связанных с переформатированием базовых устоев горской жизни.

Одновременно в борьбе с проявлениями уголовных разбоев российские власти добились положительных результатов, значительно сократив их размах и сферы проявления, сократив (особенно в Грузии) социальную поддержку разбойных элементов.

Несмотря на многочисленные трудности и непреодолимость существовавших обстоятельств, все же забрезжил свет в конце тоннеля. Источником позитивных изменений в решении проблемы кавказского разбойничества стала перемена в действиях российских властей, пришедшая вместе с князем М.С. Воронцовым, который принес в дело борьбы с разбоями системный характер.

Наряду с господствовавшим тогда курсом на силовое и репрессивное воздействие на «хищников», князь Воронцов предложил использовать меры культурного, экономического и управленческого характера, которые в совокупности начали постепенно изменять ситуацию к лучшему, насколько это было возможно в условиях вооруженного противостояния.

Комбинацией мер силового и культурного характера князь-наместник добивался такого состояния существования этнокультурной среды на Кавказе, при котором разбойничество переставало восприниматься как естественный и традиционно возможный образ жизни.

То, что избранные средства, собранные в систему, приводили к позитивным результатам, подтверждалось изменением общей ситуации, прежде всего, в Закавказском крае.

К сожалению, следует тут отметить, эта система не была принята и не поддерживалась администраторами Кавказа, пришедшими после князя Воронцова, что немедленно отозвалось резким ухудшением общей ситуации, в том числе с разбойничеством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Князь М.С. Воронцов был призван императором Николаем I исправить негативно развивавшуюся ситуацию, которая подрывала основы «русского дела» на Кавказе.

К середине 40-х гг. XIX в., производившиеся российской администрацией преобразовательные действия потеряли динамичность, породив большое количество проблем, ставших препятствием для успешного решения задачи по «водворению» кавказской окраины в состав Российской империи и превращению кавказского фронта в мирные и благоустроенные южные рубежи государства.

В северной части Кавказа российские власти утратили на время стратегическую инициативу, которую попытался вырвать у них из рук имам Шамиль, чей авторитет в горах достиг своего апогея. Основным условием, обеспечившим успех Шамилю, явилась его способность укрепить солидарность среди многих горских обществ Чечни и Дагестана, призывом их под знамена мюридизма и газавата.

В Петербурге выражали большое недовольствие мероприятиям и мерам, которые реализовывали российские кавказские власти и которые, несмотря на значительные усилия и затраты, приносили весьма посредственный результат, по крайней мере, он был далек от ожидавшегося.

Немало беспокойства приносил Петербургу и Южный Кавказ, признанный быть витриной преобразований имперского характера и благотворного влияния имперского цивилизаторства.

Сменявшим друг друга главноуправляющим не удавалось достичь окончательной стабильности ни в одной сфере социального пространства в крае. Кавказский мир быстро адаптировался к российским усилиям, включив многовековые механизмы противоборства и сохранения основ своей социально-политической, духовно-нравственной и бытовой идентичности, и относился к русским не как к новаторам - преобразователям, а видел в них очередных врагов, непрощенных пришельцев, против которых кавказские племена применяли традиционные системы мобилизации.

Присутствие России в пространстве Кавказского края воспринималось большинством горцев как ухудшение общей ситуации в горских социумах, что делало кавказские старины – обычное традиционное существование – более привлекательными. Горцы держались своей патриархальности как средства сохранения их идентичности и прежнего «вольного» образа жизни.

Горская культура была по преимуществу культурой борьбы и для борьбы, присущая социумам родоплеменной стадии развития, стирая всякую границу между мирным и немирным каждодневным существованием. «Во всех странах света годы войны сменялись годами мира, но на Кавказе время войны вполне никогда не прекращалось. Если не было нападений извне, то для мирной части кавказского народонаселения постоянно продолжалась необходимость защищать свой край от нападений горцев, которых <...> никто не успевал ещё покорить своей власти и не мог заставить отказаться от полудикой хищнической жизни, препятствовавшей развитию благосостояния в соседних с ними мирных частях края»¹⁰⁴¹.

Трудно сокрушаемый традиционный изоляционизм придавал горской культуре необходимую ей гомогенность, наделяя её мощным конфликтным потенциалом, дающим способность противостоять любой другой гетерогенной и открытой культуре, в том числе и русской культуре.

Во многих местностях и областях жизни Кавказа России приходилось конкурировать с идеями и ценностями ислама, который пытался способствовать солидарности всех несогласных с российским присутствием в регионе.

Наличие мюридизма в качестве альтернативной русским идеологии и имамата в качестве политико-правовой альтернативы российской государственности, сильно ослабило колонизаторские усилия России, и многие десятилетия

¹⁰⁴¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичная лекция, прочитанная в зале Пассажа в 1860 г. Генерального штаба полковником Романовским. - М., 2004. С. 23.

позволяло сопротивляться проникновению российского влияния в горскую среду.

Успех российской колонизации и модернизационного переформатирования кавказского мира зависел от того, как скоро ей удастся покончить с организованными структурами имамата и мобилизационными усилиями мюридизма в северо-восточной части Кавказского края.

Сложность кавказской задачи заключалась в том, что традиция постоянно побивала модернизацию, у которой долгое время не было возможности пустить крепкие корни в кавказской среде и обзавестись там надежными союзниками и проводниками.

Следует также подчеркнуть, что для исламской части Кавказа модернизация была крайне болезненной не только сама по себе, но и потому, что исходила от неприятеля, и всего хуже – от иноверцев.

Для противодействия традиционалистским твердыням необходимы были надежные и верные коммуникаторы – ретрансляторы новых ценностей и мотиваций. Без нахождения какой-либо культурно-нравственной и экзистенциальной универсальности, равно приемлемой обеими сторонами, нельзя было надеяться на успешное сосуществование альтернативных друг другу миров.

В связи с этим князь М.С. Воронцов оказался тем положительным примером, чья преобразовательная деятельность в крае, понимавшаяся им как миссия-модернизация, не только постепенно изменила общую обстановку в Кавказском крае в лучшую для Петербурга сторону, но заложила фундамент всем последующим победам «русского дела» на Кавказе.

В первую очередь полем усилий наместника стала Грузия, где было больше возможностей заниматься благоустройством и демонстрировать преимущества мирной жизни под покровительством могущественного царя Российской империи.

Понимая значение благоприятной репутации российской администрации, М.С. Воронцов перестраивает её таким образом, чтобы привлечь к делу управления краем наиболее

способных к тому людей, как русских, так и представителей кавказской «туземной» среды. Одновременно наместник очищал ряды военных и гражданских чиновников от людей малодостойных, жуликов или откровенных воров.

Деятельность князя М.С. Воронцова во все продолжение его пребывания в должности наместника была отдана, прежде всего, административным заботам, поскольку гражданское управление Кавказом оказалось наиболее трудным. Тифлис превратился в настоящий административный, торговый и культурный центр края. В целом князю-наместнику удалось развернуть вектор развития российской политики в сторону реального сближения с кавказскими народами, обаять их прелестями имперского способа существования и развить в них стремление приобретать имперскую идентичность.

Немало потрудился князь М.С. Воронцов и на военном поприще, поскольку именно там обеспечивались условия для мирных гражданских преобразований и учреждений. Уроки Даргинской экспедиции стали отправной точкой к обновлению стратегии покорения Кавказа: от штурма и натиска перешли к поступательности и настойчивой осаде, создания на основных направлениях противостояния системы крепостных кордонов и открытия горных ущелий широкими просеками и устройством дорог.

Постепенно, но настойчиво всем, кто не принимал нововведений показывались преимущества мирной и созидательной жизни, отнимая у явных противников средства и возможности вредить российской миссии-модернизации. Военные и административно-гражданские преобразования наместником направлялись таким образом, чтобы локализовать влияние имамата на кавказскую социальную среду, подготовив комплексными мерами его поражение.

Кроме того, князь М.С. Воронцов активно задействовал возможности дипломатии, которые позволяли ему разрешить большое количество спорных ситуаций невоенными средствами. Однако не стоит забывать о том, что дипломатия в руках наместника оставалась действенным орудием продолжения борьбы в военных условиях.

В результате усилий и опыта многих людей, которыми руководил наместник, в результате его собственного умения соединять вместе задачи империи и находившегося под его управлением края, российским властям удалось к началу 50-х гг. XIX в. выработать гибкие механизмы и определить приемлемые подходы в отношении с кавказскими этническими сообществами. Была создана система отношений, учитывавшая особенности кавказского социально-культурного пространства и кавказского менталитета. Креативный подход к делу, ум, управленческие способности, позволили князю М.С. Воронцову стабилизировать общую обстановку в Кавказском крае, предопределив дальнейший ход событий в пользу реализации имперских целей.

БИБЛИОГРАФИЯ:

АРХИВЫ

Архив внешней политики российской империи

АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.123. 1837 г.

Государственный архив Российской Федерации

ГАРФ. Ф.672 – Николай I, Император. 1796-1855.

Государственный архив Краснодарского края

ГАКК. Ф.261 - Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска, Екатеринодар 1794-1864 гг.

Российский государственный архив древних актов

РГАДА. Ф.1261 – Воронцовы (Воронцов М.С.)

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф.1263 - Комитет министров (1802-1906 гг.)

РГИА. Ф. 1268 - Кавказский комитет (1833-1881 гг.)

Российский государственный военно-исторический архив

РГВИА. Ф.38 - Департамент Генерального штаба

РГВИА. Ф.846 - Военно-ученый архив

РГВИА.Ф.13454 - Штаб войск Кавказской линии и Черномории

РГВИА. Ф.14719 - Главный штаб Кавказской армии

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- А.-Д. Г.** Поход 1845 года в Дарго // Военный сборник. – Тифлис, 1859. №5.
- Андреевский Э.С.** Записки. - Одесса, 1913. Т.I. 373 с.
- Анучин Д.Г.** Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.2. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. С.245-298.
- Архив князя Воронцова.-** М.: Университетская типография, 1895. Кн.40. 555 с.
- Белл Д.** Дневник пребывания в Черкесии: В 2 т. Т.2. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2007. 327 с.
- Бобровский П.О.** История 13-го Лейб-Гвардии Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642-1892 гг. - СПб., 1904.
- Вигель Ф.Ф.** Записки. Т.1-2. – М.: Изд. артели писателей «Круг», 1928. Т.1-378 с.; Т.2-356 с.
- Волконский Н.А.** Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. – Тифлис, 1880. Т. V. С.1-154.
- Волконский Н.А.** Трехлетие в Дагестане. 1847 г. Осада Гергебиля и взятие Салтов // Кавказский сборник. – Тифлис, 1882. Т.VI. С.477-682.
- Воронцов М.С.** Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1873. Т.7. С.103-108.
- Гизетти А.Л.** Сведения о потерях Кавказских войск во время войн Кавказо-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885. – Тифлис, 1901. 222 с.
- Горчаков Н.** Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. Т.IV. С.19-38.
- Грибоедов А.С.** Записка об учреждении Российской Закавказской Компании и Вступление <к проекту устава> // Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Изд-во «Правда», 1971. С.90-114. 368 с.
- Дебу И.** О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. – СПб, 1829. 350 с.
- Жиль Ф.А.** Письма о Кавказе и Крыме. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. С.137-138. 288 с.

Записка императора Николая I о военных действиях на Кавказе (около 1845 г.) // Русская старина. – 1885. №10. С.209-212.

Зиссерман А.Л. Хаджи-Мурат. Письма о нем // Русская старина. – 1881. №3. С.655-680.

Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. – 1900. №1. С.25-56.

Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1910. Кн.3.

Император Николай Павлович в его письмах к Паскевичу. 1832-1847 // Русский архив. 1897. №1. С.

К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. – Тифлис, 1895. Т.ХVI. С.275-351.

Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – XX вв. – СПб., 2005. 720 с.

Кавказские письма М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Удовик В.А. Воронцов. – М.: Молодая гвардия, 2004. С.293-391.

Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // «Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.49-219.

Казамбек М.А. О значении имама, его власть и достоинство // Русское слово. – 1859. №3. С.

Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX - начале XX века. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2004. С.101-136.

Колюбакин Б. Комментарий к воспоминаниям графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.220-226.

Короленко П.П. Записки о черкесах. Род черкесов, владетельных князей Гаджемуксовых // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.2. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. С.153-244.

Корф М.А. Записки. – М.: Захаров, 2003. 720 с.

Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995. 463с.
Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2 т. Т.1.–М.: Правда,1988.720 с.
Лисицына Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. С.201-236.

Мемория генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова. Способ ускорить покорение горцев, 1828 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С.41-45.
На память юбилея А.И. Левшина. – СПб., 1868.

Пестель П.И. Русская Правда, или Заповедная Государственная грамота Великого народа Российского Заветом для усовершенствования государственного устройства России верный Наказ как для Народа так и для Временного Верховного правления // Восстание декабристов. Документы. – М.: Гослитиздат, 1958. Т.VII. С.1-308. 692 с.

Пирогов Н.И. Отчет о путешествии на Кавказ. – М.: Госиздат Медицинской литературы, 1952. 358 с.

Письмо М.С. Воронцова А.И. Барятинскому от 2 марта 1852 г. // Русский архив. 1888. Кн.2. №6. С.183-185.

Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. №2. С.161-214.

Письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2011. 376 с.

Подвиги русских воинов // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.2. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. С.105. С.61-141.

Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А.А. Каспарии. – СПб., 1904. – М.: Изд-во Надыршин, 2010. 544 с.

Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. – М.: Грифон, 2012. 608 с.

Разговор Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. Кн.38. – М.: Университетская типография, 1892. С.383-408. 562 с.

Рассказ М.И. Венюкова // Русский архив. 1880. Кн.1. С.400-448.

Рассказ Николая Павловича о поездке на Кавказ // Николай I: Муж. Отец. Император. – М.: Слово, 2000. 616 с.

Ржевусский А. 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1883. Т. VII. С.383-480.

Руководство к познанию Кавказа. Книги 1-3. – СПб., 1847. Кн. 2. 308 с.

Сборник Императорского Российского исторического общества. – СПб., 1894. Т.90.

Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т.2. Ч.1: Комитет министров в царствование императора Николая Первого (1825 г. ноября 20 – 1855 г. февраля 18). – СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров, 1902. 373 с.

Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т.1. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. С.185-278.

Толстой В.С. Характеристика русских генералов на Кавказе // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Выпуск VII. – М.: Студия «Тритэ», 1996. 656 с.

Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1999. 507 с.

Федоров М.Ф. Поездка князя М.С. Воронцова в Ставрополь 27 сентября 1845 г. Приложения к «Походным запискам» // Кавказский сборник. Т.3. – Тифлис, 1879. С.220-238.

Хроника Мухаммед-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. – М.: Изд-во АН СССР, 1941.

Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1. – Тифлис, 1907. 628 с.

Юров А. 1843 год на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1882. Т.VI. С.1-220.

Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1886. Т.10. С.225-404.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И СБОРНИКИ

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1874. Т.VI. Ч. I. 941 с.

АКАК. – Тифлис, 1875. Т.VI. Ч. II. 950 с.

АКАК. – Тифлис, 1878. Т.VII. 994 с.

АКАК. – Тифлис, 1881. Т.VIII. 1009 с.

АКАК. – Тифлис, 1884. Т.IX. 1013 с.

АКАК. – Тифлис. 1885. Т.X. 938 с.

АКАК. – Тифлис, 1904. Т.XII. 1552 с.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. 785 с.

Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). – Нальчик: Эльбрус, 2000. 479 с.

Инструкция начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полиции. Пункт 13. «О лазутчика» // Военная разведка в России до 1917 г. // URL: [http:// www. Agentura.ru /dossier/Russia/gru/imperia/do/1917](http://www.Agentura.ru/dossier/Russia/gru/imperia/do/1917).

Кабардино-русские отношения XVI- XVIII вв. – М., 1957. Т.2. М: Изд-во АН СССР, 1957. 479 с.

Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60 годы XIX века. Сборник документов. – Баку: Азгосиздат, 1966. 317 с.

Наказ Главному управлению Закавказским краем. – СПб., 1842. 15 с.

Народно- освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. 552 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т.1-45. - СПб.: Тип. СЕИВК, 1830. Т.V.

ПСЗРИ. - I. Т.XIV.

ПСЗРИ. - I. Т.XVI. 1831 г.

ПСЗРИ. Собрание II. Т.1-55. –СПб.: Тип. С, 1830-1884. Т.1.

ПСЗРИ. – II. Т.XV.

ПСЗРИ. - II. Т.XX.

ПСЗРИ. – II. Т.XXII. 1848 г.

Свод Законов Российской Империи. Т.2. Ч.II. Особенные губернские учреждения. Ст.48-104. – СПб.: Тип. СЕИВК, 1857.
Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1953. 558 с.

ВОСПОМИНАНИЯ

Андреевский Э.С. Даргинский поход 1845 г. // Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.486-512.

Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // «Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.220-323.

Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. №2. С.367-410.

Дельви́г Н.И. Воспоминание об экспедиции в Дарго // Даргинская трагедия. 1845 год». – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.409-441.

Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 гг. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. - СПб., 2000. С.408-505.

Дондуков-Корсаков А.М. Воспоминания // Старина и новизна. – 1903. №6.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть I (1842-1851 гг.). - СПб., 1879. 424 с.

Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1885. Кн.2. С.273-298.

Из воспоминаний А.А. Харитонова. Начало службы в Петербурге // Русская старина. 1894. №2. С.96-130.

Ливенцов М.А. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов (Извлечения из дневника) // Русское обозрение. – М., 1894. №6.

Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.

- Соллогуб В.А.** Повести. Воспоминания. – Л.: Художественная литература, 1988. 720 с.
- Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. – М.: АИРО-XX, 2002. 368 с.
- Филипсон Г.** Кавказская война // Стрижамент. Историческое наследие. Приложение к газете «Кавказский край». Выпуск 1. – Ставрополь: Кавказский край, 1991. С.431-525.
- Филипсон Г.И.** Воспоминания. 1837-1847 гг. // Осада Кавказа. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.77-197.

ЛИТЕРАТУРА

- Авалов З.Д.** Присоединение Грузии к России. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2009. 264 с.
- Баддели Д.** Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 351 с.
- Блиев М.М., Дегоев В.В.** Кавказская война. – М.: Росет, 1994. 592 с.
- Блиев М.М.** Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. 877 с.
- Бочаров В.В.** Экономика Востока в антропологической перспективе // Введение в востоковедение: Общий курс. – СПб.: КАРО, 2011. 584 с.
- Высочков Л.В.** Николай I. М., 2003. 693 с.
- Гавров С.Н.** Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2010. 352 с.
- Гаммер М.** Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
- Гордин Я.А.** Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. 464 с.
- Гордин Я.А.** Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 288 с.
- Градовский А.Д.** Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений. Т.1. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С.299-338. 420 с.
- Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. – М., 2003. 640 с.

- Дегоев В.В.** Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001. 448 с.
- Дегоев В.В.** Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 374 с.
- Дегоев В.В.** Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
- Дзидзария Г.А.** Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М., 1976. 132 с.
- Дубровин Н.Ф.** Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825-1864 гг.). – СПб, 1896.
- Евдокимова А.А.** История стран Востока в Новое время. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. 344 с.
- Епифанцев А.А.** «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?». – М.: ООО «ИПЦ Маска», 2010. 356 с.
- Епифанцев А.А.** Будет ли новая русско-грузинская война? – М.: Яуза, 2010. 256 с.
- Ерошкин Н.П.** История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
- Зайончковский П.А.** Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 228 с.
- Зайончковский А.М.** Восточная Война. 1853-1856. В 2 т. Т.2. Ч.1. – СПб.: Изд-во «Полигон», 2002. 720 с.
- Захарова О.Ю.** Генерал - фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М., 2001. 381 с.
- Зонова Т.В.** Основные этапы становления российской дипломатической службы (1549-1917 гг.) // Дипломатическая служба. – М.: РОССПЭН, 2003. 296 с.
- Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи:** В 2 т. Т.1. – СПб.: Изд-во юридический центр Пресс, 2003. 579 с.
- История внешней политики России.** Первая половина XIX века. – М., 1999. 404 с.
- Камбон Ж.** Дипломат. – М., 1945. 110 с.
- Карамзин Н.М.** Записка о Древней и Новой России в её политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. 128 с.
- Карпов Ю.Ю.** Джигит и волк. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. 311 с.

- Кауфман А.А.** Переселение и колонизация. – СПб., 1905. 349 с.
- Клаузевиц К.** О войне. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 864 с.
- Клычников Ю.Ю.** Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Ессентуки, 1999. 135 с.
- Клычников Ю.Ю.** Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). – Пятигорск, 2002. 494 с.
- Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.** «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). – Пятигорск-Армавир-Славянск-на-Кубани, 2011. 256 с.
- Ключевский В.О.** Сочинения. В 9 т. Т.5. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1989. 476 с.
- Ковалевский М.М.** Современный обычай и древний закон: Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.1-2. - М.: Тип. В. Гатцук, 1886. 756 с.
- Ковлер А.И.** Антропология права.-М.: Норма, 2002. 480 с.
- Колониальная политика** российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. Часть 1. – М.; Л., 1936. 479 с.
- Колониальная система** в XIX – начале XX в. // История Востока: В 6 т. Т.4: Восток в Новое время: Кн.1. – М.: Восточная литература, 2004. С.45-57.
- Кондрашова А.С.** К проблеме отношения общеправных норм и официального законодательства на примере правового развития Кавказа (вторая половина XIX) // Обычное право и правовой плюрализм. – М., 1999. С.208-209.
- Кудрявцева Е.П.** Русские на Босфоре: российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010. 348 с.
- Ланда Р.Г.** Социальная эволюция стран Востока // Новая история стран Азии и Африки / Под ред. А.М. Родригеса: В 3 ч. Ч.1. – М.: Владос, 2004. С.42-82.
- Лапин В.В.** Кавказская война – война взаимного непонимания //Россия и Кавказ. - СПб., 2003. С.5-16.
- Лапин В.В.** Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
- Лапин В.В.** Цицианов.-М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.

Лисицына Г.Г. Поход гр. М.С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год). Приложение // Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.347-360.

McKenzie W.P. Russian Economic Policy under Nicholas I. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1967.

Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII- XIX вв.: историко-правовой аспект. – Ростов-на-Дону, 2005. 316 с.

Марзей А.С. Черкесское наездничество – «Зекуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 356 с.

Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 240 с.

Мильтман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков. – Баку: Азергосиздат, 1966. 317 с.

Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: Изд-во МГУ, 2002. 256 с.

Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 428 с.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.

Невская Т.А., Кондрашова А.С. Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). – Ставрополь: СевКавГТУ, 2011. 392 с.

Немирович-Данченко В.И. Горе забытой крепости. – Нальчик, 1998. Т.2. 550 с.

Огарков В.В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. - СПб., 1892. 95 с.

Олейников Д.И. Бенкендорф. - М.: Молодая гвардия, 2009. 393с.

Омельченко Н.А. История государственного управления в России. – М., 2008. 464 с.

- Осли Э.** Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. – М.: Плюс-Минус, 2008. 624 с.
- Петрушевский И.П.** Джаро-Белокавказские общества первой трети XIX столетия. – Тифлис: Изд-во Заря Востока, 1934. 64 с.
- Покровский Н.И.** Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2009. 585 с.
- Попов В.И.** Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. – М.: Международные отношения, 2010. 576 с.
- Потто В.А.** Кавказская война: В 5 томах. Т.1: С древнейших времен до Ермолова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 527 с.
- Пушкин А.С.** Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Собр. соч. В 3 т. Т.3. – М.: Гослитиздат, 1962. 543 с.
- Rhineland A.L.H.** Prince Michael Vorontsov, Viceroy to the Tsar. – Montreal & Kingston: McGill-Queens University Press, 1990. 297 p.
- Романовский Д.И.** Кавказ и Кавказская война. Публ. Лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. – М.: Изд-во ГПИБ, 2004. 404 с.
- Рыбаков Ю.М.** Дипломатия. – М.: Восток-Запад, 2010. 656 с.
- Смирнов Н.А.** Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. 120 с.
- Толстой Л.Н.** Избранное. – Л.: Лениздат, 1976. 664 с.
- Тарасов Б.Н.** Черты правления Николая I // Николай Первый. Рыцарь самодержавия. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С.3-65.
- Удовик В.А., Кацик В.О.** Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. СПб., 2000. 220 с.
- Удовик В.А.** Воронцов. – М.: Молодая гвардия, 2004. 413 с.
- Уортман Р.С.** Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: ОГИ, 2004. 605 с.
- Фадеев А.В.** Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. 398 с.
- Фадеев А.В.** Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.: Изд-во Академии СССР, 1957. 259 с.
- Фадеев Р.А.** Кавказская война. – М.: Эксмо, 2003. 640 с.

Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: изд. центр «Эль-Фа», 1994. 318 с.

Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков - востоковед и дипломат. – М.: Наука, 1977. 278 с.

Черчилль У.С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897-1900. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. 560 с.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.II: История войны казаков с закубанскими горцами. – Екатеринбург, 1913. 848 с.

Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова.–СПб., 1858. 354 с.

СТАТЬИ

Барановский Д.С. Причины разбоев, грабежей и других беспорядков в Закавказье и способы к их искоренению // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.: АОЗТ журнал «Звезда», 2001. С.329-339.

Бочаров В.В., Рябинкин А.И. Обычное право в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социально антропологии. 2005. Т.VIII. №1. С.149-170.

Военная разведка // URL: [http://ctacya.ru / wp-content/uploads/2012/12/Voennaya.razvedka/pdf](http://ctacya.ru/wp-content/uploads/2012/12/Voennaya.razvedka/pdf).

Военная разведка в России до 1917 г. // URL: [http:// www.Agentura.ru /dossier/Russia/gru/imperia/do1917](http://www.Agentura.ru/dossier/Russia/gru/imperia/do1917).

Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности // Кавказский сборник. 2004. Т.1 (33). С.28-47.

Зиссерман А.Л. По поводу кавказских воспоминаний М.И. Венюкова // Русский архив. 1884. Кн.3.

Кавказец. Письма с Кавказа // Русское богатство. 1899. № 4.

Клычников Ю.Ю. «Хищничество» и «пленопродавство» на Северном Кавказе//История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 3. - Пятигорск, 2005. С.49-51.

Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и

реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С.9-29.

Лисицына Г.Г. Кавказский Комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.: АОЗТ журнал «Звезда», 2001. С.154-168.

Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // «Россия и Кавказ - сквозь два столетия». Исторические чтения. – СПб., 2001. С.69-90.

Политическая разведка // URL: // [http:// ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org)

Романовский Д.И. Генерал – фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война 1815-1879 гг. // Русская старина. - 1881. №2. С.247-318.

Фелькнер А.А. О деле флигель-адъютанта Копьева // Русская старина. 1873. Кн.5. С.533-546.

Чернуха В.Г. Поиски равновесия // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – XX вв. – СПб., 2005. С.237-251.

Щербинин М.П. Заметка по поводу очерка жизни и службы Е.А. Головина // Русский архив. 1872. Кн.3. С.707-717.

Щербинин М.П. Замечания о деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе // Русский архив. 1872. №4. С.707-715.

Щербинин М.П. Заметки по поводу рассказа о деле флигель-адъютанта Копьева // Русская старина. 1873. Кн.4. С.698-704.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дисс...докт...ист. наук. – Владикавказ, 2004. 476 с.

Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII- первой половине XIX в. Дисс...докт...ист. наук. 07.00.02. – Нальчик, 2004.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Военная энциклопедия. – СПб., 1913. Т.11. 329 с.

Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. 768 с.
Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар: РИПО «Адыгея», 1997. 560 с.